

Индейцы зачарованной пустыни

Лео Крейн

INDIANS OF THE ENCHANTED DESERT

LEO CRANE

СОДЕРЖАНИЕ

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

[ИНДЕЙЦЫ ЗАЧАРОВАННОЙ ПУСТЫНИ](#)

[I НОЛЕНС ВОЛЕНС](#)

[II ЧЕРЕЗ РАВНИНЫ](#)

[III В «ИНДЕЙСКУЮ СТРАНУ»](#)

[IV СТАРЫЕ ТРОПЫ И ПУСТЫННАЯ ПИЩА](#)

[V ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА ПУСТЫНИ](#)

[VI СЕВЕРНАЯ СТРАНА ЧУДЕС](#)

[VII ПЕРВЫЙ БАЛ СЕЗОНА](#)

[VIII СТАРЫЙ ОРАИБИ](#)

[IX ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВОЖДЕЙ](#)

[X ПРОВИНЦИИ «МОХОЧЕ ИЛИ МОХОКИ»](#)

[XI ЗАКОН ЦАРСТВА](#)

[XII КОММЕНТАРИИ И ЖАЛОБЫ](#)

[XIII ПУСТЫННАЯ ВЕНДЕ](#)

[XIV СОЛДАТЫ, ИНДЕЙЦЫ И ШКОЛЫ](#)

[XV ЭХО ЛЮДЕЙ РАССВЕТА](#)

[XVI СКРИПКИ И БАРАБАНЫ](#)

[XVII ТРАДИЦИЯ СЛУЖБЫ](#)

[XVIII ПУГОВИЦЫ И ОБЛИГАЦИИ](#)

[XIX НАШИ ДРУЗЬЯ, ТУРИСТЫ](#)

[XX ВЕЛИКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ЗМЕИ](#)

[XXI ПУСТЫННЫЕ БЕЛАСКО](#)

[XXII НА ПУТИ К ПРИКЛЮЧЕНИЯМ](#)

[XXIII КРАСНЫЕ БУТЛЕГЕРЫ](#)

[XXIV ЗАЛОЖНИКИ](#)

[XXV РАЗЫСКИВАЕМЫЙ В СУДЕ](#)

[XXVI ЛЕТНИКИ ХОПИ](#)

[L'Envoi](#)

[Колофон](#)

[Доступность](#)

[Метаданные](#)

[История изменений](#)

[Исправления](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИНДЕЙЦЫ ЗАЧАРОВАННОЙ ПУСТЫНИ»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Индейцы зачарованной пустыни

Автор: Лео Крейн

Дата выпуска: 2 июля 2022 г. [электронная книга № 68445]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: английский

Оригинальное издание: США: Little, Brown, and Company, 1925

Благодарности: Йероен Хеллингман и команда онлайн-корректоров <https://www.pgdp.net/> для Project Gutenberg (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

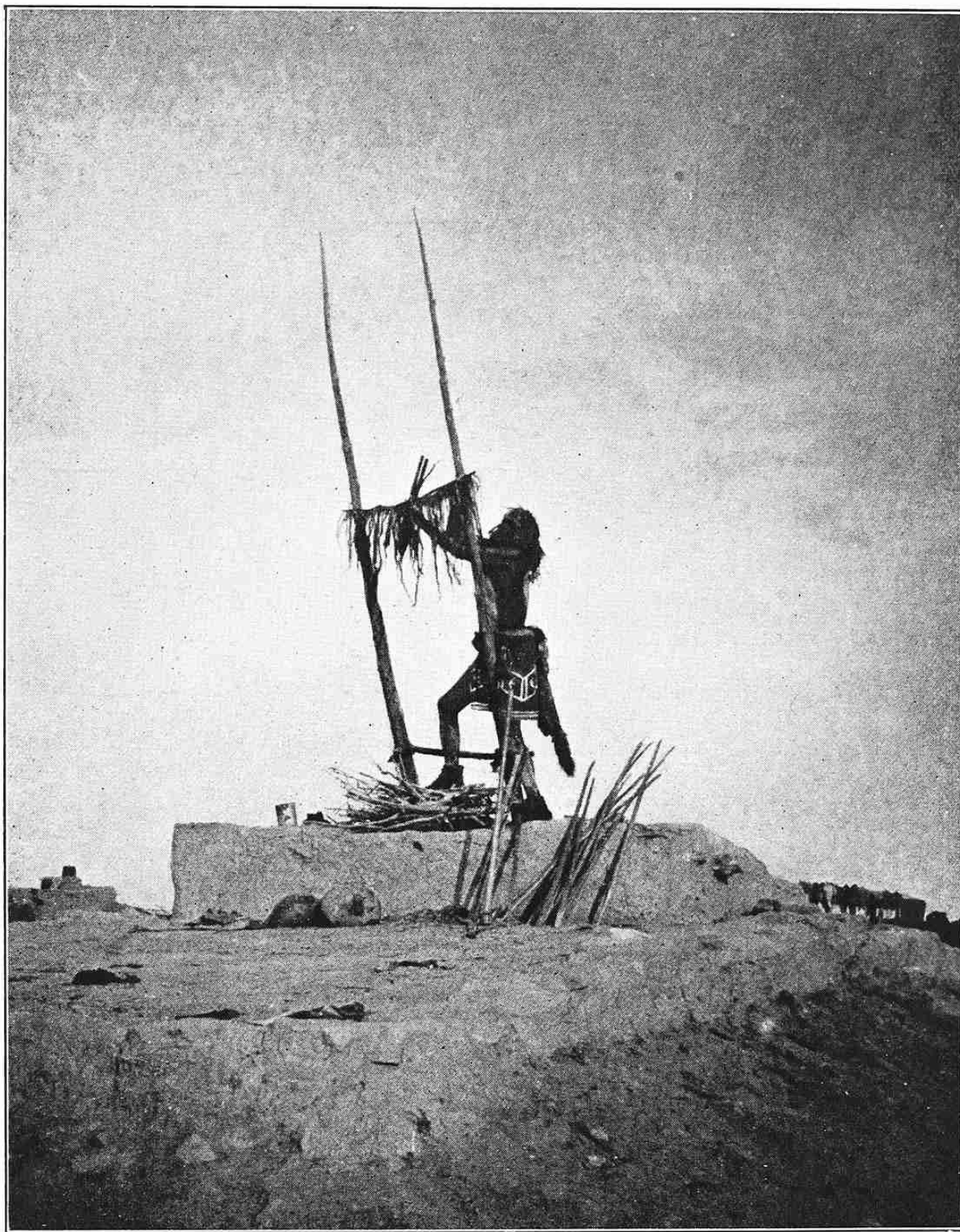
*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИНДЕЙЦЫ ЗАЧАРОВАННОЙ
ПУСТЫНИ» ***

[\[Содержание\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ИНДЕЙЦЫ ЗАЧАРОВАННОЙ ПУСТЫНИ

[\[Содержание\]](#)

Фотография В. К. Уилсона

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ТАНЦЕ ЗМЕИ

Священник на закате снимает сигнал кива

[\[Содержание\]](#)

INDIANS OF THE ENCHANTED DESERT

BY
LEO CRANE

WITH ILLUSTRATIONS

BOSTON
LITTLE, BROWN, AND COMPANY
1925

ИНДЕЙЦЫ ОЧАРОВАННОЙ ПУСТЫНИ

ЛЕО КРЕЙН

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
БОСТОН
ЛИТТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ
1925

[\[Содержание\]](#)

Авторское право, 1925 г.

LITTLE, BROWN, AND COMPANY.

Все права защищены

Опубликовано в сентябре 1925 года

Первое издание, сентябрь 1925 г.

Издания ATLANTIC MONTHLY PRESS публикуются LITTLE, BROWN, AND COMPANY в сотрудничестве с THE ATLANTIC MONTHLY COMPANY

Напечатано в Соединенных Штатах Америки

[\[Содержание\]](#)

Тем людям из Зачарованной пустыни, которые называли меня «Вождем», — индейцам, служащим, миссионерам, торговцам, чье доверие, лояльность и преданность сделали возможным успех моей работы среди племен хопи и навахо; а также моим скромным друзьям, моим верным лошадям Дэнди и Барни Мерфи, Принцу и Фрэнку, которые прошли со мной столько утомительных миль и были застрелены по моему приказу, чтобы избавить их от страданий правительственной экономики, посвящается эта книга. [vii]

[\[Содержание\]](#)

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
I NOLENS Volens	3
II ЧЕРЕЗ РАВНИНЫ	11
III В «ИНДЕЙСКУЮ» страну»	22
IV СТАРЫЕ ТРОПЫ И ПУСТЫННАЯ еда	30
V ЖИЗНЬ И литература В ПУСТЫНЕ	44
VI СЕВЕРНАЯ СТРАНА чудес	54
VII ПЕРВЫЙ БАЛ СЕЗОНА	65
VIII СТАРЫЙ Орайби	78
IX СТАНОВЛЕНИЕ И ПАДЕНИЕ ВОЖДЕ й	94

X	ПРОВИНЦИИ «МОХОЦЕ ИЛИ МОХО ^{ки} »	101
XI	ЗАКОН КОРОЛЕВСТВА	113
XII	КОММЕНТАРИИ И жалобы	122
XIII	ПУСТЫНЯ Вандея	142
XIV	СОЛДАТЫ, ИНДЕЙЦЫ И школы	157
XV	ЭХО ЛЮДЕЙ РАСС ^{вета}	181
XVI	СКРИПКИ И барабаны	191
XVII	Традиции ОБСЛУЖИВАНИЯ	210
XVIII	КНОПКИ И связи	224
XIX	НАШИ ДРУЗЬЯ, ТУРИ ^{сты}	240
XX	ВЕЛИКАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ЗМЕИ [.viii]	260
XXI	ПУСТЫНЯ Беласкос	275
XXII	НА СЛЕДАХ ПРИКЛЮ ^{чений}	287
XXIII	КРАСНЫЕ КОНТРАБА ^{нди} СТЫ	297
XXIV	ЗА ^{ло} ЖНИКИ	312
XXV	Ра ^з ЫСКИВАЕТСЯ СУДОМ	325
XXVI	Летописи ХОПИ	336
XXVII	L'Envoi	361

ИЛЛЮСТРАЦИИ

[ОБЪЯВЛЕНИЕ О ТАНЦЕ ЗМЕИ](#) *Фронтиспис*

[БАЛПИ, ПУЭБЛО В ОБЛАКАХ](#) 12

[Долина и ее мысы](#)

[СТАДО НАВАХО И ЕГО ПАСТУХИ](#) 16

[КАНЬОН ДЕ ЧЕЛЛИ, ВИД С КРАЯ](#)

[ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПУСТЫНИ ПОД ЧИМНИ-БУТ](#) 58

[ОРАЙБИ-УОШ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ](#)

[НАВАХО ПО ДОРОГЕ НА ТАНЦЫ](#) 70

[НАВАХО-ХОГАН И ТКАЦКИЙ СТАНОК ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОДЕЯЛ](#)

[СНАРЯЖЕНИЕ КОЛОДЕЗНИКА, «ВОДЯНОГО КОЛДУНА» ПУСТЫНИ](#) 84

[ВЫСЫХАЮЩЕЕ РУСЛО РЕКИ ЛИТЛ КОЛОРАДО](#)

[ЦЕРЕМОНИЯ ПОСАДКИ КУКУРУЗЫ У ХОПИ](#) 92

[САДЫ ХОПИ В УКОРМНОМ УГОЛКЕ ПУСТЫНИ, ПИТАЕМОМ РОДНИКАМИ](#)

[АГЕНТСТВО ИНДЕЙЦЕВ ХОПИ В КИМС-КАНЬОН](#) 106

[БОЛЬНИЦА ИНДЕЙЦЕВ ХОПИ В КИМС-КАНЬОНЕ](#)

[ОЖИВЛЕННЫЙ ДЕНЬ В ТОРГОВОМ ПУНКТЕ, КИМС-КАНЬОН](#) 118

[ГОТОВНОСТЬ К 105-МИЛЬНОМУ ПЕРЕХОДУ К ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ](#)

[ХОСТИН НЕЗ, ВОЖДЬ НАВАХО И ЗНАХАРЬ](#) 124

[СУДЬЯ ХУКЕР ХОНГАВЕ ИЗ ИНДЕЙСКОГО СУДА](#) 132

[ЮКЕОМА, ЖРЕЦ И ПРОРОК АНТИЛОП](#) 162

[ДОРОГА МЕСА — СТАРЫЙ ПУТЬ В ХОТЕВИЛЛУ](#) 170

[ПРЕТЕНЦИОЗНЫЙ ДОМ В ХОТЕВИЛЛЕ](#)

[ШКОЛЬНИЦА ИЗ ПЛЕМЕНИ ХОПИ](#) 178

[МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЛЕМЕНИ ХОПИ, ГОТОВЯЩИЙСЯ К ПОСТУПЛЕНИЮ В КОЛЛЕДЖ](#)

[МЫС УОЛПИ, ВИД ИЗ САДОВ](#) 196

[Лестница Валпи, каменная лестница в небо](#) 202 [x]

[Автор в зачарованной пустыне](#) 230

[Старый флаг и флаг Бонда в агентстве](#)

[Альберт Ява: переводчик](#) 234

[Том Паватеа: торговец и патриот племени хопи](#)

[Кукурузный камень, древнее место бартера](#) 238

[Открытие танца змеи в Валпи](#) 250

[Драматическое появление жрецов змеи](#)

[Сборщик, обращающийся с гремучей змеей](#) 266

[Патриарх змей](#)

[Главный жрец змей](#) 272

[Зачарованная пустыня и холмы Моки](#) 282

[В стране двойных холмов](#) 294

[Серебряник Джим: типичный навахо](#)

[Билла Чеппи: вождь северных навахо](#) 316

[Нельсон Ояпинг: вождь полиции тева](#)

[Мальчик из племени навахо, который никогда не ходил в школу](#) 322

[Хоппи-пастух](#) 336

[Голубой каньон: исследование в голубом и белом](#)

[Храм хоппи](#) 338

[Ткач церемониальных одежд из племени хоппи](#)

[Танец качина](#)

[Мать хоппи в праздничном платье с ребенком](#) 340

[Мать навахо с ребенком в колыбели](#)

[Новый сын пустыни](#) 344

[Девочки хоппи, одетые для танца](#)

[Свадебный костюм хоппи](#) 352

[Красавица из племени хоппи](#) 358 [1]

[\[Содержание\]](#)

ИНДЕЙЦЫ ЗАЧАРОВАННОЙ ПУСТЫНИ

[\[3\]](#)

NOLENS VOLENS

Человеку хорошо уважать свое призвание, каким бы оно ни было, и считать себя обязанным отстаивать его и требовать для него должного уважения. — ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Они были хорошими парнями, сердечными, скромными, хотя и несколько застенчивыми, такими, которые, возможно, чувствовали бы себя более комфортно в меньшей компании. Они приезжали с Запада с нерегулярными интервалами, чтобы навестить шефа, который в те дни не заставлял их ждать. Ход дел, проходящий через бюрократический лабиринт, привел некоторых из них к моему столу и под мое наблюдение. Теперь я задаюсь вопросом, что они думали обо мне, особенно учитывая, что я собираюсь рассказать, как я их воспринимал.

Будучи тогда проникнутым редкой эффективностью бюрократии, я сочувствовал их явной беспомощности в ведении дел министерства. Они всегда хотели быстро сделать то, что не было сделано. Помимо этого, я находил их интересными, поскольку они были из того, что восточный человек назвал бы «глубинкой», если бы он был достаточно дальновиден, чтобы понять, что в его стране есть такая. Я думал, что у них есть истории, которые они могут рассказать, — надежда, которая так и не оправдалась.

Когда я лучше узнавал их, как это иногда бывало, они рассказывали о своих проблемах сдержанно, с оттенком жалости, как будто, ища что-то и не находя, они были сбиты с толку. Мне пришла в голову мысль, что они были потрясены, если не сказать ошеломлены, своими необычными переживаниями в большом городе ([4]). Я и не подозревал, что они мужественно боролись, как и могли, чтобы сдержать справедливый гнев; что их кажущаяся патетика была своего рода грубой жалостью, вызванной искусственностью и дешевым блефом, которые они видели вокруг себя. Теперь я понимаю, что их неловкость была сильным желанием уйти от того, что их беспокоило, и вернуться туда, откуда они пришли — в более просторные, более откровенные места.

Я знал, что они были «из Запада», а это означало — конечно же — за пределами... ну, за пределами Миссисипи. «Запад» — это общий термин, который вызывает в воображении времена буйволов, неотшлифованный период туманного прошлого. Поэтому я не знал, что владения одного из них включали пять сложных барьеров через желанную долину, где люди трех разных рас встречались и рычали друг на друга, как они делали это почти четыреста лет; что владения другого включали шесть тысяч квадратных миль самого чудесного творения Бога, с Мраморным каньоном Колорадо в качестве западной границы; что на территории третьего человека встречались четыре штата, а коварная река дала ему имя и, временами, разрывая построенные им плотины, несла свои шипящие потоки прямо через его двор; что гризли и дикие индюки бродили по уединенным горным паркам в пределах видимости дома этого человека; что еще один исследовал дюжину мертвых городов, затерянных, забытых в тишине неизведанных каньонов.

Нет. Я не встречал этих людей в офисах Смитсоновского института в Вашингтоне; они также не были лекторами в Национальном географическом обществе. Они были индейскими агентами.

Они приехали в Вашингтон в надежде получить дополнительные средства на строительство дорог и мостов, обустройство горных потоков, строительство мельниц и жилья, оснащение и содержание школ и, что еще более важно, создание [5] больниц. В основном они говорили о цементе и странных механизмах, когда речь не заходила о бензине и взрывчатых веществах. Им нужны были вещи, необходимые для укрепления цивилизации на последних рубежах.

Индийские агенты! Этот класс чиновников, хотя и признанный частью национального правительства с 1796 года, подвергается жестокой критике, а их усилия несколько омрачаются воспоминаниями — реальными и вымышленными — о временах «пайков». Они могли бы с гордостью говорить о традициях своей службы, которая не пользуется большим признанием и не имеет никакой хроники, кроме сухого как пыль годового отчета, составленного невежественными клерками. Причина существования этих чиновников вызвала много шума и ярости. Само название, кажется, возмутило самых способных писателей прошлого и до сих пор вызывает гнев у некоторых современников. Когда сентименталисты — и Бог знает, насколько поразительно их невежество — берут перо в руки, чтобы описать легендарную славу и предполагаемые страдания дикарей, они обычно начинают с нападок на тех самых людей, которых я встречал и о которых думаю. Они забывают, если вообще когда-либо знали, что они имеют привилегию видеть дикарей благодаря этим людям; что без них мизерная реальность «славного прошлого» давно поглотила бы идеализированных подопечных. Индийские агенты, возможно, не могут соперничать с художниками и поэтами, но тубики с краской, картон Strathmore, мечты и словари рифм дают мало знаний о туберкулезе, трахоме, оспе, кори, сифилисе — бедствиях индейского народа, чья длинная череда бедствий мрачно тянется через поколения невежественной и обессиленной расы. Никто не чувствует это так остро, как чиновник, который ежедневно сталкивается с неромантической задачей, обязанный облегчить страдания настоящего. В отличие от испанских исследователей, у этих людей нет историка « [6], и если бы не предрассудки и клевета, они, вероятно, остались бы неизвестными.

Тем не менее, один из них успешно выполнил задачу, которую Кастер оставил незавершенной среди неумолимых и угрюмых сиу; подавил второе восстание; противостоял, победил и похоронил Сидящего Быка, последнего из великих диких шарлатанов. Другой построил город в сосновом бору, чтобы приютить детей убийцы Джеронимо; третий исследовал и нанес на карту регион, о котором мало кто из цивилизованных людей знал. Теперь появился один, который обуздал реку без ассигнований; теперь появился другой, который боролся с эпидемией зимой среди суеверного народа, обездвиженного расстояниями и отсутствием транспорта, без достаточного количества медицинских работников, чтобы в конце концов узнать, что его показатели смертности ниже, чем в просвещенной цивилизации. Иногда выдуманное восстание привлекало к себе неприятное внимание; иногда кого-то убивали.

Эти неромантические факты, не имеющие маскировки из перьев и боевой раскраски, не содержащие в себе ни звуков барабанов, ни песнопений легенд, не располагают к сентиментальным воспоминаниям; и, действительно, мало что подобное происходит в «сезон дам», когда сентиментальность, сопровождаемая своим спутником невежеством, выходит на природу в своем неврастеническом проявлении.

Один из них, человек, чья одежда скорее говорила о клубе и офисе, пригласил меня так:

«Поехали со мной на отдых. Там есть олени, ручьи с форелью и охотничий домик в горах». Это был тот парень, который утверждал, что проводил перепись гризли. «Это пойдет тебе на пользу, и ты выглядишь так, как будто тебе нужно немного побыть на свежем воздухе».

Я поблагодарил его и отклонил его приглашение, сказав:

«Что это я слышу, что шеф предлагает вам должность инспектора по охране природы () [2]? Это даст вам возможность путешествовать и...»

«Инспектор! Путешествия!» — фыркнул он. «Боже мой, человек! Я же босс Швейцарии Америки. Я бы не променял свою должность даже на место в кабинете министров».

Так они и говорили, и некоторые из них, несомненно, были искренни.

Крупный, коренастый мужчина с лицом, похожим на гранитный блок, вертел на пальце грубое серебряное кольцо, предлагая ему то же самое, но совсем по-другому. Он был медлительным человеком, малоразговорчивым, но его слова были четкими и точными.

«Тебе понравится», — закончил он с вздохом. «Страна навахо — прекрасное место, прекрасное место...»

Он, казалось, не мог подобрать слов, чтобы выразить свою мысль, и теперь я понимаю, почему язык подвел его.

Третий, для которого я распутал генеалогию индейской семьи с многочисленными браками между родственниками и который был мне благодарен, сказал:

«Ты как раз тот, кто мне нужен. Все, что тебе нужно будет делать, — это ремонтировать заборы, вооружившись молотком и карманом, полным скоб» (я думаю, он действительно сказал «шпилей»), «— и у тебя будет жилье; плюс двенадцать сотен в год. Ты получишь много материала для рассказов. Это место просто кишит ими. Что скажешь? Я могу договориться с вождем?»

Поблагодарив всех по очереди, я откинулся на спинку вращающегося кресла и рассмеялся. Пока они были рядом, я добродушно смеялся вместе с ними, а потом — над ними. Видите ли, в офисе меня называли Писарем с тех пор, как босс из Индейской территории ворвался в кабинет, разъяренный как шершень, размахивая экземпляром *Harper's Weekly* и заявляя, что основная часть статьи в нем была украдена из его конфиденциальных файлов «» [8]. И хотя я похитил их с разрешения шефа, я понял, что для меня было хорошо, что я не жил в Индейской территории.

Хотя я и мог бы проводить время, сочиняя истории о героических немытых ковбоях, сражающихся с лошадьми с носами Данте на обширных ранних утренних пастбищах, когда мороз обжигает щелочную пыль, а на далеких холмах виден бледно-розовый оттенок, я также знал, что они делали это за сорок долларов в месяц и еду с колеса. Я тогда и до сих пор осознаю, что ковбои мало думают ни о бескрайних просторах, ни о розовых оттенках. И я был вполне способен подделывать западный пейзаж, где мужчина есть мужчина и все такое, не удаляясь более чем на пять кварталов от кафе и стейка *по-бордоски*. Я разместил сто рассказов в Нью-Йорке и еще сто в запасе, не почувствовав запаха индейского лагеря и не

подвергнув себя серьезной и тревожной возможности стать, мягко говоря, обитаемым. Я предположил, что этот нарядный парень был скорее клерком, чем рейнджером; что медлительный человек с гранитным лицом действительно отражал мрачную безжизненность своей монотонной пустыни; а тот факт, что третий сказал «шпили», доказал мне, что я никогда не смогу уважать его как вождя.

«Нет!» — решил я с улыбкой. «Даже стадо мулов Вогах не заставит меня вести такую жизнь». И я действительно так думал.

Но... я был жестоко вырван из этого изнеженного самодовольства и брошен в великую страну пустыни Навахо, не потревожив ни одного мула. Я с трудом добыл деньги, чтобы купить когда-то презираемых «животных», которые позволили бы мне существовать в этой стране. И с тех пор я горжусь своими мулами.

Не вызывая, казалось бы, сожаления у тех, для кого мой уход был трагедией ([9]), не вызывая волнения среди тех немногих, с кем я оказался, колесо повернулось, и обширная неизменная пустыня приняла меня с той же непостижимой добротой, с которой она принимает всех. Я сам подготовил трамплин, тщательно смазал его, поскользнулся и упал вниз, как и многие другие, более достойные люди, не скользя дальше, чем до своей могилы.

«Иди к вождю и найди себе место на Западе. Живи на природе, веди суровый образ жизни, питайся молоком и яйцами и не возвращайся домой, пока я не дам на это согласие. Ты на два шага впереди льва и еще победишь его».

Это была жестокая откровенность дружбы. Я резвился на городских улицах с доктором, ходил в те же школы, появлялся на той же сцене в качестве промоутера театральных товаров; короче говоря, он был лидером моей банды. Я помнил, как его первая трость вызвала ажиотаж в городе, и передавал его послания его первой девушке. Он знал, сколько раз меня били, и однажды сам проделал эту штуку. Между нами не было нужды в профессиональном блефе.

На следующий день, возможно, немного пошатываясь, я встал на ноги с большей решимостью, чтобы подготовиться к шестимесячной битве. Начальник был очень добр.

«Почему бы тебе не взять на себя управление?» — предложил он. «Есть одна вакансия в Радужном каньоне. Это страна Гранд-Каньона, знаешь ли. Замечательное место, одно из самых редких на земле».

Я поблагодарил его за доверие, зная, что Радужный каньон — не место для инвалида. Это агентство почти всегда пустует. Новые суперинтенданты проходят этот путь только дважды — по незнанию, когда идут туда, и по мудрости, когда выходят оттуда навсегда ([10]). Даже уверенные в своих силах мулы иногда просчитываются на Суицидном повороте, и говорят, что кости одного такого животного, запутавшегося в проводах своей последней ноши — домашнего пианино — до сих пор создают мистический эолийский эффект, когда ветер дует

под тем местом, где оно споткнулось. Последний управляющий провел сорок восемь часов на дереве, укрываясь от наводнения, которое грозило унести его в личное путешествие по самому Гранд-Каньону. Я организовал его смену, отправив телеграмму в ближайшие офисы, расположенные всего в нескольких милях от дерева, и я не был уверен, что кто-нибудь так же быстро организует мою смену в подобных обстоятельствах. Нет! Радужный каньон звучал хорошо, довольно поэтично, но он не подходил для того, кто нуждался в отдыхе и как можно меньшей физической нагрузке.

Итак, в соответствии с моей просьбой и по моей собственной оценке, основанной на моем неопытности, я был официально переведен в качестве клерка в индейское агентство, расположенное на трассе Санта-Фе — современной трассе, соединяющей древний город Санта-Фе с Тихим океаном, по которой в сороковые годы шли пионеры.

Через неделю я покинул Вашингтон, чтобы отправиться в путь длиной две тысячи пятьсот миль до Раскрашенной пустыни и — для меня — самого безлюдного места на берегу реки Литл Колорадо в Аризоне. [\[11\]](#)

[\[Содержание\]](#)

II

ЧЕРЕЗ РАВНИНЫ

Тем не менее, нельзя было не думать об усталости тех, кто в старину проходил здесь, шагая вслед за волами, мучительно подгоняя свои упряжки, не имея никаких ориентиров, кроме недостижимого вечернего солнца, к которому они направлялись и которое ежедневно ускользало от них с одинаковой скоростью. Казалось, им нечего было догонять, нечем было измерять свое продвижение, не было ничего, что могло бы успокоить или ободрить их, только этап за этапом мертвая зеленая пустошь под ногами и насмешливый, неуловимый горизонт. — Стивенсон: *Через равнины*

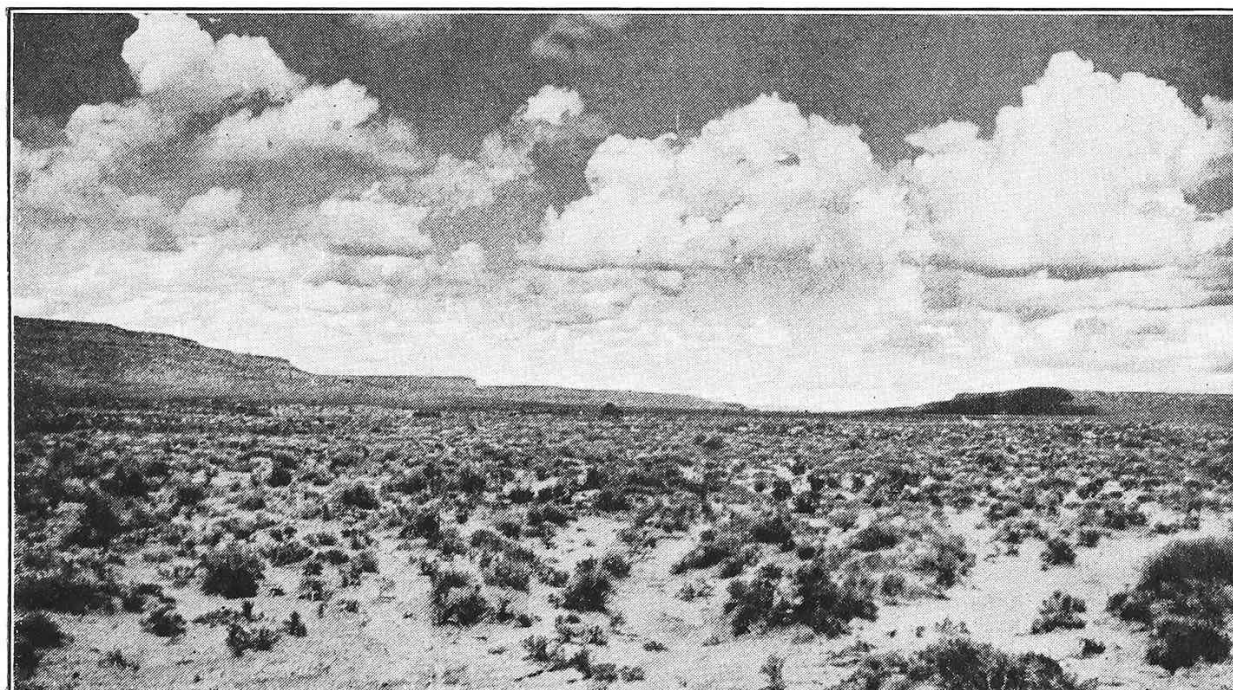
В те ранние дни, в те приключенческие времена, когда люди ранним утром выезжали из Сент-Луиса, и поднималась пыль от длинного обоза повозок и всадников; когда они следовали по Арканзасу до Симаррона и Вагон-Маунда; когда они осторожно входили в индейскую территорию и каким-то образом выживали в долгие пыльные дни и еще более долгие нервные ночи, прежде чем увидеть Санта-Фе и безопасность в чужой стране, я полагаю, что большинство из них ощущали необычайную необъятность Запада. Конечно, они знали о его бесплодной безграничности после нескольких недель на этой опасной дороге. Позже, когда они начали искать побережье и Тихий океан, покинув Санта-Фе, чтобы спуститься по тропе Ла-Бахада, следовать по долине Рио-Гранде, обойти поля таинственных пуэбло, рискнуть жаждой и засадой в засушливых землях навахо и апачей, осмелиться пересечь разлившиеся реки и эту медную печь, пустыню Мохаве, — все это, чтобы достичь расписного рая золотой Калифорнии, — они, несомненно, прониклись чудесной безграничностью « » [\[12\]](#) — юго-западной империи, первоначально называвшейся Новой Испанией — Землей конкистадоров!

Волшебная сцена с волшебными пейзажами, омываемая славным солнечным светом; место очарования, где цвета радуги задерживаются на скалах и никогда не покидают небо; древний сад богов, мечтательно ожидающий, что боги еще вернутся; представляющий свою загадку, подобную загадке сфинкса; обещающий все и не дающий ничего, кроме своей приманки. Как только вы почувствовали его магию, заклинание никогда не будет снято.

Старик говорит: «Пустыня тебя достанет», и он не добавляет ничего о том, что нужно быть осторожным. Пионеры уклонялись от бродячих воинственных отрядов или сражались с ними, но Пустыня все равно их достала.

ВАЛПИ, ПУЭБЛО В ОБЛАКАХ

ДОЛИНА И ЕЕ ПРЕДГОРИЯ

В Аризоне есть одно место, где между железной дорогой Санта-Фе и центральной частью штата Юта, в трехстах милях по прямой и в пятистах милях по извилистым тропам, нет ничего, кроме цивилизации, кроме нескольких изолированных торговых постов и одинокого индейского агентства, расположенного в террасированном каньоне, в восьмидесяти милях от телеграфного ключа. Когда в 1910 году мой поезд проезжал это место, я и не подозревал, что более восьми лет буду руководить этим индейским агентством и сетью разбросанных по пустыне станций, обеспечивая всю прогресс, который был в этой стране, поддерживая весь закон и порядок, который знали ее полудикие жители, изолированные, одинокие, почти забытые.

Только тот, кто жил вдали от суеты и мелкой суетливости городов, вдали от беспечных толп, недостижимый искусственностью, может полностью осознать мрачную тайну, дикую красоту, силу и жестокость пустыни. Нужно проникнуть в ее одиночество, взобраться на вершину мира, чтобы увидеть мертвые или зачарованные города, остановиться на обрыве бездны, нависающей над волшебными долинами, чтобы познать величие этой безмолвной страны ([13]). Нужно устать на ее тяжелых тропах, почувствовать ее голод, съежиться от ее лютой холода и жаждать воды из драгоценных скрытых источников. Слышать ее зловещую тишину в жаркий полдень, смотреть на алую славу ее закатов, стоять под ее бархатным куполом ночью, освещенным горящими звездами, — значит уловить секрет вселенной. Увидеть пламенный сигнал Ориона через кристально чистую атмосферу, полюбить безмятежные драгоценные камни Плеяд — значит получить благословение пустыни, которое заключается в удовлетворенности, если не в мире. Нужно провести целые дни, пересекая ее выжженную солнцем пустоту, идти дальше в холод сумерек, почувствовать угрозу ее темноты и увидеть, как чудесная луна вырывается из черных кедров на краю плато. Нужно было услышать вздох ночного ветра в кустах, услышать лай шакалов в снегу, почувствовать едкий удар песчаной бури и остановиться, замороженный, при cibilant предупреждении ее скользящего индейского бога. А потом увидеть плывущие краснобрюхие дождевые облака, о которых молятся жрецы Змеи, резкие разрывы молний в их мешках, дикую силу аройо после ливней и потоки быстрых летних дождей, заканчивающихся мягким сиянием двойных радуг! Чтобы понять душу пустыни, нужно жить в ней как отшельник.

И только тот, кто сделал это, может как-то слабо понять тех загорелых людей, которых пустынные гении сделали фаталистами — торжественных, мечтательных индейцев пустынных земель, будь то хопи с высот мяса и кива, пуэбло в своих средневековых городах или навахо, поющие в своих одиноких, скрытых лагерях. Они знают все великолепие, чувствуют всю угрозу и тайну и называют пустыню своим домом. Робкие, но безразличные, всегда стремящиеся умиловить какого-то невидимого демона, верящие в песни « » [14] и колдовство, они следуют своим восточным обычаям на огромной западной сцене. Заклинание пустыни коснулось каждого из них.

То, что является нормальным в других местах, не может найти себе подобного в пустыне. Здесь масштаб был создан гигантами. Ничто не является маленьким, кроме тех, кто входит в него без уважения. Оставленные на произвол судьбы, разрушающиеся, покрытые пылью, древние, массивные свойства великолепных доисторических пьес. Ее геология, мозаика мес, открытая книга в разбитых каньонах, говорит о сумерках перед Вавилоном. Пастухи на холмах Халдеи были похожи на ее сегодняшних жителей. В этой земле, столь странно

похожей на Его, вспоминаешь Христа в Иудее, в то время, когда жители скал, любопытные полулюди-пигмеи, сражались за этот неизвестный континент и пронзили его огромные стены каньонов, не обращая внимания на своего Божественного современника, как и их потомки. Здесь можно увидеть остатки цивилизации, все еще находящейся в состоянии упадка, цепляющейся за пуэбло, которые мало изменились с XIII века, когда Чингисхан господствовал над своими монгольскими братьями, а грубые джентльмены Англии собрались в Раннимеде, чтобы подписать Хартию, дух которой теперь правит и ими.

Как Крузо, человек натывается на исторические следы, более молодые знаки — не совсем четырехсотлетней давности — первые следы белых людей в долине Рио-Гранде, и может проследить их через пустыню и каньоны до Переправы Отцов. Драматическое появление испанцев знаменует собой страницу, столь же яркую и волнующую, как и любая другая в истории. В поисках новых земель и сокровищ они пришли с юга. Можно представить себе их отправление из Компостелы в феврале 1540 года, длинный поезд авантюристов, отправляющихся в новый крестовый поход. Романтики и монахи, наемники, капитаны, испанские храбрецы. Во главе их «» [\[15\]](#) — великий конкистадор. Мечи и кресты сражались с дикими пустынными щитами; литании звучали над дикими пустынными песнями. Их жесты были бравурными, но на их устах были *Аве* и *Санктус*. Они боролись за легенду, нашли Сиболу, но она оказалась сказкой, однако они не унывали. Они были сверхлюдьми, не боявшимися богов пустыни, не дрожавшими перед зловещим приветствием пустынных просторов. От Сангре-де-Кристос до того удивительного каньона Запада они шли и возвращались, молились и сражались, оставив свой след глубоко в великом Эль-Морро, на Королевской дороге в Акома.

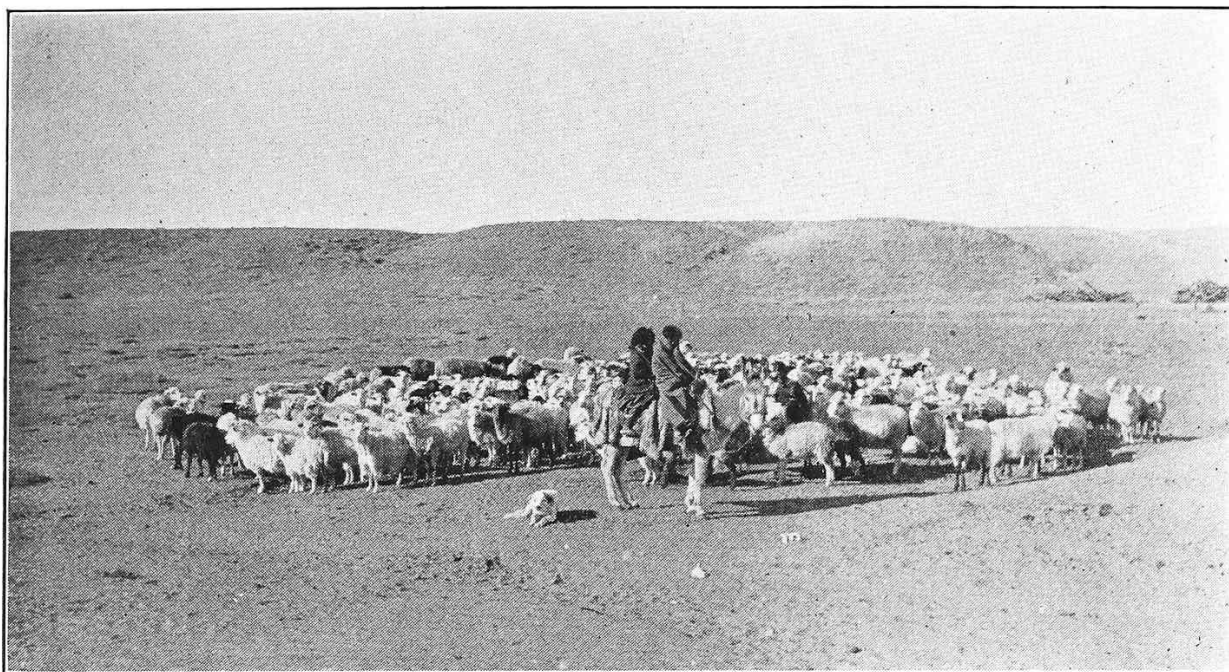
Затем наступили дни миссионеров; восстание 1680 года; массовое убийство священников; кровавый календарь теперь сонных пуэбло вдоль Рио-Гранде. После этого в пустыне наступила долгая тишина, нарушаемая только звуками барабанов и диких ликующих песнопений, пока не пришел Де Варгас, чтобы вернуть эту империю своему королю. Тогда были повешены колокола миссии, те самые колокола, которые звучат в Акоме и Сан-Фелипе по сей день.

Но Де Варгас отказался от королевства Дальнего Запада. До заключения договора с навахо в 1868 году сердце Зачарованной империи, о которой я пишу, трогали лишь одиночество и горькие набеги. Триста лет испанской стали и ритуалов ушли в песок и тишину. Этот раздел можно назвать лишь пустынной мечтой. Позже цивилизация и прогресс продвинулись на север и юг вокруг него. Строительство пограничных постов обеспечило путь к побережью и ничего больше. «Форт Дефайанс» объясняет этот пустынный вызов. И пока на востоке бушевала великая Гражданская война, Кит Карсон совершал свои набеги в пустыню, ведя безжалостную войну в крепостях каньона, чтобы сломить кочевников, которые, обученные пустыней, до сих пор хранят свои секреты. [\[16\]](#)

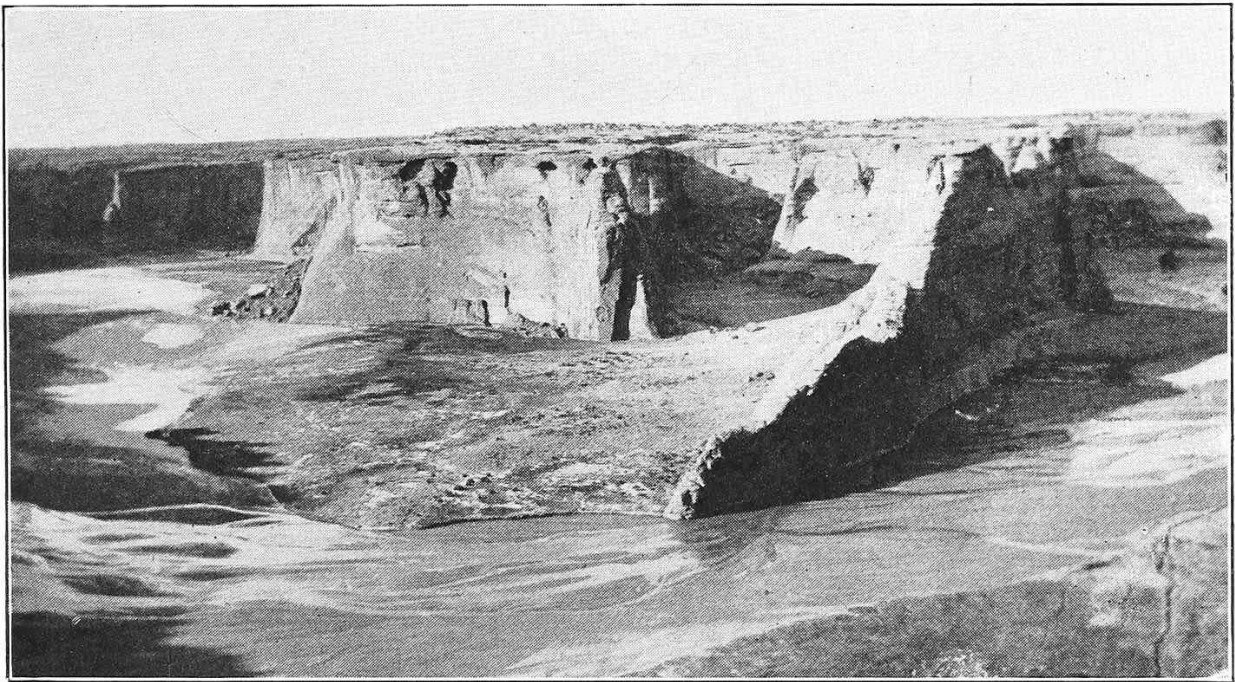
Быть брошенным, болезненным новичком, в эту среду, наблюдать последствия этих периодов, близко познакомиться с народом пустыни, следовать по стопам Коронадо и управлять почти всем, что контролировала Испания в 1600 году, возможно, послужит причиной для создания этого блокнота.

Так же как ранние испанцы считали необходимым доминировать и править этим королевством пустынных кланов, так и индейские агенты, которые управляют им сегодня. Правительственный пост здесь, еще один в ста милях отсюда, — это все, что можно найти из цивилизации, удерживаемой от уничтожающих пальцев голодной, неизменной пустыни. Здесь находится последняя граница, территория в пятьдесят тысяч квадратных миль, с пятьюдесятью тысячами индейских жителей и очень немногими другими людьми.

В большинстве своем коренные жители — язычники-варвары, имеющие дикие обычаи, ревностно охраняющие свои тайные мистерии, медлительные в повиновении, но быстрые в возмущении от вмешательства, ощущающие всю силу своей изолированности.

СТАДА НАВАХО И ИХ ПАСТУХИ

КАньон де Челли, вид с края

Место, куда навахо отступили перед Китом Карсоном в 1863 году. Самые ранние записи упоминают его как крепость навахо. Жители скал удерживали его перед ними. Есть места, где его скальные стены возвышаются на 1000 футов.

Еще в 1911 году отряд кавалерии Соединенных Штатов разбивал лагерь в Кеамс-Каньон, в резервации Моки, менее чем в миле от того места, где Кит Карсон со своими новомексиканскими добровольцами разбил лагерь в августе 1863 года во время того знаменитого похода в Каньон-де-Челли. Явно этот современный отряд действовал в качестве эскорта другого знаменитого полковника старой пограничной армии — того джентльмена, который переговорил так много индейских племен, используя жесты, если его слова звучали для них странно, и самых простых слов, когда все остальное не помогало. На самом деле это было демонстрацией силы, пограничным походом против группы неререформированных повстанцев из гор. Бескровная тридцатидневная кампания подходила к концу. Вашингтон отдал безотзывный приказ, вызвав другие проблемы на границе с индейцами ([17](#)). Поддержка, оказанная индейскому агенту, все еще бледному новичку, должна была быть отозвана. Он осмелился заметить, что за спокойствием момента могут последовать нежелательные события, как только нечесанные туземцы узнают, что солдаты ушли. Он попросил военного совета, прекрасно зная, что гражданского утешения он не получит.

До этого момента между двумя представителями правительства царила атмосфера тактичной дипломатии: один из них, военный, советовал мир, а другой, якобы гражданский, рисковал вступить в войну. Полковник впервые высказался, не обращая внимания на вежливые традиции Министерства внутренних дел:

«Молодой человек! У вас есть империя, которой нужно управлять. Либо управляйте ею, либо собирайте чемоданы!»

И есть еще одна причина для этого рассказа. Вероятно, ни один другой район индейской территории не посещается так часто, как Раскрашенная пустыня, где боги-змеи имеют такое большое влияние. С июня по октябрь сюда приезжает множество людей, вооруженных фотоаппаратами, записными книжками и альбомами для рисования, одетых в странные одежды, полных вопросов и ожидающих найти гостиницы. Большинство из них хотят без проблем пережить суровые условия и легко раздражаются. Они ищут природные чудеса Империи, и особенно религиозные «танцы» индейцев, главным из которых является ежегодный Танец Змеи Хопи. Странная толпа, обладающая больше энтузиазмом, чем здравым смыслом, шатающаяся под тяжестью теорий, раздутая от важности и критики, щедро набитая гидами.

Была написана целая библиотека и исчерпаны словари в попытках объяснить красоту и волнение. Холст, достаточный для палаточного городка, был испорчен теми, кто хотел запечатлеть тонкий и неуловимый шарм пустыни. Историки и этнологи зафиксировали и проследили «» [\[18\]](#), а антиквары раскопали и восстановили. Музеи Востока заполнены награбленными сокровищами, а в архивах Вашингтона капают жалобы. («Сделайте мне одолжение, обратитесь к архивам»). А индейцы как дикари — причем малопонятные дикари — были идеализированы. А те, кто не разделяет эту точку зрения, подвергаются осуждению.

Но ни слова не было напечатано и мало кто говорил без насмешки о тех сотрудниках Службы по делам индейцев США, которые следят и охраняют отдаленные места: тех, кто управляет и защищает, обучает и направляет; тех, кто сохранил жизнь индейцев, чтобы их можно было рисовать, анализировать и разглядывать. Эта работа выходит за рамки сезона отдыха, продолжается в одинокие, суровые зимы, порой включая работу в лагерях для инфицированных среди неразумного, часто неблагодарного и иногда непокорного населения.

Продвигать образование среди тех, кто его не хочет, продвигать медицину среди фаталистов, добиваться проявления морали среди бесчувственного и аморального народа, требовать уважения и завоевывать любовь подозрительных иностранцев, править абсолютно без армии и, прежде всего, оставаться здравомыслящим и справедливым без общества — все это требует от любого человека изобретательности и находчивости и должно вызывать у тех, кто хвастается своим интеллектом, нечто иное, чем явную критику.

Добившись всего этого, я горжусь своими достижениями и не могу не выразить свою полную признательность тем верным мужчинам и женщинам из Службы, которые сделали возможным успех моих усилий — сотрудникам, торговцам, миссионерам, не забывая тех немногих из язычников, которые проявили лояльность и доверие. Они тоже испытали на себе насмешки и оскорбления толпы; и скупое признание со стороны столь же [\[19\]](#) бесчувственного Бюро, находящегося почти в трех тысячах миль отсюда, — это небольшая награда. Многие ценные сотрудники состарились на этой службе, не получив ни слова благодарности из Вашингтона. И я побудил по крайней мере одного комиссара по делам индейцев признать свою незначительную задолженность умирающему врачу, который умирал на ногах, по-прежнему благородно делая обходы.

Когда я уезжал из Вашингтона в 1910 году, я понятия не имел, что такая будущая работа продлит мой маленький отпуск на долгие годы. Шесть месяцев вне дома, и либо я должен был снова устроиться за старым столом и стучать на старой пишущей машинке, либо я должен был присутствовать на церемонии, которая является заключительной, но не интересна с точки зрения ее предмета. Простой календарь; не первый, однако, который подлежит пересмотру.

Утро принесло Чикаго, для меня мрачный и зловещий город, и день, проведенный в его галереях и клубах; затем снова поезд и долгий путь по равнинному, раскаленному Канзасу. Отличная жизнь в закуской, и пришла мысль, что куда бы ни вела эта железная дорога, за ней последует хорошая еда, в которой я нуждался, и обслуживание самого лучшего качества. Тщеславное и скоро взорвавшееся видение! Железная дорога доставляет еду и услуги; Запад видит, как они проходят мимо. В пустыне у человека есть пустынный проезд.

Контраст был за окнами; на третье утро этот контраст стал еще острее. Вместо деревушек, ферм и проселочных дорог теперь была серовато-зеленая зелень шалфея, прерываемая низкорослыми кедрами на склонах, с оттенком коричневого, поскольку почва отражала свет. Не было никаких признаков полной засушливости, поэтому никто не мог думать об этом как о пустыне. Скучная растительность простиралась от кустарника на переднем плане до лесистой синевы дальних хребтов. Они не казались высокими горами, хотя [\[20\]](#) многие вершины возвышались на фоне спокойного голубого неба. За маленькими телеграфными пунктами, редкими домиками секционных бригад и резервуарами для воды ландшафт не содержал никаких признаков жилья. На среднем расстоянии виднелись странные образования из крошащегося сланца, окаймленные призрачной белизной гипса: причудливые нагромождения, которые могли быть созданы каким-нибудь сардоническим юмористом. Теперь отбившийся от стада скот, изможденный, как холмы, индейцы в одеялах, бездельничающие на станции, или рейнджер на потрепанном скакуне были единственными существами в жизни. Над всей золотой дымкой Нью-Мексико, увлажненной туманами Рио-Гранде.

Но позже в тот же день этот вид в голубых тонах начал меняться. Небо прояснилось, расстояние стало более интимным и откровенным. Все приобрело блеск резкого рельефа. Там, где раньше были изолированные холмы, теперь тянулись баррикады из камней, истертых ветром, остроконечных и куполообразных, в то время как холодные тона — синий и серебристый — речного края потеплели до сухих шафрановых и выжженных красных оттенков выжженной солнцем Аризоны, Страны, где почти не бывает дождей. Можно было, как поет старожил, “видеть дальше и видеть меньше”, чем на любой другой сцене мира.

Как раз на закате поезд замедлил ход, въезжая в побуревший от непогоды, покрытый пылью городок, его главная улица тянулась вдоль путей, и больше ничего не было видно. Было воскресенье и сезон ветров. Клубящийся туман скрыл все, когда машины остановились. Нет ничего более унылого, чем воскресный город на юго-западе в сезон ветров. Длинный ряд магазинов и салунов демонстрировал фальшивые фасады, лишённые краски. Несколько истощенных деревьев махали искалеченными ветвями и выглядели очень жалко. Хлопающие навесы, летящие листья, макулатура, песок и зола наполняли воздух. Когда ветер на мгновение перестал завывать, наступила гробовая тишина. Мне казалось, что это место должно было оставаться таким, каким оно было [\[21\]](#) тысячу лет,

дремлющее в красно-золотом закате, заброшенное, покрытое странствующей пылью всех веков. Цокот копыт, выстрел, звон стекла и пара выстрелов из "Ремингтона" довершили бы картину.

Немного к северу от него находилась Равнина Бедности. К востоку простиралось пересыхающее русло Литтл-Колорадо шириной в милю, окаймленное засохшими тополями, и в нем едва хватало жидкости, чтобы нуждаться в пешеходном мостике. На западе, воплощая собой великолепие, возвышался прекрасный хребет Сан-Франциско, увенчанный снегом, сияющий, солнце обжигало его древние кратеры. В другом месте, повсюду, простиралась Пустыня, бесплодная, бесплодная, окутанная сейчас пурпурно-коричневыми оттенками ранних сумерек. Его безграничные просторы, безмолвные, пустынные, наводили на мысль о недобром предчувствии, о подстерегающей угрозе.

Слава богу! под рукой оказался один из этих великолепных железнодорожных отелей. Я поспешил туда, к частичке цивилизации, какую я знал, радуясь возможности отгородиться от ночи, которая надвигалась на эту пустынную равнину, поглощая по мере приближения массивы холмов Мокуи и всю незнакомую горную местность, которую год спустя я должен был назвать домом. [\[22\]](#)

[\[Содержание\]](#)

III

В “СТРАНУ ИНДЕЙЦЕВ”

Термин “Страна индейцев” применяется ко всем землям, право собственности на которые не утрачено, даже если они не находятся в пределах резервации, специально выделенной для проживания исключительно индейцев. “Страна индейцев” включает резервации, выделенные для индейских племен международным договором, указом исполнительной власти или Актом Конгресса.—МЕРИТТ: *Правовой статус индейца*

На следующее утро был другой день, как я часто слышал с тех пор; и какими бы ужасами ни была ночь, свежее, бодрящее аризонское утро приносит с собой новую надежду и уверенность.

Город просыпался; в воздухе витал тонизирующий трепет, который бывает только на поросших соснами вершинах; желтая пыль вчерашнего дня теперь стояла на своем месте. В это время года в Аризоне можно ожидать усиления ветра около полудня и продолжения его изматывающей тирании до заката. Однако благословенный солнечный свет не позволяет человеку оставаться подавленным, а сезон ветров всегда заканчивается, какими бы ни были нервы в это время. Когда в начале лета затихает последний крик, кажется, что вокруг царит вакуум, странная тишина, подобная той, которая следует за остановкой часов.

В то утро платформа вокзала показалась мне довольно оживленной. Поезда выгружали голодных пассажиров, и гостиничные кухни кормили их целыми батальонами. Хорошо укомплектованный газетный киоск обещал, что недостатка в развлечениях у меня не будет. Общий дух движущейся жизни и активности заставлял забывать, что за ними скрывается Пустыня, что эти рельсы [\[23\]](#) были просто крошечной дамбой, протянувшейся на много миль, с запустением по обе стороны.

На Юго-Западе легко заводить случайные знакомства, и прошло совсем немного времени, прежде чем я ответил на вопрос молодого человека о том, куда я направляюсь. Я ответил, что мне предстоит долгое путешествие, возможно, в пустыню, к индейцам. Казалось, он не знал, что индейцы живут поблизости, и спросил: “Как далеко?”

“О— около тридцати миль”.

“Хм!” - сухо прокомментировал он. “Люди в этой стране заходят так далеко, чтобы напоить лошадь”.

Времяпрепровождение и юмор Аризоны - это преувеличение. Теперь я знаю, что владельцы ранчо на Юго-западе и, если уж на то пошло, так называемые кочевые индейцы - жители определенных местностей. Индеец пустыни назовет и расположит свой хоган или домашний лагерь так же точно, как человек с городской улицы. Индейцы рождаются, живут и часто умирают на очень небольшом участке пустыни. Вот почему индейцы — и вы можете смеяться — скорее всего, теряются ночью во время штормов. Их дальние путешествия хорошо спланированы, при дневном свете, почти так же, как любой человек нарушает монотонность отпуском или деловой поездкой. Только жители самых отдаленных пустынных мест совершают длительные путешествия как часть повседневной рутины, да и

то по необходимости. Я еще не видел человека, который жил за много миль от воды. Вода решает, где тому или иному человеку *может* жить в пустыне — и его животным тоже.

Совсем другое дело, когда я разбудил очень толстого человека, который самодовольно дремал, прислонившись спинкой стула к сараю с ливневыми. Я спросил о команде для огромного похода, который мне предстояло совершить. Тогда не было автомобилей, чтобы пересечь пустыню, и в маленьких городках их было немного. Сегодня бензин и шины вкупе с обильными ругательствами, смазкой и разгребанием песка позволили преодолеть [24] большую часть пустынных расстояний, и в последний раз я преодолевал эту дорогу на одном из тех полосатых металлических картофельных жуков, выведенных этим детройтским гением, который не смог вписать Бенедикта Арнольда в историю своей страны, но который развил скорость в тридцать миль в час против прежних пяти. Тогда, или когда-то давно, лошадь - или ее старший родственник, мул - была незаменима, а смотритель конюшни был королем транспорта, чем-то сродни Джиму Хиллу. Этот действовал именно так. Очевидно, он ничего не потерял на заднем дворе.

“Ну—” - с сомнением промычал он, - “Это, конечно, довольно долгое путешествие. Я сделал это—”, создавая у меня впечатление, что это было необычное усилие, сопряженное с отвагой. “Я ездил туда однажды, но это было двухдневное тяжелое путешествие, потому что вам нужно было дать лошадям отдых на ночь, а возвращаться на следующий день. Это портит мне два хороших дня, и я должен взять с вас соответствующую плату. Это будет стоить тридцать долларов. Когда вы хотите начать?”

“С такой скоростью - никогда!” Я заявил очень быстро.

Итак, я вернулся в отель и отправил телеграмму по телефону, в которой сообщил, что останусь там в комфорте до тех пор, пока не появится какое-нибудь разумное средство передвижения. В ответе указывалось, что со мной связались. Через несколько дней мне позвонил довольно грубоватый на вид человек и представился Боссом.

“Я все равно собирался в город, - сказал он, - но обычно я не перевозлю своих сотрудников”. Пренебрегая этим небольшим обычаем, я спросил: “Как далеко отсюда до Агентства?”

“ Двадцать пять миль. Мы доберемся туда меньше чем за четыре часа.

И мы так и сделали, потому что он управлял отличной упряжкой кобыл, и его репутация как погонщика была подобна репутации Ииуя.

По дороге я объяснил цель и определенную продолжительность [25] моего визита. Казалось, он почувствовал облегчение, поскольку поначалу подозревал, что я, будучи непосредственно из Вашингтона, пришел искать его работу. Проработав в редакции газеты достаточно долго, чтобы усвоить, что нужно воспитывать абсолютную лояльность к шефу, я заверил его, что его интересы принадлежат и мне, и с тех пор мы отлично ладили. Он был симпатичным парнем, когда кто-нибудь прокалывал его иссушенную солнцем кожу, под которой было чем восхищаться; и не в последнюю очередь тем, что он считал свое маленькое Агентство самым прекрасным местом на земле. А почему бы и нет?

За несколько лет до этого его занесло в ту петлю реки Литтл-колорадо, место, с которым по стерильной бесплодности нельзя было сравниться и которое оправдывало немногие видения. Вооруженный единственной грамотой, он взял на себя ответственность за пустынный ландшафт. Он разбил свою палатку под старым раскидистым тополем. Я могу представить себе его одинокие бдения и его планы под яркими звездами пустыни. Сначала колодец для подпитки подземного течения реки; затем, одно за другим, правительственные здания из необработанного камня, добытого на близлежащих горных склонах, тем временем привлекая, размещая и кормя более грубых рабочих, споря с подрядчиками и не давая им пить, пока в этом приречном уголке не вырос маленький городок, который веками знал только засохшие деревья, воркование множества голубей и плавник. Территория была размечена, выровнена и осушена. Весной река затопляла это место, но он не был встревожен. Были построены офис, склады, лавки и амбары. Затем возникла хорошо оборудованная школа с общежитиями для индейских детей, странных пустынных бродяг, которые какое-то время были похожи на испуганных кроликов и оплакивали свои прокуренные лагеря. Там были кухни, бани, прачечная, завод по производству света, льда и тепла; ибо, хотя лето может быть жарким, [\[26\]](#) зима приносит свой снег и пронизывающий ветер в эту незащищенную пустошь. Он осматривал больных и построил больницу. Там были помещения для его штата служащих. Он посадил деревья вдоль бетонных дорожек; он заложил землю под ферму и спланировал ирригационную систему с насосной станцией. В его амбарах хранился корм на зиму, а в магазинах - мука и одежда. За лицензией пришел торговец, потом другой; и маленькой миссионерской церкви был предоставлен грант. Последним, но не менее необходимым для его пустынного королевства было караульное помещение для тех, кто оспаривал его мудрые советы. Высоко над всем этим развевался Флаг, отважно развевающийся на ветру пустыни.

Однажды он свернул палатку и вошел в свою столицу. Город не был достроен — правда; он не был совершенен — правда. Он уже мог видеть ошибки первопроходцев, подобные ошибкам мормонов, которые поселились в этой стране несколькими поколениями раньше и чей послужной список был кладбищенским. Сегодня она не закончена, и несколько преемников добавили свою работу к его работе. В конечном итоге это может оказаться глупостью и провалом в смысле прибыли, ибо там, где мормоны потерпели неудачу в те первые дни фанатизма, кто может надеяться на успех? Ах! в смысле материальной выгоды — да! Но там, где не было ничего, кроме слепой пустыни и бурной реки, ничего, кроме песка и рогатой жабы, он создал форпост цивилизации, чтобы достичь беспомощных людей, служить им и защищать их, у которых до сих пор были только их пустынные демоны.

Насколько он мог видеть на севере, где окрашенные в красные тона горные горы поднимали свои изогнутые плечи над краем пустыни, где тускло-голубые короны чудовищных лавовых выступов вырисовывались на фоне неба, до самого края мира, казалось, простирались его владения. Тысяча двести человек приветствовали его “Нахтани”, что означает Вождь, и прислушались к [\[27\]](#) его совету. Его голос был единственным, к которому они прислушивались без подозрений, ибо разве не были они изгнаны из этой страны в середине зимы вооруженными людьми, тащившими свои немногочисленные пожитки по снегу? И разве не потребовался воинственный президент Соединенных Штатов, чтобы вернуть им это жалкое наследство? Действительно, не меньше!

Но для них, людей без контрастов, разве это не было чудесным наследием — эта всеобъемлющая сцена, от Красной Горной горы, где обвалившиеся камни стояли кольцами, “Играющие дети”; от Сапфировых озер и беспокойной реки до страны мокиев, охраняемой лавовыми холмами, этими мрачными богами северного неба в синих одеждах? И разве это была не Пустыня!

Возможно — в этом нет никаких сомнений — этот Великий Белый Отец прислал этого любопытного Нахтани из своего собственного дома. В мире есть четыре опорных пункта: один - Пустыня, а другой - Вашингтон. Они могли вспомнить те ночи, когда впервые собрались вокруг его палатки под корявым старым тополем, угрюмое журчание реки звучало у них в ушах, их пылающие костры соответствовали его сиянию на фоне звезд. Он рассказал им о своей миссии. И он не боялся белых людей — некоторых из них быстро отправил по их делам. Его поручение гласило — они поняли это по его действиям, — что все, что касается их мира и благополучия, зависит от него; что он несет ответственность за их наилучшие интересы. Его меткой на “нулевой ставке” были деньги этой земли. Его полицейские носили значок с орлом. Воистину, это был человек, заслуживающий уважения, и он был их Вождем.

И по его приказу они привели детей в школу, потому что, похоже, он питал особую нежность к детям; и все же у него не было ни одной овцы, которую можно было бы пасти. Станный человек! Они приходили из своих загонов и участков для заготовки инвентаря и домашнего скота; они таскали припасы и уголь с [\[28\]](#)железной дороги, погоняя своих жилистых пони с многочисленными дикими криками; они обнаружили, что его странные голубые бумажки можно обменять на твердые серебряные доллары Запада.

И к этому Вождю они тоже приходили с глупыми жалобами и детскими невзгодами; к нему они приходили больными и дрожащими, и его они искали, когда были старыми и голодными, дрожащими от ветра пустыни, покинутыми своими жестокими сородичами, боясь, что шакалы обглодают их кости. Во всей этой торговой стране его знали как человека, который не торговался.

Его настоящий титул был — неважно; должны быть ярлыки; на самом деле, по закону и практике, он был царем пустыни, распределяющим свои щедроты, вершащим свои суды. Конечно, он был, и они все тоже, все до единого. Что ты хотел увидеть? Юрист, ломающий голову и боящийся сказать слишком много, бухгалтер-хорек, подслушивающий политик, маркитант и его помощники? Многие ли из них могут похвастаться тем, что они что-то сконструировали? Этот человек построил святилище и правил королевством. Он был “Нахтани”! Этого было достаточно и то, что нужно в Пустыне.

Когда они не называли его так, они ласково прозвали его “Мешковолосым”, потому что он носил парик, и с тех пор однажды, к их общему ужасу, его скальп сдуло ветром в кусты. От Бек-а-шей Тлани, человека, у которого было много крупного рогатого скота, до слепой старухи из племени, он был советчиком и другом. Любопытные, похожие на животных дети любили его. Они спускались по дорожкам, брали его за руку и ковыляли рядом с ним. Он по праву гордился своей работой и своим трудолюбивым инопланетным народом; возможно, в своей молчаливой пустынной манере они гордились им.

Кое-что из этого он скромно рассказал мне, когда мы ехали по дороге вдоль реки. Большею частью я научился в [\[29\]](#) в свое время, как и индейцы до меня. Он оживил концерт несколькими отборными легендами Юго-Запада, созданными для новичков вроде меня и поддерживающими их жизнь. Он показал мне, где последнее большое наводнение поглотило огромные участки нижней равнины и распространилось повсюду. Теперь река представляла собой широкую песчаную пустошь, угрюмо блестящую на солнце. Во время паводка это была не игрушка в виде ручья. Его отметина была на местности шириной в милю. Я мог бы пройти по нему без подков, и с тех пор я пересекаю его вплавь на лошади и гадаю, когда мне следует отправиться тащиться за ней по пятам. На перекладинах были навалены спутанные массы жирного дерева, похожего на гальку на пляжах, и стволы тополей, очищенные от коры и сучьев, белые, как отбеливаемые кости. С одной стороны оставался неглубокий пруд, в котором в качестве пленников держали тусклых рыб; и несколько тощих пони подошли жадно пососать мутную воду. Далеко в квартире он указал на мой первый мираж: прекрасный вид на болотистую местность, окаймленную камышом, прохладную, манящую — и в то же время пыльную пустынную ложь. Внезапно оно померкло, растворилось в воздухе, и не осталось ничего, кроме яркого солнечного света на раскаленном полу. Плывущие облака отбрасывали длинные тени на песок. Крошечный вихрь закручивал свой пыльный столб все выше и выше и заскользил по равнине.

Затем, поднявшись на небольшой холм, он махнул хлыстом в сторону далекого объекта, черного на фоне заходящего солнца. Это было очень далеко и походило на птичий домик на шесте.

“Это Агентство”, - сказал он.

И действительно, так оно и было, ибо без него существование там было невозможно. Это был резервуар для хранения, самая необходимая вещь в этой стране драгоценной воды. Как раз в сумерках мы въехали в ворота. Я добрался до своего первого лагеря в пустыне, на краю Зачарованной Империи. [\[30\]](#)

[\[Содержание\]](#)

СТАРЫЕ ТРОПЫ И ЕДА В ПУСТЫНЕ

Мы можем жить без поэзии, музыки и искусства;

Мы можем жить без совести и без сердца;

Мы можем жить без друзей; мы можем жить без книг;

Но цивилизованные люди не могут жить без поваров.

—МЕРЕДИТ: Люсиль

Когда я пересек границу Зачарованной Империи, в сумерках того поступления в Агентство, я заново пережил фантазии, почерпнутые из *Николаса Никльби*, его зимнее путешествие в Йоркшир, тренировки в компании с несравненным Сквирсом; его прибытие в унылый Дотбойз-холл и атмосферу этого странного заведения; и хотя в них было что-то унылое, в них было также достаточно юмора, чтобы поддержать во мне жизнь.

Учитывая то, что я написал о “Боссе”, которым должен был бы быть Сквирс, это может показаться печальным и недобрый размышлением. Но на самом деле, если забыть на мгновение о его великодушии и искренней гордости за маленькое пустынное королевство, было поверхностное сходство со старым Сквирсом — странный наклон головы, какое-то странное выражение лица, насмешливый взгляд после какого-нибудь торжественного заявления, грубоватая внешность, которая в данном случае противоречила мужчине, — и тот редкий оттенок гротеска, который придавал его парик: “Мешковатые волосы”. Атмосфера Агентства подкрепляла эти впечатления.

Ансамбль индийской школы, состав персонажей, их точка зрения, их жилище и обычаи — это [\[31\]](#) нечто уникальное и совершенно несравнимое с обычными вещами. Часто человек первым ощущает запахи, а у навахо много овец. Как только станция в пустыне передается для нужд индийской школы, где необходимо накормить несколько детей и их наставников, она сама по себе приобретает аромат вареной баранины. Ничто другое не сравнится с этим. Даже заброшенная школа сохраняет эту пронзительную атмосферу на долгие годы.

Голые — совершенно голые -оштукатуренные стены, мрачные в своей бедности и бесстыдные; голые сосновые полы; дешевая сосновая отделка, покрытая отвратительным лаком, блеск которого казался безразличной усмешкой; все это скудно заставлено мебелью по государственному заказу, хилой вначале, а теперь находящейся на последней стадии жалкого маразма. Это было помещение для неженатых служащих. И когда вы берете такую сцену и тщательно пропитываете ее цепкой атмосферой вареной баранины вчерашнего дня, прошлой недели и прошлогоднего; оживляете ее персонажами, собранными методом "захвати сумку" из сорока восьми штатов, людьми, искаженными и суженными своими монотонными обязанностями, впечатленными дикарем, а не впечатляющими его, полными мелких сплетен и излучающими дешевую евангельскую добродетель, вы получаете неопишное — и неизменное — место действия изолированной школы в пустыне. Диккенс

сделал бы его бессмертным, а галерея его портретов пополнилась бы множеством разновидностей Бамблов, мистеров Чакстеров и Сэйри Гэмпс. Я гулял по пустыне с Диком Свивеллером и мистером Чеггсом; Марка Тэпли я знал близко; и я несколько раз обедал с Пекснифом во плоти, ему не хватало только большого воротничка рубашки, чтобы дополнить картину. Хью Уолпол видел нечто подобное в *"Богах и мистере Перрине"*. "В следующем семестре все будет хорошо" - это финансовый клич неугомонных, [\[32\]](#)неудовлетворенных и по большей части неприспособленных сотрудников Индийской службы безопасности. А индеец стоит безмолвный, невнятный, неспособный выразить свое растерянное изумление по поводу этой причудливой и постоянно меняющейся выставки.

Сильное чувство юмора может уберечь человека от сумасшествия, но даже самый острый юмор притупляется после нескольких месяцев такого бесстрастного общения. Если человек не получает облегчения в других умственных занятиях, он в конце концов впадает в угрюмость, которая нехороша в неизменной, безразличной Пустыне.

Мы сидели за запоздалым ужином в столовой. Поездка в двадцать с лишним миль и резкий воздух пустыни вызвали у меня необычный аппетит, который обещал прибавку в весе, когда, смотрите! в дверях, ведущих на кухню, появилось видение, возможно, мне следовало бы сказать привидение, повара! Выражение, обращенное на меня, должно было, без сомнения, означать приветствие; но что бы оно ни означало, я никогда не забуду сардоническую ухмылку этого неопрятного человека, обещавшую худшее в будущем. И оно прибыло. Баранина с кожицей, холодная; печенье из разрыхлителя, безвкусное; кофе, тепловатый, слабо приготовленный из смеси "Арбакл", которая была завезена на запад после гражданской войны; молоко, свежее из консервированной голштинской говядины, смешанное с водой из щелочного насоса; и последнее, но не менее важное для желудка больного человека, "бычье масло", без льда, слизистое, со вкусом керосина.

Прощай! долгое прощание с мэрилендской кухней!

Я помню, как однажды был занесен снегом на самых дальних холмах Аризоны вместе с государственным врачом, недавно приехавшим с Востока. Он искал Аризону, чтобы стимулировать отстающую конституцию, которая угрожала сделать его членом Клуба. Он путешествовал на запад, любясь тропическими пальмами, финиковыми деревьями, гранатом [\[33\]](#)живыми изгородями феникса; и вот мы оказались на высоте 7000 футов над уровнем моря, со снегом глубиной в два фута и ледяным ветром, дующим прямо с полигона. Он заблудился той ночью и чуть не замерз в пустыне, где дороги были стерты с лица земли, и только чутье его команды привело его в это убежище. Сначала мы сняли с них сбрую, и инженер помог мне разогреть его до дружелюбия после того, как о лошадях позаботились. Пришло время уходить на покой, и я вспоминаю, как он нырял под промозглые простыни в неотопливаемой комнате на этой маленькой горной станции, его зубы стучали, губы посинели, и пылкое выражение его лица: —

-Пусто! И ни с того, ни с сего проклятый филадельфийский дурак, который сказал мне, что в Аризоне тепло!"

И когда я рассматривал это соблазнительное изобилие съестных припасов, у меня возникло такое же чувство по отношению к тем доброжелательно настроенным людям из

Вашингтона, которые по своему грубому невежеству уверяли меня, что на их станциях в пустыне есть еда.

Позже пара услужливых служащих отнесли мой чемодан наверх, в комнату, которая сделала бы честь исправительному учреждению. В ней было четыре стены и окно. Там также были потолок и пол. Эти необходимые украшения, вместе с кроватью и ветхим стулом, которые рухнули под ногами многих безутешных сотрудников и были искусно и злонамеренно подогнаны снова, чтобы заманить меня, составляли щедрый список аксессуаров. Все дополнительные услуги, которые считались необходимыми для комфорта, могли быть предоставлены работником из его зарплаты, пропорции которой были установлены во времена правления Карла Шурца и с тех пор мало изменились, несмотря на войны и слухи о войнах и введение подоходного налога, “который включает кварталы в качестве части компенсации”. [34]

На следующее утро я был разбужен на рассвете или чуть раньше из-за того, что ломал дрова в печке, бил неумело использованной посудой и злобно шипел. Густая волна ожившего бараньего жира поднялась вверх и вторглась в мой будуар, который я стремилась покинуть как можно быстрее. У подножия лестницы я столкнулся с кухаркой, и за ночь ей ничуть не стало лучше.

“Доброе утро,” я попытался сказать бодро, что заставило ее обратить на меня внимание. “Кто следит за комнатами? - Спросила я. Она устремила на меня злобный взгляд, словно угадав мои мысли.

-Ты имеешь в виду, кто их чистит и все такое?

“Именно так,” признал я.

— Что ж, ты сам позаботишься о себе.

И на этом все закончилось. Это было окончательно, с невозмутимостью, которая стала неписанным законом во всех должным образом управляемых агентствах.

За столом я познакомился с сотрудником ирригационной службы, который только что вернулся с обследования условий в отдаленных районах пустыни. Он выразил огромную радость по поводу того, что совершил свое путешествие без происшествий и задержек и успешно вернулся в этот оазис. Он сказал, что всегда был уверен в приличном питании в этом заведении, тогда как на том посту, с которого он прибыл, жизнь была невыносимой из-за отвратительного и совершенно невозможного меню. Я попросил его повторить это заявление. Не могло быть двух таких мест. Но он был уверен в своих фактах, и его жена подтвердила эту историю. Они предупредили меня, чтобы я никогда не ходил на тот другой пост — совершенно излишний совет.

Затем я узнал, что в каждом из правительственных учреждений содержалась Вещь (как выразился бы Карлайл), приспособление, Ужасный Институт, который доминировал над людьми и которому они были преданы. [35] Это называли “Беспорядком”. И таково было его господство и приобретенная мощь, что они более или менее гордились его традиционными ужасами в должной пропорции к причиняемым страданиям. Я узнал, что Вашингтон

распознал эту особенность и фактически рекламировал ее ни в чем не повинным новым сотрудникам, с осторожной дипломатичностью замалчивая ее пороки и громко заявляя о том, что похвал заслуживает только одно — небольшие затраты на одного человека. Терминология хороша. Никогда прежде отвратительное зло не описывалось так кратко и так тщательно.

Будучи обманутым почти во всем, что касается этой Долины Шарон, за исключением климата, — она была передо мной, в поле зрения было триста квадратных миль, неограниченная, бесплатная и пока не облагаемая налогами; я узнал о высоте, когда отправился покупать пару ботинок, — отправил телеграмму с просьбой прислать ящик готовой еды, такой, в которой есть все, от супа до орехов в одной бутылке, и начал обсуждать, что храбрее - умереть в непоколебимом молчании или донести свои взгляды до шефа. Привезли продукты в бутылках, и я на семь дней затянул с ними потуже пояс, узнав тем временем, что здесь нет другого молочного стада, кроме того, что поставляется в виде сорока восьми жестяных коров; что только вождь был достаточно богат, чтобы позволить себе домашнюю птицу, и поэтому не было яиц; не было фруктов, кроме апельсинов, которые сушились на фактории, и иногда телеги дынь, продаваемых по фунту. За доллар можно было купить очень приличный образец недоеденного арбуза.

Однако рефрижераторные грузы, с грохотом прибывающие на восток из Калифорнии с рыбой, овощами и фруктами, проезжали мимо этого места дважды в неделю на расстоянии тринадцати миль. Из окна кухни-столовой была видна железнодорожная цистерна с водой. Но для того, чтобы достать еду из [\[36\]](#)этого холодильника, требовались три вещи, а именно: желание, энергия и деньги; и все это заметно отсутствовало у этих людей. Я решил протестовать.

Шеф устал от подобных жалоб, как, впрочем, и я позже, когда столкнулся с той же проблемой. Но уладить все было его обязанностью, нет, самой его безопасностью. У шкипера этого корабля пустыни не было первого помощника, который с гордостью и ответственностью выходил бы на палубу, пресекал жалобы и предотвращал или подавлял мятежи. Он должен был делать это сам. Подавление восстаний было одной из его постоянных задач; и он стал необычайно — чтобы не сказать хитроумно — опытным в различных методах. Некоторых он подавлял ревом, а других заманивал в ловушку подчинения.

“В чем дело? ” кисло спросил он.

— Ну, сэр, я приехал сюда, чтобы сохранить жизнь, и, помимо моего природного интеллекта, несколько врачей Востока убеждали меня поглощать пищу *-пищу* - как можно меньше консервированной. Я обследовал склад консервов и пришел к выводу, что ваши сотрудники, должно быть, потребляют несколько тонн бальзамированных материалов в год. И еще, моя еда должна быть приготовлена. Мои предки перестали есть желуды несколько столетий назад. Истинное состояние вашего народа - это медленное истощение. Они каким-то образом привыкли к этому. Я так долго не протяну. Их традиция гласит, что они могут прокормиться на одиннадцать долларов в месяц...

- Надо отдать им должное, - мрачно перебил он. - однажды они довели дело до девяти.

“Что напоминает представление ваших мормонов о роскоши,” поспешно продолжил я. - Помнишь историю, которую ты рассказал мне, когда мы входили? Турист спросил— ‘Что бы вы сделали, если бы у вас был миллион долларов?’ “Миллион долларов! - воскликнул мормон, и глаза его засияли. - Я бы купил упряжку из шести мулов, перевозил грузы и” [37] не ел бы ничего, кроме консервов!’ Этот Мормон был отлучен от груди из-за этой неразберихи”.

Шеф полиции задумчиво потерял свой парик, и по его печальной улыбке я понял, что у него сохранились остатки истощенного чувства юмора. Он украдкой оглядел свой кабинет, а когда заговорил, то тихим, осторожным тоном.

“Верно, - сказал он, “ беспорядок довел бы козла до самоубийства. Но что я могу поделать? Им это нравится. Опасно, молодой человек, нарушать то, что нравится пролетариату. Слава Богу! Я женат, и у меня отдельная квартира. В течение многих лет для меня было загадкой, как они выживают и каждое утро выходят на работу ”.

И там, где лицо Сквирса растянулось бы в злобной ухмылке, физиономия Босса внезапно озарилась благожелательным выражением, возвестившим о выигрыше моего дела. Он хлопнул рукой по колену. Он нашел решение — макиавеллиевский план, рассчитанный на то, чтобы одним ударом уничтожить систему и ее последнего критика. Он наставил на меня палец.

“Я назначу тебя заведующим столовой!” - торжествующе воскликнул он. “Это билет. От тебя зависит обеспечить настоящую еду, приготовленную, и все такое, и—

Очевидно, в моих глазах зажегся огонек надежды. Он замолчал, несколько смущенно улыбнулся и поспешил дать мне совет.

“ Не соглашайся слишком поспешно. Он избегал моего взгляда. “В лучшем случае это неблагодарная работа - кормить тех, кто предпочел бы умереть с голоду, чтобы иметь возможность выплачивать взносы калифорнийским землевладельцам. Вы не будете благодетелем. Вас это угнетает. Вы подвергнетесь остракизму, и, возможно, вам даже будет небезопасно разгуливать ночью без охраны ”.

Несмотря на эти опасности, я согласился.

Неписанный закон, как и большинство бесполезных и беспорядочных вещей [38], требующий демократического знания всех и ничьей мудрости, требовал, чтобы при любом изменении распорядка дня был необходим торжественный конклав тех, кого нужно кормить, и чтобы после окольных дискуссий проводилось голосование. Представьте, что вы созываете группу цирковых львов, чтобы сообщить им, что в дальнейшем, во время кормления — и так далее!

Шеф полиции знал, что всенародное голосование продемонстрирует обычный всенародный скандал. Есть только два типа индийских агентов: те, кто идет на компромисс со всем и устраивает бесконечный ад своим слабым рукам, до такой степени, что их не уважают ни дома, ни за границей, и те, кто ни с чем не идет на компромисс. Первый сорт никогда не терпит поражения и никогда не уходит в отставку. Он постоянно остается на службе, перемещаясь с пункта на пункт, загромождая ее своей неэффективностью и нерешительностью. Запущенные растения и хаотичные системы являются памятниками

этим дружелюбным согревателям и триммерам, которые содержатся за государственный счет. Вторая разновидность плывет по волнам сезон или два и в конце концов терпит крах, как и все тираны, какими бы доброжелательными они ни были, перед шумным возмущением возмущенной и неэффективной демократии.

Поскольку вождь принадлежал к последнему сорту, электорат был лишен избирательных прав. Заседания парламента не было. Все это было проделано почти тем же способом, который стоил Карлу Первому головы.

БЮЛЛЕТЕНЬ

Начиная с первого числа следующего месяца и до дальнейших распоряжений делами Столовой будет руководить старший клерк.

Это было воспринято в мрачном, если не сказать каменном, молчании. Как новичок, я бросился туда, где ангел [\[39\]](#) искал бы циклонный погреб. Повара нанимались ежемесячно, и это было в середине месяца. В тот вечер я уделил повару ее время.

Теперь, когда закончилась одна династия, мне надлежало создать другую. Я пошел к Вождю.

Когда я смогу получить транспорт, необходимый для выполнения моих обязанностей *метрдогеля* в окрестностях? Я заеду в железнодорожный городок.

“ Вы знаете дорогу? ” с сомнением спросил Босс.

“ Меня это не беспокоит. Когда я наберу команду?

“Завтра”, - ответил он и предоставил меня моей судьбе.

Я пересекал эту дорогу всего один раз, когда приезжал сюда месяц назад. Сомнение в его голосе встревожило меня. Возможно, найти маршрут будет не так просто, как сыграть в карты. Я разыскал самого приятного из пастухов и спросил его совета по этому поводу.

“Это так же ясно, как нос на твоём лице”, - заверил он, и поскольку это было бы действительно очень просто, это приободрило меня. “Держитесь главной дороги и делайте все повороты направо, въезжая внутрь”.

Это казалось очень простым делом, и я не думал о поворотах, с которыми могу столкнуться на выходе. Конечно, я был тогда — и из—за какого-то умственного дефекта остаюсь им до сих пор, - как известно, худшим дорожником на всем Юго-Западе. И когда я уехала на следующий день с “командой пожилой женщины”, не было никого, кто мог бы выудить у меня дополнительную информацию.

В городе сбиться с пути может быть глупо, но не быть несчастным; но в Пустыне человек должен прибыть к месту назначения, иначе последствия могут быть серьезными. И все дорожные указания старожилов похожи. Равнины [\[40\]](#) Индийские могут быть более определенными. Он может сказать: “Три холма и один взгляд”. Путеводитель по Аризоне - это отчаяние.

“Вы не можете это пропустить”, - неизменно вступают они. “Езжайте по главной дороге, пока не достигнете того маленького кукурузного поля сразу за хоганом Беналли Бега - помните ту ничью перед тем, как приехать в Черную Мезу? Вот и все. Затем по тропинке налево, пока не дойдете до того корявого кедра; затем спускайтесь к тому старому загону, где шериф поймал Боба Питерсона; затем — знаете, где мы отдыхали в 1913 году? Это прямо к востоку от него; и потом, вы не можете его не заметить — это прямо оттуда— ” все расстояние составляет шестьдесят миль, и в первых пяти поселках нет воды.

Человек глубоко погружается в оптимизм, о котором говорит фраза “вы не можете этого не заметить”, и начинает. В полночь, с уставшей командой и без одеял, человек внезапно понимает, что он *has* пропустил это, и очень сильно. Солнце садится на покой, пустыня становится черной и угрожающей, он съезжает с главной дороги, и ни один огонек свечи не мерцает в темноте. Там он остается до утра, когда, замерзший и стесненный, разведя огонь, чтобы разогреть банку фасоли, которую более разумный человек засунул под сиденье, обнаруживает, что пригласил все племя навахо. Через пять минут после появления струйки дыма и аромата подгоревших бобов появляется индеец, и еще один, и еще, и каждый с нетерпением ждет завтрака. Это никогда не подводит. Между множеством указателей и всякой всячиной, не забывая про “тат ли ибесо”, который стоит один доллар твердой, податливой серебром монетой, он обнаруживает, что находится всего в пяти милях от дороги и что его первоначальный пункт назначения *находится* “прямо оттуда”.

На стороне повара я играл на удачу. В закускойной "Харви Хаус" произошел скандал, и в то утро, когда я приехал в город, одного первоклассного странствующего повара вышвырнули с работы [\[41\]](#). Возможно, это больше никогда не повторится. И, ничего не зная о глубинке страны, и особенно не имея представления о беспорядке на индийском сервисе, он воспользовался возможностью записаться в круиз по пустыне. Ему было необходимо упаковать свои вещи, самыми ценными из которых были охотничья собака и патефон, а также одну пластинку под названием “Она - идеал моей мечты”; и это, по его настоянию, займет у него несколько дней. Я договорился с ним о встрече с командой на товарной станции Агентства, и на следующий день он помог мне закупить припасы на ближайший месяц. Мы закупили почти тонну продуктов. Моим транспортным средством был один из тех легких рессорных фургонов, “пустынный фургон”, рассчитанный на перевозку около тысячи фунтов. Подобно индийскому грузовозу, который загружает свинец, мы никогда не подсчитывали собственный вес, а складывали его в кучу. Фургон застонал всеми суставами под грузом; и вот я отправился в обратный путь.

Нельзя было ошибиться с правильным направлением, потому что его указывали далекие горы, а река служила восточной границей. Пока человек остается к западу от реки, он должен куда-то прийти. Верно. Если бы не эта река и мое разумное решение не пересекать ее наполовину пересохшее русло, я, возможно, все еще был бы в пути.

Дорог в пустыне множество, и все они ведут к поселению. Добраться до города очень просто. Но при выезде из него дороги начинают расходиться самым загадочным образом, и при каждом выезде необходимо принимать решение. Конечно, дорога с основным движением обычно проста и определена — обычно. Примерно на полпути к Агентству я был обманут десятью ярдами пучковой травы на перекрестке дорог и беспечно выбрал ответвление, ведущее к броду через реку. Ближе к закату я добрался до реки, где в то время было не место. [\[42\]](#)

“Если вы будете одни, всегда привязывайте лошадей к колесу”.

В пустыне больше не к чему их привязать. Итак, я сделал это и отправился пешком на ближайший подъем, чтобы произвести разведку. Картина безлюдья, расплывающаяся в первых серых сумерках, не вдохновляла. Алый и золотой закат за хребтом Фриско не пробудил во мне поэзии. Я думал о чем-то другом и с радостью заметил слабый отблеск вдалеке, последние лучи позолотили крышу резервуара Агентства.

Между моим положением на реке и этим пристанищем отдыха, как выразился бы ворон, простиралось по меньшей мере пять миль пустыни. Столь короткое расстояние заставило меня фыркнуть от моих прежних страхов. Я вернулся к повозке и обнаружил, что нетерпеливые лошади намотали веревки на колесо до тех пор, пока они не стали похожи на пару колесниц, запряженных на финише захватывающей гонки. С некоторым трудом мне удалось освободить их, и я забрался внутрь, когда они бросились наутек в поисках корма.

Кратчайшее расстояние между двумя заданными точками - прямая линия, по крайней мере, так написано в книгах. Я пошел в школу в раннем возрасте и направился прямо к резервуару.

Кратчайшее расстояние между двумя точками в пустыне - это не прямая линия. Я тут же усвоил этот урок. Между этим бродом и главной дорогой, извивающейся где-то слева, была по меньшей мере тысяча различных препятствий, искусно замаскированных Природой, обманчивых в полутьме и коварных ловушек с наступлением ночи: песчаные дюны, похожие на болота; широкие неглубокие арройо; поросшие кустарником склоны, изрезанные маленькими оврагами, по бокам от которых были другие песчаные сети. Во время всего этого команда тащилась устало, временами останавливаясь, чтобы перевести дух, временами отчаянно ныряя. Дюжину раз я [\[43\]](#) привязывал лошадей к колесу и ехал вперед прокладывать путь; дюжину раз я возвращался и обнаруживал, что они сидят на задних лапах, пытаясь освободиться от перегруженной повозки и дурака, пришедшего с Востока. Около полуночи, объездив все точки современного компаса, я попробовал последний подъем, решив, что, если это не удастся, распрягу и поеду верхом, полагаясь на то, что лошади сами найдут свой овес. И на вершине этого небольшого хребта была старая, полузасыпанная дорога. Она поворачивала от реки к тому месту, где должна была быть настоящая дорога. Мы спустились по ней, и час спустя, легкой трусцой, оси держались - и стонали - до последнего, мы добрались до ворот Агентства. Заспанный служитель амбара, индеец, вышел мне навстречу.

“Где ты был? он спросил с тем невинным любопытством, которым славится его племя. - Не могли найти дорогу?”

“Нет”, - сказал я ему, чувствуя уверенность, рожденную облегчением тревоги. “Нет! просто поздно выехал из города”.

Нет ничего лучше уверенности после тяжелого вечера. И к тому же, разве я не нанял повара? Я не мог испортить такой триумф признанием, что я заблудился. [\[44\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА В ПУСТЫНЕ

Репутация этих произведений, которые он, вероятно, считал бессмертными, тускнеет с каждым днем; в то время как особенности манер и небрежная застольная беседа, память о которых, как он, вероятно, думал, умрет вместе с ним, вероятно, будут помнить до тех пор, пока на английском языке говорят в любой части земного шара.-Т. Б. МАКОЛЕЙ:

Джонсон

Жизнь в маленьком каменном домике, в который я теперь переехал, была полна книг, табачного дыма и запоздалых планов на будущее — того времени, когда я снова стану сильным. Я сожалел о невозможности собрать вещи из вашингтонской библиотеки, но мой старый друг и непримиримый критик, ныне удивительный мистер Менкен, поддерживал мой интеллект, присылая посылки с последними публикациями, и они приходили свежими, не обожженными, хотя и прошли под его жгучим взглядом и безжалостным пером. Позже мою верную пишущую машинку, реликвию газетных времен, отправили вперед вопреки рекомендациям врачей, и я написал несколько рассказов, которые вместе с их журналами и редакторами теперь забыты.

Вечерами, раскачиваясь в гамаке, я любовался закатами и их великолепием, скрытым и отраженным великолепным хребтом Сан-Франциско, и постепенно начал впитывать тишину пустыни. Чтобы познать его настроения, эти быстрые и неожиданные перемены, часто напоминающие крадущийся сон и нереальность, нужно прожить год в маленьком домике, построенном низко на фоне коричневой пустыни.

Я помню особенное серебряное сияние одного вечера. [\[45\]](#) Свет проникал сквозь пылезащитные экраны и, просачиваясь сквозь коричневые слои, окрашивал участки жирного дерева в лимонно-бледный цвет. Сторожевые тополя на берегу реки выделялись блестящими узорами серых стволов и кружевных ветвей в яблочно-зеленом сиянии. Ночь напозла с востока огромными голубыми облаками. Перед ним летали хлопчатобумажные пуховички, белые и извивающиеся в лучах заходящего солнца, похожие на только что выстиранные комки шерсти. Но на северо-западе раскачивался серовато-коричневый занавес, подсвеченный послесвечиванием, подвешенный к высокому небу, колышущаяся тяжелая драпировка, ее рваные края тонкими прядями дождя свисали с верхушек притупленных холмов. Между этим занавесом и средним расстоянием баррикады на плато еще не потемнели, и они четко вырисовывались в виде изможденных форм из красного и шафранового песчаника.

Теперь вершины остыли, и огромный горный хребет обрел очертания, его хребет был очерчен линией ярко-синего цвета. Ранняя ночь пронеслась над головой, и несколько робких звезд выглянули наружу, словно опасаясь раскатов грома, которые принес ночной ветер, угрюмый вестник бури в пустыне. Теперь бледно-красные языки пламени отражались в далеком серовато-коричневом занавесе. Буря неслась на восток по северным небесам, в то время как надо мной ночь катилась на запад, заставляя звезды светиться ярче.

Но этот шторм был в пятидесяти милях отсюда, и ему предстояло завершить свой предписанный круг. Вскоре его собирающийся авангард начал закрывать звезды. Теперь налетел пыльный завывающий ветер; теперь пурпурное брюхо неба было разорвано

раскаленной добела проволокой, и, словно грохот тысячи пушек, за голосами бури последовали голоса; теперь упало несколько капель холодного дождя, раздуваемых ветром в брызги; а затем - потоп — серебристый занавес в полумраке, словно река вышла из берегов, заливая пустыню, выбивая все слабое [46] в песок. Какой бы пересохшей ни была земля, вода не могла впитаться сразу, и вскоре во впадинах образовались озера.

В пустыне редко идет дождь, но когда он идет!—Можно утонуть в арройо, которые несут с собой стремительные потоки сразу после таких разрывов облаков, а на следующий день в том же месте песок будет дымиться под жарким солнечным светом.

В течение трех часов я наблюдал прекрасный закат, послесвечение, сумерки с надвигающейся бурей, звезды и ночь над головой; затем поток воды, освещаемый четкими ужасающими вспышками и приносящий шум ниагары; за которым снова следует спокойная ночь, звезды возвращаются, чтобы увидеть свои отражения в прудах пустыни. Но наблюдатель имел преимущество в виде обзора, охватывающего сотню миль между горным хребтом и местностью холмов. Чудеса небес проходили вокруг него по полному кругу.

И где можно было бы найти другое такое место для этого зрелища? Вероятно, нигде больше в этом полушарии, за исключением небольшого преимущества в высоте и атмосфере в Лоуэлловской обсерватории, расположенной примерно в шестидесяти милях отсюда, где астроном, возможно, наблюдал то же зрелище из своего кабинета, расположенного на склоне хребта Сан-Франциско, имея под собой этот мистический мир индейцев, тусклые, безграничные просторы Нарисованной пустыни.

Все штаты Новой Англии можно было бы плавно включить в состав Аризоны, и там осталось бы место для Пенсильвании и малого Делавэра без тесноты. Единственная резервация, за которую я отвечал с 1911 по 1919 год, занимала 3863 квадратных мили, что немногим меньше Коннектикута, и это была почтовая марка на широкой желтой поверхности Аризоны, занимающей двадцать седьмую часть территории всех Соединенных Штатов. Сто тысяч человек, или [47] одна четвертая предполагаемого населения штата, проживает в восьми его городах, в результате чего на оставшуюся пустоту приходится гораздо меньше трех человек на квадратную милю, включая индейцев и мексиканцев. Десятая часть населения - индейцы, а четвертая часть территории Аризоны является “индейской страной”. В резервациях проживает 1,5 человека на квадратную милю. Самому быстрому поезду системы Санта-Фе требуется десять часов, чтобы пересечь Аризону от ее восточной границы до реки Колорадо, расстояние в 386 миль. В Аризоне есть горы, которые возвышают свои гребни более чем на 12 000 футов над уровнем моря; и чтобы создать идеальный контраст, здесь есть Юма и Паркер, города в пустыне Мохаве, уютные места летом, недалеко от уровня моря, с температурой от 116 ° до 120 ° в тени. Да, вы можете есть апельсины с деревьев феникс, слушая историю о человеке из племени Юма, который обнаружил, что в аду холодно; и вы можете найти снег в июне на верхних уровнях индейского заповедника Апачи, не взбираясь на горную вершину. В северной части страны навахо я дважды переживал тридцатиградусный мороз в феврале, в то время как в садах Феникса, без сомнения, цвели розы American Beauty. Однажды я чуть не замерз насмерть девятнадцатого мая в Аризоне, краю пальм, инжира и гранатов!

Я ожидал, что мне будет ужасно скучно, но постоянная рутина каждого рабочего дня по бронированию съедала часы. Время не висит на волоске; это тоже странно, учитывая тишину, одиночество и бездействие в Пустыне. Какой-то писатель попытался изобразить эту шумную, говорящую пустоту: “Это страна, где всегда ожидаешь найти что-то прямо за углом; а за углом никогда ничего нет”. Совершенно верно. Таким образом, это волшебное место, Заколдованная Империя, [\[48\]](#) всегда наполненная томительным ожиданием, которое манит без горечи разочарования. Всегда есть другой уголок и другая прекрасная возможность.

Из-за множества служебных обязанностей четыре утренних часа казались одним целым. Время обеда, немного посплетничать с дюжиной незнакомых существ и ощутить странный юмор, который создает изоляция. Затем вторая половина дня, наполненная завыванием ветра и шуршанием песка о стекла. Проходящий мимо путешественник останавливался, чтобы спросить о речных бродах и дорогах в никуда; и те служащие, которые приходили за припасами, будь то инженер, школьная надзирательница или кузнец, высказывали свое мнение. Поиск чего-либо на складах всегда представлял собой увлекательный процесс, просто чтобы узнать, действительно ли это там, как указано в отчете, и в точном количестве, указанном Бюро в деталях; и когда это не находилось, оставалось достаточно времени, чтобы обругать парня, который воспользовался этим и не смог оправдать доверие, чтобы защитить Шефа.

“Это ограждение!” - гневно заявил Босс. “Эта проволока была выпущена пять лет назад. Я помню, старине Бекоде Беге досталась последняя катушка. К настоящему времени он заржавел в Корн-Крик. Хокинс тогда был клерком, и, черт бы побрал его глаза, он никогда ничего не тратил. У него был ревматизм, он пел гимны и всегда рассказывал мне, что конгрессмен Флloyd Уизерспун из Спокан-Флэтс женился на троюродной сестре своей жены. Пошлите полицейского в лагерь Бекода, и пусть этот старый грешник проедет тридцать миль, чтобы расписаться в получении телеграммы. Стыдно это делать, но кого это волнует в Вашингтоне! Они выгнали Хокинса, и он до сих пор где-то в другом месте крутит чужие счета. Что будет дальше?”

Так оно и пошло. Потому что при тогдашней модной системе учета — пережитке времен Военного министерства, [\[49\]](#), которая отнимала уйму времени и тысячи долларов на проверку и балансировку — все, от кварты прищепок для обуви до стационарного котла локомотивного типа, должно было быть найдено, протестировано и получено Начальником каждые три месяца, будь то Аид или паводок!

Без этого пристального надзора с помощью почты и синего карандаша, посредством исключений из представленных отчетов, глупых вопросов и столь же глупых ответов Шеф мог бы съесть либо прищепки для обуви, либо котел в то странное время, когда ему следовало бы делать кирпич, из-за отсутствия занятия. Состояние самих индейцев, физическое или умственное; состояние их запасов инвентаря или садов; фактическая эффективность работы наемного персонала; качество припасов и наличие их в достаточном количестве для обеспечения стандартной системы — ни одна из этих вещей особенно не интересовала ни одно восточное ведомство до такой степени, чтобы его исправляли; но счета собственности и кассовые счета проверялись до тех пор, пока бумага не истрепалась, и пока Вождь не пренебрег всем остальным, чтобы удовлетворить их.

И милый старый заботливый дядюшка, который потратил на архаичные системы больше наличных денег, чем любая другая организация, известная в древней или современной истории, каждые три месяца проверял дренажные краны, не обращая внимания на пробки, и скрупулезно заносил результаты в катакомбы Вашингтона, не подозревая о небрежности Хокинса, клерка, но всегда решительно помня об отношениях этого достойного человека с избранным гением Спокан-Флэтс. Теперь можно заметить, что системы бухгалтерского учета изменились. Они изменились — после многих лет тяжелого труда. Но Хокинс и его благожелательное влияние не изменились; дядя не изменился; и время Шефа по-прежнему тратится на проверку неэффективности дома и донесение невежества за границы. [\[50\]](#)

Три раза в неделю, ближе к вечеру, одинокий всадник, подпрыгивающий над своими нагруженными седельными сумками, появлялся на небольшом возвышении за факторией, направляясь со стороны железной дороги; и со стороны кампуса раздавался крик:

“Почта!”

Этот звонок вызвал бы переполох. Какой интерес представляет газета пятидневной давности, свежий журнал или каталог в этих заброшенных местах! А письмо от друга или любимого человека - это золотая вещица. Едва ли распределение заканчивалось, с радостью или разочарованием, когда наступал закат, и пустыня остывала и коричневела в сумерках, когда красный шар погружался вниз, в пещеры хребта, оставляя за собой сияние, которое часто компенсировало испытания и маленькие неприятности дня.

Воскресенье принесло паузу, которая казалась нереальной, вынужденную остановку, остановку времени. Для тех, кто не пел “Бьюла Ленд”, это была долгая монотонность. В тысяче миль от любого места, приглашающего в гости, часто без утешения родственной души, тишина и одиночество слились воедино. Лязгающий насос смолк, из котла больше не шипел пар, свисток не вызывал, почта не приходила. Все оделись по последней моде, как предписывали каталоги почтовых заказов, и сидели без дела, испытывая большой дискомфорт. Куда пойти? Не было ни охоты, ни рыбалки — ничего. Все, что находилось над землей, было сфотографировано пять тысяч раз. Ближайший город находился в двадцати шести милях отсюда и в воскресенье был мертв, как Юлий Цезарь.

В такой-то день я познакомился с почтовым торговцем, метисом навахо, красивым и улыбчивым. Я нашел этого милого парня в его комнате рядом с магазином. В помещении было мало удобств, но вдоль одной стены тянулись полки, заваленные книгами и журналами — и такими книгами и [\[51\]](#)журналами! Там я обнаружил знаменитую пятифутовую полку, протянувшуюся на много футов. И старые файлы *Harper's Monthly*, *Atlantic* и *Scribner's*. Среди книг моя рука коснулась “Джонсона” Босуэлла, и я понял, что по томам, которые я оставил, больше никто не будет скучать. И Диккенс, и Ирвинг, и Маколей, и Спенсер, и Хаксли, и Дарвин.

— Ну, я не ожидал найти такие книги...здесь...

Он поблагодарил меня улыбкой.

“Угощайся, когда тебе одиноко”, - сказал он. “Большинству сотрудников не хватает материалов для чтения только тогда, когда не приходит библия Монтгомери Уорда”. Он

заметил книгу в моих руках. “Теперь, когда Джонсон — он был отличным стариком, не так ли?”

Критика в стиле навахо!

Много лет назад он был студентом Хэмптонского института, этого превосходного учебного заведения на Юге, где обучались негры и несколько индийцев. Книги были его призами, выигранными в схоластических дебатах, и они вернулись вместе с ним на край Заколдованной Империи. Здесь он мог чувствовать присутствие белого человека, немного наслаждаться его обществом, читать его книги и все еще быть в пределах досягаемости своего народа пустыни. Я знал индийских спортсменов, которые обменивали свои трофеи, когда возвращались к прежней жизни. Этот странный индеец сохранил свои сокровища, и по ночам, теми долгими зимними ночами в пустыне, когда ему надоедала *Альгамбра*, он мог поговорить с доктором Джонсоном (“великим стариком”); он мог проследить за Маколеем сквозь века, чтобы посетить Лондон времен Карла Второго; и иногда он позволял Дарвину рассказать ему о своем происхождении. Он знал эти книги, все до единой. Он перешел от язычества к мягкому скептицизму, и его броня была [\[52\]](#) не помята отрывками из Священных Писаний. Добрые миссионеры вздыхали по этому поводу, но их можно было победить цитатой, и они были побеждены.

Его комментарии о тех писателях, которые рассматривают Пустыню как сцену и населяют ее костюмами, изображающими традиционных персонажей, были едкими и забавными. Некий очень популярный писатель был бы унижен после короткой беседы с этим полудиким критиком. То, что он оставил от картины этого писателя в стиле навахо, было очень немногим, и это немногое было разорвано в клочья.

Что касается его собственного народа, его обычаев и суеверий, то у него был столь же здравый взгляд на них, и он мог объяснить многие вещи, которые на первый взгляд казались чужаку фарсовыми, но при разрешении оказывались не более странными, чем рассказы наших собственных жен. Он представил мне реальную никчемность местных полицейских, систему, которой предан Вашингтон, признавая при этом все их мастерство в качестве следопытов и посредников. Как переводчик на судебных процессах, он был бесценен, и его знания о том, что сделал бы навахо в данных условиях, были почти сверхъестественными.

Занимая должность полевого переводчика и начальника полиции полигона, этот человек заслуживал бы очень достойной зарплаты, потому что он был бесспорно честным, прогрессивным и лишенным обмана. Я убеждал его согласиться на такую должность со мной в последующие годы, и когда он назвал свои причины отказа, одной из них был анализ суеверного местного жителя, которому придется служить под его началом, а другой - вопиющая скупость правительства Соединенных Штатов.

Я всегда буду помнить этого джентльмена из племени навахо и буду благодарен ему. Он мертв. Я не знаю, как он умер. Возможно, он смягчился и за свои языческие шутки попросил прощения; возможно, он умер под пение Шамана [\[53\]](#) — считая, считая, как всегда умирают в Пустыне, — вызывая к богам своего племени.

Но я знаю, что он встретил ответ с улыбкой. Ибо тогда он присоединился бы к длинной теневой веренице плетущих перья и метających копья, когда племя искало новые, более счастливые охотничьи уголья; или вошел бы в круг вождей, чтобы дать совет по пересмотру своих материальных ошибок, когда они видели в белом человеке завоевателя, а не друга, и сравнивали бы его зло со своей дикой изобретательностью. [\[54\]](#)

[\[Содержание\]](#)

СЕВЕРНАЯ СТРАНА ЧУДЕС

“Для тех, кто не привык к пустынным землям, страна навахо представляет по форме, цвету и группировке топографических особенностей удивительное и завораживающее разнообразие; а те, кто знаком с засушливыми регионами, найдут здесь черты эрозии необычного величия и красоты”. —ГРЕГОРИ: *Страна навахо*

Ближайшим местом для переодевания был город с ужином в доме Харви. Я планировал совершать эту поездку каждый месяц, чтобы перекусить, совсем как в те времена, когда грубые джентльмены времен скотоводства приходили с пастбищ, жаждущие зрелищ и удовольствий, и посвящали себя быстрому потреблению сырых напитков. Но четыре часа волочения по нагретому песку и солнечному свету от одной уединенной достопримечательности к другой, между которыми не было ничего интересного, разрушили большую часть ожидаемого удовлетворения. Я вспоминаю небольшой совет Вашингтона.

“Вы увидите, что эта местность, ” сказал человек с добрыми намерениями, “ покрыта черной травой. Первым делом купите пони породы пинто. Его содержание будет незначительным. Седло обойдется всего в несколько долларов. Таким образом, у вас всегда будет транспорт. Ездить в город в нерабочее время будет одно удовольствие. Больше всего на свете тебе понравится ездить верхом”.

Двадцать шесть миль—пятьдесят две мили туда и обратно!

Теперь я читал западные рассказы, написанные О. Генри и другими, кто меньше разбирался в этом предмете. Играя на [\[55\]](#) sedulous ape, я сам написал несколько песен. Во всех этих эпосах упоминались участки черной травы грамма и много говорилось о быстроногих кайюсах, которые были замаскированы Природой и обладали носами, как у Данте, и хвостами, похожими на метлы. В фильмах этого тоже удивительно много, и радостные прыжки вышеупомянутых животных с возвышенности на возвышенность, преодолевающих мили позади, и беззаботное поведение их всадников, окруженных скрипящей кожей, рубашками с широкими полосами и позвякивающими шпорами, привлекают внимание.

Но когда вы узнаете, что каюэ-бронк в северной Аризоне ест привозное сено по сорок, а иногда и по шестьдесят долларов за тонну, а черная трава и пастбища находятся в трехстах милях к югу; и когда вы обнаружите, что дьяволу нельзя доверять ни на мгновение и что с него постоянно нужно сдирать кожу, чтобы он хотя бы мог передвигаться иноходью; и когда вы почувствуете — “почувствуете” — страдание, пронизывающее весь организм человека от ударов по деревянной анатомии животного, большая часть этой бумажно-пленочной привлекательности исчезнет. Более того, пыльные рубашки, пропитанные щелочью носовые платки и запах магазина сбруи в сочетании не придают деликатного вкуса блюдам. Большой Билл Харт, возможно, получит мою долю в этом, и я рад приветствовать его.

Но приходит страстное желание “восхищаться и видеть” то, что на самом деле находится за домом. Кажется невозможным, что приключения и романтику нельзя найти в прекрасных пустынных далях. Тускло-голубые холмы севера, таинственные алтари богов, обещали что-то принести с земли, которую они охраняли. И когда механик Агентства сказал мне, что у него есть приказ посетить станцию Касл-Батт, отдаленный аванпост, я порекомендовал себя

в качестве стандартного лагерного повара, вспомнив ранние утра [56] тех газетных дней, когда я жарил яичницу на газовой плите. Мы не пошли в загон для лошадей и не набросили веревки на двух резвых скакунов, а рано утром отправились в сарай и запрягли двух крепких старых лошадей в фермерскую повозку весом в тысячу двести фунтов. Они были способны делать четыре мили в час, а в фургоне хватало места для ящика с провизией, одеял, лопат, веревки и всего, что, возможно, было необходимо для того, чтобы мы добрались туда первыми и что—то сделали потом.

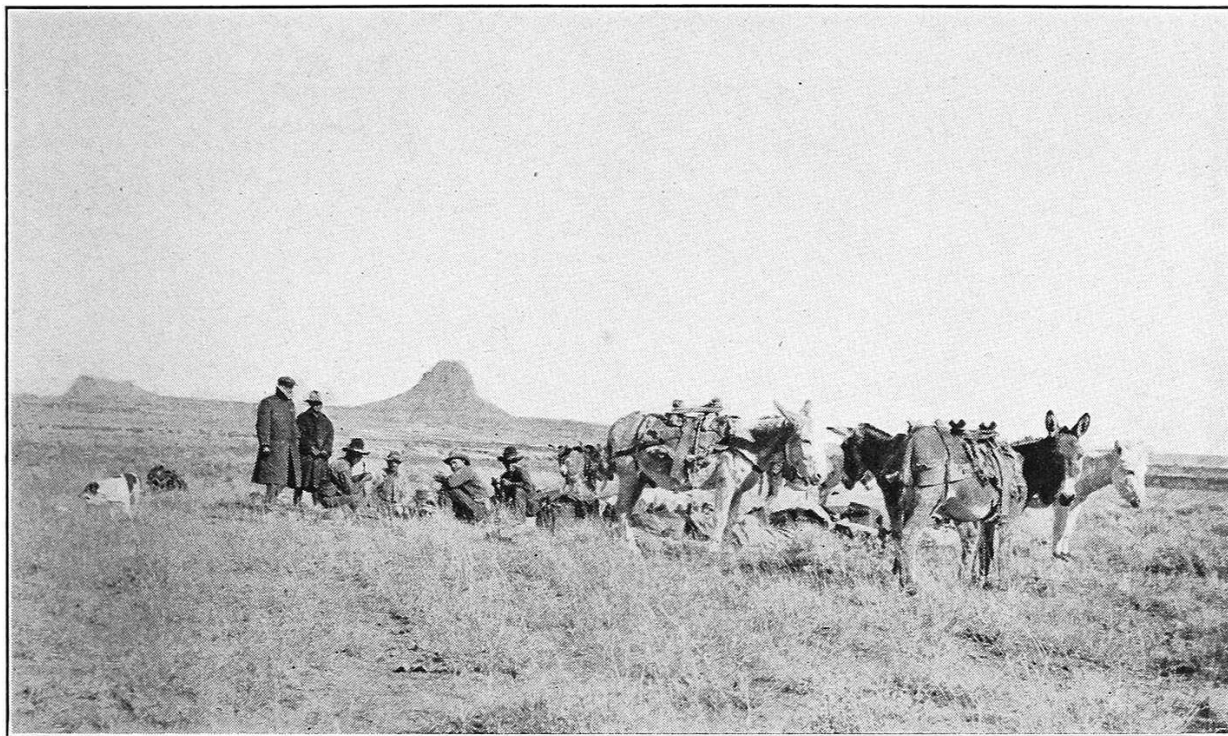
Вы никогда не задумывались, как эти отважные парни из сказки, у которых нет ничего, кроме носового платка, седла и аркана, умудряются преодолевать лиги за лигами на одной лошади и никогда не останавливаться на ночь? Индеец навахо может обойтись одним одеялом и овечьей шкурой, привязанной за седлом; но даже он ухитряется находить в пустыне пункты обмена провизии и всегда достигает дружественного лагеря с наступлением темноты.

Смит предупредил меня, чтобы я взял с собой плотное пальто, о чем я бы никогда не подумал. В самом начале я допустил серьезную ошибку, которая заставила меня горько страдать, и с тех пор я ее не повторял. Рассчитывая вернуться на следующий день, я убедил себя, что двух мешков “бек-а-шай нахто”, или настоящего табака для крупного рогатого скота, будет достаточно для поездки. Но планы пустыни подвержены изменениям, а мудрость пустыни приобретает болезненность. Теперь я приучил себя никогда не забывать спички и наполненную флягу, туюковую проволоку, иначе “аризонский шелк”, запасные части для ящерицы, кусок веревки, инструменты и толстую шубу из овчины, плюс табачную фабрику, если только маршрут не обозначен торговыми постами через каждые тридцать миль. Я готовлю все это автоматически, потому что в той поездке я пытался курить измельченную люцерну в трубке из початков.

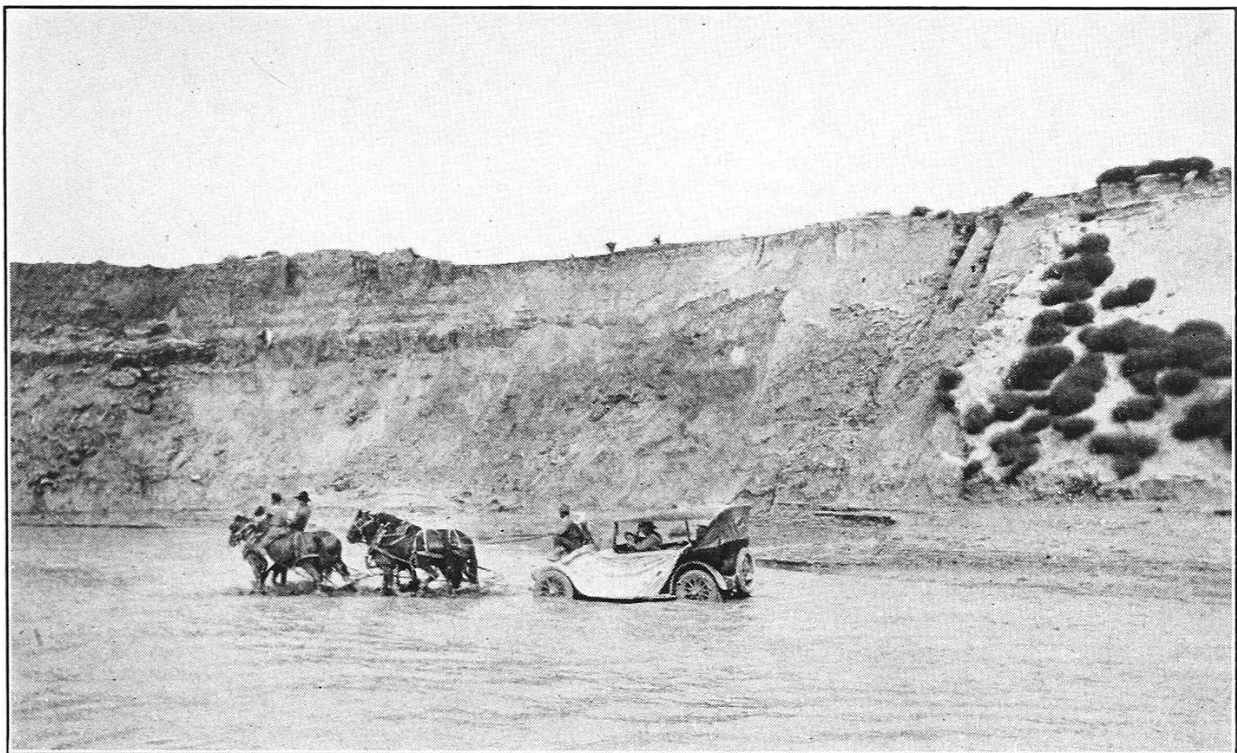
На север мы шли весь день, один изрезанный склон плато [57] и огромная равнина, сменяющая другую, постоянно повышающаяся. Миновав Лоун-Коттонвуд-Спринг, где вода была превосходной имитацией густого серого горохового супа, которым лошади брезговали, мы пообедали в восхитительном местечке, известном как Койот-Спрингс, одном из десяти тысяч названных так источников на Юго-западе. В названиях источников и драгоценной воды словарный запас первопроходцев, казалось бы, был решительно ограничен. Но то же самое было бы и с любым другим названием. Яма, вырытая в мягком камне и песчаном холме, огороженная кривыми и потрескивающими ветвями тополя, какими навахо строят свои загоны, и в радиусе нескольких миль от нее нет ни малейшего признака сочной зелени. Весь песок вокруг был плотно утрамбован стадами овец, пришедших на водопой. Над головой светило палящее солнце, и эта бесплодная местность отражала все его блики и тепло, которых здесь не было, как в печке. Воздух был насыщен ароматом овец, а щелочь в разливах источника казалась мертвенно-белой. Тем не менее, это был оазис, и в нем была вода. Тут и там валялись обглоданные и отбеленные кости. Койоты знали его название.

Теперь в поле зрения было много холмов, которых не было видно со стороны Агентства. Один бугристый холм напоминал свернувшуюся кольцом гремучую змею; другой имел форму пирамиды, хотя никто не слышал ни о Хеопсе, ни о Хефрене; а третий, обвалившийся, походил на огромную кровать с балдахином, которую разрушил какой-то забытый гигант.

Перекусим и снова вперед, неуклюже спускаясь по податливым отмелям, карабкаясь вверх и выбираясь из них. Действительно, потребовалась пара прочных затычек, чтобы втащить повозку по этим тяжелым склонам. Старый фермерский фургон с трехдюймовыми шинами, оснащенный стальной клепаной рамой, при условии, что у путешественника есть время и терпение, является самым надежным способом совершить такое путешествие. Он катится [\[58\]](#) и его качает, как приземистый люггер в беспокойном море, но он добирается туда.

ПЕРЕСЕКАЮ ПУСТЫНЮ НИЖЕ ЧИМНИ БАТТ

МОЙКА ОРАИБИ ВО ВРЕМЯ ПАВОДКА

Где зыбучие пески готовы поглотить загловшую машину

Хотя пустыня выглядит как ровная лужайка, вскоре обнаруживается, что никакой лужайки и в помине нет, и что миллион спутанных кочек быстро следует за первым миллионом, и у каждого пучка редкой травы, у каждого кустика таволги или солончака есть свой защищающий песчаный холмик. Хорошей дорогой в те дни считалась такая, по которой крепкая повозка могла проехать, не разбившись.

Это настоящий опыт - часами двигаться к заданной точке, отмеченной одинокой вершиной, настоящей горой с отвесными склонами, и при этом не иметь возможности заметно сократить расстояние. Солнце почти село, когда мы ползли по долине между двумя этими чудовищами. Один из них, названный Чимни-Батт, огромный усеченный конус, покоящийся на массивных выступах, был самым высоким в этой стране; а другой, Касл-Батт, выглядел как разрушенная средневековая крепость с дамбой, обрамленной башнями, над которыми смутно вырисовывались зубчатые стены и окна. При ярком дневном свете высота Чимни-Бьютта кажется ничтожной на фоне пустынных расстояний; а Касл-Бьютт не всегда украшен фантазией; но сейчас были сумерки, время, когда пустыня наиболее мрачна и причудлива, и это был мой вход в сад исчезнувших богов. Эти две гигантские груды были как устрашающие врата разрушенных ворот, проход в неизвестную, таинственную страну; и вся обстановка, погружающаяся в ночь, мрачная, от угрожающей тишины исходило что-то от странной нереальности сна. И внезапно наступила темнота и холод.

Как Смит удалось следить за дорогой? Я больше не мог ее видеть, и у меня было более чем достаточно дел, чтобы вцепиться в качающееся сиденье фургона. Мы направились

прямо [59] во тьму. Какие зияющие пропасти могли поджидать нас! Я замерз и мне стало тесно, и я был благодарен судьбе за ту шинель, хотя она и не защитила меня от грубых ударов дороги.

“ Сколько еще до этого Агентства? - Спросил я.

“ О! немного в холмах, примерно на три мили дальше. Ты же знаешь, это не агентство — ничего, кроме миссионера и бревенчатой хижины.

И мы нырнули в еще одно темное ущелье. Затем из темноты, с легким порывом холодного ветра, донеслось приветствие пустыни, которое никогда не забываешь, обещание редкого комфорта, когда ты голоден и скрючен от холода, острый аромат горящего кедра. Теперь из глубокой тени холма поднялся тонкий столб искр, сверкающих, летящих драгоценных камней ночи.

“ Вот и все, ” объявил он, словно испытывая некоторое облегчение.

Это был маленький домик, построенный из досок, всего из двух комнат, в одной из которых помещались кровать и комод, а в другой - кухонная плита, стол и два стула. Его внешние размеры не могли быть больше двенадцати на двадцать футов. А когда печь была заполнена сухим кедром, возникало искушение после полного поджаривания с одной стороны обойтись без стола. Но к нашему приезду никто не пожаловался на это. В камине весело потрескивал рождественский огонь, и вскоре аромат кофе и бекона дополнил его аромат. Гостеприимство доброго миссионера и его жены было похоже на все те приветствия, которые оказывают в уединенных местах, когда посетитель не путешествует с блокнотом и носом. Трапеза закончилась, и, обменявшись всеми новостями, мы пожелали друг другу спокойной ночи и открыли дверь.

“ Поехали! ” - воскликнул бы кто-нибудь, не задев чувств проповедника. Шел снег! И [60] даже проповедник заметил бы что-нибудь еще, возможно, с прилагательными, увидев этот правительственный дом, в котором нам предстояло провести ночь. По правде говоря, это была бревенчатая хижина, построенная на манер загон для скота: шесты стояли торчком, щели изначально были оштукатурены саманом. Там была всего одна комната, в которой стояли единственная койка, сколоченная из досок, старая кухонная плита и коллекция сломанных инструментов и пустых ящиков из-под консервов. Пол был выложен утрамбованной землей. Без преувеличения я могу сказать, что крыша и пол были целы, но практически вся конопатка сорвалась с бревенчатых стен, и ветер проникал внутрь длинными ледяными пальцами. Механик рухнул на койку и почти мгновенно уснул; а я, разжевав огонь в печке, завернулся в казенные одеяла и снова забился, на этот раз под печку, чтобы скоротать ночь.

Но я не успокоился в поэзии дикой природы. Сияющая луна не взошла, чтобы пролить свое величие ни через открытую дверь, ни даже через обширные проемы в стене; аромат растущих сосен не смягчился целебным бальзамом, крик гагары не донесся с другого берега озера, и так далее. Пол, однако, находился под этой плитой; и пол не был сконструирован в соответствии с теми научными принципами, которым следовали при изготовлении матрасов Ostermoor. Несмотря на то, что моя фигура была пластиковой, она отказывалась соответствовать.

И в довершение моего огорчения, у кого-то во всей этой огромной и пустынной стране была старая серая лошадь. Я знаю, что он был старым, и я знаю, что он был седым, потому что он вел себя точно как глупая старая серая лошадь. И он был прихрамывающий, и он был на улице, в снегу, и к его шее был привязан колокольчик.

Лязг-лязг-лязг, кланг, клааангнганг—лязг, лязг, лязг! [\[61\]](#)

Всю ту ночь он бродил вокруг дома, совершая прыжки и ныряния, как и подобает стреноженной лошади, его походка была достаточно затруднена ударами двух передних ног, чтобы придать синкопированный темп диссонансам и позвякиванию плоского металлического колокольчика. Временами он останавливался, как бы перевести дух, и наступала тишина — глубокая тишина, достаточная как раз для того, чтобы задремать; затем — лязг, лязг, лязг, лязг! он снова вырвется наружу.

Я слушал джазовые оркестры разных мастей и степеней преступности и другие разрушающие мир неприятности, заслуживающие смерти; но я никогда не слышал ничего, равного ночному паломничеству этой старой серой лошади. Я засыпал и внезапно просыпался, словно ощущая его скованные ноги прямо в центре моей сжавшейся груди; но он был в десяти ярдах от меня, жалко лязгая ногами, направляясь к другому участку заснеженной местности. Сбитый с толку, я поднимал голову, чтобы прислушаться, стучаясь ею, конечно, о дно плиты, когда длинная сосулька вонзалась в щель в стене и попадала мне прямо в ухо. Возможно, это была приятная ночь для Смита, который добросовестно и гармонично храпел все эти часы.

С рассветом я с трудом поднялся. Нет! Я не выскочил радостно порезвиться на чистом воздухе низкорослого кедрового леса. Был холодный серый рассвет с метровым слоем снега, и в нем чувствовалась промозглая ревматическая ласка. Со всей скоростью я начал разбивать упаковочный ящик для растопки. Авария! обрушился топор, и щепки разлетелись во все стороны, когда Смит зашевелился на своей койке, пробуждаясь к долгу и связанным с ним опасностям. Он моргнул и пролепетал: —

- Остерегайся этого динамита.

- Динамит?

“Да, он прямо под моей койкой. Нарубай себе дров”. [\[62\]](#)

Я точно выполнил эти указания. На самом деле, я аккуратно вынес все дрова наружу и нарубил их.

Приготовление завтрака, полная демонстрация моего кулинарного невежества, полностью заняло меня в полутьме. Я осторожно ходил взад и вперед, боясь разбудить динамит; и я удивлялся, как этот глупый парень мог так спать и храпеть, наложившись на затихшее землетрясение. Динамит - большой друг человека в скалистых ущельях Запада, но ему не следует позволять входить в семейный круг.

Когда я в следующий раз открыла дверь, какая трансформация! Я пришла в это место в холодной мрачной темноте, воодушевленная только ароматом горящего кедра. Занятый заготовкой дров и топором с мокрой рукояткой, я смутно осознавал сонный пейзаж в

липком предрассветном тумане. Но теперь взошло солнце, и передо мной предстала заснеженная сказочная страна. Корявые кедры на переднем плане были покрыты мокрым снегом, их ветви усыпаны драгоценными камнями. И там, где снег лежал сплошным слоем, чисто-белым, блестящим, тени карликовых деревьев образовывали редкие узоры. За домом были скалы, и каждый неровный угол был покрыт снегом. Истертые временем бастионы этих лавовых уступов стояли, словно разинув рты, приветствуя веселое Доброе зимнее утро. Это была сцена на сцене под ярким янтарным светом.

Длинная долина простиралась до равнин Бидахоче и Бесплодных Земель с их испещренными сотами холмами. Его тусклые углубления теперь были окрашены первыми лучами солнца. Слева и справа, нависая над заснеженными лугами, вздымались огромные контрфорсы и скалы из лавы, а по всей долине древние мысы вырисовывались на фоне рассеивающейся завесы тумана. В доисторические эпохи они представляли собой выступающие внутренние стены какого-то огромного кратера, когда их обжигали [\[63\]](#) и глазировали, обжигали и раскрашивали, образуя естественную керамику. Теперь, разбитые и разорванные на части, они стояли как фантастические отдельные монументы, выстроившись вдоль этого залитого солнцем коридора, ведущего к внешним равнинам.

На переднем плане доминировал Сквош Блоссом Батт, перевернутый цветок, вырезанный штормами эонов и окрашенный миллионом редких закатов. Индейцы почитают цветок тыквы как символ плодоношения, и, возможно, — кто знает - в его нежном колокольчатом цветке они видят нечто большее, чем просто обещание урожая. Его находят в серебряных изделиях навахо, нанизанных на те массивные ожерелья, которыми они так гордятся; и когда кто-нибудь отправляется в страну хопи, он обнаруживает, что ему подражают в прическах их девушек. Так они называли этот алтарь.

Это было впечатляюще в утреннем свете; это было последнее, что видели в долине, - алая макушка, вонзившаяся в ясное небо, когда наступила вторая ночь. Закат расточал на него все свои радужные оттенки. Насыщенно-золотые и лавандовые вверху, пурпурные тона и лавово-зеленые внизу; полосы шафрана, переходящие в сланцевые оттенки; изумрудный и малиновый цвета, переходящие в угольно-черный, когда исчезает послесвечение. Древний трон богов. И отчетливо сладко, как музыка пустыни, донесся приглушенный топот овец, бредущих среди кедров; и молодая девушка-навахо остановилась на опушке зарослей, застенчиво посмотрела на нашу хижину, а затем поспешила прочь, позвякивая крошечными колокольчиками у нее на поясе, исполненная всей романтики цыган.

На Юго-западе нет более прекрасного пейзажа, чем эта редко посещаемая страна холмов Моки, где, по словам хопи, когда-то жили великаны. Чудесные сваи и шпиль Грэн-Каньона представляют собой хаотическую борьбу, которая прекратилась во всем своем устрашающем беспорядке и былом величии. Это заставляет человека [\[64\]](#) ахать и удивляться, но это не вызывает улыбки задумчивости. В этой сцене с закатным троном была та безмятежность, рожденная изоляцией. Она была достаточно маленькой, чтобы приглашать к интимности. Подобно королевству из сказки, безмятежная долина заключала в себе свой собственный мир, грезящий, улыбающийся во сне.

С тех пор я много раз пересекал страну Бьютт, видя, как она замерзает зимой, и снова обжигаясь под летним солнцем, которое выжигало из кедров их самые сладкие ароматы. Я всегда находил это пристанищем, полным покоя.

На следующий день мы вернулись в Агентство, отступление прошло без происшествий, если не считать подпрыгивающего ящика с динамитом, который подпрыгивал, как дьявольски живой предмет, всякий раз, когда колеса попадали в колею. Мои нервы были не в лучшем состоянии. Я курил трубку из порошкообразной люцерны. И я оглядывался назад со своего высокого сиденья, каждый раз наполовину опасаясь поймать этот динамит в момент взрыва. Но удача была на нашей стороне; мы благополучно доставили его на склад Агентства, и я помчался на почту за банкой настоящего табака. [\[65\]](#)

[\[Содержание\]](#)

VII

ПЕРВЫЙ БАЛ СЕЗОНА

Из сарая Харрисона с его убранством

Флагов, развешанных по стене,

О свечах, которые отбрасывают свой мягкий блеск

И жир на головном уборе и шали;

Из шагов, которые мы предприняли к одной скрипке,

О платье моей странной визави,

И как я однажды опустился до середины

С человеком, который застрелил Сэнди Макги.

БРЕТ ХАРТ: "Ее письмо"

Среди сотрудников Службы по делам индейцев пустыни мэрилендцы - большая редкость. В Мэриленде об индийской службе ничего не известно, и все читатели газеты "Sun" полагают, что индейцы изначально были созданы Буффало Биллом.

Поэтому, когда однажды вечером какой-то парень уселся на моем крыльце и объявил: "Да ведь я тоже из Махеланда; да, действительно!" - меня поразило, где я должен был жить. Я тогда ужинал в столовой.

Он работал с бригадой ирригаторов, обследовал уровни и через несколько месяцев стал одержим всем, что связано с Юго-Западной Индией. На нем были мокасины и браслет, усыпанный бирюзой, и он мог напевать, как хладнокровный навахо, возвращающийся домой с ябачаи.

"Я собираюсь купить себе тыквенный барабан и заняться "пением", " сказал он мне, когда мы познакомились поближе, и продемонстрировал жуткий напев-полудодедь Шамана. " Скажи, Нулцозе! вы их слышали? — Медицина "поет"?" [\[66\]](#)

Это был мой первый намек на то, что к моей должности прилагается титул.

"Нулевой результат"

Следовательно, он объяснил это как "бумага" или "письмо" на языке навахо; тот, кто пишет или выпускает документы, относящиеся к тайнам совершенно ненужной бухгалтерии белых людей. Почти все клерки носят очки, как и я, и можно было бы подумать, что индеец, так часто называющий себя из-за немоги, воспользовался бы этим недостатком в качестве имени. Но это не так; чек, приказ, сценарий выдачи, разрешение или ордер, бумага,

“аннулирование” - вот что для него важно. Это означает деньги в твердой валюте, возможно, авторитет, спрос на товары, разрешение отправиться в путешествие с рекомендацией или охранным удостоверением; или, если удача отвернулась, вызов к Шефу.

“ И если ты пойдешь на ‘пение’, не забудь взять сдачу и не давай скво больше двух монет за раз. Знаешь, тебе придется с ними потанцевать, и вместо того, чтобы поблагодарить, ты им заплатишь. Протяни доллар и спокойной ночи — сдачу они оставят себе. Теперь старина Бек-а-шей Тлани приглашает на одно из них в ближайшее время. Это будет обычная вечеринка, и мы пойдем.

Присутствовавший доктор неловко ухмыльнулся. Нахтани, растянувшийся в гамаке, почесал парик и что-то проворчал.

“ А! вы все тоже приходите, ” настаивал Робертс. - Будет весело. Они все меня знают, и я буду переводить. В любом случае, каждая старая шема с помешанным на мне обращает свой взор в мою сторону. Они выбирают красивых мальчиков для свадеб в ‘sings’. Правда, мне нужно будет купить свадебную корзинку из пиута в день следующей зарплаты. В Ред-Лейк есть торговец, у которого я заказал ее.

Позже врач предупредил меня, чтобы я не слишком торопился в [\[67\]](#) в этом вопросе, и я понял, что у него были причины для робости.

“Они тебя достанут”, - заявил он. “Они никогда не упускают случая заполучить парня, а потом ему приходится гарцевать, как дураку, перед пятью тысячами индейцев. Для Робертса это нормально, потому что он станет мужчиной из скво, но я советую тебе”.

И однажды в сумерках, когда мы снова расположились на палубе после ужина, полдюжины маленьких мальчиков-навахо из школы бочком подобрались к Вождю, поочередно смелые и робкие, в их глазах горел огонь надежды. Они слонялись без дела, пока он не спросил:—

- А-тиш-а?

“Денс!” - воскликнули они, затаив дыхание.

“Ноки йисконга, ептен”, - сурово постановил Нахтани. “Доу-ях-шаунта! Она-не-будь-хосеном. И-ях-тай”.

Старик гордился своими лингвистическими способностями, и это было полным проявлением его языка навахо по любой теме. Предпоследнее предложение он придумал каким-то образом сам. Оно не имело ни малейшего сходства ни с чем, что когда-либо произносил навахо; но он знал, что это значит. Свободный — очень свободный — перевод звучал бы примерно так: “Через два дня ничего не делать. Не смей этого делать. Это вредно для тебя. Я ничего об этом не знаю. Да, все в порядке!”

Последнее было всем, чего хотели дети. Кустарник затрещал, когда они исчезли в нем, словно испуганные кролики.

Следующим заговорил Робертс.

“ Это ‘пой’ старины Бек-а-шей Тлани. Послушайте, босс, здешний Док и молодой Нульцоз оба жаждут пожать друг другу руки на этом званом вечере. Собери нам команду, ладно?”

Нахтани хмыкнул.

“Вы знаете, что лошади сегодня много работали...” [\[68\]](#)

“Да, давайте соберем команду”, - сказала его падчерица, которая впоследствии вышла замуж за доктора; и это решило дело, а также связало медика с приключениями этого вечера. В пустыне есть несколько вещей, ничем не отличающихся. Женщина-навахо из хогана, вдовствующая хозяйка дома хопи на высоте, жена пуэбло из нижних виноградников - все они решают эти вопросы почти одинаково. Мужчина делает предложение и начинает шуметь словами, и сразу же после этого строго следит за соблюдением тишины. Робертс знал это и без дальнейших переговоров исчез в направлении сарая. Вскоре подъехала фермерская повозка, запряженная двумя крепкими животными, и нас набилось в нее человек двенадцать, причем доктор заметно отставал.

“ Не забудь сдачу, Нултоуз, ” крикнул Робертс.

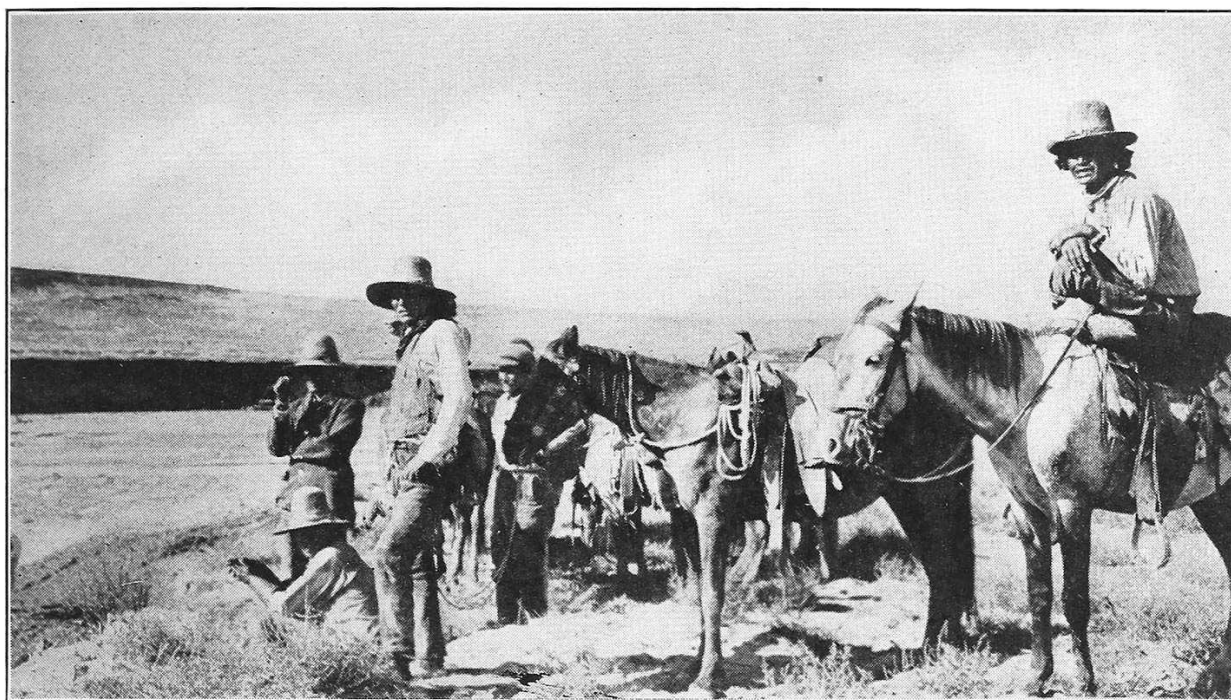
До реки было недалеко, и вскоре мы уже плескались по мелководью. Поднявшись на высокий дальний берег, фургон начало подбрасывать и кренить по старой пустынной дороге. Затем темнота опустила свое толстое покрывало, и звезды загорелись над головой. Со следующего подъема мы заметили вдали слабое свечение, которое становилось все больше по мере того, как мы продвигались вперед. Слабый ветер пустыни принес дуновение едкого дыма. Глубокие тени начали растворяться в золотистом сумраке, и вот уже вспыхнуло добела пламя горящего тополя. Затем послышался яростный окрик собак, и мы увидели лагерь. Как когда-то феодалов сопровождали слуги и лохматые варлеты, так и кочевого владыку Пустыни сопровождает множество собак. Казалось, тысяча из них поднялась, чтобы поприветствовать нас, - утрашающий, гортанный бедлам.

Вырисовывались фургоны с брезентовыми крышами, напоминающими о днях пионеров; а в промежутках между столбами виднелись маленькие костры для приготовления пищи, вокруг которых женщины и [\[69\]](#) дети сгруппировались среди горшков и сковородок, седел, ящиков, бочонков с водой и спутанной сбруи — всего хлама лагеря в пустыне. За огромным центральным камином виднелся хоган, странный дом, который навахо строят из бревен и оштукатуренного самана, куполообразный, как улей, и с его крыши вился тонкий столб дыма. Там покоился больной человек, для которого были сделаны все эти приготовления, стоимость которых, вероятно, разорила бы старого Бек-а-шея Тлани или, по крайней мере, серьезно подорвала бы его кредит на факториях.

Рядом с огнем были расстелены грубые ковры племени навахо, и под торжественные приветствия пожилых мужчин и улыбки матерей, которые вели стайку девочек племени навахо, нас пригласили занять почетные места. Это произвело бы впечатление на любого незаполненного жителя Востока, делающего записи, как грубое, но полезное гостеприимство, и так оно и было; но вежливость также позволила навахо побаловать себя — и особенно себя — небольшим весельем. Доктор скрылся в тени, и я заметил, что молодые люди из племени навахо, многие из них, сидели на своих пони, а за нами тянулась

длинная вереница всадников. Они расслабились в седлах, поводья свисали, на их лицах была та серьезная торжественность, которая отличает застенчивых и неуверенных в себе людей.

То есть стесняются незнакомцев, перед которыми натягивают маску серьезности, принимаемую со времен Фенимора Купера за стоицизм. Но Робертса никто не стеснялся, и особенно у него были друзья среди дам. Каждый пожилой шема приветствовал его улыбкой и возгласами приятного удивления. Он пользовался доверием этих людей; и вполне мог бы, учитывая, каких усилий ему стоило овладеть рабочим словарем их языка, которым, вероятно, так же трудно овладеть, как китайским. И я почувствовал некоторую уверенность в том, что он стал моим спонсором. Мы удобно развалились [\[70\]](#) на коврах, а огонь обжигал наши лица и освещал все вокруг, как на спектакле.

НАВАХО ИДУТ НА ТАНЦЫ

ХОГАН навахо И ЕГО ТКАЦКИЙ СТАНОК ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ОДЕЯЛ

“ Док вышел из себя, ” сказал он, ухмыляясь, “ но это не принесет ему никакой пользы. Они загонят его в кусты и привезут связанным. Я говорил дюжине старых женщин, что он скуп на танцы. Самооборона - иначе нам с тобой пришлось бы делать все это самим.

“Объясни этот танцевальный номер”, - попросила я.

“Не волнуйся”, - ответил Роберт. “Женщины позаботятся обо всем для тебя. Просто вежливо уступи — и ‘заплати’ им. Не забывай об этом”.

Теперь из хогана вышла группа мужчин с серьезными лицами во главе со старым джентльменом из племени, который был очень похож на Рамзеса III, прямо из стеклянной витрины № 12, если идти по восточному коридору, за исключением того, что он был слегка оживлен. В руках он держал посох, к которому был привязан маленький барабан из тыквы. Группа образовала клин позади него. Несколько секунд они молча покачивались, соприкасаясь плечами. Затем старик ударил в барабан и издал протяжный вой, и в едином порыве они унеслись прочь, как стая енотовидных собак холодной ночью. В такт странному ритму они продолжали раскачиваться и время от времени подпрыгивали, не двигаясь вперед. Огонь обжигал их, и, когда они согрелись под пение, запрокинув головы, разинув рты, а голосовые связки не пропускали ни одной ноты, на их лбах выступили капельки пота.

“Вот это, ” сказал мне Робертс с торжественной признательностью, “ вот это пение — лучше я никогда не слышал”. И я согласился с ним. Это перекрывало все, что я когда-либо слышал, включая хор театра на Мотт-стрит.

Невозможно описать нюансы песнопений навахо. На самом дальнем северном торговом посту живет дама, которая может перевести Песню о дожде, Молитву перед [\[71\]](#) Днем и другие их заклинания; и я знаю белого мужчину, над которым держали “целебную песнь”, чтобы утешить его жену-навахо; но пока вы не встретитесь с Робертсом, который в настоящее время находится под должным присмотром в великой реке Джедито, я не дам ни малейшего представления об этом странном сочетании звуков. Временами длинная продолжительная нота, то певучая мелодия, то печальный, полудикий крик, наполненный второстепенными эффектами, которые привели бы в восторг или отчаяние любого джазового исполнителя, - это действительно песня пустыни.

И самым поразительным из всего этого была выносливость этого престарелого вокалиста, старого Шамана. Высота его барабана просто вдохновляла его на новые эффекты. В его усилиях чувствовалась энергия, поддерживающая уверенность, которые, должно быть, оказали редкий эффект на больного внутри хогана. И в течение двух смертных часов остальные участники поющей группы следовали его примеру, ни разу не посоревнуясь с ним. Когда кто-то колебался, что можно было видеть, но не слышать, шум стаи заглушал все недостатки; и запинаящийся кашлял, плевал прямо в воздух, не обращая внимания, и начинал все сначала. Но старик никогда не терял самообладания; он ни разу не дрогнул, не колебался и не ошибся в тональности. Он начал с того первого ровного звука барабана и верно продолжал до конца. Он был художником. Я восхищался им. И когда Робертс сказал мне, что старый шарлатан получит за свой гонорар по меньшей мере двадцать овец и пять голов коров, я начал понимать его неослабевающий дух. Ему нужно было поддерживать репутацию.

В Постановлениях Министерства внутренних дел, выданных Нахтахнису, говорится, что все такие интересные старые комики должны сидеть в тюрьме за это нарушение медицинской этики. Но, заметьте! Министерство внутренних дел не поощряет Нахтани сажать его в тюрьму. Таких, как он, слишком много. В шести резервациях навахо проживает от тридцати до сорока тысяч [\[72\]](#) душ, и примерно каждый седьмой мужчина является доктором племенной медицины. Хотя это прибыльное призвание, оно не всегда является желательным для неофита, поскольку неудача в успешном изгнании злых духов, вселившихся в пациента, не раз приводила к быстрой кончине, и врач-неудачник позже не исцелял себя и не слышал пения.

Однажды ко мне пришел инспектор из Отдела, и он сказал:—

“Теперь у вас возникли проблемы с этими индейцами, и я удивлен, что вы уволили всех ваших полицейских-навахо как недостойных. У вас должны быть полицейские силы, чтобы держать навахо в узде. Мы созовем совет и подберем новое снаряжение, чтобы поддержать вас в этой важной работе”.

Что мы и сделали. Там были мука и мясо, кофе и сахар, а также все необходимое для продажи “бек-а-шай нахто”, табак для крупного рогатого скота, и люди пришли. Как обычно, мужчины были застенчивы и скромны, и никто не предложил себя в качестве офицера королевства. Кандидатуры были выдвинуты руководителями, и последовало обсуждение индивидуальных достоинств, влияния, храбрости и всех тех добродетелей, которые, как предполагается, вдохновляют воина. Инспектор, наконец, был удовлетворен выбором.

На платформе вместе с нами сидел старожил, исполнявший роль переводчика. В 1889 году Эд освеживал мулов в горах Зуни, и он мог взять старый однозарядный пистолет сорок пятого калибра и заставить жестяную банку двигаться, как живую. Он мог одной рукой сворачивать сигарету из седельной попоны, петь панчеровую песню и играть на гитаре. Он был одним из посттрейдеров и, возможно, лучшим из ныне живущих переводчиков с языка навахо. Он знал индейский язык навахо, поскольку в молодости имел преимущество [\[73\]](#) в виде живого словаря. Но Эд знал, когда нужно держать рот на замке, и, кроме добросовестного перевода с английского на навахо и с навахо на английский, в тот момент он ничего не сказал. Но позже:—

“Не мне, простому необразованному индийскому торговцу, давать советы мудрому парню с Востока, который указывал дорогу нахтани; но ... у каждого из этих чертовых новых полицейских в ушах ”лечебная бирюза””.

Это была правда. Каждый из них должен был сидеть в тюрьме!

Навахо по большей части гибкие и худощавые, а их одежда живописна. На этом “пении” можно было увидеть всевозможные костюмы. Там был старик в брюках, сшитых из мешков из-под муки, клеймо было выбрано в качестве украшения и где “НАШЕ ЛУЧШЕЕ” выглядело бы наиболее выигрышно; и там был тот, кто удовлетворился парой поношенных комбинезонов. Но большинство было в вельветовых рубашках насыщенных тонов, с открытым воротом и рукавами, прорезанными под мышками; и брюках-дезертирах, свободных и развевающихся предметах одежды в испанском стиле, с разрезом ниже колена, сшитых из разноцветного ситца с рисунком. Ноги одного парня представляли собой буйство безвкусных попугаев. Скрученные шелковые платки, которыми повязывают голову, несомненно, тоже пришли от испанцев. Их волосы были зачесаны со лба назад и собраны в длинный узел в монгольском стиле. Их мокасины были из покрытой красными пятнами оленьей кожи, наполовину ботинки, наполовину голенища, теплые и бесшумные. Молодые люди были одеты в яркие рубашки и шейные платки, купленные в магазине, а их пони украшали больше, чем они сами. У каждого было хорошее седло, самое необходимое для пустынного ромео, а головные уборы пони были украшены тяжелыми серебряными лентами и розетками.

Теперь денди средних лет расхаживал бы с важным видом, гордый [\[74\]](#) малиновой рубашкой, и свет камина рисовал бы его персонажем из старой оперы. Он бы сиял белизной серебра — огромное ожерелье с бирюзовыми подвесками и множеством нитей из ракушек и кораллов; браслеты и хадо, которое носят до сих пор, хотя запястье больше не нуждается в защите от тетивы; серебряные кольца и серебряные пуговицы, усыпанные бирюзовой крошкой. Металл и искусная работа стоимостью не менее пятисот долларов украсили бы эти старинные украшения, и индийская оценка была бы огромной.

Серебро и бирюза - драгоценности, которыми богаты индейцы навахо, белый металл контрастирует с их загорелой кожей, а камень передает цвет их бесподобного неба.

На женщинах были вельветовые лифы и необычайно пышные юбки. Они тоже были увешаны серебряными украшениями, у одной из которых было больше бус и бандо, поскольку она была любимой женой или дочерью. Некоторые девочки поменьше

расхаживали по комнате под звон маленьких колокольчиков, прикрепленных к их мокасинам и поясам.

И все это при ярком свете тополиного костра, над которым вился сноп искр, похожий на еще один Млечный Путь; и благоухали дымящиеся поленья; и усеянный звездами купол над головой; и повсюду простиралась темная утроба великой одинокой Пустыни.

Внезапно в этом “пении” наступила пауза. Хор куда-то удалился, и центр сцены занял другой старик, который вел маленькую девочку. Другие девочки постарше засуетились по кругу, метаясь туда-сюда, как будто сбивая что-то. Сначала малышка казалась немного смущенной и стояла в нерешительности с широко раскрытыми глазами; но по настоянию старшего церемониймейстера она направилась к Робертсу. Он поведет этого немца. Ухмыляясь, он позволил ей [25] вывести его на ринг, при этом его партнер сохранял комичную торжественность.

“ Приготовься к следующему выступлению, ” бросил он мне через плечо.

Социальные особенности были включены, и девушки были партнерами по охоте. Соперничали ли молодые люди пони друг с другом? Они этого не делали. Они сидели на своих конях так, словно были высечены из гранита. Ибо, казалось бы, молодой человек, скорее всего, потеряет половину своего наряда и уж точно всю сдачу, если его схватят, и позже может оказаться обвиняемым в нарушении обещания. Пеший он был в невыгодном положении; верхом его было труднее стащить вниз. Не могу сказать, что я заметил какое-либо рыцарство среди этих молодых людей-навах.

Но Робертс — для тебя нашелся прекрасный покладистый парень. Ему было недостаточно одного партнера; теперь у него было два крошечных.

Танец казался достаточно простым. Он заключался в том, что человек выполнял роль оси, вокруг которой маленькая скво или несколько из них поворачивались назад быстрыми шаркающими шагами. Одной рукой она крепко сжимала пояс мужчины, другой так же крепко сжимала одеяло. Выражение ее лица было трезвым, как у китайца. Но она достигла цели бизнеса. После нескольких мгновений такого поворота событий тема была бы слишком головокружительной, чтобы спорить о пожертвовании. Так продолжалось до тех пор, пока Робертс не начал ткать; но когда они остановились, он запротестовал, сказав, что он нищий негодяй, - и тут же, даже не улыбнувшись, они начали снова. Он должен был выложить каждому по меньшей мере по четвертаку, что в конце концов и сделал, и они поспешили обратно к своим компаньонкам, которые положили деньги в банк. И тут он нетвердой походкой добрался до одеяла, которое мы делили на двоих, в то время как я подозревал, что несколько пожилых женщин бросают угрожающие взгляды в мою сторону. Тут [26] во внешней темноте послышалась какая-то возня и треск смазочного дерева.

“ Док справился, ” сказал Робертс, спрыгивая вниз. Я приподнялся, чтобы осмотреться; и как раз в этот момент сзади я почувствовал, как очень мускулистая рука схватила меня за пояс. Ничего не оставалось, как уступить в наилучшем из возможных настроений. Дикий крик индейцев, мужчин и женщин, даже бесцеремонных всадников, сгруппировавшихся в тылу, и меня толкнули и потащили вперед. Они приставили ко мне двух маленьких девочек, и их хватка на моем поясе была подобна суровой смерти.

И вот началась перетасовка.

Я попытался крутануться, не запутавшись в ногах, но что-то в моих действиях было не так. Я не добился такого успеха, как мой друг Робертс. Теперь вперед вышел церемониймейстер, на его морщинистом лице была доброжелательность дедушки, и выразительными жестами он объяснил свою печаль из-за моей неэффективности. Он хотел преподать мне урок. Мы использовали слова, которые ни один из нас не понимал, и делали друг другу знаки, пока всеобщий смех не заставил учителя удалиться. Но я не был удален. Я все еще был на ринге.

Золотисто-оранжевые отблески костров слепили глаза, а затем человек начинал поворачиваться быстрее; круг ярких фигур в ярком свете утратил очертания, а затем фургоны, лошади, Хоган и Робертс на его одеяле расплылись и образовали одну беспорядочную карусель, центром которой был я. Еще немного такого, и я закричал бы "Хватит!" и, пошатываясь, чуть не свалился в огонь. Мои партнеры торжественно ждали и хватались за свои жалкие кусочки, а я поплелся обратно к одеялу.

Доктор не был схвачен в ту ночь. Возможно, ему удалось спрятаться, пока мы не запрягли команду и не отправились домой; возможно, он зашел в Агентство, как обвинили несколько [77]. Но это был "бегущий танец", что означает движущийся. Вторая его часть была проведена следующей ночью в точке в десяти милях вниз по реке. Доктора вынудили пойти, и там они сбили его с ног и заставили выступить. Его попытка была не так уж плоха, и я задался вопросом, была ли моя такой же забавной.

Подобные дела научили меня тому, что пустынные навахо - добродушный и интересный народ, во многом похожий на наших соотечественников в стегании пчел и шелухи. У них есть свои отступники и паршивые овцы, которыми белая раса столь же полно наделена; и мой уродливый опыт более поздних дней нельзя отнести на счет племени.

Когда навахо болеют, им удается совместить изгнание злых духов с забавным танцем, и независимо от того, улучшилась физически старая Бек-а-шей Тлани или нет, девочки хорошо провели время. Это часто помогает им найти мужа; и в этом случае, откуда им было знать, что Робертс бросит их ради девушки из Альбукерке или что через несколько месяцев я буду интересоваться только церемониями бракосочетания старших сестер и отправлением остальных в школы?

Но я часто задавался вопросом, когда шел по тропам, ведущим в район Бек-а-шей Тлани, и внезапно наткнулся на застенчивую девушку-навахо, пасущую стадо овец, была ли она той, с кем я танцевал той ночью на реке Литтл-Колорадо, когда я был просто "Нулевым ребенком", и заботы и ответственность Нахтани не были возложены на мои плечи. [78]

[\[Содержание\]](#)

VIII

СТАРЫЙ ОРАИБИ

Но сонное пуэбло все еще слышит

Голоса колоколов;

Они говорят как призраки прошлых лет,

Их послание слегка расширяется

И вздыхает вдали над городом,

Отголоски истории;

Шепот старой славы

Который жил в Кочити.

— “Колокола Кочити”

Однажды, когда в офисе было тихо, Шеф стал напоминать. Он рассказал о своем приезде на эту станцию; о том, как он разбил свою палатку под старыми тополями у нынешнего колодца; о том, сколько времени потребовалось, чтобы заинтересовать Пеш-ла-кая Эцетти, серебряника, и Бек-а-шея Тлани, владельца большого скота, в своих планах; и о зиме, когда отряд белых под предводительством окружного шерифа, ныне сенатора Соединенных Штатов, прогнал индейцев по снегу, упаковав их немногочисленные пожитки, и переправил через реку, чтобы несколько человек остались живы. скотоводы, которым принадлежало все остальное, тоже могли иметь эти бедные пастбища. Это было до того, как Великое Сердце покинул вашингтонский пост; и Великое Сердце, со свойственной ему энергичностью, очень быстро — можно сказать, грубо — изгнал самозванных белых наследников земли.

“У меня не было отпуска шесть лет, - сказал он в заключение, - И знаете, я устал и думаю, что просто возьму отпуск”. [\[79\]](#)

Что ж, я не удивился, что он немного устал. У него редко оставалась минутка наедине с собой — за исключением ночей, когда он, возможно, спал. Он только что вернулся из долгой поездки по стране Батт, неоднократно ездил в город по делам, помогал в поимке банды конокрадов и только этим утром был на полигоне, чтобы обнаружить и изгнать некоторых нарушителей границы. Когда такая работа его не занимала, оставалось возиться с разрушенным котлом, строить насосную установку и отчитываться перед индитом; не говоря уже о заседаниях индийского суда, долгих, запутанных и фарсовых, о купании овец и нескончаемых жалобах служащих — болтливой, сплетничающей, жалующейся толпы.

Это была прекрасная жизнь, но он на мгновение ослабел.

- Да, я устал, - сказал он, - и я позволю тебе ненадолго управлять этим ранчо, пока я буду отдыхать. Я никогда не видел, как танцуют змеи, а мокуи держат их вон за теми холмами. Завтра я начинаю.

Вот это и есть представление жителя Юго-Запада о настоящем отпуске. Ему предстояло проехать около ста миль на упряжке, медленно пробираясь по песку, вероятно, под дождем в это время года и после него с коварной грязью; с трудом преодолевать арройо и русла ручьев, где зыбучие пески могли запутать его снаряжение и заставить работать несколько дней; конечно, несмотря на палящий солнечный свет и общий дискомфорт, взгромоздиться наконец на раскаленный камень на краю утеса и стать свидетелем того, как десятки благонамеренных, но введенных в заблуждение индейцев хопи жонглируют своими драгоценными гремучими змеями. В течение двух часов он мог бы занять место в одном из лучших поездов в мире и в течение двадцати четырех добраться до великолепно разрекламированного и разросшегося города Лос-Анджелес. Это не так! По ту сторону пустыни звали неудовлетворенную приманку, колдовство неизведанных расстояний. "Где-то там [\[80\]](#) было что-то, чего он не видел". Это было оправданием. На самом деле он жаждал свободы, и не нанесенная на карту Пустыня предлагала свою великолепную безграничную свободу.

В то время я понятия не имел, что тяжелый труд, без каких-либо забот, кроме как о том, чтобы не сбиться с пути, был лучшим видом отдыха для активного человека, рутина которого была наполнена мелочностью раздражающих и никогда не разрешаемых правительственных фарсов. Теперь я знаю, что способ отдохнуть - это удалиться от телефонов и телеграфных линий, от начальства и подчиненных, желающих переложить ответственность на себя, от адской рутины меню и приема пищи, от жалоб попрошаек и нытья попрошаек; уйти от всего и так далеко в глубинку, чтобы в случае войны, эпидемии или смерти заинтересованные лица были поражены мыслью добраться до вас.

Человек учится действовать быстро. Задержка на полдня, и входящая почта может представлять собой дюжину препятствий. На рассвете следующего дня он отправился в путь, привязав свое походное снаряжение к легкой повозке; и на почтовом столбе он оставил уведомление, что мои приказы будут действовать как закон Мидии и персии во время его отсутствия.

Я поверил ему на слово, и одно очень необходимое улучшение было немедленно приведено в действие. Это место превратилось в приют для бродячих собак пустыни и несчастных кошек, лишенных наследства. Этот скот был быстро согнан, и у реки были проведены церемонии погребения. Последующие ночи были наполнены успокаивающим покоем.

Но дело было не только в пиве и кеглях. Котел действительно умудрился перегореть во время его отпуска, благодаря тщательной невнимательности низкооплачиваемого и безответственного индийского кочегара; а без котла не работают паровые прачечные, не делают лед и, что самое серьезное в пустыне, не качают воду. Это последнее - единственная [\[81\]](#) вещь, без которой нельзя обойтись. Итак, в течение двух дней и ночей инженер и помощники трудились с преданностью, которая стала для меня откровением, сворачивая и перекачивая рассыпающиеся трубы этого пережитка Средневековья, в то время как из реки с трудом доставляли цистерны с питьевой водой.

Мы с доктором сидели в кабинете и говорили о многих вещах.

“Когда Шеф вернется, - предложил он, подмигивая, - мы пойдем туда и посмотрим. Как насчет этого?”

“Договорились!” Я согласился. “Но они устраивают эти змеиные танцы каждый месяц?”

“Наши хорошие друзья, моки, каждый день устраивают что-то вроде вечеринок, насколько я слышал о них, но не все они представляют собой змеиные танцы. Они предназначены для серьезных и ответственный случаев, регулируемых солнцем, луной и звездами. Они происходят раз в год в определенных фиксированных точках.”

— Тогда... у нас должен быть объект; и...

“Персики”, - сказал он хитро. “Мы поедем в олд Ораиби за персиками — сочными фруктами, подарком испанских падре”.

Заметив мое неподдельное изумление, он поспешил пуститься в объяснения.

“Одно из законных развлечений индийского агентства - занимать прислугу, исходя из теории, что, как и в случае с лошадьми, она может думать только об одной вещи одновременно. Теперь в этой Службе было обнаружено, что дюжина женщин, очищающих персики для консервирования, не только радуются мысли о сокращении расходов, но и с большей легкостью говорят о том, что их беспокоит. Мы предложим им персики, они надавят на Босса, и мы уйдем. В этой стране много кролика, а на озерах - уток. Ораиби тоже стоит посетить. Он был построен примерно во времена Ноя, и с тех пор его не убирали. Флуд до него не дошел”. [\[82\]](#)

Все это было очень интересно для того, кто хотел поехать куда-нибудь, куда угодно, после того, как провел взаперти несколько месяцев. Я так долго рассматривал те же самые обветшалые деревья, те же цементные дорожки, ту же старую факторию, что всякое суждение покинуло меня, и я начал покупать одеяла племени навахо. Когда человек достигает этой точки, начинают действовать прививочные силы тонкой Пустыни.

Все произошло именно так, как предсказал доктор. Однажды в сумерках Вождь вернулся, покрытый коркой песка и с недельной щетиной. Пока он брился, я составил полный отчет против кочегара и бойлера, с комментариями о тех, кто в Вашингтоне несет ответственность за то и другое. Затем доктор услышал о смертельно больном индейце за Озерами, и другие партии начали настаивать на "персиках и экономии". На следующее утро мы с медиком сбежали до того, как было обнаружено полное отсутствие собак.

Единственное, что пыталось помешать нашему побегу, было маленькое животное, примостившееся на моей дорожке в свете поздней луны. Врач предупредил меня, чтобы я не беспокоил этого посетителя, и на этот раз я не пренебрег советом врача. Когда упряжка была запряжена в сарае, мы подъехали на расстояние выстрела к этому гостю, и доктор протянул мне веревки, сказав: —

“Когда я выстрелю, отпусти их”.

Что он и сделал, и я сделал.

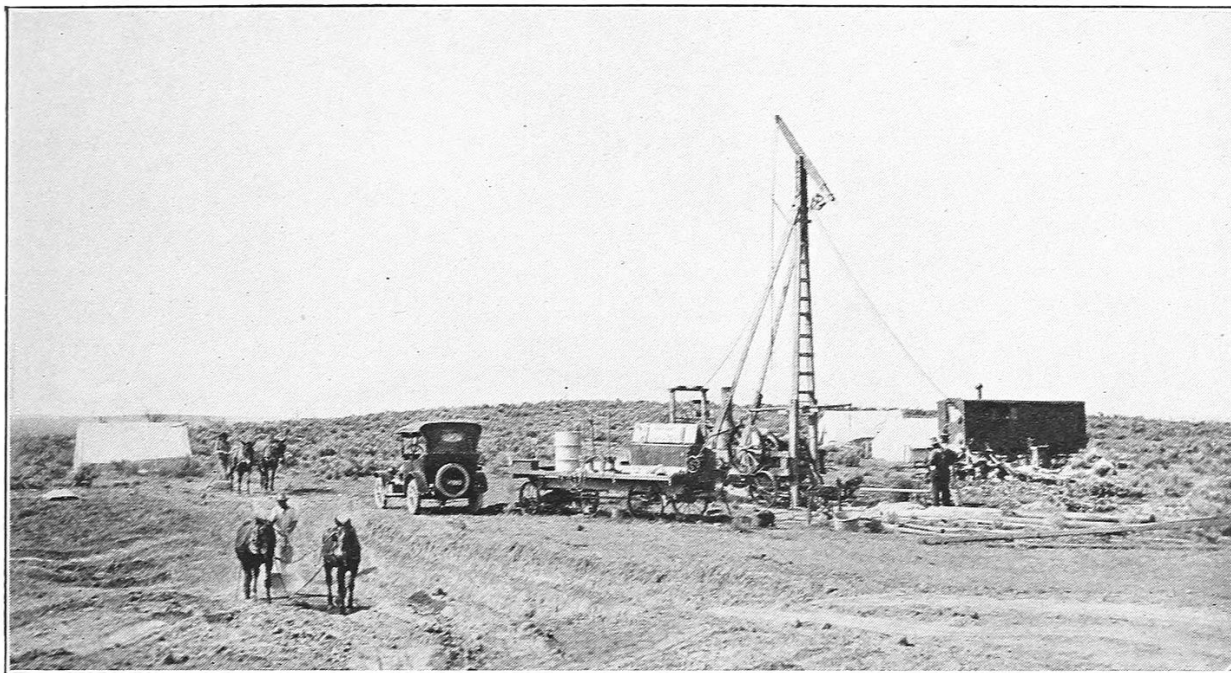
Позже мы пожалели об этом приключении, потому что глупое аммиачное существо продолжило нырять в столовую, и вся еда на складе приобрела странный вкус. Дело такого рода, начатое в духе невинного отпуска, может иметь далеко идущие последствия. Когда мы вернулись с нашим грузом персиков, швейный кружок принял нас без особой теплоты. Фактически, самым широким образом намекалось, что мы, отработав отпуск, проделали этот трюк намеренно, [\[83\]](#)к полному ужасу и смятению всех ничего не подозревающих людей.

Наш спуск к реке проходил сквозь тот таинственный полусветящийся свет, который следует за темнотой перед рассветом. Тогда пустыня приобретает пепельную бледность, холод и тишину, которые подобны зиме в любое время года. Голые пространства кажутся покрытыми снегом. Не слышно криков птиц. Человек движется в мертвом мире.

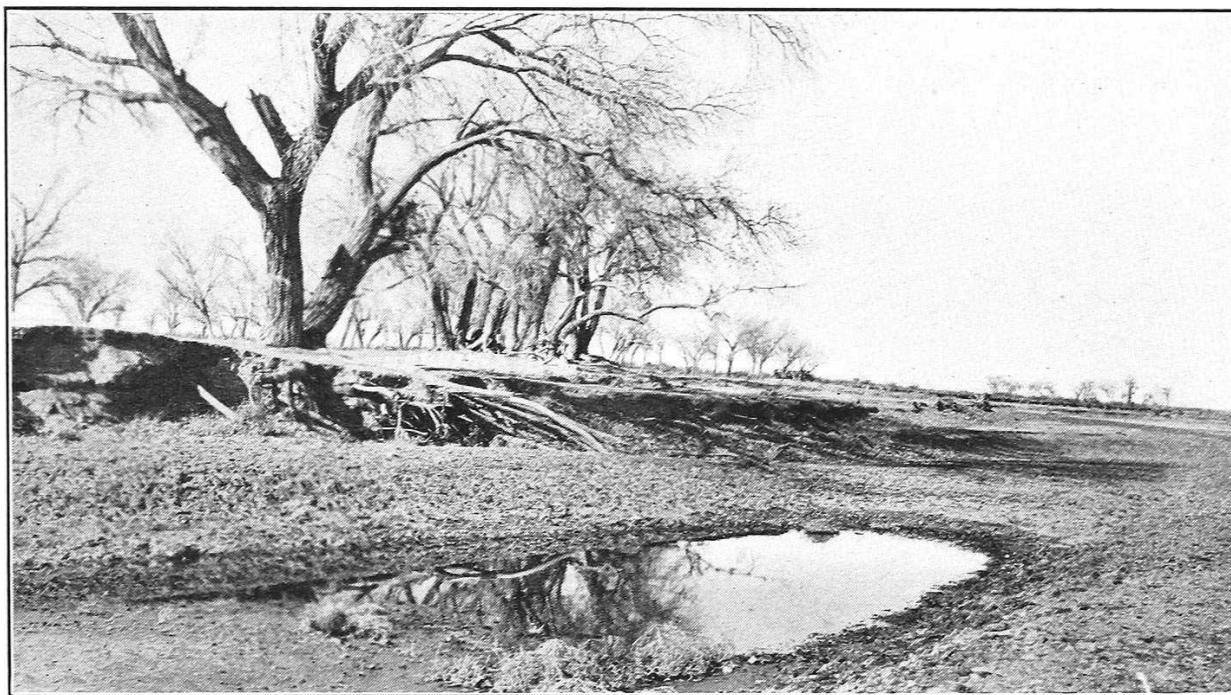
У брода колеса зловеще застучали по плоским каменным плитам, а затем лошади зашлепали по мелким заводям к дальнему берегу. Мы повернули на запад, и горы показали свои вулканические пики, мрачные серые крылья в бледном рассвете. Они поднимались, изможденные и неровные, из-за поросли сосен. На тех более высоких уровнях, между бревнами и гребнями, выпал снег, и обочины были задрапированы белым. Теперь — самые кончики хребта были опалены красно-золотым; и теперь — каждый заснеженный гребень начал согреваться розовым сиянием, как будто кровь бурлила, пульсируя, в массах ледяной лавы и выветрившегося камня. И вся гамма согрелась в сиянии свежей розы и сверкающего золота, когда она повернулась навстречу солнцу.

Внизу, у реки, тополя все еще были окутаны бесцветным туманом; над ними распростерлись сияющие крылья утра; и птицы начали перекликаться, писклить, шелестеть, когда багровая полоса расширилась на серых губах востока.

Вскоре мы поднялись на гребень оранжевой горной горы, которую я так долго рассматривал с территории Агентства. Это был мой первый крупный план разрушения, произведенного в глине и песчанике рвущими, стареющими пальцами Пустыни. В этих измученных холмах не было ровных плоскостей. Они распростерлись на дне реки в окаменелой агонии, изношенные [\[84\]](#)посмертные маски того времени, когда Ад вырвался из вулканов и залил равнины своими расплавленными массами.

СНАРЯЖЕНИЕ ЗЕМЛЕКОПА, ВОДЯНОЙ ВЕДЬМЫ ПУСТЫНИ

ПЕРЕСЫХАЮЩЕЕ РУСЛО РЕКИ ЛИТТЛ - КОЛОРАДО

Показывает, насколько недостаточны запасы воды в реке

Медленно мы добрались до самого верхнего хребта из всех, хребта, отделяющего страну рек от остального мира, и посмотрели на север, на обширную равнину, свежую в утреннем свете,

с озерами Толани. Эти широкие голубовато-зеленые пятна на расстоянии многих миль казались миражом; но это была вода там, где ее меньше всего ожидаешь найти, разлив великой реки Ораиби, запертая в плоском бассейне и высыхающая до следующего наводнения. Берега были болотистыми, поросшими тростником и привлекали перелетных птиц. В тот год над озерами кружили десять тысяч уток.

И в зеленоватом зеркале отражались тускло-красные стены Монумент-Пойнт, конца огромной Красной горы, которая тянулась на север, громадно возвышаясь над песчаными дюнами и пустыней, окруженная по бокам и подпираемая, как какой-нибудь вавилонский город. Возможно, это был город древних, исчезнувший как Помпеи. Хотелось найти время, чтобы исследовать его мертвые улицы. Без сомнения, там были львы, крадущиеся по разрушенным террасам; и разбитым тротуарам; и сломанным колоннам, отбрасывающим длинные тени под осенней луной. И было ли это безжизненным — или только заколдованным? Один остановился и подождал, пока крик, грохот колес, далекий рев бучины разбудят его копейщиков и пошлют вспышки по стенам.

Это было мое первое впечатление, и одиннадцать лет спустя, так и не увидев его снова, я отправился туда старым маршрутом, чтобы узнать, не поблекнут ли первые впечатления. Я обнаружил, что Пустыня и ее видения не меняются.

Мы “обедали” на бесплодном пространстве, которое украсило бы Сахару. Солнце палило нещадно, но воздух был довольно бодрящим. На этих более высоких уровнях кожа коричневеет, [\[85\]](#)но на аппетит это не влияет. Костер, состоявший всего лишь из горсти щепок и сучьев, был разожжен в небольшой тени, которую давала вышка. Доктор преподавал мне урок по кемпингу Southwest, как раз перед тем, как я опрокинул банку очищенного картофеля, после чего он счел меня невыносимой. Со своей обычной энергией я собрал хвороста для костра и принес их издалека. Из них получился бы костер в ночь выборов. Доктор отобрал жалкую горсть из этой горы кустарника и кратко прокомментировал:

“Совсем как белый человек”, - говорит индеец. ‘Белый человек разводит большой костер, садится подальше; Индеец разводит маленький костер, садится поближе’. Вам не нужен костер, чтобы сварить кофе. Я могу разбить лагерь здесь с семьей палочками длиной пять дюймов. Как вы думаете, где вы находитесь? В Канаде, охотитесь на лосей?

Весь тот день мы бежали трусцой под палящим солнцем, стреляя в молодых кроликов и иногда попадая в них. Место было переполнено ими. Тени от лошадей становились длиннее по мере того, как солнце опускалось к Красной горе. А затем наступил серый вечер, и мы стали всматриваться вперед в поисках признаков хорошо установленной буровой вышки. В долине были бурильщики, терпеливо загонявшие свои буры в надежде пробить дно реки Ораиби. Мы помогли им одеться в Агентстве, и они были из Службы идентификации личности. Их местонахождение должно быть где-то недалеко от пуэбло Ораиби, “города на высокой плоской скале”, места, давно известного в летописях провинций Тусаян, впервые замеченного белыми людьми почти четыреста лет назад.

Мы мало думали о древнем прошлом Ораиби, и, конечно, мне и в голову не приходило, что в течение более чем восьми лет это будет касаться меня лично. Педро де Товар, этот отважный лейтенант великого конкистадора [\[86\]](#) Коронадо достиг его в 1540 году, в первый год испанских исследований к северу от Рио-Гранде; а в 1629 году, или, возможно, немного раньше, ревностные монахи ордена францисканцев построили там миссию и, окруженные всегда подозрительным населением, вдали от испанской штаб-квартиры в Санта-Фе, работали, молились и правили вплоть до восстания 1680 года, когда они приняли мученическую смерть и миссия была завершена. исчез.

До недавнего времени Ораиби был крупнейшей общиной пуэбло в Северной Америке, насчитывая более тысячи жителей, таким образом, превосходя любой из пуэбло Нью-Мексико. Но его ведущие граждане, некто Тевакаптева и некто Екеома, первый политик, а второй прирожденный пророк и заклинатель ведьм, поддерживаемые преданными и фанатичными приверженцами, пророчествовали, вызывали видения и интерпретации знамений, ссорились между собой и бросали вызов правительству, пока не попали в плен. Их заточение было недолгим, и теперь они были заняты изготовлением нового лекарства.

Портрет Тевакпаптевы появляется в этой прекрасной книге индийских песнопений, отредактированной мисс Натали Кертис и изданной the Harpers; на его певучем лице появляется восторженное выражение, когда он исполняет йодлем Песню Butterfly. Перевод его имени там дан как “Сияющий на закате” и несовершенен, как большинство переводов, но так же хорош, как и любой другой, при условии, что вам не нужно рассматривать его на правительственной основе. Я никогда не имел с ним дела в музыкальном плане, и его несомненный гений в этом отношении меня не привлекал. Однако, как его индийский агент, я в течение долгих восьми лет пытался сделать из него разумного человека и потерпел неудачу из-за нехватки материала. После того, как его судили как индийского судью, а затем как индийского полицейского, в надежде сохранить его достоинство и авторитет наследственного вождя, он был признан самым негативным [\[87\]](#) сварливый дикарь и неисправленный мятежник, оставшийся в сообществе ораиби, настолько наполненный злонамеренными интригами в его пользу, что группа его соплеменников обратилась ко мне с просьбой изгнать его из поселения мяса в надежде, что тогда они смогут существовать в мире. Конечно, это имело мало общего с его “Сиянием заходящего солнца” или пением Бабочек; но когда родители дома не могут поладить с отцом, значит, что-то не так.

Екеома, другой вид хопи, потерпел поражение от группировки тевакаптева и теперь занимался знахарством и пророчеством примерно в семи милях к западу, в своем новом и уже благоухающем городке Хотевилла, откуда после племенных волнений, подобно другому Моисею, он увел своих верующих. Традиция гласит, что среди орайбанов всегда будут зависть и вражда, пока претендент на лидерство не примет мученическую смерть; поэтому, когда Екеому выгнали, он принял это как проявление правил. Но это не помешало обеим организациям оказать сопротивление правительству, инопланетному вторжению, совершенно не обращавшему внимания на священные пророчества, которое вторглось, чтобы уладить совершенно законную семейную ссору.

Кеванимптева, третий член фракции ораиби, возглавлявший самую слабую группу из всех, пошел в другом направлении, и второй переворот привел к его изгнанию и уходу с политического поля. Его союзники отправились в малоизвестный каньон Бакаби, где, если

бы не оперативная помощь Правительственного агента, все измаильтяне погибли бы. Была зима, и у них не было урожая. Помощь в этом случае была принята с благодарностью, и из перемирия выросло дружелюбие, которое теперь не нарушалось. Однако те, кто последовал за Екеомой, оставались угрюмыми и непреклонными, ничего не принимая и не признавая, бунтарями и непокорными.

Таким образом, первоначальная индейская община ораиби, которая была самой многочисленной [88], была разделена на три части, а родительское место еще больше сократилось из-за эмиграции в Моенкопи на дальнем западе. Как будет рассказано позже, всех этих глупых разногласий можно было бы избежать, и правительство могло бы сэкономить много тысяч долларов благодаря твердой и беспристрастной политике по отношению к этим индейцам. Хотя разделение ослабило их, за ними нужно было следить средствами контроля, образования, санитарии и медикаментов — гораздо более дорогостоящая работа, чем потребовалось бы для всего пуэбло ораиби.

Я думал, что эта маленькая экспедиция за персиками ознаменует все мое знакомство с хопиту, “мирными” воюющими племенами. В 1907 году я написал несколько рассказов для журнала *Harper's Magazine*, один из которых касался этих людей. Этнологические факты я эксгумировал в библиотеке Отделения по делам индейцев в Вашингтоне, и скелет, на который я нанизал эти фантазии, был создан из той страшной вещи, которая известна как воображение писателя. Да простит меня Бог! Я всегда верил, что мне поручили руководство Хопиту в наказание за то преступление против истин.

А потом, когда мы уже собирались признаться, что глупая команда свернула не на ту дорогу, что привело к тому, что мы сбились с пути, заблудились и, вероятно, нас украдут, на обочине дороги замаячила буровая установка, похожая на высокую виселицу. Раздавались звонки и сердечные приветствия.

“Коротышка”, младший водяной ведьмак Империи, отложил на этот день свою волшебную палочку, что является одним из способов сказать, что вышка буровой установки больше не дрожала, трос больше не дергался, а сверло не стучало в своем отверстии. Коротышка был готов принять посетителей и рассказать, как он застрелил горного льва. [89]

В этой стране не имеет значения, насколько убог гость, насколько беден хозяин или насколько дико место встречи, всегда есть радушный прием и развлечения за столом, за которыми следуют разговоры об Империи. Ветеран гарнизонных времен рассказывал мне, что в его время, добравшись до почтовой лавки, было невозможно сбежать в течение недели. Каждая новость извне была бы востребована и оплачена ликвидной монетой, которая больше не находится в обращении. Затем, когда зажигались трубки, чаша лилась рекой, и вечером компания собиралась вокруг пылающего камина.

“Мы сплетничали и обменивались ложью, пока не переставали видеть, а затем падали в ближайшую кровать, чтобы отоспаться. На следующий день, если с него было достаточно,

парень вызывал свою лошадь. За этим последует ужас. Все будут многословно сожалеть о том, что Тупоголовый Билл оставил ворота загона открытыми прошлой ночью, и теперь во всей долине ни звука копыт.

“Черт возьми! пардон, они уже убрались отсюда и ушли в палисейд-каньон. Понадобятся два “рэнглера”, чтобы собрать их. Чувствуйте себя как дома, потому что завтра будет другой день”.

Так что у него не будет никаких средств передвижения до тех пор, пока не закончится великий обмен идеями и не закончится виски, и тогда они заставят его двигаться дальше. Сказал ветеран: “То были времена!”

Но сегодня в Индии приходится довольствоваться ансамблем без прежних стимулов.

В этом лагере не было дополнительных кроватей, поэтому впервые я спал на открытом выгуге. Мы упаковали дюжину толстых одеял, по шесть на землю и по три на каждого для обертывания. К тому времени, когда постель была заправлена, контраст между полуднем того дня и тремя часами после захода солнца был более чем резким. Снимать одежду в этом [\[90\]](#) необычайном будуаре площадью в тысячу квадратных открытых и продуваемых сквозняками миль было делом не из легких.

Несколько раз в течение ночи я просыпался, убежденный, что медленно замерзаю; и в одном из случаев я был совершенно уверен, что умер и достиг определенной цели; потому что на краю Промоины собралась стая койотов, и они делали ночь ужасной. Это был мой первый крупный план такого хора, бедлама омерзительной болтовни. Изверги, возможно, были храбрее, но они не могли бы издавать более ужасающих развратных криков. Койот занимает очень низкое место в социальной иерархии Пустыни. Хотя ортодоксальный навахо никого не убьет, точно так же, как хопи редко убивают змею, это не значит, что он радуется близости зверя. Несмотря на души предков, которые, как считается, вселяются в него, “Ми-хе”, койот, не пользуется особым приемом или уважением. В Ми-хе, шакале Юго-Запада, есть что-то настолько прискорбно нечистое, настолько подкрадывающе злое, что я до сих пор не обнаружил к нему ни малейшей симпатии ни при каких условиях. Он следует за овцами и телятами и охотится на них, бедных, глупых, беззащитных созданий, и в отдаленном месте я видел, как несколько его представителей кружили вокруг стада диких пони, терпеливо ожидая, когда жеребенок отстанет. Ночью, когда тайн и фантазий хватает и без него, его заунывный вой, сопровождаемый омерзительной болтовней, похожей на неземной смех или насмешку над заблудшими душами, дает индейцам веские основания причислить его к никчемным персонажам дикой мифологии.

Но утро принесло сияющего бога солнца, и вся нечисть разбежалась. Приободрившись, мы преодолели последние пять миль до нашей цели. Ораиби занимает выступающую точку огромной обвалившейся горной горы, которая познала изгиб вулканических конвульсий. Под ним на равнине находились государственная школа, фактория, [\[91\]](#) и целое поселение индейцев, которых убедили переехать с антисанитарной высоты. Чтобы добраться до самого пуэбло, мы поднялись по длинной извилистой песчаной дороге, используя многовековые сугробы и дюны в качестве лестницы. Это соединялось с довольно опасной горной дорогой, нависающей над долиной, на краю которой мы нашли древний город.

Новичок в пустыне хопи всегда предполагает, что индеец стремился к высотам из-за вида и живописной красоты, чистейшего воздуха и свободы. Свобода имела к этому какое-то отношение, поскольку, без сомнения, он был вынужден принять меса как цитадель. Чтобы у него был шанс защититься от мародерствующих "апачей Наваху", которые совершали набеги на его лагерь и стада, убивали его сыновей и уводили в плен его женщин, он рискнул воспользоваться нехваткой воды, полагаясь на водоемы во время осад, и укрепил горные горы. Там, со своим домом, построенным для более надежной защиты, и со своими стадами под уступами, он чувствовал себя в безопасности. Поля племени, служившие гарантией от голода, по необходимости находились на расстоянии от этих опорных пунктов, и это препятствие превратило хопи в замечательного бегуна на длинные дистанции, которым он является сегодня.

Старый Ораибби - картина не из приятных, хотя его обстановка во многом избавляет от убожества и мусора. Узкие улочки были завалены мусором и кое-чем похуже; в отбросах копошились домашние птицы, в дверных проемах паслись ослики, а долговязых, полуголодных собак было множество. Многие дома разрушились, а другие сносятся. Это были заброшенные дома побежденных фракционеров. Там были короткие переулки и глухие дворики, в то время как вокруг центральной площади возвышались дома высотой в три этажа, куда можно было подняться по маленьким лестницам, где несколько обитателей грелись на солнышке. Крыши были завалены сушащимися персиками. Место [\[92\]](#) церемониальной кивы спускалось к краю плато, и с него открывался вид вдаль, на многие мили, на тускнеющий речной край. Мужчины были в полях, дети в школе; место казалось заброшенным, мертвым. Это была совершенная картина одряхления бывшей цивилизации, которая разлагалась на протяжении многих веков, и в этом наши дни подошли почти к полному упадку сил.

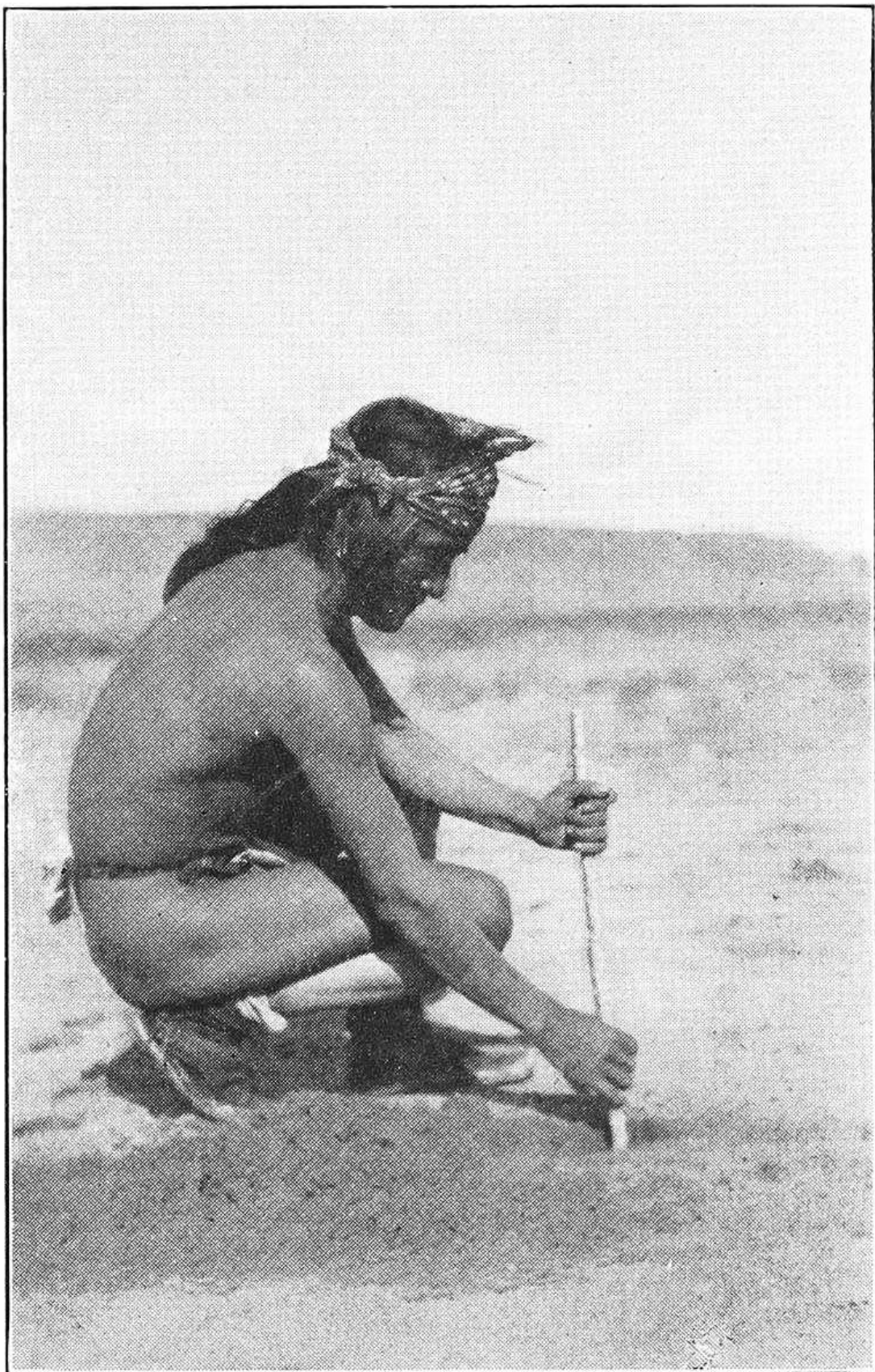
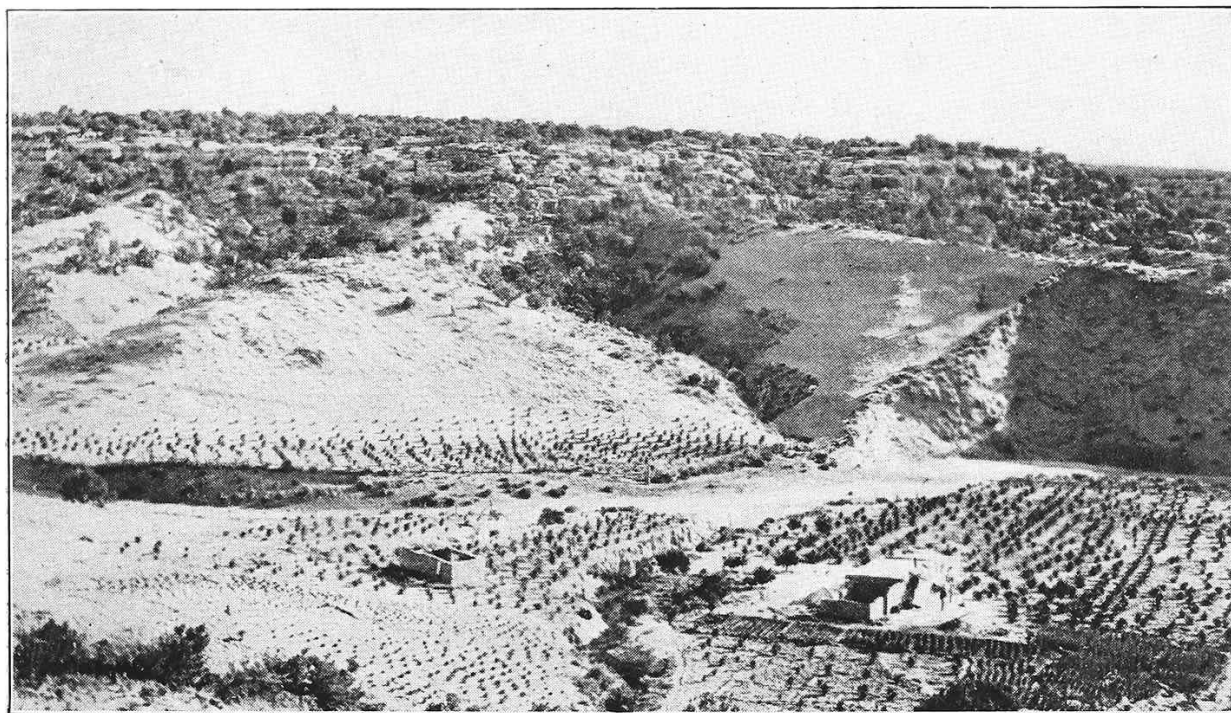

Фото. автор: А. Х. Вомак

ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ ПОСАДКА КУКУРУЗЫ ХОПИ

Палка, вращением которой готовится отверстие, когда-нибудь будет положена рядом с головой человека в его собственной могиле

САДЫ ХОПИ В РОДНИКОВОМ УГОЛКЕ ПУСТЫНИ

С края огромного утеса открывался вид на бескрайние просторы пустыни. Давным-давно выпасаемая стадами, которые держались слишком близко к пуэбло, земля стала бесплодной, превратившись в море дрейфующего песка, который шевелился и поднимался ветром. Но в этом песке были кукурузные поля и грядки с бобами упрямой расы. Хопи, кем бы он ни был, является величайшим земледельцем на земле. Он возделывает неорошаемый песок, борясь с засухой, вредителями и палящими ветрами в соответствии со своими ритуалами, и из него вырашивает зерно, которое является его посохом жизни.

Возвышающийся на некотором расстоянии мыс был “Судилищем”, или местом учета, куда должны были отправляться души всех, за исключением детей хопи, после того, как они покидали земное тело. Нужно было пройти совсем немного, чтобы наткнуться на их могилы.

То здесь, то там - разбитая чаша

Наполовину зарытый в песок,

Отмечает место, где мечтает какой-нибудь вождь пуэбло,

Забытый своей группой.

Те неглубокие холмики, где стареют игрушки, —

Слабые духи обитают неглубоко,—

Пустыня проливает на них свет;

Дети пуэбло спят.

Наш гид направил нас в укромный уголок горной горы, где среди валунов и песчаных наносов мы нашли единственный сохранившийся дар падре - восхитительные персики, не такие [\[93\]](#) крупные, как калифорнийский фрукт, но обладающие всем вкусом и качеством тех, что выращивают в Мэриленде и Делавэре. Мы поторговались с улыбающимся хопи и загрузились.

И затем, подобно всем опытным путешественникам по пустыне, мы начали “долгий путь”, пока солнце стояло высоко; в ту ночь мы разбили лагерь в гризвуде, поужинав хорошо прокопченным кроликом, а на следующий вечер, усталые и голодные, прикатили в Агентство, где нас встретили холодно и подозрительно. Предложенный нами персик не исключил этой горечи. Такая мелочь, как беспорядочное бегство сбитого с толку млекопитающего, может, таким образом, подорвать дружбу и повлиять на самые искренние труды. [\[94\]](#)

[\[Содержание\]](#)

СОЗДАНИЕ И СВЕРЖЕНИЕ ВОЖДЕЙ

“ Ты будешь руководить округом, пока не придет мой преемник. Я бы хотел, чтобы тебя назначили на постоянной основе; ты же знаешь людей. Хотя, полагаю, это будет Буллоуз. Хороший человек, но слишком слаб для работы на границе; и он не понимает священников.... Позовите людей Хусру Хейла; я проведу свою последнюю публичную аудиенцию”. —Киплинг: “Глава округа”.

Таким образом пролетел год. Ноябрьско-декабрьские дни были великолепны. В то время, когда изнеженный Восток разгуливал в калошах, болел простудой и хинином, хныкал, брал отпуск по болезни и вообще спешил в могилу, мы наслаждались солнечным светом.

Январь и февраль принесли по-настоящему душные зимние ночи. В начале марта пришла весна, и тополя на берегу реки быстро снова зазеленели. Затем внезапно, словно во вспышке гнева, весенний ветер бросил вызов влажному песку и начал сносить все, что было незакрепленным перед ним. Затем тоже внезапно кое-что произошло: вождь подал в отставку.

Подобный вопрос вызывает драматическую паузу у тех, кто находится в изолированных местах. Что-то вроде необъяснимого страха закралось в душу каждого, от парня-индейца, чистившего лошадей, до главного Нульцоца. Небольшая компания людей, досконально знающих друг друга и в некотором смысле брошенных на произвол судьбы, потеряла бы Шкипера, Старика, Начальника, который следил за [95](#) за большей частью их рутинного мышления, принимал решения, нес ответственность и в целом обеспечивал им комфортное существование, независимо от того, были они способны на это или нет.

Кто станет его преемником?

Каковы бы ни были недостатки и слабости Шефа, они, по крайней мере, знали его, его юмор и его настроения. Проанализировать его было несложно. Было время лстить и было время оставить его в покое; были моменты во время поездок, в лагерях и на небольших общественных мероприятиях, когда все, что осталось в нем от юности — можно сказать, “мальчика” — возвращалось, когда на короткое время он переставал быть Стариком. Так они внезапно осознали, забыв о мелких разногласиях, что между ними бессознательно возникло нечто вроде привязанности.

Но зачем бросать маленькое королевство? Действительно, почему!

Он стал алчным. Гордость, которую Пустыня пробуждает в тех немногих, кому удастся ею управлять, каким-то образом взяла верх над его рассудком. У него хватило поразительной наглости думать, что он зарабатывает и имеет право требовать зарплату в размере более тысячи трехсот долларов в год! Подумайте об этом — он начал переоценивать себя. Для него было недостаточной честью создать маленький центр цивилизации. Он действительно чувствовал, что рабочий достоин того, чтобы его наняли. Это напомнило одну конкретную сцену из *"Оливера Твиста"*. Это было ошеломляюще. В этом человеке была откровенная наглость. Вашингтон никогда не слышал ничего подобного и, по собственному признанию, был болезненно потрясен; на самом деле, он пришел почти в ярость.

Разве не целая череда клерков, работавших до белого каления в перерывах между бейсбольными матчами и каникулами, годами проверяла его счета и требовала объяснения каждого его действия, просто чтобы уберечь его от этого самого состояния ума — не дать ему наивно воображать, что он чего-то достиг? [\[96\]](#) Подумайте о человеке, который по приказу добрался до этой заброшенной станции в 1908 году, преодолевая ветер, песок и падающий термометр, только для того, чтобы научно продемонстрировать, как замешивают бетон в Нью-Джерси. Да ведь этот консультирующий конкретный гений получал всего две тысячи долларов в сутки, человек, владеющий методами, известными на атлантическом побережье, и, помимо своего политического влияния, всегда был готов по приказу, за это жалкое жалованье, предоставить свои всеобъемлющие знания в распоряжение этого ничего не понимающего деревенщины из пустыни, который — слов не хватает!

Что касается индийцев, на которых повлияло это изменение, то они были невнятны и не принимались в расчет. Кто-то был бы назначен на эту вакансию, кто-то столь же хороший — ну, во всяком случае, достаточно хороший для индийцев.

Затем произошел такой опыт, от которого, должно быть, страдает самодовольный двор, когда умирает старый монарх. Это, без сомнения, случается, когда где-либо происходит смена начальников; но это тем более личное и мучительное, когда приходится жить по соседству с начальником, завтракать с ним, обедать с ним, ужинать с ним, сидеть с ним лицом к лицу через стол или ехать бок о бок с ним от рассвета до темноты; короче говоря, преданно служить ему двадцать четыре часа в сутки. Сравнения не одиозны; они адовы. Те, кто находятся в таком положении, что зависят друг от друга из-за долга и общества, должны иметь какие-то узы симпатии, что-то вроде доверия и почтения, если не более того, подобные тому, что снимает проклятие с брака. Условия жизни, отсутствие общества и развлечений, самоанализ, к которому располагает Пустыня, — все это превращает случайное слово в оскорбление, а случайную фразу в трагедию. Если только это не происходит на борту корабля, я не знаю ни одной относительной ситуации, в которой один человек мог бы стать таким ужасным бременем для других, как на изолированной станции в пустыне. [\[97\]](#)

Достаточно упомянуть, что период реконструкции и перемен вызвал множество споров, и все они были подавлены напыщенной тяжестью сорокалетнего опыта. Новый шеф был другим, постаревшим и больным, что стало несчастьем для него самого и для всех остальных. Как это неизменно бывает, самые ценные сотрудники начали готовиться к увольнению с корабля. Я видел много верноподданных на Западе, и честный человек может рассчитывать на людей до последнего; но эти же самые люди свободно высказывают свое мнение, и им трудно менять царей. Старые традиции были восстановлены; повар уволился в порыве гнева, оставив в качестве мести последнее блюдо, украшенное мертвой мышью. Котелок варился пятнадцать часов в день.

Когда ситуация стала для меня чересчур напряженной, как гром среди ясного неба, пришла непрошенная, неожиданная телеграмма: **“СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ НА НАЗНАЧЕНИЕ СУПЕРИНТЕНДАНТОМ МОКИ С ОКЛАДОМ В ТЫСЯЧУ ВОСЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ.”**

Вежливое выражение, которое сейчас встречается редко: “Примите ли вы приглашение”. Простая перестановка слова имеет решающее значение. “Вы примете” — таков тон недавних

приказов - реакция великой войны против пруссачества на тех, кто с елейным гражданским ужасом отвергает любую идею милитаризма.

И все же в военной атмосфере присутствует определенная тонкая дисциплина и выучка, даже их копия, которые практикуются в должным образом организованных школах и ведомствах дальних пустынь. Человек учится повиноваться в неприятных вещах и чувствует что-то вроде долга и лояльности, соглашаясь. Там, где на сотню миль в любом направлении нет ничего от цивилизации, нет даже телеграфного провода, начинаешь преклоняться перед этим освежающим проявлением храбрости - Флагом, развевающимся над деревьями, символом власти и [\[98\]](#)порядка; трепещешь от музыки оркестра; а звуки горна в вине на высоте семи тысяч футов над уровнем моря добавляют стимула для формирования характера: подъем, беспорядок, отступление или в конце долгого рабочего дня. ехать домой в темноте, в тесноте и холоде за пятьдесят миль, чтобы услышать торжественные звуки “taps”.

Ночная тишина сонной пустыни сменилась дневной суетой. Грохот цехов, гул машин, шипение пара стихли. Звонков от играющих детей больше не поступает. Одна за другой гаснут лампы в кампусе и в жилых кварталах, и великий Орион выжигает дотла пустые пространства, чтобы мельком увидеть обрывок слабой цивилизации, зажатой в древних вечных холмах. Затем, с холодным ветром, украдкой доносится жуткое пение навахо, скачущего верхом по плато, взывающего к своим богам.

— Примешь ли ты ... Мокви...

Это была страна Холмов и скалистых холмов; Старого Ораиб; Второй Столовой горы и ее широкой лестницы, ведущей к куполообразным пуэбло; древнего Вальпи и его скалистой лестницы к небу; страны руин, относящихся к туманной заре истории. По нему маршировали испанцы, современники Колумба, их алебарды сверкали на солнце; и здесь правили первые падре, а колокола их миссии теперь молчат. “Провинции Мохоче или мохоки”, как Коронадо попросил своего поэта-историка записать это. Это было самое сердце Зачарованной империи.

Было всего два человека, которые дали мне современный взгляд на ситуацию. Переводчик с языка навахо на моем теперешнем месте работы был одним из тех недоучившихся, наполовину угрюмых вернувшихся студентов, которые соглашались на мизерную зарплату, в то время как торговец отказывался, - часть экономической системы, нацеленной на дешевое обучение дедушки через его никем не ожидаемого внука. Он был родом из той северной страны, и его [\[99\]](#)ближайшие родственники составляли самую дерзкую банду — простая деталь, о которой я узнал позже, во время стресса.

“Там, наверху, много навахо”, - сказал он. “Эти парни с Черных гор - тоже злые индейцы. Здесь, внизу, тихо, никогда никаких неприятностей, потому что им нравился Вождь; но там, наверху, всегда что-то делается”.

Не слишком доверяя этому парню, я не придавал значения его словам. Но в тот день днем приехал миссионер из нижнего течения реки.

“ Привет! - окликнул он меня. “ Что это я слышу? Ты едешь в Моки? Так, так! Я надеюсь, вы справитесь с этой кучкой злобных тварей за пределами Ораибби — с этими Хотевильями. Примерно каждые четыре года они вспыхивают. Последний был в 1906 году, так что скоро наступит срок. Нынешний агент не обратил этих индейцев в христианство, а тот, что был до него, был немного мягковат. Им нужно внушить страх Божий. Много агентов? Ну, если подумать, да. Я могу вспомнить нескольких из них. Один проработал четыре года; в среднем, как правило, около двух. Дай мне как-нибудь услышать от тебя.

Объединенное индийское агентство, наполовину хопи, наполовину навахо, и два давних врага, которые братались на поверхности, когда Агент был достаточно силен, чтобы заставить его. Девяносто миль назад, в горах. Ни телефона, ни телеграфа. А у агентов в среднем около двух лет службы у каждого. Что с ними случилось? Интересно, подумал я. Были ли они похоронены там, тихо и без суеты, или они отправились между солнцами в поисках более спокойных краев? Падре не были выдающейся личностью, и испанцы оставили страну как безнадежную, несмотря на свои обычные методы господства. Верно — существовала такая вещь, как иметь парня при себе для блага его души, на манер причудливой Аризоны.

Я серьезно обдумал этот вопрос, прежде чем ответить на этот [\[100\]](#) телеграмму. Мои планы менялись. Из шести месяцев мое изгнание растянулось на год; и теперь этот год истекал. Принятие означало бы более длительное пребывание, принудительное проживание, поскольку я был бы связан и больше не мог приходить и уходить, с дополнительным шансом потерпеть неудачу на непрошеном ответственном посту. Я не завидовал своему старому Шефу. Сегодня я не завидую ни одному индийскому агенту.

И все же — Пустыня звала меня из-за этих голубоватых Холмов прийти и найти это неосязаемое нечто “прямо за углом”. И в конце концов, подобно Язычнику Киплинга, я решил: —

И я думаю, что это убьет меня или вылечит,

Так что я, пожалуй, съезжу туда и посмотрю.

[\[Содержание\]](#)

X

ПРОВИНЦИИ “МОХОЧЕ ИЛИ МОХОКИ”

Теперь мне остается рассказать об этом городе, королевстве и провинции, о которых отец-Провинциал рассказал вашей светлости. Короче говоря, я могу заверить вас, что на самом деле он не сказал правды ни в одном из своих слов, но все противоположно тому, что он сказал, за исключением названия города и больших каменных домов. *Дон Франсиско Васкес Коронадо — дону Антонио де Мендосе, Первому вице-королю Новой Испании, 3 августа 1540 г.*

Теперь я рад, что побывал в Раскрашенной пустыне и вступил на землю хопи до появления автомобиля. Путешествие тогда было живописным, хотя и утомительным. Проехав два дня в фермерском фургоне, нагруженном моей добычей, я добрался до первого торгового поста в глубинке и встретился с чиновником, которому предстояло стать моим преемником. Этот старый магазин в Индиан-Уэллсе, стоявший спиной к холмам, казался причудливым местом в сумерках летнего дня. По всей широкой равнине вздымались пурпурные горные массивы, изрезанные красными глинами, и Бьютт Кроличьих ушей вонзал свои две любопытные вершины в вечернее небо. В атмосфере и обстановке Индиан-Уэллса было что-то далекое, что-то от настоящего пустынного одиночества.

На следующий день мы направились на север через гору Хауке, миновав Белый Конус, одинокую выбеленную пирамиду, которая отмечает юго-восточный угол резервации хопи. Нас влекли две огромные белые лошади; не очень быстрый темп, но определенно уверенный. Транспортное средство представляло собой горный рессорный универсал, [\[102\]](#), и его единственное широкое сиденье служило для нас троих, водителя и меня, простыми фигурами по сравнению с джентльменом, которого я должен был сменить. Это был крупный, напыщенный мужчина, который отправился на Юго-Запад ради своего здоровья и не нашел всего этого, главным образом потому, что прибыл недостаточно быстро, а также потому, что его постоянно беспокоило видение своей былой значимости. Он прибыл с Востока и занимал гораздо более высокий государственный пост. Фактически, он находился в тени Кабинета министров и был оплотом политических традиций. Он был лично знаком с Президентом и сразу сказал об этом одному из них; и когда он пришел в Пустыню, на нем был — Страдающие пионеры! — цилиндр.

Чтобы проехать сорок миль в фургоне такого типа, требуется много времени, какими бы увлекательными ни были политические съезды и президентские анекдоты.

Ближе к вечеру мы пересекли песчаную пустошь Уош Джедито и выбрались из нее по крутой каменистой дороге, поднимавшейся на высокую гору. Недалеко слева находились руины Аватоби, некогда важного пуэбло в Тусаяне, где Товар впервые увидел "мохоче или мохоки" из испанских хроник и столкнулся с ними. Эта встреча произошла за двадцать пять лет до поселения Сент-Огастин и за восемьдесят лет до того, как джентльмены из Плимута достигли исторической скалы Новой Англии. Августин. Его сопровождал бесстрашный солдат-священник Фрай Хуан де Падилья, который позже прошел по следу Коронадо в таинственную и легендарную страну Кивира, где принял мученическую смерть, став первым белым человеком, встретившим смерть в нынешнем штате Канзас.

После завоевания Сиболы, или Зуни, Коронадо отправил Товара найти семь городов мохоки. Несмотря на боевые действия в провинциях зуни, [\[103\]](#) появление бледнолицых людей,

которые ездили верхом на странных животных и несли палки, стреляющие молниями, может показаться, что хопи ничего не знали об этих событиях. Товар, возглавив отряд кавалерии и пехоты, незамеченным проник в их страну и однажды ночью разбил лагерь перед пуэбло хопи. Записано, что они подошли достаточно близко, чтобы услышать разговоры людей в их домах. Утро показало испанские копья.

Чуть позже появился Карденас, искавший великий каньон Запада; и Эспехо в 1583 году; а затем Онате в 1598 году, который первым основал постоянные поселения среди индейцев пуэбло. Именно Онате основал миссии, и одна из них была построена в Аватоби между 1621 и 1630 годами, о чем брат Алонсо де Бенавидес, первый хранитель миссий в этих провинциях Новой Испании, доложил своему королю.

До основания Бостона Уинтропом, когда Карл I был королем Англии, а Лауд - архиепископом Кентерберийским, францисканский монах по имени Поррас служил хопи в провинциях Тусаян. В июне 1633 года он умер там от яда. В том же году Галилей предстал перед инквизицией. Странные контрасты!

Когда в 1680 году произошло великое восстание пуэбло, миссия в Аватоби была разрушена хопи, а ее монах Фрай Хосе де Фигероа был убит.¹ Когда пришел Де Варгас, намеревавшийся отвоевать народ пуэбло, он остановился перед Аватоби 19 ноября 1692 года. Монахи [\[104\]](#) планировали вернуться к своим обязанностям среди хопи, и, похоже, аватобанцы или часть из них получили эти авансы. Из-за этого пуэбло Аватоби было внезапно разрушено во второй половине 1700 года язычниками хопи из других горных массивов. Говорят, что многие воины были задушены в церемониальных кивах, а женщины и дети были уведены в плен. В первые годы восемнадцатого века испанские чиновники и священники все еще рассматривали возможность возвращения на эту территорию, но попытки оказались безуспешными, хотя еще в 1748 году монахи посетили страну Второй Месы, чтобы вернуть беглых индейцев собственно пуэбло в их дома в долине Рио-Гранде. Большинство из них были сандиас, остатки этой группы, живущие сейчас недалеко от Альбукерке, штат Нью-Мексико; и когда я взял на себя руководство индейцами Пуэбло в 1919 году, сандиасы, прежде всего, демонстрировали характеристики, которые были не новы для того, кто заседал в совете с их древними хозяевами.

В 1911 году в Аватоби можно было различить только ряд низких стен, фундаменты пуэбло. Место, где находилась старая испанская миссия, определить не удалось. Занесенный ветром песок пустыни почти вернул этому месту уединенность и абсолютную стерильность. Но, следуя священным обычаям своих предков, хопи все еще доставляли неприятности своим опекунам.

Мой предшественник рассказал мне, как он пытался утихомирить этот антагонизм. Ценой больших затрат он взял старого вождя Екеому и нескольких его приближенных в поездку на Восток и через Восток. В Вашингтоне они были удостоены аудиенции у президента Тафта. Считалось, что сила и слава американской нации сокрушат дикаря. С таким же успехом он мог бы взять кусок песчаника Ораиби, чтобы повидаться с Папой Римским. Даже [\[105\]](#) габариты президента Тафта не произвели впечатления на старого паукообразного пророка хопи, как он впоследствии сказал мне по дипломатической секретности. Екеома вернулся таким же угрюмым и решительным, как и раньше, приготовил какое-то новое

лекарство из кукурузной муки и перьев, а затем отрекся от всей хиджры, включая президента Тафта, сказав своему народу, что он не увидел ничего важного, не получил мудрого совета и что он искренне сомневается, что эти люди были вождями чего бы то ни было. Конечно, они не были мифическими боханнами, которых хопи — следуя своей собственной версии мессианской легенды — ожидали увидеть и править ими. А затем, отказавшись выполнить то, что по-городски предписал Вашингтон, он сел в своем логове в пуэбло, среди песка и мусора, и стал ждать, что белый человек сочтет нужным предпринять по этому поводу.

Это было мое наследство.

Ближе к вечеру в стране каньон солнце становится немного более ярким. Впереди показался просвет в кедрах, а за этим разломом виднелась более далекая пустыня, возвышающаяся как залитая солнцем пустошь, но совершенно удаленная — как будто смотришь через пропасть. Чуть позже команда налетела на скалистый выступ. С включенными тормозами мы начали спускаться вниз — мне показалось, прямо вниз. Слева отвесными плоскостями поднимались скальные стены, а справа, как я понял, вообще ничего не было: просто пустая яма, начинающаяся в двух футах от внешних колес и красиво украшенная огромными валунами, ожидающими, что какой-нибудь водитель ошибется в выборе.

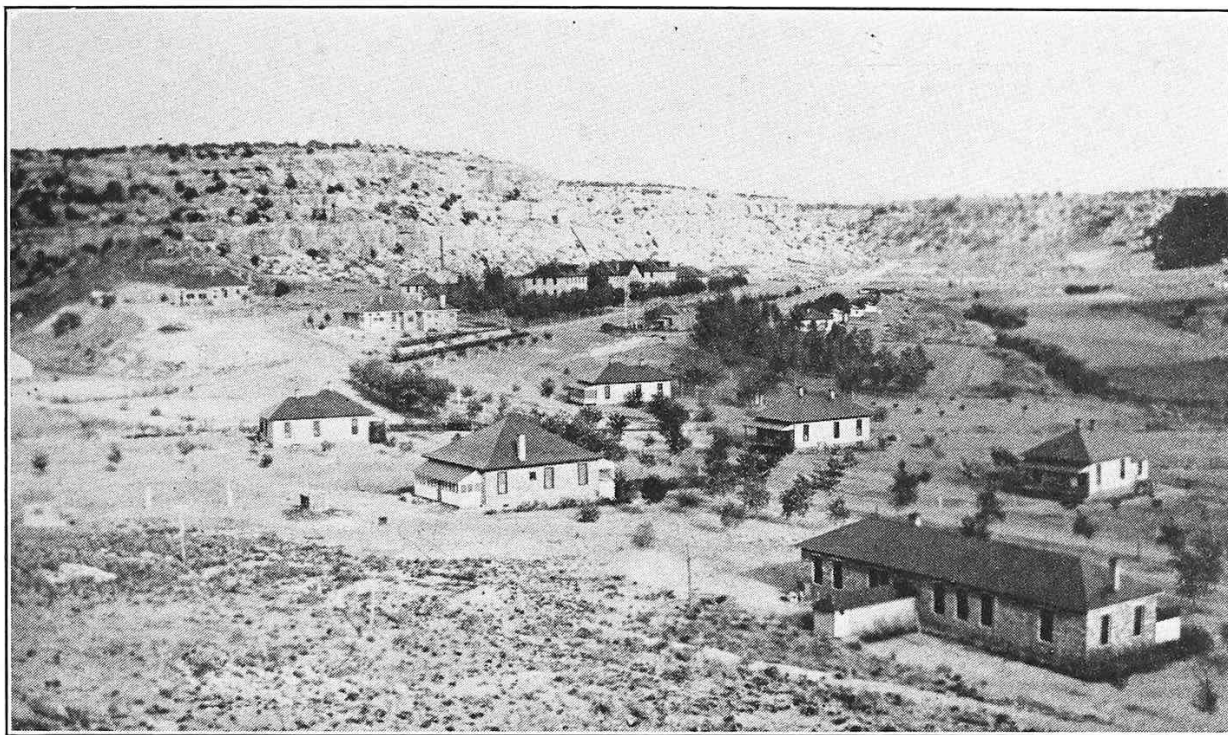
После этого я лучше познакомился с тропами мезы, но эта первая была захватывающей. На дорогу насыпало песка, и колеса хрустели по нему, а тормоза скрипели по шинам. [\[106\]](#)

“Когда войска были здесь в последний раз, - весело сказал погонщик, - в этом месте перевернулся выючный мул и катался до тех пор, пока не уперся в дно”.

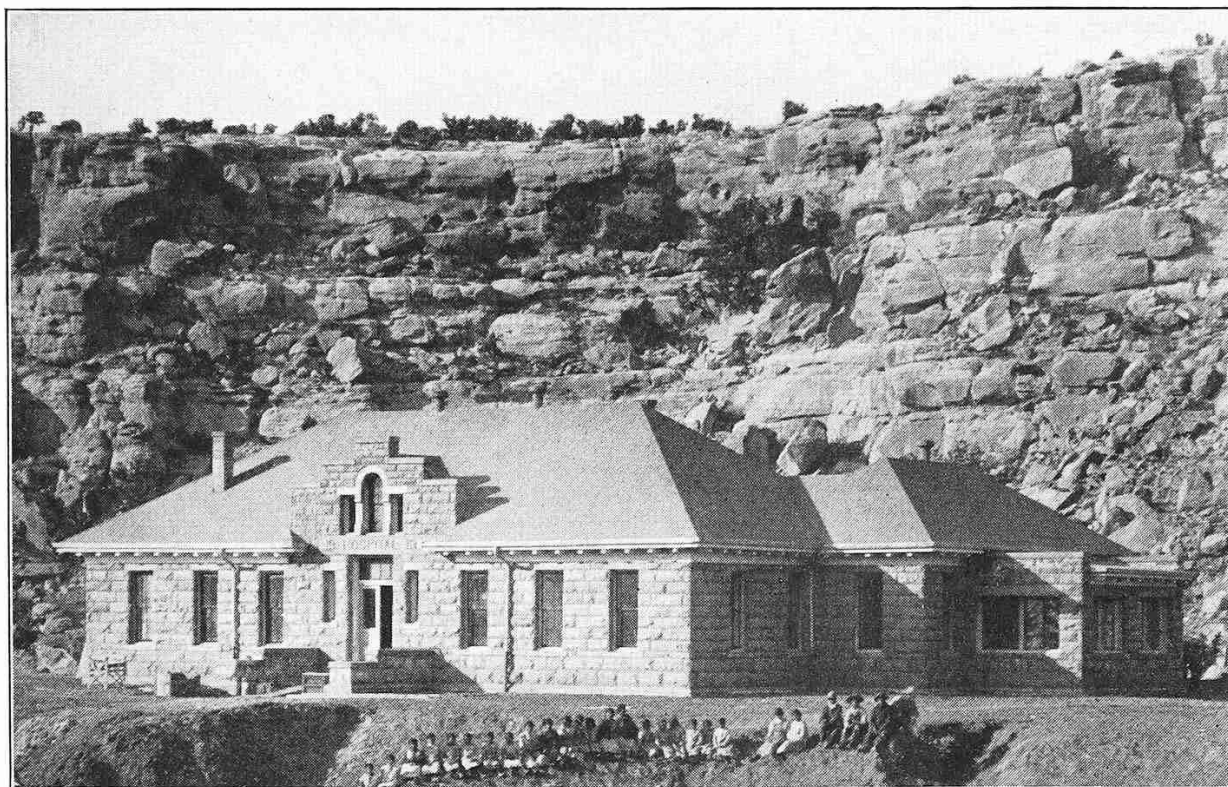
Я молча пожелал, чтобы он занялся своим вождением.

“А вот и ваше агентство”, - сказал чиновник, указывая. “С этого места вы можете видеть сколько угодно, если будете смотреть прямо вверх”.

Внизу, в большой расщелине, виднелись здания завода, серые, одиноко выглядевшие, стоявшие на бесплодной земле; но какими бы большими они ни были, скалистые стены каньона казались им карликовыми. Воздух был таким прозрачным, что они казались игрушечными домиками, вырезанными на полоске гофрированного картона. Они тянулись прямой линией, поскольку в каньоне, достаточно обширном в других измерениях, на дне не было места для группировок. Это была грубая впадина, образовавшаяся в результате землетрясений и наводнений. На протяжении веков воды обрушивались на него, пока их русло не оказалось намного ниже того места, где стояли здания; и на протяжении веков песок наносился, образуя округлые купола, которые поддерживали стены. Подземные толчки каждого сезона растревоживали разрушенные скалы, отправляя одни на дно в виде разрывающих, измельчающих осыпей, а другие открывая под новыми углами.

ИНДИЙСКОЕ АГЕНТСТВО ХОПИ В КИМС-КАНЬОНЕ

БОЛЬНИЦА ИНДЕЙЦЕВ ХОПИ В КИМС - КАНЬОНЕ

Вместимость, 40 пациентов: Спроектировано и изготовлено сотрудниками Агентства под руководством суперинтенданта
Крейна

Это разочаровывало — одинокое, унылое место. Ни деревья, ни изгороди не спасали это запущенное место. Гордиться было нечем. Что касается природных красот, нужно расти, чтобы почувствовать величие истертых скал, окрашенных во все оттенки выветрившегося песчаника, от шафранового до золотистого и красно-коричневого, окрашенных в тысячи нежных оттенков низкорослыми кедрами и разнообразными кактусами, которые пробивались из каждой расщелины. Весной в расщелинах деревьев появлялись цветы, очаровательные пурпурные и розовые цветы, кое-где переливающиеся алым от индийской кисти; и весной тоже прилетали огромные стаи перелетных птиц. [\[107\]](#)

Зачем строить в таком месте? Ответ заключается в том, что стереотипное явление, влияющее на все в пустыне, — вода. В верхнем конце этого каньона находились источники. Воду можно было доставлять на участок без больших затрат. Ее было достаточно, чтобы обустроить небольшое поселение, и больше, чем можно было бы дешево использовать в любой другой точке территории, когда строился завод. С тех пор вода была обнаружена в большем количестве; но до 1910 года в провинциях мохоки не было “водяных ведьм”.

Весь тот день угрюмо грохотал гром, и время от времени на нас падало несколько капель дождя. Было слишком рано в этом году ожидать какого-либо серьезного ливня, так сказали мне мои гиды. Был июнь, и краснобрюхие облака, за которыми следят Змеиные жрецы, не появляются до конца августа, когда они предвещают Змеиный танец и доказывают мудрость хопи; затем ливни обрушивают потоки через эти каньоны, затопляют равнины и гарантируют урожай. Но как только мы выехали на главную дорогу, хлынул сильный ливень, который перерос в действительно редкую вещь — постоянный летний дождь.

Группа индейцев стояла рядом, когда мы выходили. Это была приветственная делегация, поскольку племена очень любопытны. Навахо проворчал: “Нахтани”. А хопи сказал что-то, что вызвало улыбки на их лицах; это было истолковано для меня, когда мы пожимали друг другу руки. Он сказал: “Ты, должно быть, хороший Вождь, раз приносишь дождь”.

Агентство состояло из офиса, жилых помещений и магазинов для клерков, фермеров и механиков, а также имелась школа, в которой обучалось около ста пятидесяти учеников начальных классов. Это была школа-интернат, и, помимо учителей, в ней работали повара, надзирательницы, [\[108\]](#) прачки и швеи, все необходимые для работы. В поле, недалеко от индейских пуэбло, было пять дневных школ, в каждой из которых обучалось от пятидесяти до ста двадцати детей, а также пункты для врачей, полевых медсестер и пастухов. Поэтому оборудование, мебель и магазины шести небольших поселений должны были подвергаться инвентаризации и получать квитанции при любой смене директоров.

Уходящему Агенту не терпелось, чтобы его бумаги были подписаны, чтобы он мог отправиться на свой следующий пост в дальнейших поисках здоровья. В течение двух недель мы трудились над этими отчетами, и казалось, что потребуется еще три месяца —

как это и произошло — чтобы скорректировать, сравнить и свести их к чему-то приближенному к точности. Итак, большая часть сделки была условно согласована между нами, и я поставил свою официальную подпись вместе с залогом на тридцать тысяч долларов, и мы пожали друг другу руки так сердечно, как только могли пожать люди, которые две недели спорили.

Таким образом, я стал индейским агентом для двух тысяч двухсот индейцев хопи племени пуэбло, оклеветанных под дурацким ведомственным ярлыком “Мокви”, которые называли меня “Мунгви”; и еще для нескольких навахо, кочевников пустыни, которые называли меня “Нахтани”, что, скорее всего, означало “Нахтани Йеззи”, что означает “Маленький вождь”. Они, несомненно, назвали моего предшественника Нахтани Цо, Толстого Вождя.

То время инвентаризации я вспоминаю как страшный сон. Все мыслимые предметы бесполезного оборудования были свалены и бережно сохранены на этом посту. Величайшая забота была проявлена о самом бесполезном. Однажды, когда чикагские портные долго искали образцы, они представили их индийской службе, и, чтобы сэкономить хранение, хранитель склада быстро отправил их в самый отдаленный [\[109\]](#) пункт, Агентство Moqui, в надежде и совершенно твердой уверенности, что они никогда не вернутся. Помимо платы за проезд по трансконтинентальной железной дороге, индийские возчики доставляли такие ценные припасы со станции приема, расположенной в ста милях, по цене один цент за фунт. Так было с сотнями дымоходов, которые никогда не подходили к лампе, одеждой, слишком маленькой для младенцев или слишком большой для великанов, мачете, которые были необходимы на кубинских плантациях тростника, инструментами, которые Ной отверг бы, и широкими сеялками для использования там, где индейцы сажают кукурузу церемониальными палочками. Один склад был битком набит материалами для ремонта вагонов, спицами, валиками, валиками и так далее таких размеров, которые, должно быть, были актуальны во времена пионеров.

Часть этих потерь была результатом глупого заказа, в то время как большая их часть возникла из системы годовых контрактов, ни одна из которых не изменилась по сей день. Компания Smith поставляет фургоны в течение одного года, поскольку предлагает самую низкую цену, и у вас должны быть запасные части Smith. В следующем году контракт получает Браун, опять же благодаря тому, что он предложил самую низкую и, следовательно, самую дешевую цену; и часть материалов Смита является полной потерей для Сервиса.

Метод проверки запасов был гротескной наукой. Швейные иглы пересчитывались, единицей измерения была одна игла, в то время как иглы для штопки принимались сотнями. Наковальни, бревенчатые цепи, кувалды и каменотесные топоры были известны по весу, другие инструменты - по описанию; еще другие инструменты идентифицировались по наборам. Каждый учебник, каждая библиотека и справочный том, — а их были тысячи, — были известны по своему более или менее запутанному названию, и поэтому каталогизировались, подсчитывались и оплачивались каждые три месяца.

Технические названия, которые появились в Канзасе вместе с нашими предками, не изменились. “Ивенеры” и “ветвистые деревья” [\[110\]](#) были признаны; но двойные и ветвистые деревья были табуированы.

И были вещи, которым даже Библия западных людей не могла дать определения. Очевидно, никто никогда не писал Монтгомери Уорду о "крэндаллах" или "липучках". Иногда *Новый стандартный словарь* Фанка и Уэгнолла *помогал дать объяснение, а в других случаях* Британская энциклопедия, проливающая свет на века, помогала идентифицировать статью. Это было похоже на изучение и перечисление содержимого гробницы Тутанхамона, и мы верили, что мумия первого Индийского Агента будет обнаружена в глубинах этих захламленных складов-святилищ.

О башмаках—и кораблях—и сургуче-

О капусте—и королях—

именно так — там была обувь, мужская, женская, для мисс, для мальчиков, юношеская и детская, каждая делилась на два вида: воскресную и повседневную; двенадцать категорий, и все подсчитаны и на все начислены. Там были коробки с сургучом для печатей, сапожный воск и пчелиный воск в большом количестве; а в ухоженном саду, орошаемом методом ручного ведерка, росло нечто, напоминающее капусту, где были посажены бесплатные семена Конгресса. Здесь не было килевых судов; было слишком сухо — даже фляги с рыбой носили с собой; но были ослики, эти выючные суда пустыни, которые весело дублировались как "аризонские соловьи". И был один официальный король, который, если бы он не нашел то, что сделал крэндалл кузнец в 1893 году, пришлось бы месяцами объяснять тем, кто не знал тогда и не знает сейчас, что такое крэндалл.

В то же время сотрудники станции жили в картонных коттеджах, спроектированных для климата Южной Калифорнии, и зимой на этой высоте — [\[111\]](#) 6600 футов — было много ночей ниже нуля. Одна пара жила в палатке, отапливаемой печкой из листового железа; шахтер жил в чулане, а семья главного механика занимала подвал. Все они, согласно объявлениям Государственной службы, имели право на "жилые помещения", и разве у них их не было?

Отчеты также были получены со всех полевых пунктов. Ночь выборов в редакциях длится всего одну ночь. После тридцати дней такого времяпрепровождения я почувствовал, что схожу с ума; поэтому я отправился осматривать владения.

Имея весьма небольшой опыт обращения с лошадьми, я выбрал для Иегу одного из моих индийских переводчиков, и он доказал это. Моя идея заключалась в том, что индеец не только был бы превосходным наездником, но и обладал бы редкой способностью одинаково хорошо управлять автомобилем и в темное время суток. У индейца орлиный глаз, говорят книги, и так далее; а эти извилистые, узкие, проселочные дороги не манили меня после наступления темноты. Конечно же, мое первое возвращение в каньон было совершено в кромешной тьме; но я развалился в коляске, хорошо укутанный, наслаждаясь чувством совершенной безопасности. "Отличная вещь - иметь орлиный глаз", — подумал я, когда внезапно мир накренился и закачался. Наступил момент сокрушительного замешательства и полного хаоса. Вербки, мой водитель-индеец и я - все вместе лежали на полу багги, безнадежно перемешанные и запутавшиеся в одеялах, ножном тормозе, носовых сумках и поводьях. Повозка накренилась вперед и, казалось, взобралась на спины сопротивляющихся лошадей. Иегу съехал с шестифутового откоса в арройо. К счастью, команда проехала по нему прямо, не сворачивая, и, к счастью, берега этих протоков покрыты осыпающимся песком.

Мы выскочили наружу, чтобы ухватиться за головы лошадей. [\[112\]](#)

“Ради всего святого, зачем ты это сделал?” Я закричал на ошеломленного индейца, который, как и я, был очень ошеломлен и напуган. “Где были твои глаза? Разве ты не видел перекресток слева?”

“Разве ты этого не видела? ” пробормотал он.

— Я не вижу в такой темноте и никогда не притворялся, что вижу, но ты... ты индеец, и...

“Глаза индейца ничем не отличаются от глаз белого человека!” - заявил он в свою защиту с полным самообладанием. - Я тоже ничего не вижу в темноте.

Взорвался еще один драгоценный идеал. [\[113\]](#)

[1](#) Хопи присоединились к своим сородичам в восстании Пуэбло в 1680 году, и четыре францисканских монаха были убиты в своих миссиях в провинциях Тусаян: в Агуатоби (Awatobi), миссия Сан-Бернардино, преподобный падре Фрай Джозеф де Фигероа, уроженец Мексики; в Ксонгопави (Chimorovi), миссия Сан-Бартоломе, преподобный падре Фрай Джозеф де Трусильо; в Ораиби, миссия Сан Франсиско, преподобный падре Фрай Джозеф де Эспелета, уроженец Эстелы в королевстве Наварра, и преподобный падре Фрай Агустин де Санта-Мария, уроженец Паскуаро. Пуэбло Мачонгови и Уолпи были визитас. [↑](#)

[\[Содержание\]](#)

ЗАКОН КОРОЛЕВСТВА

Ко-Ко-Ко. Я хочу с тобой посоветоваться—

Фу ты. Конечно. В каком из моих качеств? В качестве первого лорда казначейства, лорда-камергера, генерального прокурора, канцлера казначейства, казначея или личного секретаря? — *Микадо*

Новый агент в штаб-квартире "Каньона", к тому же новичок, и сразу же была задана тысяча вопросов: вопросы об индейцах, о служащих, о миссионерах, о торговцах, о странствующих скотоводах и барабанщиках, о туристах, о каждом, кто проявляет интерес к этой стране, пусть даже самый незначительный. И новый Агент должен был быстро ответить им всем, чтобы они могли отправиться дальше с инструкциями и разрешениями делать то, что они считали наиболее необходимым для себя. Я привез из Вашингтона небольшой свод правил и тоже подумал о комиссии. В нем говорилось: —

Все обязанности, связанные со школами моки, Агентством и соседствующими с ними индейцами, настоящим возлагаются на вас как на Суперинтенданта.

Довольно крупный заказ, в зависимости, конечно, от того, насколько искренне и добросовестно человек будет относиться к этому вопросу. Здесь было около четырех тысяч квадратных миль территории, на которой проживало пять тысяч человек с разными условиями жизни, три четверти из которых были необузданными дикарями; и все их проблемы легли на меня.

Я помню одного особенно никчемного сотрудника Государственной службы [\[114\]](#), который однажды сказал мне: "Но, мистер Крейн, вы относитесь к этим вопросам слишком серьезно".

Вскоре после этого мне пришлось отменить его помолвку. Я сделал это внезапно, поскольку он проявлял сильную склонность засыпать у весов. Затем он произнес еще одно философское замечание, достойное служащего Государственной службы: —

"Что ж, - сказал он, - я вернусь домой как раз к арбузному времени".

Теперь не обязательно относиться к этому серьезно. Я следил за несколькими агентами, которые этого не делали. Но в пустыне Аризона нет традиционного "Джорджа", и Агента всегда можно найти. Он официальный козел, помеченный, закованный в кандалы, связанный. Он не может покинуть свою юрисдикцию более чем на неделю без специального разрешения; и когда он уезжает, работа продолжается в руках безответственных лиц, находящихся под его ответственностью и его поручительством. Я провел несколько вечеров с маленькой книгой правил и ответил на свои собственные вопросы.

Каковы обязанности индийского агента?

В закрытой резервации, где индейцы находятся под опекой неграждан:

1. Он является Ответственным за все виды деятельности и будет ежегодно расходовать 100 000 долларов или более из выделяемых резервом средств, без учета денежных средств отдельных индейцев, которые могут быть депонированы у него.
2. Он руководит корпусом служащих, лиц, набранных на государственной службе (лиц, которых он не выбирает), общительной и непостоянной командой, состоящей из врачей, медсестер, скотоводов, фермеров или рейнджеров, механиков, учителей; и он часто сотрудничает с ирригационными или другими службами и их корпусом. [\[115\]](#)
3. Когда ведутся строительные работы любого рода, от жилых кварталов и школ до дорог и мостов, он часто проектирует эти объекты, всегда передает эффективность и почти всегда руководит фактической работой.
4. Как главный санитарный врач, он должен знать достаточно, чтобы консультировать и поддерживать врачей, которые нуждаются в большем руководстве, чем можно было бы себе представить; и среди индейцев он в значительной степени несет ответственность за законность их действий. Во время эпидемии он должен руководить.
5. Он начальник индийской полиции.
6. Он является специальным заместителем офицера Службы по борьбе с алкоголем, подразделения, предназначенного для пресечения торговли спиртными напитками среди индейцев.
7. Он является судьей индийского суда с полномочиями мирового судьи, если только нет разумного индейца, которому можно поручить действовать подобным образом. Таких нет в Аризонской пустыне. Если там должны действовать разумные индейцы, Агент имеет право обжаловать решение.
8. Он - Егерь.
9. Он проводит слушания, определяет наследников и завещает имущество.
10. Он часто выделяет земли индейцам и определяет ценности.
11. Он является управляющим индийской торговлей, рекомендует тех лиц, которые запрашивают государственную лицензию на торговлю с индейцами в специально отведенных торговых пунктах, и, как ожидается, будет регулировать цены на эту торговлю в соответствии с рыночными условиями.
12. Если у индейцев есть денежные средства, полученные от контролируемой деятельности, такой как сдача в аренду или продажа земель, или от продажи акций, и так далее, Агент сначала дает свое согласие на аренду или продажу, а затем выступает в качестве банкира денег.
13. Опять же, как банкир, он предоставляет индейцам займы в рамках правительственного плана возмещения расходов, согласно которому [\[116\]](#) Индеец может приобрести у Агента домашний скот, инвентарь, материалы, инструменты или семена на заемные деньги и погашать такие займы в течение нескольких лет.
14. В стране навахо он гарантирует подлинность знаменитого одеяла племени навахо до того, как оно поступит на рынок.
15. Он должен поощрять сельское хозяйство Индии, стремиться улучшить их поголовье скота и в целом укреплять их промышленность.

16. В соответствии с Законодательным актом штата Аризона, он выдает свидетельства о браке в качестве судебного секретаря и может оформить брак.
17. Он должен следить за тем, чтобы все индийские дети в возрасте от шести до восемнадцати лет посещали школу; обеспечивать и оснащать должным образом школы; и улучшать, по возможности, санитарные и моральные условия индийских общин.
18. В некоторых местах, и резервация Моки является одним из них, он должен контролировать и защищать индейские церемонии, такие как Танец змей.
19. У него есть полномочия принимать незначительные постановления по здравому смыслу для правительства Индии, находящейся под его юрисдикцией; и в более крупных случаях, если он информирован и обладает твердостью духа, он обычно меняет политику Службы, поскольку она затрагивает его людей.
20. Законы штата не применяются непосредственно на его территории, но служат руководством в тех случаях, которые конкретно не предусмотрены Федеральным законом, и через него как Агента.
21. Все действия военного времени осуществлялись индийскими агентами, от регистрации белых и индейцев, соблюдения правил содержания интернированных иностранцев до продажи облигаций и применения подоходного налога.

С тебя хватит?

Если их недостаточно для убедительности, [\[117\]](#) в двух тысячах поправок, выпущенных с 1904 года, есть еще несколько.

Белый гражданин, у которого нет никакой ответственности перед другими, кроме повиновения сигналам инспектора дорожного движения, — из тех, кто привык ссориться с запоздавшими трамваями, - и который стремится быть юмористичным, мог бы сказать: “Это не описание федерального чиновника. Это не кто иной, как Пух Ба!” Именно так. Но индейцы называют его “нахтани” у навахо, “мунгви” у хопи, “Ах-хин-ти” у испаноговорящих пуэбло Нью-Мексико, “Майоро” у мохаве, “Ах-тай-ах-пе” у сиу, “Та-та” у апачей; а именно: Вождь, или Глава семьи, или Отец. Он ничуть не меньше. Его правление совершенно феодальное и абсолютное.

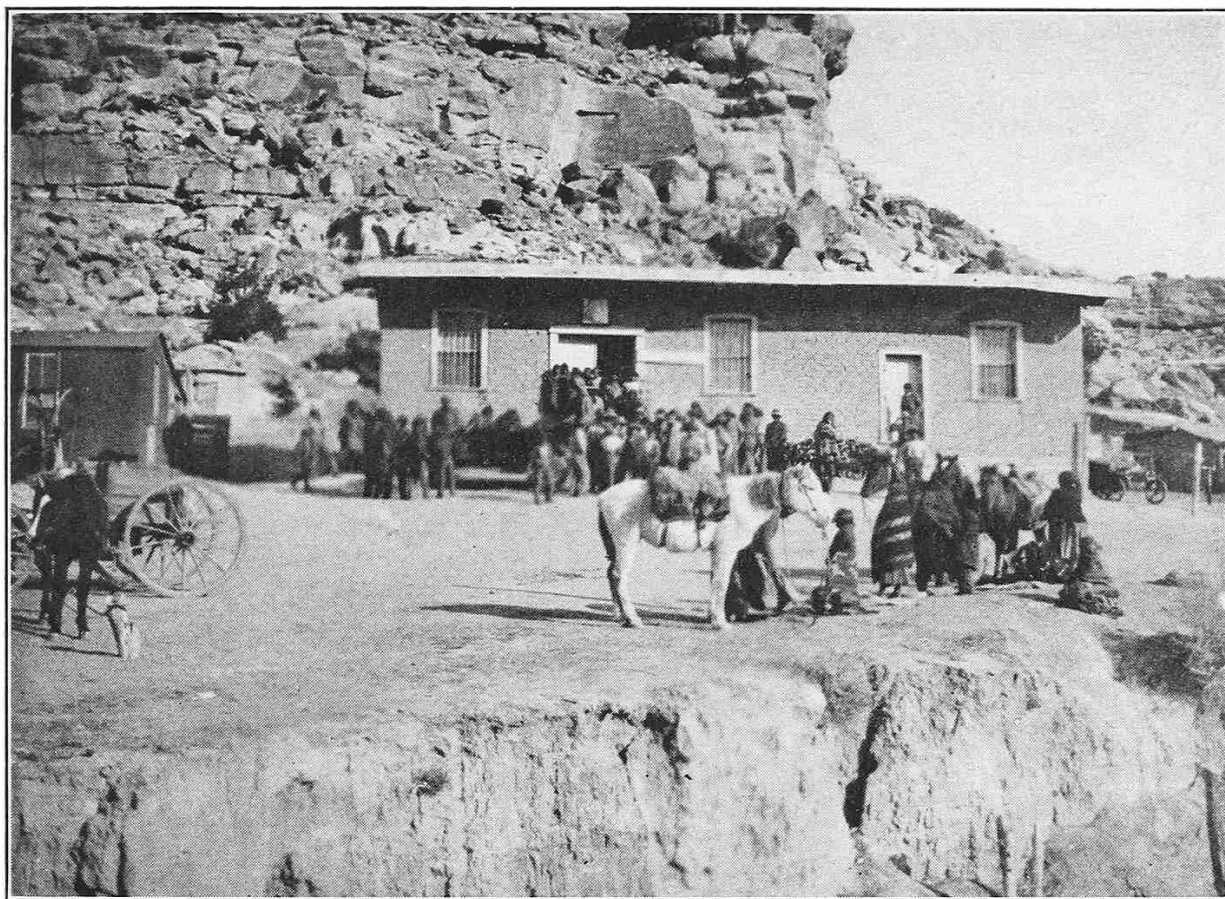
Индейцы редко оспаривают его власть; но она оспаривается и критикуется всеми остальными на земле, включая его начальство, которое, наделив его этими полномочиями, живет в смертельном страхе, что он докажет, что способен ими воспользоваться.

Финансовые операции Агента подлежат проверке назначенными правительственными аудиторами, а другие его официальные действия периодически проверяются инспекторами. Но ни одно из этих должностных лиц не имеет полномочий брать на себя руководство делами или отдавать распоряжения в пределах своей юрисдикции без предварительного отстранения уполномоченного Агента от занимаемой должности.

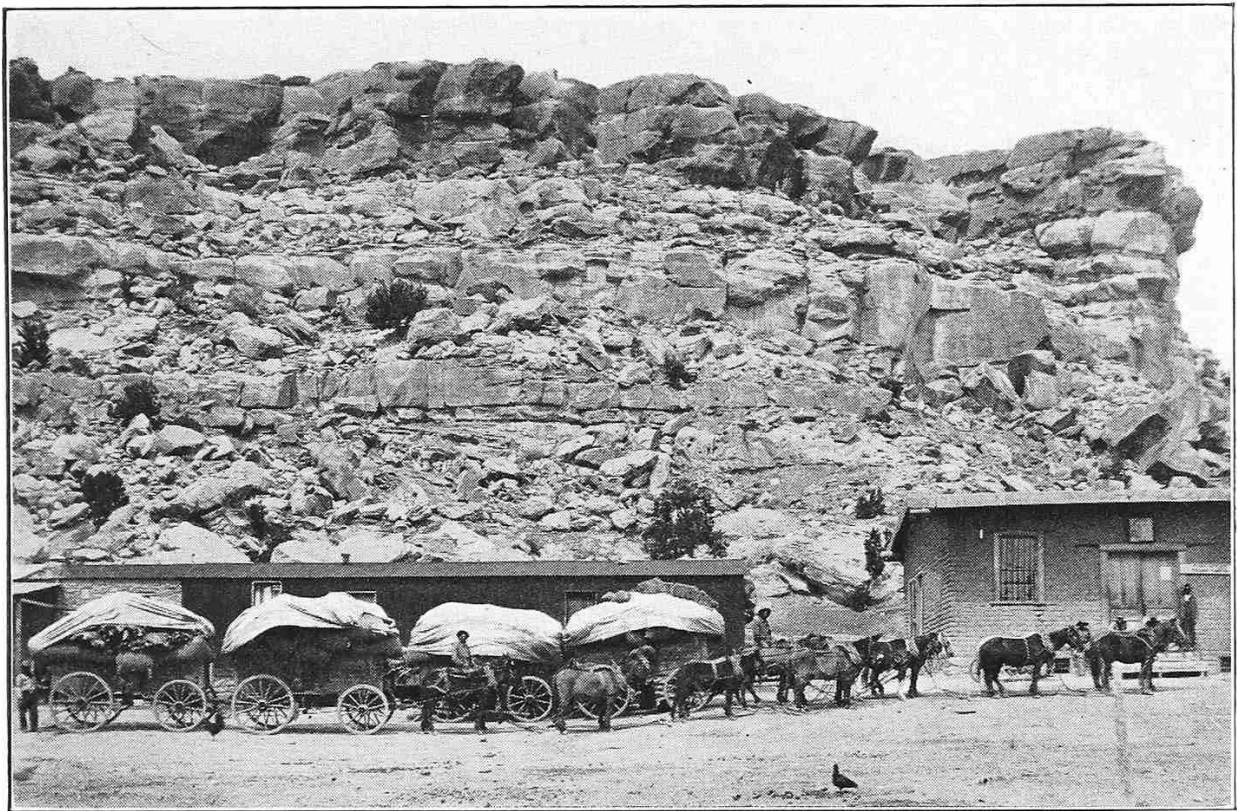
Итак, вот работа, достаточная по объему, чтобы занять любого, независимо от качества менталитета, связанного с ней; и немногие, оказавшиеся в таком положении, отправляются на поиски месторождения глины, чтобы в свободное время делать кирпич.

Естественно также, что тот, кто пытается выполнять эти обязанности по мере их возникновения и удивляется, когда наживает врагов, является [\[118\]](#) тем, кто будет глупо ожидать наступления тысячелетия. По самой природе вещей человек должен ожидать, что некоторые из тех, кто правит среди индейцев, те, кто ищет их благосклонности или торговли, те, кто хочет играть с ними, рисовать их, лепить с них модели, жить с ними, просить у них милостыню, воровать у них — короче говоря, *все те, кто хочет использовать индейцев или их земли и ресурсы*, будут смотреть на него как на назойливого придурка.

Таковы были слова покойного полковника Рузвельта. Он проявлял искренний интерес к индейцам и их проблемам, которыми управляли честные индийские агенты, и он энергично поддерживал таких чиновников, не считая их ни назойливыми, ни матерыми, и он лично соблюдал их правила при посещении заповедников.

НАПРЯЖЕННЫЙ ДЕНЬ НА ФАКТОРИИ КИМС КАНЬОН

ГОТОВЫ К 105-МИЛЬНОМУ ПОХОДУ К ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Поезд торговца

Рузвельт был выдающимся агентом в Индии. У него не было ложных представлений о том, что простые люди полны мудрости, что капитализм источает добродетель, что труд искренен, что бедность - это гарантия честности. Но он действительно верил, что бедные и беспомощные заслуживают честного обращения и защиты от хищнических интересов любого рода; и что немой нужен бесстрашный голос. По его мнению, управление индейской страной должно во многом соответствовать предложениям полковника Кита Карсона, который в 1863 году изгнал мятежников из Раскрашенной пустыни и Моки-каньонов. У того, кто следует советам Карсона при формулировании своей политики в Агентстве, могут возникнуть проблемы с гражданским начальством, с политиками, с критиками и туристами, а также с целой толпой людей на посту и вне его; но индейцы будут уважать его как своего Вождя, и через короткое время они окажут ему свое доверие. В конце концов, он получит их привязанность и верность.

В отчете, датированном августом 1865 года в Форт—Лайоне, территория Колорадо, Карсон ответил на вопросы [\[119\]](#) Комитета Конгресса, который обратился за советом относительно будущего управления "Индиан":-

Из длительного проживания среди индейцев или в непосредственной близости от них, а также из личного наблюдения за их манерами, обычаями и привычками, приобретенными как в частной жизни, так и при ведении официальных дел в качестве агента Федерального правительства, я был убежден, что единственное правило, которое можно успешно применять для их правительства, - это одно твердое, но справедливое, последовательное и неизменное.

Ибо индеец, судящий только по эффекту того, что воздействует на его чувства непосредственно перед его наблюдением, с презрением рассматривает слабую и нерешительную политику как результат колебаний, страха и малодушия, в то время как изменчивая и капризная политика вызывает у него опасения и недоверие. Следует тщательно избегать обоих этих курсов.

Правление правительства индейцев должно быть достаточно сильным, чтобы внушать им уважение и страх, одновременно защищая их как от внутренних разногласий, так и от внешней агрессии.

Это правда, что Карсон считал, что эта власть должна быть передана военным, и эта точка зрения изменилась среди старших государственных деятелей, не убедив никого, кто знает необразованных и проживающих удаленно индейцев.

Карсон был прав. В коротком абзаце он высказался против идеальной картины гражданской службы Индии, которая годами работала по своим политическим прихотям.

Оно редко бывало твердым; оно было самым запутанным и несправедливым; оно редко было последовательным; и оно постоянно меняется.

Больше и хуже этого — временами оно проявляло трусость перед лицом политического и частного пиратства.

Каждая новая администрация, вынужденная выплачивать свои насущные политические долги, — те долги, которые помогли ей прийти к власти, — должна передать незадачливого индейца новой [\[120\]](#) группе теоретизирующих экспериментаторов, которые не отличат мокасины от сабо. Люди, слишком мелкие для Кабинета министров, но прошедшие тревожные годы за перекладыванием бревен и которым нужно как-то платить, с готовностью предлагают себя на работу по обеспечению судьбы народов, принадлежащих инопланетянам. К проблемам, которые ставят в тупик этнолога и социолога, политик из Squawk Centre, который однажды пересек индейскую резервацию, чтобы пострелять уток, подходит без тревоги, с грубой и порочной уверенностью.

Обнаружив, что методы, применяемые в сомнительных районах, бесполезны в этой работе, и будучи вынужденным что-то предпринять, чтобы произвести впечатление, он продолжает разрушать работу своего предшественника, который начинал таким же образом, но кое-чему научился за четыре года неуклюжести; и когда все работы бессмысленно проваливаются, все приходится делать заново, чтобы вернуться к нормальной жизни, все индейцы и их полевые офицеры топчутся на месте, пока новый полковник не усвоит традиции старых казарм. Представьте, что Джон Макгроу подписал контракт с питчером какого-нибудь начинающего деревенского квойт-чемпиона! Представьте себе Генри Форда, останавливающего свои заводы до тех пор, пока нуждающийся подопечный не постигнет тайны карбюратора!

И индеец, судя только по последствиям колебаний, подозревается в мошенничестве. Многочисленные выдумки глупых чиновников вызывают у него опасения и недоверие. Индеец очень мало понимает в первичных или политических причинах. Когда он не доверяет своим начальникам, он склонен бросаться в объятия сентиментальных людей. Он

знает только Агента на местах и слишком часто находит в нем отражение того, что кто-то заинтересованный хочет устроить в Вашингтоне. И как только индеец найдет Агента, который будет бесстрашно представлять его интересы, расследовать его жалобы, поддерживать его обвинения, [\[121\]](#) и вести его справедливые бои, и который не будет иметь ничего общего с интригами, он ожидает удаления этого бескомпромиссного и глупого идеалиста на другие сцены.

Сегодня хопи ждут разумно справедливого решения своей проблемы с ареалом, и он надеялся на это семьдесят пять лет. В 1850 году он отправился в Санта-Фе, чтобы обратиться с петицией к первому индейскому агенту американцев, с теми же доказательствами, которые он терпеливо приводит к своему нынешнему агенту. Навахо, который беспокоит хопи на западе Империи, точно так же страдает от белых на своей восточной линии.

Дело в том, что ни индеец, ни те, кто лучше всех знает его истинное состояние, не имеют прямого права голоса в вопросах, которые затрагивают само его существование. [\[122\]](#)

[\[Содержание\]](#)

КОММЕНТАРИИ И ЖАЛОБЫ

Семь пуэбло мокки прислали ко мне депутацию, которая явилась ко мне шестого числа этого месяца. Их целью, как было объявлено, было выяснить цели и взгляды правительства Соединенных Штатов по отношению к ним. Они горько жаловались на грабежи навахо. *Отчет Джеймса С. Кэлхуна, первого агента по делам индейцев в Санта-Фе, 12 октября 1850 г.*

Теперь индейцы подошли поприветствовать своего нового Вождя. Хотя ими и владело большое любопытство, они подошли робко, неуверенно, как это принято у индейцев. Можно было бы предположить, что был созван большой совет храбрецов, чтобы представить нового Агента с некоторым подобием формальности, что производит впечатление на примитивный народ. Но это не так. Старый агент, который больше не был агентом, обрадованный тем, что кто-то другой справился с мелкими головными болями, которые хуже, чем сами проблемы, собрал свое снаряжение и отбыл. От меня зависело встретиться с дикарем по ходу дела и произвести на него как можно большее впечатление. Не было никаких индивидуальных записей, которыми можно было бы руководствоваться, и первое впечатление не бывает безошибочным; фактически, самые серьезные ошибки Агентов, вещи, которые надолго влияют на завоевание доверия людей, происходят из-за необходимости принимать индейца за чистую монету - небрежный метод. Перепись, например, представляла собой цепочку имен с небольшой точностью, которые годами не комментировались.

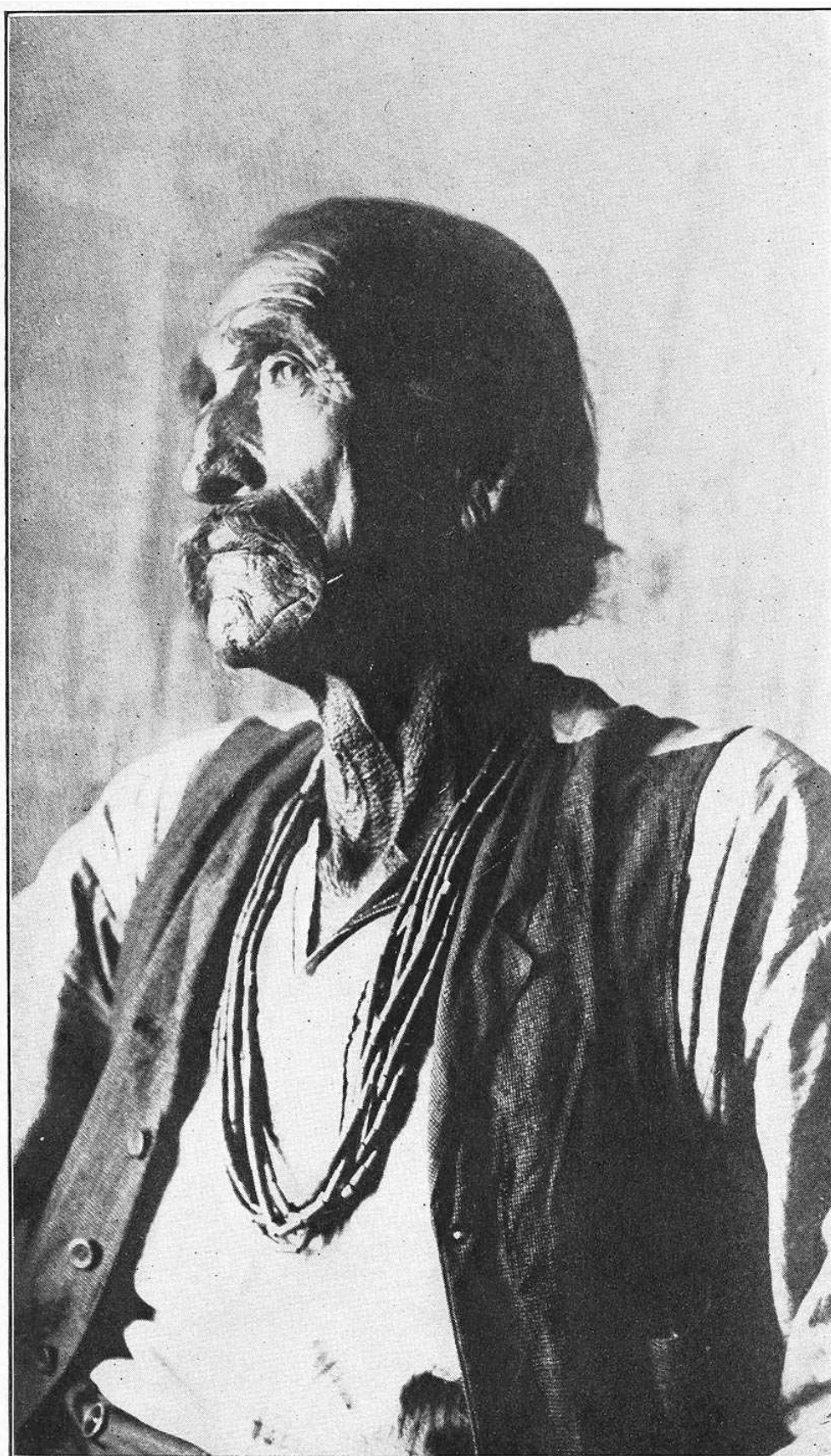
Видные люди нескольких округов нисколько не стеснялись рассказывать мне, насколько они влиятельны. Навахо пришли первыми, и не без оснований, поскольку они удерживали пять шестых [\[123\]](#) ареала по праву силы и стремились произвести впечатление, что их не следует беспокоить.

Пришел Хостин Нез, “Высокий человек”, худощавый, проницательный гений, который помнил плен после кампаний Карсона. Он стоял гордо выпрямившись, и в то же время обладал заискивающими манерами, которые были частью его профессии; ибо помимо того, что он доминировал над значительной частью своего народа и был наследственным вождем всех навахо, он был знахарем высокого уровня. Родом с севера, старый Билла Чеззи, более известный как “Кривые пальцы” из-за искащенной руки, в котором не было ничего угрюмого или, возможно, преступного, но который изображал кровожадного пирата, выполняющего отчаянную миссию.

Эти двое представляли общины навахо, живущие и кочующие к северу, югу, востоку и западу от поселений мяса хопи, и которыми хопи были вытеснены с ареала. Были люди помельче, главы групп или семей. Я помню Сенегата, “Странника”, с его седыми волосами, развевающимися длинными змеящимися прядями; и Шрама Чина, который напоминал добродушного монаха, хотя длинная рана на его лице наводила на мысль о трудном прошлом; и Серебряника Джима, и Желтую Лошадь, и Битани, и Шепчущего Билла, каждый из которых отличался чем-то особенным в своих манерах или личной эксцентричности.

Но по большей части мои дела с индейцами навахо были связаны с Хостином Нез. Он был судьей Индийского суда и носил с собой “красивую газету” - потрепанный заказ,

литографированный яркими красками. У нас было много долгих и беспристрастных споров, он сворачивал сигареты в обрывки газеты, которые, очевидно, предпочитал “седельным одеялам”, которые продавались в упаковках, и время от времени вытирал губы турецким полотенцем, повязанным вокруг шеи, — мода на шейные платки, которую он перенял. Я никогда [\[124\]](#) не знал, чтобы Хостин Нез терял терпение и снова и снова возвращался к спорному вопросу в надежде получить преимущество — по внешнему виду татарский вождь, по методам - Талейран.

ХОСТИН НЕЗ, ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ навахо И ЗНАХАРЬ

Судья индийского суда

“Подумай об этом, Нахтани, ” сказал он мне вскоре после нашей первой встречи. - У меня никогда не было фургона. И вот я здесь, влиятельный человек среди своего народа, а все остальные пользуются благосклонностью. Когда дети впервые пошли в школу, Агенты обычно дарили каждому отцу по фургону; но это было много лет назад, а мои дети - мужчины, и у меня никогда не было фургона ”.

Теперь это были трудные условия, поскольку навахо, у которого не было повозки, не могли перевозить грузы, что в то время было самым прибыльным занятием, а потребность лагеря в каком-либо транспортном средстве была велика. Навахо приходится возить дрова и воду, и они должны каким-то образом доставлять свои изделия из шерсти и шкур торговцу. Поэтому я пообещал ему фургон из следующей полученной партии.

Это не было бы подарком. Индейцы Империи независимы и обеспечивают себя сами; они не получают пайков, а нахтахни не дарят орудий труда или других необходимых вещей. Индейцы оплачивали такие проблемы, работая на дорогах и на других строительных работах в юрисдикции, и получали кредиты по текущим расценкам для чернорабочих. “Фургон” означал выдачу полного грузового снаряжения — всего, кроме лошадей, которых у навахо в избытке. Он получил бы прочную повозку фермерского типа с верхним ящиком, луками и чехлом; также упряжь для четырех лошадей, все по государственной себестоимости, примерно вдвое меньшей, чем назвал бы торговец. И в назначенное время он собирал от десяти до двадцати членов своего клана, чтобы обсудить законопроект, его последователи помогали ему, а он, в свою очередь, помогал им. [\[125\]](#)

Но Хостин Нез послал своего сына подписать квитанцию о выдаче. Это был Хостин Нез Бега под номером 4, указывающий на то, что были и другие отпрыски под номерами один, два и три, и, возможно, даже другие, носящие более причудливые индийские имена. У меня возникло сильное подозрение. Были изучены выпускные документы за несколько лет назад, и о чудо! старый Талейран много раз играл в эту игру. Он никогда не получал повозки; но каждый из его сыновей получил повозки после того, как отец ходатайствовал за себя. Когда они отправлялись за грузом, наряд Nez составлял целый караван, и на весах их платежные чеки составляли сотни долларов. Hostin Nez не отправлялся за грузом. Он был главным и закупал фурунны!

Когда я обвинил в этом Шефа, он не обиделся. Он добродушно улыбнулся и повторил:

“Но, Читчили” (мой младший брат), “У меня никогда не было повозки”.

На этом мы остановимся.

Билла Чеззи, вождь северных степей, был не так умен. Он был более грубым, вспыльчивым типом индейца, и ему не доставало утонченности. Однажды я попытался провести перепись навахо, что было очень трудным делом из-за их кочевого образа жизни. Двое счетчиков загнали старого Биллу в угол и настояли, чтобы он рассказал подробности своей личной жизни. Он назвал имена шести оставшихся в живых жен и насчитал сорок семь сыновей в разных частях Империи. Потом он сказал, что устал и все равно стареет, и что его память уже

не служит ему так, как раньше. Если бы он следовал системе Hostin Nez, он бы забил вагоностроительный завод Studebaker до отказа.

И пришел Кеванимптева, вождь той третьей и самой слабой фракции ораиби хопи, которая едва не погибла в горах. Он был флегматичным парнем, совсем не похожим на [126](#)его имя, которое означает Хамелеон. Он окинул меня беглым взглядом, а затем откровенно сказал: -

“Ну, ты маленький человек, очень маленький. Последний был большим человеком, очень большим человеком. Но ... возможно, ты согласишься.

Едва я передвинул большой письменный стол так, чтобы видеть индейцев, входящих через главную дверь, чтобы их мольбы не просачивались через клерков, как тишину летнего дня нарушили крики смятения и взволнованного горя. Прибежал плачущий навахо с истерическими манерами. Он ворвался в кабинет и, заикаясь, пробормотал: —

“Чарли Бега, он мертв, убей Чарли Бега!”

На мгновение я подумал, что кого-то убили; и вторая мысль не уменьшила моего ужаса, потому что этот человек был шахтером. На его лице были полосы от слез, стекавших сквозь пятна угольной пыли. В резервации есть большие залежи мягкого угля, и топливо для государственных электростанций добывают индейцы под руководством опытного белого шахтера. На той неделе я спускался в шахту и заметил, что ее колонны прогибаются под давлением тяжелой горной своды. У меня мелькнуло в голове, что ниже по течению произошла трагедия и что другие шахтеры либо мертвы, либо погребены. Но переводчик с языка навахо быстро объяснил: —

“Его сын только что умер. Их хоган находится в каньоне, недалеко от шахты, и он пришел рассказать вам об этом, и он хочет, чтобы был построен гроб и вырыта могила.

Врач вошел, чтобы подтвердить это заявление, и добавил:—

“Плотник делает гробы для людей. Навахо очень боятся мертвых, и они не [127](#)хоронят, когда есть возможность поручить работу кому-то другому. Обычно мы посылаем отряд мужчин подготовить могилу, а священник проводит небольшую службу. Если вы так скажете, я передам ему.

День клонился к вечеру, и скоро должны были наступить сумерки.

“Вы можете сказать плотнику, - сказал я переводчику, - что мы назначим похороны на завтрашнее утро”.

“Простите меня, сэр, но у них странные обычаи. Ни один член этой семьи не будет есть до тех пор, пока от тела не избавятся; и они должны очиститься с помощью потогонных ванн и

церемоний. Когда кто-то умирает рядом с Агентством, мы сразу же помогаем его похоронить”.

Моим первым побуждением было не поддаваться подобному суеверию; а потом я подумал, как мало изменили навахо четыре столетия прогресса вокруг них и пятьдесят лет американского влияния. Как и его Пустыня, он остался нетронутым, незатронутым. Хоган, в котором жили мертвые, никогда впоследствии не бывает занят живыми. Его дрова не будут использованы для разведения костра, хотя они и замерзнут.

“Очень хорошо”, - сказал я. “Приготовь все к вечеру”.

И я никогда не забуду свои первые похороны в Индии. С тех пор в разное время, среди других племен и при других обстоятельствах я испытывал больше волнения и немалой тревоги на похоронах; но это было мое первое пребывание в Пустыне.

Плотник смастерил солидный ящик, на мой взгляд, чересчур большой; но когда в него положили тело, завернутое в новые одеяла, украшенное серебряными украшениями, с седлом, уздечкой и хлыстом мертвого мальчика в ногах, он оказался не слишком большим. Они не могли позволить себе расстаться с этими одеялами и серебряными вещами, и особенно с седлом. Но он должен быть одет и снаряжен для своей новой жизни в призрачной стране, где ему предстояло странствовать. [\[128\]](#)

Полдюжины служащих забрались в повозку, которая должна была отвезти тело к могиле. Среди них был гость, известный геолог, который изучал Империю и который внес свою долю труда вместе с остальными. Служитель баптистской миссии встретил нас у ворот. Место захоронения представляло собой пустынное место по ту сторону арройо, в небольшой ложбине среди огромных занесенных течением дюн, избегаемое индейцами и не очень привлекательное для всех. К тому времени, когда могила была готова, уже совсем стемнело и зажгли фонари.

“Вы хотите получить срочную службу, сэр?” - спросил министр. Я не сразу понял его, узнав, что новый Агент решает все, и я думал, что он займет свое место молитвенника без просьбы. У него был короткий ритуал для язычников, и этот был одним из них. Он был торжественным и достаточным.

“Прах к праху...” - и последовало засыпание ящика землей. Четверо мужчин начали засыпать могилу. Я огляделся в поисках родственников погибших, но пока никого поблизости не было, когда из сумерек вышли два незнакомых навахо, ведя за собой пони. Это было очень хорошее животное для пустынных скакунов. И миссионер поставил передо мной серьезную проблему.

“Они хотят убить лошадь. Ты позволишь это?”

И что-то в его тоне указывало на надежду, что я буду отрицать что-то как нововведение. Я снова потребовал объяснений.

“Навахо всегда убивают лошадь на могиле”, - сказал торговец.

“Это кажется безжалостным поступком — это хороший пони”.

Миссионер просветлел. Он мало разбирался в языческих обычаях и жаждал произвольного решения. [\[129\]](#)

“Таков обычай нашего народа”, - сказал торговец, честный человек, который консультировал меня в течение многих последующих дней. “Тебе это может не понравиться, и... у тебя может хватить сил остановить это”, — в его голосе слышалось сомнение, — “но таков их обычай”.

Это шло вопреки здравому смыслу; но там стояли индейцы с животным, молчаливые, выжидающие. Возможно, эта проблема стояла перед многими агентами.

“Если мы не убьем его милосердно из ружья, они просто уйдут и забьют его до смерти камнями”, - сказал торговец. “Это должно быть сделано сегодня ночью. Я захватил с собой винтовку.

"Пустынный обычай навахо" выиграл свой первый раунд.

Два индейца подвели пони к изголовью могилы и, по-видимому, поняв, что мы все уладили, скрылись в тени. Торговец навел ружье и выстрелил этому очень хорошему пони в голову. Тот конвульсивно прыгнул вперед и по колено погрузился в мягкую землю могилы. У мертвого был конь.

К этому времени уже наступила черная ночь, и мы вернулись в Агентство, где я почувствовал себя лучше благодаря электрическому освещению. Во всем происходящем было что-то ужасное. Но таков был обычай нашего народа, как сказал торговец, и другими способами я узнал от него, что неразумно незнакомому Вождю сразу хватать свой народ за горло.

Теперь на меня были поданы первые жалобы, и вскоре их количество увеличилось до десятков. Хопи много лет страдал из-за умышленных грабежей своего слишком близкого соседа, навахо; а у навахо, в свою очередь, есть свои проблемы в обществе. Поступали жалобы на повреждение заборов, на загубленный урожай и вырубленные сады; на [\[130\]](#) кражу пони, переклейку клейм и разделку скота, разграбление домов и необоснованный захват и удержание драгоценных водоемов; жалобы на семейные ссоры и общественные скандалы, на загубленную любовь и слишком пылкие привязанности; на брачные доли и текущие цены на невест, на свекровей - о Боги! даже о колдовстве! Происхождение и распределение включали в себя не только недвижимость и личное имущество, как мы знаем, ибо пришел Знахарь, утверждавший, что унаследовал принадлежности умершего племенного врача, и попросил, чтобы я определил право собственности, согласно правилам, на высушенную голову мертвого журавля.

Индеец рад возможности выступить в суде и, если ему разрешат, незамедлительно выступит в качестве обвинителя и приступит к быстрому перекрестному допросу свидетелей. Он даже изобличит себя, если есть шанс сделать неприятности кому-то другому; а те из обвиняемых,

кого признают виновными и приговаривают, неизменно просят дать им шанс подколоть какого-нибудь другого бедолагу, уклонившегося от наказания. Колдовство редко проявляется открыто, но я вспоминаю один необычный случай.

Умер любимый сын Тевы, и отец огляделся в поисках того, на кого можно было бы свалить это бедствие. Индийское горе, редко длящееся долго, может быть быстрее утолено, если кто-то может исправить вину. Внезапно убитый горем отец обнаружил, что некая соседка была ведьмой. В любом случае, этот человек ему не нравился. Итак, застав его бродящим по дому, — несомненно, движимый сочувственным любопытством, — родитель схватил его и потащил в комнату с мертвецами.

“Теперь, ” воскликнул он сквозь слезы, “ ты видишь его яснее. Посмотри на него. Ты тот, кто убил его. Ты ведьма, и ты навлекла на него тошноту с помощью колдовства и плохих лекарств. [\[131\]](#)Послушайте! Когда мы что-нибудь убиваем, мы всегда это съедаем. Теперь ты его съешь!”

Этого предполагаемый врач делать не стал, и немедленно разъяренный отец устроил ему ужасную взбучку. Нос этого несчастного соседа был выкован так, что утратил всякое сходство с человеческим органом, а другие черты его лица были прискорбно повреждены. Они оба предстали передо мной на следующий день. Затем отец выразил раскаяние и отрекся от веры в ведьм; но я видел, что его обращение было слишком быстрым. В его беспокойном сердце ведьмы одержали верх. Казалось, он не возражал против своего приговора в виде недели каторжных работ, поскольку у него было дело для своего горя.

После того, как однажды было открыто судебное дело, слово, казалось, дошло до горных гор и каньонов, чтобы подать свои жалобы. Дел стало множество. Можно было бы начать допрашивать свидетелей по такому простому делу, как кража лошади, и записать довольно много свидетельств, чтобы внезапно обнаружить, что животное, о котором идет речь, исчезло одиннадцать лет назад, причем жалоба была должным образом подана семью разными индийскими агентами, работающими в этом и других агентствах. Возникла необходимость ввести срок давности.

Первое настоящее судебное разбирательство касалось знахаря и его ключицы. Некто Гораций Грили из Ситчумнови, что в округе Ферст-Меса, в то время считавшийся семидесятичетырехлетним человеком и по профессии костоправом, не угодил члену своего племени. Или, возможно, он слишком хорошо поработал с неправильной анатомией пациента и атаковал в соответствии со своим мастерством. Как бы то ни было, родственник пациента обиделся и продолжал обращаться с Горацием грубо и неподобающим образом. Среди прочего была повреждена ключица самого Горация. Он не мог установить это сам и, естественно, не доверял своим коллегам; поэтому он был вынужден послать за врачом Агентства [\[132\]](#); в противном случае я бы не услышал об этом случае. Но поскольку Горация нашли с переломом ключицы и многочисленными ушибами, об этом сообщили, и его жалоба была передана на следующее заседание суда.

Правила Индийской службы предписывают, что Суд по делам индейцев должен состоять из двух или более умных и заслуживающих доверия индейцев, действующих в качестве судей, чьи вердикты пересматриваются индийским агентом в случае подачи ему апелляции. Поскольку многие индийцы не понимают своего права на апелляцию, Судебный

исполнитель вынужден присутствовать либо для подтверждения, либо для отмены вердиктов.

И разве у меня не было двух таких Судей, назначенных должным образом? Разве у Хостина Неза не было заветной “красивой газеты”, и разве Хукер Хонгаве не был равным судьей? Разве правительство, стремясь к справедливости, не назначило каждому из них королевское жалование в семь долларов каждый месяц, “все свежее и свежее”? Настало время воспользоваться местной мудростью.

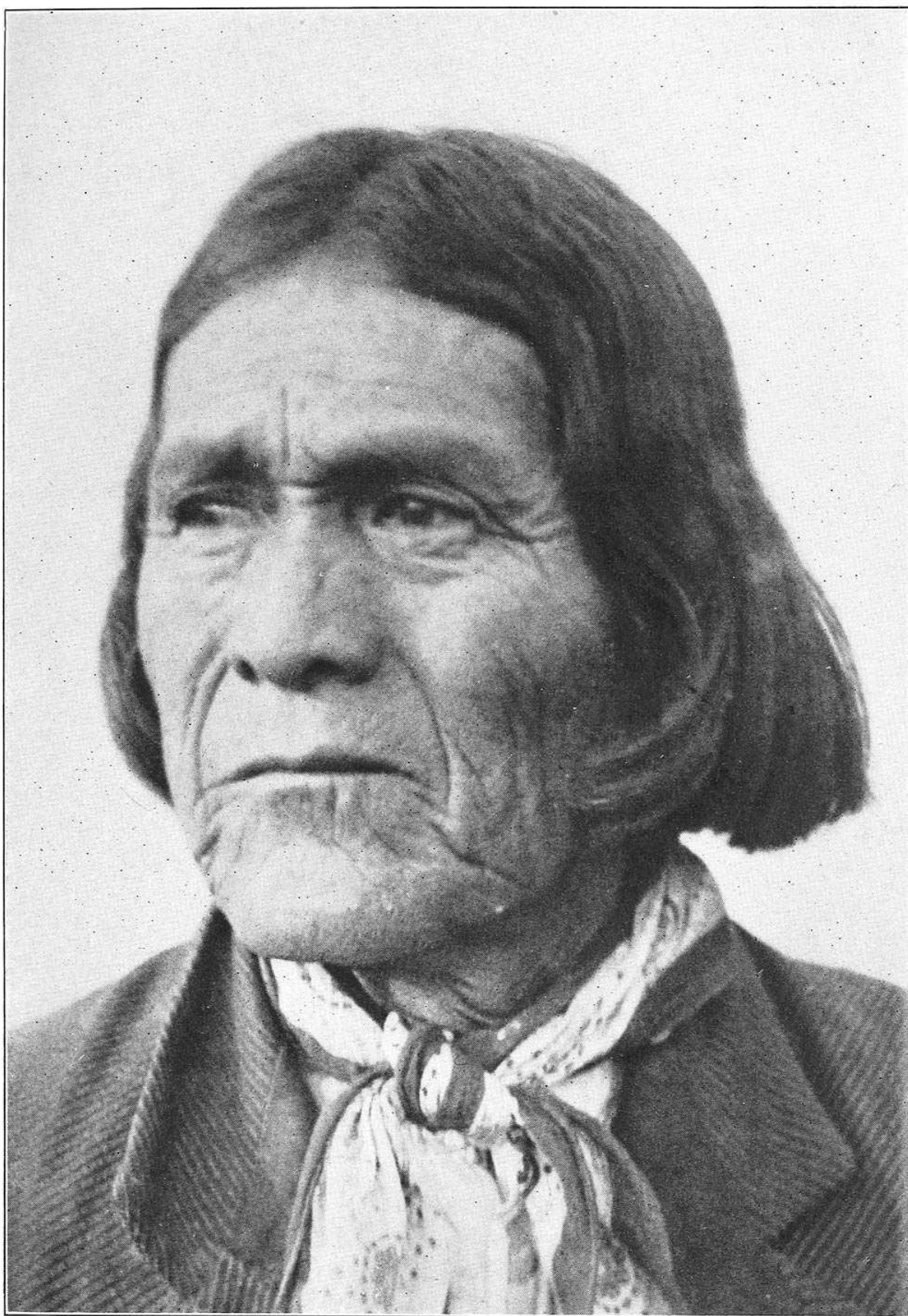

Фото. Эмри Конте

СУДЬЯ ХУКЕР ХОНГЕЙВ

Судья Хукер был известной фигурой в сообществе First Mesa. Когда-то он был хопи из хопи и боролся с новой системой школ и школьным распорядком из всех своих грубых способностей. Чтобы предотвратить зачисление своих детей, он замуrowал их дома; то есть поместил их в маленькой комнате своего дома, дал им еды и воды, а затем замуrowал входную дверь, надеясь, что его свежий строительный раствор не вызовет подозрений. Сегодня язычники ненавидят его за то, что он пытался усвоить доктрины христианства, и некоторые христиане считают его архимедом. Таковы испытания дикаря.

На самом деле он инфантильный старик, который пытался заслужить доверие миссионеров, не имея ни малейшего представления о том, где заканчивается язычество и начинается христианство. Его величайшей [\[133\]](#) жертвой в жизни стал отказ от племенных церемоний. Из его дома под горой можно увидеть знаменитый танцевальный карниз Вальпи, похожий на миниатюрную сцену высоко в воздухе, заполненную в дни языческих праздников разноцветными костюмами, где слабо звучат песнопения и барабаны. Но он никогда не посещает эти праздники ритма и песни, за исключением проводимого раз в два года Танца змеи Вальпи, когда он с радостью получает разрешение от Агента отправиться туда в качестве официального представителя правительства, поскольку он Судья и уполномоченный Глашатай. Много раз он осуждал бесцельную болтовню туристов во время моего правления, просил сделать торжественные заявления братьям, а посетителей предостеречь от создания мерзких фотографий и неприличного легкомыслия. Одетый в великолепно расшитый бисером жилет, который когда-то украшал какого-то давно побежденного воина племени сиу, и несущий свой служебный посох - узловатую дубинку из Африки, он представляет собой странную и не лишенную достоинства фигуру в подобных случаях.

Следовательно, двое, делившие шерстяной мешок, были противоположностями. Хостин Нез, язычник из язычников племени навахо, Знахарь, руководитель песнопений и священник песочных рисунков; Хукер Хонгаве, простодушный дикарь, повернувший на полпути к Церкви, с низким гулом кожаных барабанов в ушах и, возможно, с тоской по мистицизму своего древнего народа в сердце.

Когда наступил день слушания и все собрались, судьи выслушали историю старого сломленного Грили, который никак не мог прийти в себя и все еще был замотан в бинты. Обвиняемый был дородным парнем моложе сорока лет, достаточно сильным, чтобы бросить вызов боксеру среднего веса, который не отрицал и не смягчал вину за нападение.

“Этот человек совершил очень плохой поступок”, - сказал судья Хукер, прищелкнув языком и печально покачав головой. [\[134\]](#)

“Да, брат мой”, - согласился юрист из племени навахо. “Это серьезно, и это не должно повториться. Мы должны сделать из этого человека пример, чтобы все люди знали об этом”.

“ Мы так и сделаем, - сказал Хукер, и они удалились, чтобы составить предложение.

Судя по их решительным выражениям лиц, я опасался, что мой друг-заключенный проведет по меньшей мере год в тюрьме — неприятное дело, поскольку Правила не признают ни одно обвинение заслуживающим более девяноста дней, а Территориальный суд счел, что трех лет достаточно для хладнокровного убийства в недавнем деле об индейцах. Снова появились судьи.

“Он плохой человек”, - сказал Хукер.

“Да, он опасный парень”, - сказал Хостин Нез.

— И поэтому мы отправим его в тюрьму на...десять дней.

“Десять дней! - Воскликнул я. “Да ведь он чуть не убил Грили! Этот старик будет страдать неделями. Ты имеешь в виду десять недель, не так ли?

“Нет”, - сказали они. “Десять дней в тюрьме - это долгий срок”.

Апелляционная инстанция вступила в действие.

- Ваше решение, джентльмены, отменяется.

Хукер просиял, ожидая, что ремиссия продлится по крайней мере пять дней, что спасет его лицо в тюрьме и, возможно, не позволит заключенному ненавидеть его долгие годы.

“Заключенный будет заключен под стражу сроком на шестьдесят дней, и в течение этого времени он будет занят на каторжных работах”.

Хукер ахнул, задрожал и потерял дар речи.

“Ты человек безжалостный”, - заявил старый Хостин Нез.

Это было мое последнее заседание индийского суда в [\[135\]](#) стране хопи-навахо с заседающими судьями-коренными жителями. С таким же успехом можно ожидать справедливости от гуся.

Для Агента, желающего уйти от ответственности, “судьи” являются отличной дымовой завесой. Он всегда может сказать: “Это было сделано собственными людьми заключенного”: метод Пилата. Помимо того, что в нем есть все элементы фарса, он порождает недовольство и недоброжелательность среди людей, ничему их при этом не уча. Я не знаю ничего более несправедливого, если только это не суд над неграмотным индейцем в соответствии со строгой буквой закона белого человека и непоколебимым стандартом хваленной морали белого человека.

После этого я выплачивал жалованье и приятно беседовал со старыми джентльменами, когда они посещали Агентство; но от их юридической мудрости мне ничего не требовалось. Суд продолжил рассмотрение дела без них.

Такая большая территория страны, почти четыре тысячи квадратных миль, занятая двумя непохожими племенами и этими древними врагами, должна иметь какой-то контроль. Полицейские силы, которые я обнаружил, состояли из трех человек: двух навахо и одного одинокого хопи. Агент находил все настолько мирным, что ему не нужна была полиция; это один из способов сказать, что он не утруждал себя охраной порядка в Империи. И когда после пяти лет мирного небрежения возникла необходимость в первой серьезной полицейской работе, Военное министерство по просьбе министра внутренних дел выделило сто двадцать пять человек из Двенадцатого кавалерийского полка в качестве "сопровождения" полковника Хью Л. Скотта. Этот офицер с большим опытом работы в индийской дипломатии был направлен для ознакомления с ситуацией и условиями. Завершив работу, он порекомендовал министру внутренних дел, чтобы индийский агент располагал отрядом численностью не менее двадцати человек во главе с белым офицером. Поэтому [136] Департамент, будучи не в состоянии полностью игнорировать мнение знаменитого полковника Скотта, увеличил мою полицию до восьми человек, все местные, и предоставил мне добиваться любого успеха, которого я смогу добиться. В 1921 году генерал-майор Хью Л. Скотт сказал мне, что он не изменил своего мнения.

Из хопи не получают хорошие полицейские, и уж точно не в когорте из одного человека. Само их название подразумевает "мирные". Их городами правит в основном мнение пуэбло. Если житель приобретает репутацию неразумного и бесчувственного человека, как это часто бывает с полицейским, его положение в возмущенном сообществе может повлиять на все остальные аспекты его жизни. Поэтому хопи вряд ли станут очень ревностными офицерами, когда действуют в одиночку. Кроме того, хопи боятся навахо, как, по слухам, навахо боятся ют, и становятся бесполезными, когда их удаляют из окрестностей их домов.

Но много лет назад, когда хопи испытывали сильное давление со стороны врагов-кочевников и не имели возможности даже утешиться тем, что рассказали о своих горестях индейскому агенту, они отправили эмиссаров к своим двоюродным братьям, индейцам пуэбло на территории нынешнего штата Нью-Мексико, и попросили поселить у них колонию воинов. В ответ на эту просьбу и в поисках чего-нибудь выгодного для себя, в 1700 году прибыла банда тева из Абикию на реке Чама, из того участка, где Онате нашел Сан-Хуан-де-лос-Кабальерос. Этим людям хопи предоставили широкую долину к западу от Первой Горной горы, известную как Уош Вепо, при условии, что они останутся и проявят свою доблесть в будущих кампаниях. Они построили деревню на вершине Первой горной горы, которая теперь называется Тева или Хано, где их потомки живут и по сей день. Некоторые вступили в браки с хопи, а некоторые - с проживающими поблизости навахо; но они не были ассимилированы, и любопытно, что, хотя все тева говорят на хопи и навахо с большей или [137] меньшей беглостью, после двух столетий жизни бок о бок лишь немногие из хопи могут говорить на диалекте тева.

Хопи пригласили воинов, и воины стали полицейскими, потому что с офицерами племени тева можно научиться управлять округами хопи и даже дисциплинировать некоторых навахо. Они надежны и отважны, даже воинственны; иными словами, они будут драться, когда это будет необходимо, и, что странно для индейцев пустыни, кулаками, получая

удовольствие от того, что подбивают противнику глаз. Но нужно усвоить, что хопи в качестве полицейских - прекрасные церемониальные танцоры.

Когорта навахо была выбрана в соответствии с логикой пограничников. Многие старые агенты верили, что хорошую полицию можно создать из “плохих людей” сообщества.

“Скотокрад будет знать всех других скотокрадов”, - таково было их рассуждение. “Игрок не обманется относительно тех, кто тратит свои стада и серебро, играя в монте-карло. И чем подлее индеец среди своих, тем больше уважения и страха он вызовет, когда будет одет в форму и ему разрешат носить оружие”.

Так же разумно, как если бы нью-йоркские чиновники назначили специального заместителя из Джиб Блад.

Хоске Йега, широко известный как Старина Майк, высокий и беспринципный навахо, носил значок Вождя. Говорили, что он убил не одного человека; и хотя я не так уверен в этом, он определенно не был примером праведности. Второй офицер был не таким уж подлым экземпляром, но принадлежал к той же системе. Они много лет были полицейскими этой юрисдикции, считали, что имеют право занимать эти должности, и знали правила игры. Полицейскому-навахо нечему учиться у белых быков в отношении методов взяточничества и шантажа [\[138\]](#) использовать свой значок. Индийская служба использует туземную полицию с 1878 года, и я признаю, что иногда можно встретить настоящего офицера, обладающего здравым смыслом, заслуживающего доверия, храброго и лояльного; но по большей части индийские полицейские пустыни являются посредниками и взяточниками.

При условии, что индеец, обвиняемый в правонарушении, не принадлежит к клану полицейского, при условии, что полицейский не боится его или его клана, при условии, что здесь не замешано колдовство, полицейский-навахо может выдать ордер и схватить своего человека так же быстро и безошибочно, как любой Шерлок Холмс. Опытный следопыт, он может читать след как открытую книгу; и часто ему не нужно идти по нему. Индейцы оставляют после себя свои визитные карточки. Впервые я узнал об этом, когда загон Клеззи Тлани освободили от нескольких хороших пони, и старого Майка послали на разведку. Он извлек большую часть запасов из открытого ассортимента и сообщил:

- Их похитил Сагений Лицой.

Идея Саджени была распространенной среди навахо еще со времен караванов: каждую ночь прогонять пони немного дальше, пока расстояние не убедит его, что животные действительно принадлежат ему. Тогда небольшая возня с раскаленным проводом настолько сбила бы бренды с толку, что даже пластинки были бы привлечены к его поддержке.

“ Почему ты не привел его сюда? - Спросил я.

— Я его не видел - просто забрал лошадей.

- Тогда откуда вы знаете, что Сэджени - вор?

“ Пошел в загон; увидел его следы. Исконга дахци” (возможно, завтра): “Я приведу Саджени”.

- Ты хочешь сказать, что след приведет к его хогану?

“ Нет, нет! Пошел в корраль, посмотри на его следы — ноги Саджени. У двух навахо нет одинаковых ног.

И когда Саджени был доставлен, хотя у него было много [139](#) оправданий и утверждал, что он вырастил животных, он признал, что брал животных с чужим клеймом; и он некоторое время находился на гауптвахте в качестве гостя Империи. Несколько моих полицейских из племени навахо позже перешли в ту же комнату отдыха, что многим показалось забавным занятием и не совсем отличалось от опыта некоторых белых лейтенантов.

Именно тогда я обнаружил, что на Теву можно положиться, что за этим последовало улучшение работы полиции. Точка зрения была иной. Однажды я вызвал высокого и худощавого начальника полиции Тевы и сказал ему:

“ Нельсон, мне нужен Хостин Чиен Бега. Ты его знаешь?

— Да, я его знаю - зову его “Бычья Шея”.

“ Это ‘Бычья шея’. Ты можешь привести его сюда?

“Дахци”.

“Ну, вот наручники. Полагаю, ты попробуешь”.

Он взял наручники и ушел. Вскоре после этого он вернулся, и я увидел, что он пристегнул свои пистолеты.

“Ты хочешь ‘Бычью шею’, ” прокомментировал он. “Он имел в виду навахо — постоянно носить с собой два пистолета. Иногда приноси виски. Итак, насколько сильно ты хочешь его? Ты хочешь, чтобы он умер?

Ну, если честно, я не хотел, чтобы Хостин Чиен Бега, он же Бычья Шея, стал экспонатом в морге. Он был достаточно подлым во плоти. И я предвидел более поздний опыт брата-суперинтенданта, который управлял резервацией на моей западной линии. Его владения были, во всяком случае, немного более дикими, чем мои, и простирались до Гран-Каньона и самых отдаленных мест на границе штата Юта. Его площадь составляла немногим более пяти тысяч квадратных миль, и населяли его по меньшей мере шесть тысяч навахо, многие из которых никогда не прикасались к цивилизации. Один подросток из полиции превратился в деревенского хулигана, и [140](#) возникла необходимость ввести ему немного его собственного лекарства. Тэддитин был гигантом телосложения и самым подлым человеком на этой территории. Сообщения о вызове его в Агентство были бесполезны. Он сослался на болезнь, на то прикрытие, под которым скрываются все те, кто не желает давать показания. Тэддитин не только оказал сопротивление людям, посланным арестовать его, но и сделал все возможное для своего уровня индейца навахо с пистолетом 45-го калибра, чтобы добраться до них до того, как они его усмирят. Навахо довольно ловко управляется с ружьем на близком расстоянии. Большинство из них становятся вооруженными с того момента, как зарабатывают достаточно денег, чтобы приобрести тяжелое оружие в ближайшей торговой точке - торговля, разрешенная Министерством по делам индейцев,

хотя и является полным нарушением как федерального законодательства, так и законодательства штата Аризона.

Дело происходило в хогане, который является слишком ограниченным местом для серьезных съемок. Пистолет Таддитина дважды промахнулся, и люди, посланные арестовать его, находясь на прицеле у пистолета, занервничали и, как ни странно, утратили здравый смысл. Они должны были сделать выговор Таддину за ношение неисправного оружия. Вместо этого они сочли необходимым выстрелить в Таддитина несколько раз, и хотя он не использовал ни одну из тех модных пуль 22-го калибра, над которыми О. Генри имел обыкновение смеяться, первые две пули не смогли сбить его с ног. К сожалению, последний выстрел убил Таддитина, который был полностью против любой политики морального убеждения.

Мой брат суперинтендант, который больше не является агентом в Индии, защищал себя в Федеральном суде, сначала по обвинению в убийстве, а затем по обвинению в лжесвидетельстве, с весеннего семестра 1916 года по весенний семестр 1918 года включительно. Он был совершенно один, если не считать показаний всех тех, кто что-либо знал об индейцах и Таддине в частности. Это стоило ему целых четырех тысяч долларов наличными, не говоря уже о времени и душевных расстройствах. [\[141\]](#) Полную историю этого дела можно найти в отчете Конгресса (*Документ Палаты представителей № 1244*), прилагаемом к *законопроекту № 5639* от 19 сентября 1922 г. — законопроекту о возмещении ущерба мужчине после прекращения его преследования; отчет, который, вероятно, забыт. Согласно этому отчету, суперинтендант, действующий как индийский агент...

не получил поддержки от Индийского бюро в связи с этим вопросом, на которую он имел право, но вместо этого он подвергся решительному, и, по мнению вашего комитета, несправедливому, преследованию со стороны федеральных властей.

Видите ли, суперинтендант стал официальным козлом отпущения и страдал от того, что блестящая политика напыщенности не могла быть поставлена в неловкое положение.

Поскольку это происшествие произошло с моим ближайшим соседом, оно оказало серьезное влияние на состояние правопорядка в пределах моей отнюдь не мирной юрисдикции, вплоть до того, что однажды мне сообщили об убийстве и часто угрожали подтвердить это сообщение.

Нет; я не призывал своего полицейского из Тева давать слишком реалистичную картину верности моим командам. [\[142\]](#)

[\[Содержание\]](#)

XIII

A DESERT VENDÉE

Одна примечательная вещь во всех письмах Кэлхуна - это жалоба на недостаточную поддержку со стороны Вашингтона.—

АБЕЛЬ: *Переписка Джеймса С. Кэлхуна*

Был жаркий июльский день в пустыне, когда я двинулся на запад от Ораиби, чтобы впервые осмотреть спорное пуэбло Хотевилла, убежище вождя Екеомы. Я не ожидал встретить эту странную личность, но само его имя пробудило во мне интерес к столь редкому персонажу: Ты-ке-о-ма, или “нечто почти законченное” — как можно было бы сказать, “почти совершенство”. Американский Далай-лама.

В нескольких милях от маленького грота богов войны Ораиби, скрытого святилища с причудливыми изображениями, проходя мимо того места, где приверженцы Екеомы проиграли состязание за свои традиционные права в городе Ораиби, можно было наткнуться на стену из разрушенной скалы. В этих утесах Хотевилла мало достоинства; они олицетворяют хаос, какой остался после какого-то сильного землетрясения в минувшие века. Сегодня вездесущий Ford может взобраться на эту стену по широкой и ровной дороге, потому что я устал рисковать там своей шеей; но в 1911 году это было не так. Моя команда тащила его вверх по крутой и извилистой тропе, которую индейцы, без сомнения, под охраной, грубо вырубили в массе осыпавшегося песчаника.

Вторая степь была усеяна густыми зарослями, из которых весенний ветер доносил аромат гелиотропа. Там были участки глубокого песка и еще больше скальных пород [143] обнажений, а затем появились поля туземцев, беспорядочные сады кукурузы, бобов и дынь, которые росли в изобилии. Эти люди могут заставить каменоломню цвести и производить пищу. Хотевиллы всегда на год опережают голод. Когда-то в прошлом они, должно быть, отчаянно страдали от неурожая, и этот горький урок научил их никогда больше не доверять ни одному урожаю.

Само пуэбло находилось на самом западном краю плато. Там, где скалы снова обрывались огромными изломанными ступенями, возвышаясь над обширной территорией уоша Диннебито, они построили свои любопытные маленькие домики из камня и глины. Если хопи не балансируют на краю пропасти, очевидно, они несчастливы. Фаталисты — когда пожилые или слепые бросаются в пропасть, об этом сожалеют, но не настолько, чтобы принижать это место. Альковы скамеек были огорожены ветвями тополя и служили подвесными балконами для ослиного стада. У них не было крупного рогатого скота, мало овец и еще меньше лошадей; фактически они были и остаются беднейшими из народа хопи, отвергнув все способы приобретения и прогресса; но в тех вещах, которые не противоречат традициям, таких как кукурузная мука и ослики, они обладают огромным богатством.

Со мной был один человек, и он посоветовал не спускаться в деревню. На самом деле, я не был склонен настаивать на этом, поскольку одновременно с нашим преодолением последнего подъема на крышах самых высоких домов были выставлены часовые, зловеще наблюдавшие за нами: обычай, который господствовал много лет и который заставляет незнакомца чувствовать себя немного неуютно.

“Скорее всего, они считают, что мы их обманули”, - сказал я своему спутнику.

“Вовсе нет”, - ответил он. “Они ждали вас несколько дней. Они знали, когда вы прибыли в Ораиби [144](#)вчера. Будьте уверены, старый Екеома ушел в подполье и будет скрываться до тех пор, пока все не прояснится. Эти наблюдатели просто хотят знать, куда вы направляетесь и когда отбудете. Если бы мы захотели забрать одного или двух детей в школу, был бы хороший скандал. Они знают, что у нас нет поддержки. Держу пари, они знали, когда ты ушел из Агентства и начал таким образом.

Все это оказалось правдой, и позже мне пришлось научиться обходить стороной такие таинственные методы получения информации.

Мы сидели на раскаленном песчаном холме и осматривали местность. Это была просто более грязная копия других пуэбло, которые я описывал, без их живописного окружения. И если в Америке есть место, где аромат достигает наивысшей силы, то это место должно быть удостоено Хотевиллы июльским днем. Солнце обжигает нагретый песок и выступы скал, зловонные дома, мусор и все, что скапливается у нечистых на руку людей и их животных. Множество осликов, цыплят и собак. Полчища собак. Тощие, крадущиеся, полуголодные, дерзкие собаки. Ядовитые на вид собаки, которые могут напасть на человека.

Пологие улочки Хотевиллы заканчиваются на краю плато, а внизу раскинулись священный источник и залитые солнцем поля. Далеко на северо-западе, как тусклый голубой парус на горизонте, виднелась гора навахо, эта вершина индейских тайн, где нашли убежище последние из их секретов. Хопи мигрировали из этой страны столетия назад на юг, к реке Литтл-Колорадо; а затем, подобно откату волны, переместились и обосновались в своем нынешнем месте застоя. Возможно, Хотевилла доказал, что является Землей Обетованной.

Из домов доносился запах готовящейся пищи, бараний [145](#)запах, — хотя, возможно, это были окорока ослика, - смешанный с дымом и густым ароматом тлеющего кедра. Женщины входили и выходили из дверей, занимаясь своими делами, и одна из них сидела, сплетая тростниковую дощечку. Все они были равнодушны, с презрительным угрюмым безразличием, к незнакомцу. Там была целая толпа детей, настороженных, наблюдающих за происходящим, готовых броситься наутек и спрятаться, длинноволосых и грязных, и большинство из них были такими же голыми, как Адам.

На одном конце деревни, немного в стороне от нее, стоял дом с остроконечной крышей. Это была резиденция меннонитской миссии, но когда возникла последняя угроза, добрые люди ушли. Требовался храбрый дух, чтобы жить рядом с враждебно настроенными хопи. Можно было, вероятно, поразмыслить о судьбе отца Хосе де Эспелета из королевства Наварра, и разница в богословском обучении принесла очень мало утешения.

До 1915 года гора Хотевилла была очень уединенным местом. Ближайшие белые соседи находились в семи милях отсюда, между ними были труднопроходимые каньоны и отсутствовали телефонные провода; а ближайший правительственный орган, индейский агент, находился совсем в пятидесяти милях, и состояние дорог не гарантировало быстрого реагирования в случае беды. Одна храбрая белая женщина жила одна на вершине холма, пока в здании государственной школы не появились соседи. Это была мисс Сара Э. Эббот, полевая медсестра. В течение многих лет она находилась на Первой Горной горе, где

приобрела знания языка хопи. Она получила приказ противостоять хотевилле, и она это сделала. Но мне было необходимо несколько раз посылать полицию арестовывать тех, кто пытался запугать ее, и самый длительный срок тюремного заключения, когда-либо назначенный самому старому Екеоме, возможно, самый длительный срок, когда-либо назначенный индейцу в индийском агентстве, был за то, что он угрожал этой женщине. [146]

Когда стало клониться к закату, мужчины начали возвращаться с полей, таща свои мешки, шести и огромные плантаторские мотыги. Многие из них были в возрасте, их длинные волосы были спутаны и напоминали змеи; но было достаточно крепких, коренастых парней, чтобы сделать официальную паузу, если бы он захотел диктовать что-то этому отряду. Даже те, кто внимательно наблюдает за этими людьми, удивляются такому проявлению телосложения. Хопи в основном придерживаются растительной диеты. Его зубы притуплены и стерты, как у лошади, из-за поедания кукурузы, похожей на кремль. Из-за изоляции и кланового церемониального исключения они обесценились за столетия инбридинга и быстро поддаются болезням. И все же те же хопи славятся двумя вещами, требующими необузданной силы и постоянной энергии: они могут поднимать и тащить на спине самые тяжелые грузы, и они отличные бегуны на длинные дистанции. Многие из их церемоний включают забег пешком, особенно соревнования на рассвете в день Танца Змей. Учитывая длинную дистанцию по пустыне, от пятидесяти до ста миль, бегун хопи изматывает лошадь. Их способность нести ношу исходит от обеих сторон дома, поскольку на протяжении веков женщины носили воду из источников на высоту, а мужчины собирали урожай, дрова и камни для строительства. Я видел две движущиеся кучи дров на горной тропе и обнаружил, что одна из них - поклажа ослика, а другая прикрывает человека, и разница между ними невелика.

И они, должно быть, переносили вес на расстояния, сравнимые с их пробежками, потому что как еще можно было крыть крыши испанских миссий? Огромные бревна приносили на спинах мужчин. Примерно в 1629 году хопи, послушные и поработанные, привезли эти бревна с гор Сан-Франциско в Орайби и другие пункты, подвиг, равный только индейцам Акомы, которые построили огромную миссию на вершине [147] их штрафной высоты, балок, идущих из Сан-Матео или Маунт-Тейлор. Длина каждого из этих бревен составляла более пятидесяти миль. Одно из неиспользуемых бревен сегодня можно увидеть в монастырской части миссии Акома. Это бревно более тридцати футов в длину и двух футов в толщину. Без механического оборудования подъем его на вершину холма потребовал бы изобретательности любого человека.

Особенно это касается официальной паузы в диктовке во время, о котором я говорю, поскольку хопи бросили вызов двум бывшим суперинтендантам и в течение нескольких лет поступали именно так, как им заблагорассудится, полностью игнорируя все предостережения, поступавшие по почте из Вашингтона. Конечно, официальный Вашингтон не беспокоился, и для остального мира хопи не существуют; но пример примерно для полутора тысяч других дисциплинированных хопи и для нескольких тысяч нерегулируемых

и недисциплинированных навахо, находящихся в постоянном контакте с этими повстанцами, был нехорошим. Агенты ощутили на себе последствия этой робкой политики, и это вызвало у них беспокойство.

Хопи поступали подобным образом и в другие разы, и методы, применявшиеся для их исправления, были не самыми удачными. Чиновники угрожали, а когда туземец не пошевелился, предложили взятки.

“Твои кости побелеют на солнце!” — обещала одна из передач, за которой последовало: “Разве ты не хочешь зайти и вести себя хорошо ради хорошей новой плиты по контракту?” Теперь процесс отбеливания затронул только тех, кому не повезло умереть естественной смертью, и жители Хотевиллы довольствовались своими камнями пики и саманными каминами. *Индеец не уважает тех, кто пытается его купить. Когда угроза оказывается столь же пустой, сколь и хвастливой, он в немалой степени укрепляется.* Вашингтон склонен к блефу и покупкам. [\[148\]](#)

Индийская служба не слишком интересовалась этими странными людьми до 1887 года. Между 1847 годом, когда хопи были приобретены в качестве одного из благ Мексиканской войны, и 1887 годом, когда в Кимс—Каньоне была открыта первая школа, — сорок лет - они жили практически так же спокойно, как и с тех пор, как покинули жилища в скалах и пещерах в северных каньонах на границе с Ютой. Несколько торговцев посещали их достаточно часто, чтобы быть известными; и один из них, мистер Джон Лоренцо Хаббелл, рассказал мне о том, что в семидесятых годах он был свидетелем Танца Змей, одиноким белым зрителем, которого сейчас ежегодно собирается несколько тысяч. Туриста в те дни там не было, а если бы и был, то в условиях захолустья, вполне вероятно, что он уходил бы с Танцев Змей, а не посещал их.

В 1890 году неповиновение ораиби впервые привлекло к себе внимание. Старый Ло-ло-ло-ми, их добрый вождь, побывал в Вашингтоне и согласился пристроить детей своей фракции в школу. Оппозиция проигнорировала его советы; фактически они заключили старика в тюрьму и угрожали ему смертью за это отступление от традиций. Ло-ло-ло-ми был “слишком хорош”, как следовало из его имени. Младший агент, мистер Ральф Коллинз, арестовал нескольких военачальников и отправил их своему агенту в Форт Дефианс. Вернувшись, они занялись тем, что устроили еще больше беспорядков; поэтому были посланы войска, чтобы усмирить и принудить их, и первая крупная ошибка была допущена армейским офицером. Этот офицер сопровождал Коллинза на гору Ораиби. Их предупредили, что противники вооружены и намерены сражаться. Решив, что это блеф, они поднялись на плато к пуэбло. Военный вождь, отказавшийся присутствовать на совете, вышел на крыльцо одного из домов с террасами. Он был раскрашен по этому случаю, носил винтовку, [\[149\]](#) и выглядел как часть своего офиса. К нему присоединился знахарь, одетый в сырую овчину, с которой капала кровь и пачкала его тело. Эти двое, зная о многих сочувствующих в лачугах, вызвали белых на бой и сильно оскорбили их. Двое белых мужчин благоразумно удалились после безуспешных переговоров.

Затем появились пять отрядов кавалерии. Командующий пригласил вражеских вождей на совет под горой и дал слово, что их следует уважать. Они пришли, но упрямо отказывались изменить свое мнение относительно образовательной пропаганды этого белого человека.

Затем их схватили и связали как пленников, а затем повели по тропе пуэбло в качестве прикрытия для солдат. Это было гнусное предательство, и последствия его живут в стране ораиби по сей день.

“Некоторые белые люди не держат своего слова”. И в Ораиби, или, по крайней мере, среди неперестроенных ораибанцев, которые сейчас находятся в Хотевилле, разумно подозревать всех белых мужчин.

Коллинз, гражданское лицо и субагент, не принимал в этом участия. Он советовал не делать этого и сожалел об этом. Было бы лучше рискнуть немного поднапрячься в стрельбе, которой славятся хопи; было бы лучше забить до смерти нескольких никчемных военачальников и знахарей, если бы это действительно было необходимо. Битву можно простить, но предательство терзает сердце.

Взятые в то время заключенные были отправлены в форт Уингейт. Через несколько месяцев их освободили под обещание вести себя хорошо, но когда они вернулись из плена, они тоже отказались соблюдать данное условно-досрочное освобождение. Гусыня офицера произвела на свет стаю гусят, и его работе суждено было прожить почти три десятилетия. В 1894 году в Ораиби снова потребовались войска, и девятнадцать индейских лидеров [\[150\]](#) были отправлены в качестве заключенных на остров Алякатрас. Они пробыли в заключении около восьми месяцев и вернулись нераскаившимися.

В 1898 году хопи заболели оспой. Это было не так страшно, как та эпидемия, о которой рассказывали испанцы, но она была достаточно серьезной. Суеверия и страх в сочетании с фатализмом трудно победить среди людей, которые ничего не знают о вакцинации, которые не доверяют незнакомцам, но предпочитают умереть без помощи инопланетян. Войска были необходимы, чтобы ввести карантин и кремировать тела. В 1899 году, согласно отчетам, войска прибыли снова, и еще раз заключенных отправили в форт Дефайанс.

Все это время среди ораибанцев царили внутренние разногласия, и в 1905 году разногласия относительно взглядов местных оракулов на традиции достигли апогея. В этой ссоре были замешаны почти все, кто находился в пределах досягаемости. Комиссар по делам индейцев Фрэнсис Э. Леупп, лучший сторонник дисциплины в Службе за последние три десятилетия, был не в ладах со своим Агентом на этом участке, и, по правде говоря, этот Агент встретил одно Ватерлоо в пуэбло чимопови, где проживал аванпост ораиби. Его попытка принудить хопи с помощью увеличенных полицейских сил навахо едва не привела к кровопролитию и настоящей войне; и в конце этого фиаско наемники-навахо угрожали его жизни, потому что денежный сундук не был своевременно открыт для них.

Итак, Комиссар стал оказывать сильное личное влияние. И он быстро обнаружил, что его личное влияние в великой Пустыне было очень незначительным. У индейцев было острое чувство целесообразности происходящего, и они были возмущены его появлением на переговорах с ними без официального спонсора.

“Кто ты?” - спросил встревоженный Ораиби, когда его пригласили на совет. [\[151\]](#)

“Я комиссар из Вашингтона”, - заявил он, и этот факт был известен президенту Рузвельту, клубу Grid-iron Club и *New York Evening Post*, и это должно было быть распространено повсюду.

“Тогда почему ты приходишь сюда без Мунгви?” - спросили они. “Он должен представить тебя нам. Мы тебя не знаем. Мунгви здесь нет. Почему ты пришел черным ходом из Уинслоу и созываешь совет без Мунгви?”

Индийцы часто на редкость последовательны. Они не сожалели о недавней стычке с Мунгви, когда они схватили его за бороду и пригрозили сбросить с гигантских скал чимопови, — действиям помешала только полиция навахо, пригрозившая открыть огонь, - но они знали кое-что об официальной вежливости между всеми мунгви или Вождями, и есть такая вещь, как приготовление надлежащего блюда, даже с индейским племенем, проживающим на отдаленных холмах. Весьма вероятно, что комиссар сказал что-то об уважении, подобающем его должности, когда поднялся рослый индеец, который произнес с таким поразительным эффектом: -

“Этот человек приходит сюда один, и у него кривой рот. Его слова имеют двоякий смысл. Он не уполномоченный по делам индейцев, иначе Мунгви были бы здесь, чтобы рассказать нам. Я сам видел, как этот человек работал лопатой на железнодорожном участке менее трех недель назад. Не слушайте его. Он наведет вас на ложный след”.

Это был ужасный удар по достоинству, который задел весь Вашингтон. Положение не улучшилось, и к 1906 году проблема возросла до такой степени, что снова потребовались войска. Они пришли. Они отлично отрепетировали свои роли, и были взяты заключенные. Для наблюдения за ситуацией был направлен специальный инспектор, и он оказался в очень неловком положении. Сто [152](#) заключенных объявили голодовку. От них потребовали квитанции за оборудование тюремной столовой в строгом соответствии с фарсовыми методами бухгалтерского учета, бывшими тогда в моде. Истинный враждебный хопи, лояльный верховному жрецу Екеоме, никогда ни под чем не подписывался. Его воспитали так, чтобы он с опаской относился к документам белого человека. Поскольку он не может прочитать их сам, он классифицирует все по характеру документа вместе со словами белого человека, как проиллюстрировано первым армейским офицером, который предал его.

“Если они не подпишут, пусть умирают с голоду”, - сказал солдат в данном случае, и его это нисколько не беспокоило. Но специальный инспектор был очень обеспокоен этим. Ему приходилось быть более осторожным на своей гражданской работе; так что однажды рано утром ему удалось, благодаря соблазнительному аромату кипящего кофе и манящему аромату жареного бекона, возбудить среди молодых людей голодного Иуду, который расписался за всю партию; и вот! таким образом, можно было избежать всех несчастий.

На этот раз семнадцать лидеров были отправлены в форт Уачука, семьдесят два были отправлены работать на дорогах заповедника, а множество молодых людей, зарождающихся повстанцев, были отправлены в отдаленные индейские школы в надежде, что принудительное образование успокоит их беспокойные души. Восемь из этих молодых людей учились в Карлайле. Мне пришлось иметь с ними дело, когда они вернулись, примерно семь лет спустя. На самом деле, тогдашний комиссар сообщил мне, что они окажут помощь в управлении делами резервации. Они вернулись, одетые в одежду белого человека,

но только трое из них проявили какие-либо признаки раскаяния. Те из хотевиллы, за одним исключением, быстро сбросили одежду и вернулись к одеялу. Они были угрюмы и подозрительны, и они не потеряли свою память.

Я не особенно винил их, поскольку по крайней мере четверо [\[153\]](#) были женатыми мужчинами, когда их забрали из пуэбло. У их жен теперь были другие супруги, другие дети. Дети отцов-повстанцев не простили бы им этого, потому что они отвергли неверных жен. Отцы обвиняли правительство в том, что оно не защитило их семьи. И женщины сказали мне: —

“ Ты забрал наших людей. Мы остались одни. Мы должны были сохранить жизнь детям, а это означало ухаживать за полями и овцами. Не говори нам о морали”.

По крайней мере, таково было английское значение их аргументации и порицания, какими бы терминами это ни называлось у хопи. Довольно много “Шепелявит”: “Вы все лжецы, вы, англичане”; и точно так же их сыновья и дочери жестоко обращались со своим “собственным нечистым народом”.

Теперь племенной брак - это законный брак, по крайней мере, так постановили суды, конечно, вдали от мест обитания иностранца и не имеющие конкретных знаний о нем или о его условиях. Итак, в строгом соответствии со священными правами собственности и Великой Книгой банальностей, моим долгом было сказать собравшимся: “Вы, потаскушки, виновны в прелюбодеянии, и многие из ваших детей незаконнорожденные; в то время как вы, нераскаявшиеся мятежники, не можете брать других жен, поскольку тем самым вы совершили бы двоеженство; и каждый из вас, каждая, все и сразу несколько, а именно, должны провести долгие сроки на гауптвахте”.

Это то, что я должен был сказать; но, находясь в здравом уме и очень мало разбираясь в банальностях, особенно в тех, которые мужественно пересылаются по почте через две тысячи миль, я ничего подобного не сделал. У меня было удобное место, в котором я прятал священную книгу, и я приучил себя полностью забывать о ней.

Но, несмотря на мои симпатии, я никогда не мог смягчить ненависть одного из сыновей. Он ненавидел своего отца [\[154\]](#) из-за обращения со своей матерью, и превыше всего этого он ненавидел белых мужчин, включая меня. Глупые грехи одного мунгви наследуются другим по линии наследования.

“Ты забрал моего отца, ” сказал он мне, - и оставил мою мать усердно работать в поле; а когда я вырос достаточно большим, чтобы работать, ты отвел меня в школу, так что она снова осталась без помощи. Потом, когда мой отец вернулся из Карлайла, он не захотел иметь ничего общего с моей матерью. И ты не позволил бы мне вернуться к ней домой. Мне не нужны эти обычаи белых людей. Я не буду стричь волосы и не соглашусь продолжать учиться в школе. Ты достаточно силен, чтобы заставить меня, но я не буду делать все это за тебя”.

Он мог сказать мне это на чистом английском, так как в моей школе в пустыне он получил хорошую грамматическую базу; и его не прерывали и не наказывали, потому что я поощрял учеников приходить ко мне и высказывать свое мнение. Но, будучи сильнее, я решил

сделать это за него, имея в виду его личные интересы как отдельные и обособленные от вражды прошлого; но я не мог строго винить его за его упорное сопротивление. Он был очень способным парнем и стал выдающимся учеником; но так же верно, что в конце концов он жестоко вернулся к своему “собственному нечистому народу”. Три недели на дорогах, разбивая камни и развозя песок, сделали бы больше для излечения бунтарского настроения этого отца, чем те годы в Карлайле, когда он был изгнан из своего дома и всей жизни, которую он понимал и о которой заботился. Конечно, — и надо быть справедливым к своим наставникам, — этот человек многому научился в Карлайле, который был очень хорошей школой; и более того, он увидел чудеса белого человека. Он был одним из первых, кто стал свидетелем воздушного полета. И когда он рассказал своим предкам в пуэбло об этих странных и невероятных вещах, которые он видел в Филадельфии, [\[155\]](#) они поднялись в гневе, выбили свои церемониальные трубки и осудили его как величайшего лжеца, которого не повесили. Так что даже старейшины, чье проигранное дело он отстаивал и за которое пострадал, отвергли его и прокляли. Немногие патриоты подвергаются подобному обращению. Дома он подвергся полному ostracism. Чтобы прокормить его, я нанял его местным полицейским, надеясь, что он отомстит; но это поручение принесло ему только дополнительное презрение и порицание. Долгое время он жил в Хотевилле, как пеликан в пустыне; где еще он мог жить? Разве это не дом?

Но мы достигли 1911 года, когда на горе Ораибби пылала та же старая ситуация, за исключением того, что противники теперь находились в собственном пуэбло, и с ними можно было разобраться, справедливо или несправедливо, не затрагивая тех, кто никогда активно не сопротивлялся правительству. Было сущей бессмыслицей снова начинать фарс с мольбами и спорами, дешевыми взятками и столь же бессильными угрозами. Ни одна кость не “побелела на солнце”, и не было достаточного количества местной полиции и лояльных сотрудников, чтобы рискнуть попытаться усмирить эту угрюмую орду. Я вернулся в Агентство и написал крайне неapolитичный отчет. Любая правда, которую Индийское бюро не желает знать, является неapolитичной.

Я перечислил факты и порекомендовал, поскольку правительство уже столько раз считало необходимым вводить войска, и всегда после большой поддержки, наполнения и безуспешных переговоров, — и все это на потеху дикарям, — почему бы не отправить войска *сейчас*, и быстро. Эта рекомендация была датирована 28 июля 1911 года.

Правительство действует с поистине устрашающей быстротой. Теперь, после тринадцати лет обмена отчетами и передачи денег, я понимаю, что произошло какое-то чудо в том, что мое [\[156\]](#) предложение вообще было рассмотрено. Мне сказали, что мой друг заверил министра внутренних дел, что я не маньяк. Но потребовалось время до 27 сентября 1911 года, чтобы запросить военного министра выделить кавалерию из отдаленной точки, когда войска бездействовали в форт-Апаче всего в ста восьмидесяти милях отсюда — совсем по соседству, если считать пустынные пространства. Прошел еще месяц, и 28 октября военный министр подробно описал Хью Л. Скотта, в то время полковника в звании, как офицера с опытом работы в Индии, который, вероятно, имел влияние на этих странных людей. Под датой 15 ноября мне было приказано сотрудничать с полковником Скоттом, и поскольку не было принято во внимание тот факт, что стояла зима и почта, вероятно, задерживалась на протяжении ста пяти миль пути в фургонах, великий индийский дипломат и его офицеры и подчиненные добрались до агентства Моки раньше моего приказа. Четыре месяца ушло на

деликатное раскручивание бюрократических проволочек, которые телефонный разговор между департаментами и телеграмма на ближайшую почту уладили бы за двадцать четыре часа. Как было бы удобно, если бы этими хопи были юты, апачи, навахо или сиу! [\[157\]](#)

[\[Содержание\]](#)

СОЛДАТЫ, ИНДЕЙЦЫ И ШКОЛЫ

Итак, для здоровья христианина вредно давить на арийского коричневого, Потому что христианин злится, а ариец улыбается, и он унижает христианина.

—Киплинг

Если вы ищете информацию об индейской резервации, касающуюся вещей, выходящих за рамки обычного, никогда не спрашивайте ответственного агента. Он спрячет важные бумаги от посторонних глаз и, скорее всего, скажет, что это не ваше дело. Зачем напрашиваться на такой отпор? Идите в столовую - к повару, кузнецу или швее. Они получают все необходимые сведения с какой-нибудь другой почты, от повара столовой, кузнеца или швеи, которые усердно добудут их у какого-нибудь дырявого чиновника или, возможно, от телеграфиста. Кто сказал Сидящему Быку, что Кастер разделил свою команду? По большому счету, это был походный повар.

И когда однажды утром школьный надзиратель спросил меня, сверяя свои часы с моим хронометром: “Когда вы ожидаете войска?” Я знал, что был отдан необычный приказ. Он был прав в своем предположении, поскольку прачка была уведомлена. Я не берусь утверждать, что министр внутренних дел уведомил прачку, но она знала. Возможно, какая-то другая прачка нашла приказ в стирке полковника. Как бы то ни было, колонка прибыла именно тогда, когда она и предсказывала.

Это была поразительная картина, когда мы проезжали по длинному Каньону [\[158\]](#) по горной дороге, черные всадники на фоне неба и желтого песка, развевающиеся полевой флаг и вымпел войск; и в этом была определенная предвыборная нотка, которая вызвала такой ужас по всей стране, как если бы была объявлена война, а Кит Карсон снова в седле.

Те из колеблющихся хопи, кто жил отдельно от Екеомы, но склонялся к его политике, когда осмеливался, и кто ждал развития событий, начали торопить своих запоздалых детей в школы. Улыбающиеся “товарищи” усердно продолжали заниматься своими домашними делами. А навахо, после одного возбужденного осмотра с противоположной стены, полностью исчезли из пейзажа. В течение очень долгого периода в Агентстве не было видно ни одного навахо. Их старые вожди, такие как Хостин Нез и Билла Чецци, помнили плен в Боске Редондо, и молодые люди слышали их рассказы об этом. Сейчас было не время для споров с нахтани, и хотя они ничего не потеряли в глубинке страны, все же это приглашало провести мирную хиджру вдали от палаток и горнов этой колонны.

Все это шло вразрез со всеми традициями. Трое бывших агентов спорили, угрожали и напрасно ждали, а третий беспомощно торчал на своем посту, пока вспыхнувшее восстание не опалило его бороду. Теперь этот новый Нахтани говорил очень мало; на самом деле, он казался подавленным и немного сбитым с толку. Но вот появились солдаты, совсем не похожие на тех троих туземцев в форме, от которых, как считалось, он зависел. Эффект был мгновенным и длительным. И не один чиновник, обладающий фактическим знанием условий жизни изолированных навахо, согласился со мной в том, что такая колонна должна

время от времени проходить через эту страну. И индейцы, и белые люди стали бы больше уважать [\[159\]](#)приказы правительства и меньше убийств в безлюдных местах.

А затем я обнаружил знаменитого полковника Скотта, сидящего в конце моего стола. Я извинился за то, что был таким невежественным, не получал приказов департамента и полагал, что он будет полностью проинформирован. Помимо просьбы о сотрудничестве с Агентом в этой небольшой пограничной стычке, оказалось, что его миссия была разведкой, и действия ожидали дальнейших инструкций. Для офицеров были приготовлены каюты, а для солдат - место для лагеря, а затем мы с полковником сели обсуждать условия проживания индейцев в резервации. Прочитав о его карьере среди воинов Равнин, я почувствовал, что чем меньше я буду говорить этому опытному солдату и знатоку племени, тем больше у меня будет шансов не допустить ошибок. Я надеялся произвести впечатление мудреца, держа рот на замке.

Но полковник Скотт не потерпел бы ничего подобного. У него был тогда и остается по сей день самый сбивающий с толку метод постановки вопроса, а затем понизывающий человека насквозь парой похожих на буравчики серо-голубых глаз, которые пронзают насквозь, словно сделаны из стали. Он мог видеть, что я был очень зелен и молод в деле работы индийским агентом, но он не позволил бы мне отступить перед его возрастом и более высоким званием.

“Я предлагаю сначала побывать среди этих индейцев и узнать что-нибудь об их причинах такого отказа подчиниться пожеланиям Департамента”, - сказал он.

Я промолчал.

“Я пойду один”, - сказал он.

Я ничего не сказал.

- Вы не думаете, что они примут меня неприятно?

“О, нет!” Я поспешил наверстать упущенное. “Они [\[160\]](#)достаточно миролюбивы, пока им позволено поступать по-своему. Весьма вероятно, что они примут вас с большой вежливостью и даже гостеприимством”.

“Именно так я и думал”, - сказал полковник, который всегда в одиночку отправлялся во враждебные лагеря - метод примирения, который заставил бы большинство людей задуматься. “Я поговорю с ними, - продолжил он, - и я верю, что смогу привести их к разумному взгляду на вопрос, который мы должны урегулировать”.

Я ничего не сказал.

- Что ты думаешь о моем плане?

— Ну, сэр, я бы не осмелился предположить...

“Вопрос не в этом. Вы уже должны быть немного знакомы с этими индейцами. Удастся ли мой план?

Его глаза пронзили мои, прямо в мозг, вышли через череп моего заднего возвышения, и я знал, что они сверлят каменную стену прямо за моей спиной.

— Учитывая опыт бывших агентов и даже солдат, полковник Скотт и...

- Как ты думаешь, мой план увенчается успехом?

“Это очень хороший план, полковник. Таким был ваш метод с другими племенами, и он может оказаться успешным здесь”.

- Но что ты об этом думаешь?

Не было никакого способа избежать правды. Он ее получит.

- У тебя ничего не получится.

Минуту или две он изучал ее.

“ Я имел дело с неразумными индейцами, ” медленно произнес он.

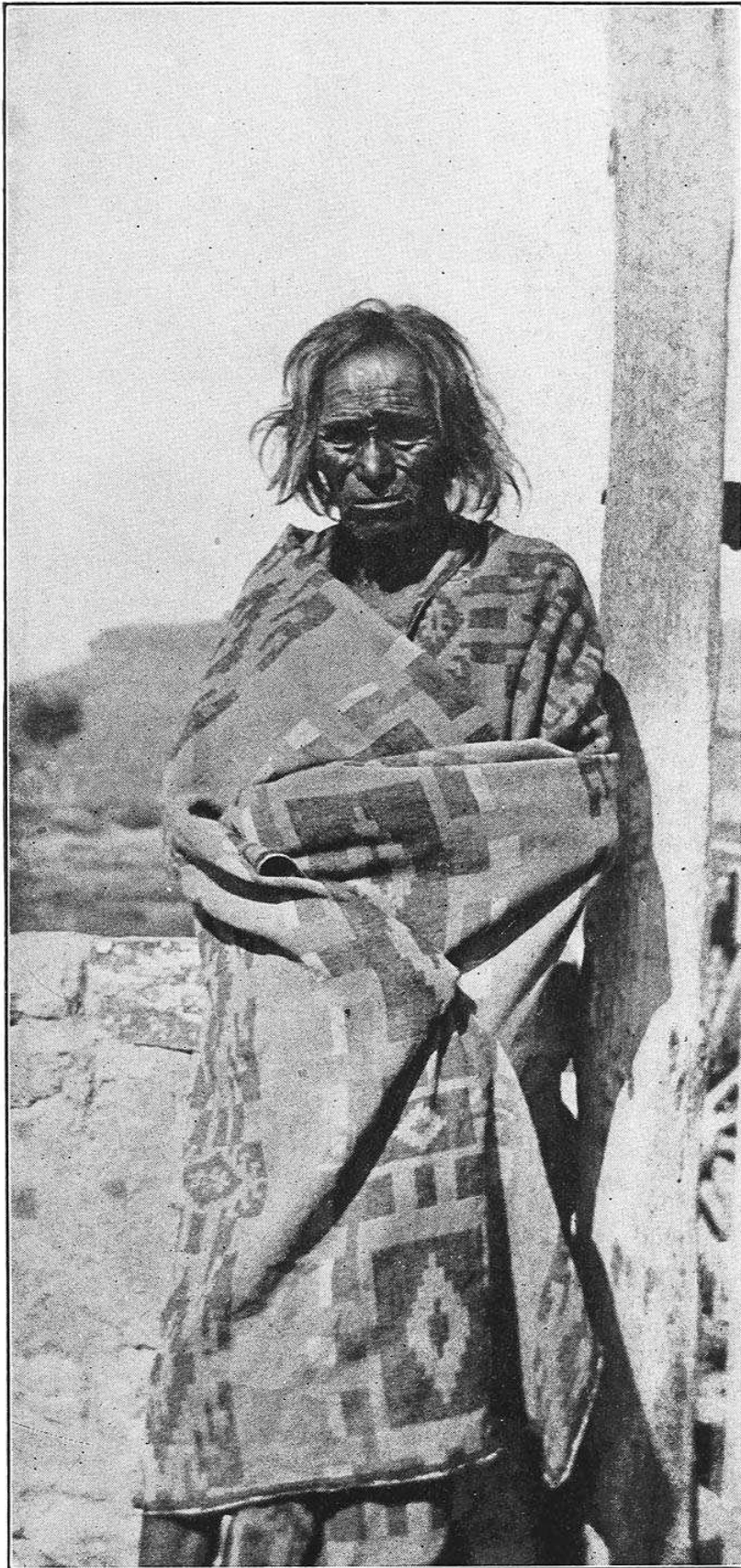
“ Так мне сообщили, сэр. Но вы не имели дела с [\[161\]](#) индейцем хопи, который является религиозным фанатиком; и поскольку вы настаивали на моем мнении, я был вынужден его высказать. Я могу только попросить, чтобы этим людям не обещали ничего, что не будет выполнено. Это спровоцировало половину проблем прошлого. Департамент пригрозил им, а затем свернулся калачиком. Они привыкли к тому, что солдаты их предают. Они будут говорить бесконечно; но если вы рассчитываете образумить хопи без демонстрации силы, это уже слишком. Ты не добьешься этого”.

После чего полковник, казалось, был удовлетворен тем, что получил от меня ответ, и на следующий день отбыл в пуэбло Хотевилья в сопровождении переводчика и сторожа. Его экстраординарные знания и сверхъестественное умение пользоваться языком жестов ничем не помогли бы ему среди хопи, поскольку лишь немногие из индейцев Юго-Запада используют этот метод общения. В его распоряжение был предоставлен заброшенный дом миссии. Отряд оставался лагерем в Кимс-Каньоне на территории Агентства.

В тот вечер по почте были доставлены эти запоздалые приказы в двух экземплярах: от комиссара по делам индейцев мне и от министра внутренних дел полковнику Скотту. Я читал их с изумлением и полной смесью чувств. Они были составлены без учета фактов и представляли собой настолько искаженный набор инструкций, насколько это можно было себе представить. Просто приняв выдвинутые условия, индейцы могли победить, и вся экспедиция превратилась бы в фарс. Вашингтон был настолько осторожен, чтобы сохранить щит между собой и сентиментальными критиками страны, что, что бы я ни предлагал сделать и в чем бы ни согласился помочь офицер, жир был в огне, если эти приказы были признаны.

И здесь было более ста человек с верховыми животными и дополнительными попутчиками, а также вьючный обоз и фургон [\[162\]](#) с дополнительными припасами. Сено для лошадей закупалось на месте по шестьдесят долларов за тонну и овес в той же пропорции; и это были всего лишь две статьи расходов. Действительно, очень дорогостоящий юмор.

Но полковник был в Хотевилле; и там он оставался десять дней, говоря, говоря, говоря, когда не слушал Екеому. Я получил одно донесение от посыльного, который обнаружил старого вождя сидящим в центре комнаты, лицом к полковнику на его раскладушке, а переводчика сбоку. Шел седьмой день, и Екеома, излагая свои традиции, достиг даты, отдаленной всего на четыреста лет. Надо отдать должное старику, он никогда не ослабевал. Полковник, резко выпрямившись, впадал в дремоту, заканчивал дремать и сразу после пробуждения подхватывал нить беседы, чтобы продолжать ее до тех пор, пока не рассвело.

ЕКЕОМА, ЖРЕЦ АНТИЛОПЫ И ПРОРОК

Кто рассказал историю о Людях Рассвета

Конечно, в этой программе были перерывы. Они пригласили офицера на охоту на кроликов и показали свою быстроту в беге и умение обращаться с кроличьей дубинкой или бумерангом хопи; и он был свидетелем некоторых их церемоний. Но в конце концов все закончилось разговором — так много слов, расположенных одно за другим, одна строка на медленном, ровном английском, заученном, ровном, монотонно повелительном; другая на невозмутимом хопи, поднимающаяся и опускающаяся, как китайский, начиналась с долгого вдоха и заканчивалась шепотом, когда индийские легкие истощались.

Екеома начал свою деятельность в какой-то момент в своих традициях еще до периода Людей Рассвета, когда они поднялись из Подземного Мира. *Очерк истории Уэллса* и вполнину не так сложен. И без передышки или колебаний, подкрепляя свои заявления кусками изображенного камня, представленными в качестве неоспоримых доказательств, подобно тому, как Моисей бы^{принес Скрижали Закона, он продвигался вперед на протяжении}¹⁶³], на протяжении многих веков..... Войсковой хирург, который присоединился к полковнику, предоставил мне грубую расшифровку этой легенды, которая, доведенная до голой консистенции, выглядит следующим образом:

Бытие хопи, согласно Екеоме, главному жрецу Хотевиллы

Хопи пришли из Подземного мира, из глубины земли. У них были свои вожди и знахари, и их деревни в Подземном мире, такие же, как сейчас и здесь. Но люди отошли от традиций. Они слишком любили хорошо проводить время и отказывались слушать своих мудрецов. Они устраивали общественные танцы и забыли старые религиозные церемонии. Сначала девочки, затем женщины и, наконец, почти весь народ хопи попали под это влияние. Они забыли обо всем остальном. И даже жены священников стали злыми.

Тогда добрые вожди и знахари собрали совет. Они были против этого зла и решили поискать другой мир. Они обсудили множество способов покинуть Подземный мир. И они проводили эксперименты. Сначала они посадили сосны и с помощью церемоний вырастили эти деревья очень высокими. Сосны росли так, что касались неба, но не пронзали его. Их верхушки наклонялись и тянулись по небу. И добрые хопи знали, что сосны им не помогут.

Затем они посадили остроконечный тростник, и он вырос высоким и пронзал небо.

Теперь нужно выяснить, что за место находится над ними. Они послали птиц в качестве вестников, чтобы те вылетели через дыры в небе и нашли землю для добрых людей. Они велели птицам вернуться и рассказать, что они видели. Поэтому первыми они послали колибри. Они летали все выше и выше, кружили над высокими зарослями тростника и отдыхали на них, когда уставали. Но колибри выдохлись и упали обратно в Подземный Мир.

Затем они послали птичьего ястреба. Он мог летать намного быстрее, но тоже выдохся. Ласточка была отправлена, ^[164]но она не долетела до верхушки камыша. Каждая птица была отправлена кланом. И, наконец, была отправлена птица-сокол. Он летел такими странными резкими движениями, что они никак не ожидали, что он достигнет вершины — но он достиг, прошел через дыру в небе и прилетел в Ораиби. Там он нашел Рыжеволосого Духа.

Птица спросила Призрака, позволит ли он добрым людям хопи из Подземного Мира прийти и жить в Ораиби. И Дух был согласен, поэтому птица вернулась с этим сообщением.

Большинство людей все еще были заняты своими светскими танцами, но вожди, знахари и другие добрые люди, узнав новости, начали карабкаться по камышам. В этом им помогли два Бога Твердых Веществ, которые сделали тростник твердым. Этим людям удалось проползти через дыру в небе. Но те, кто отдавал свое время легкомысленным вещам, были выбиты вождями из колени, и они упали обратно в Подземный Мир, а дыра в небе была заткнута.

Затем были начаты поиски нового дома. Но дочь главного вождя умерла. Это отложило дело. Он верил, что какая-то могущественная ведьма вышла вместе с ними из Подземного мира, поэтому созвал людей и приготовил какое-то лекарство из кукурузной муки, сказав, что эта мука упадет ведьме на голову. Он действительно упал на голову девушке. Тогда вождь решил бросить эту ведьму обратно в Подземный мир; но когда он посмотрел вниз через дыру в небе, он увидел свою дочь, играющую там, на старом месте, маленьким ребенком; и тогда он понял, что все возвращаются в Подземный мир после смерти.

Теперь ведьма сказала вождю, что, если она сможет жить с ним, он будет избавлен от многих невзгод и трудностей и что когда-нибудь его дочь вернется к нему. Так что ведьма была спасена.

Когда хопи прибыли на землю, была кромешная тьма. Они совещались и искали способ создать свет. Они вырезали круглый кусок оленьей кожи и положили на него кусочки [\[165\]](#) сердец птиц, зверей и всех людей, а затем велели оленьей коже излучать свет.

Но этого оказалось недостаточно. И они взяли белую хлопчатобумажную ткань, положили на нее частички своих сердец и развернули ее на Востоке, к Солнцу. Таким образом, Солнце дало свет всему живому, и сегодня мы все приветствуем его восход на Востоке.

Затем главный вождь позвал птицу-пересмешницу и велел ей дать каждой группе язык. Народ старшего брата получил первый язык, который является языком белых людей.

Теперь кланы разошлись в разные стороны. Старшему брату вождя со своими людьми было приказано отправиться туда, где восходит Солнце, и оставаться там. В трудную минуту за ним послали бы. Вождь сказал ему, чтобы он не крестился ни в каком чужом братстве.

Затем кланы пошли разными путями, каждый в поисках своей страны. Они путешествовали на некоторое расстояние, останавливались, чтобы собрать урожай кукурузы, а затем шли дальше. Иногда они оставались в разных местах по два-три года. И старший брат с теми, кто составлял его компанию, быстро отправился на Восток и до сих пор не вернулся.

Клан Призраков, наконец, прибыл в Менкопи, и туда же прибыли кланы Дыма и Пауков. Клан Медведей достиг Чимопови. Два брата были вождями этого подразделения, и один из них поселился в Ораиби, где позже к ним присоединились Призрак и другие кланы.

Внутри клана Призраков было две группы — собственно клан Призраков и клан Призраков и Птиц. Екеома принадлежит к клану Призраков и Птиц. Они были известны как клан храбрости и действовали как охранники. Когда началась война с юта, навахо и апачами, клан Медведя и клан Призраков попытались победить без помощи этих храбрецов из клана Призраков и Птиц. Но им это не удалось, и пришлось просить их о помощи. Тогда храбрейшие из воинов положили взрывчатку в глиняную посуду и бросили эти бомбы среди врагов, рассеяв их. Тогда клан Призраков и Птиц жил в Ораиби, [\[166\]](#) и были приняты в священные братства, и были известны как воины.

Теперь традиции гласят, что более сильный народ нападет на хопи и попытается заставить их принять новый образ жизни. И это в традициях клана Медведя - уступить этим более сильным.

Много лет назад, когда испанцы пришли с Юга, они пытались заставить хопи принять их обычаи. Они были здесь четыре года. И клан Медведя сдался; и клан Паука сдался; но клан Призрака и Птицы не сдался.

Затем в Ораиби поселились испанские чернорубашечники; и через четыре года эти чужеземные священники захотели крестить хопи. Это вызвало много проблем. Это противоречило традициям. И воины клана Призраков и Птиц не желали помогать более крупным кланам, таким как Медведь и Паук, потому что они уступили испанцам. Клан Призраков и Птиц знал, что море поглотит землю, если они примут эти новые учения. Наконец, клан Барсука убил испанских чернорубашечников.

Затем произошла великая битва между народом ораиби, с одной стороны, и испанцами, которым помогали Первый и Второй мяса хопи, а также навахо, с другой. Орайбанцы загнали врага в Череп-Флэт, названный так из-за сложенных там голов. И жители Ораиби признали клан Призраков и Птиц своими самыми храбрыми людьми; и они жили в мире много лет.

Затем пришли белые люди — сначала их было всего несколько, они осматривали местность; потом их стало больше; а затем они привели с собой школу. Это было сделано для того, чтобы научить детей хопи новым обычаям — увести их подальше от церемоний и традиций.

И снова некоторые из народа ораиби уступили и приняли новые пути, которым учили эти белые люди из правительства. Но клан Призраков и Птиц не уступил.

А потом пришли солдаты белых людей. Они приходили много раз. Екеома восемь раз был пленником, и его уводили в форты, где было много [\[167\]](#) солдат; но он не сдался. Пять лет назад, из-за этих проблем среди людей, клан Призраков и Птиц покинул Ораиби и поселился здесь, в Хотевилле. Екеома смотрит на орайбанцев как на предателей, ибо они не раз принимали чужаков и поддавались странному учению.

В конце концов, все враги объединятся против клана Призраков и Птиц. Так гласят традиции. Это сбудется. Екеома не может этого изменить, равно как и пойти вопреки традициям. Разговоры о белых людях подстрекают ведьмы. И Екеома знает, что эти белые люди - не настоящие боханна, которые когда-нибудь придут и будут знать язык хопи. Эти белые люди - просто предшественники; они не боханна. Они относились к нему по-доброму, когда он был у них пленником, но они никогда не поощряли его образ жизни.

Теперь способ белых людей покорить хопи - это отрубить Екеоме голову. Традиции гласят, что голова одного из вождей ораиби будет отрублена, и тогда смута прекратится. Но Екеома не может уступить, ибо тогда море поглотило бы сушу, и все погибло бы.

И так десять дней. Жречество и магия, суеверия и жестокость у примитивных народов мало чем отличаются. Начало хопи было очень похоже на наше. И в прошлые века они перехитрили многих врагов. Старик льстил себя надеждой, что, пока полковник слушает, он завоевывает доверие; и что, когда офицер будет полностью загипнотизирован усталостью, он сдастся и воскликнет: “Ты победил, старик! Ради бога, дай мне отдохнуть!”

Принимая во внимание, что полковник Скотт ожидал ответа на телеграмму, отправленную через меня через четыре дня после его прибытия в пуэбло. Он рекомендовал министру внутренних дел перевести деревенских детей в школы, не обращая больше внимания на этого старого фанатика и его [\[168\]](#) священные традиции. Екеома подтвердил мой взгляд на ситуацию. В то же время полковник Скотт написал мне: “Нет смысла спорить с

сумасшедшим. Если секретарь скажет "Забирайте детей", приезжайте со своим транспортом, полицией и войсками".

Эти сообщения доставлялись гонцами до ближайшего телеграфного пункта. Отправка их архаичным почтовым способом привела бы к длительным задержкам. Хотевилла находилась в сорока пяти милях от Агентства, а железная дорога - в восьмидесяти милях к югу от нее, так что поездка туда и обратно требовала двухсот пятидесяти миль езды верхом.

На восьмой день ответы были получены в двух экземплярах, повторяющих исходные условия. Понимая, что ответственность передается в строгом соответствии с нашими традициями, я отправил копию письма полковника ему с посыльным и заказал все необходимые повозки в Ораиби. Лейтенант, командовавший кавалерией, привел своих людей в движение незадолго до полуночи, чтобы достичь пуэбло и окружить его до рассвета следующего дня. Ведомые индийской полицией и следуя кратчайшими путями, они направились прямо в Хотевиллу и выставили вокруг нее пикет, прежде чем чудесный кусок Белой хлопчатобумажной Ткани, хранящий сердца всех людей, поднялся с Востока.

Я нашел полковника Скотта за ранним завтраком в маленьком домике миссии и доложил ему, что все в порядке и готово, за исключением одного.

"Мне приказано зачитать эту телеграмму шефу Екеоме, и, если у него хватит мозгов ухватиться за ее положения, все это дело обречено на провал".

"Ну, разве ты не можешь делать такие вещи?" удивленно спросил он.

"Ни одно из них не может быть выполнено. Помещение детей в школу-интернат при Агентстве зависит от наличия под рукой определенного оборудования для их [169](#) комфорта, и Офис прекрасно знает, что такого оборудования под рукой нет. Я проинформировал Офис об этом некоторое время назад, и Офис не исправил ситуацию. Затем родителям должна быть предоставлена привилегия выбора школы, в которую будут отданы их дети, — либо в Каньон, либо в одну из местных дневных школ. Дневные школы расположены недостаточно близко, чтобы их можно было посещать. Индейцы знают это. Если бы они приняли предложение о дневной школе, потребовался бы отряд кавалерии, чтобы доставлять учеников каждое утро. Более того, вся эта позиция эквивалентна потворству группе сварливых дикарей в надежде, что с ними следует посоветоваться и что у них будет привилегия принимать решения".

- И что ты предлагаешь с этим делать? - спросил он.

"Что ж, сэр, поскольку может показаться, что у Вашингтона их нет, я бы предоставил немного разведданных и включил их в эти приказы. И был бы результат".

"Мои приказы совпадают с вашими?"

"Точно такие же — они в двух экземплярах".

- Ну, я солдат и не нарушаю приказов.

Это было сказано тоном абсолютной окончательности, и я понял, что продолжать спор бесполезно.

“ Очень хорошо, сэр. Тогда, я полагаю, вы отзовете своих людей. Все пройдет по умолчанию.

Но полковник изучал старую Екеому в течение десяти дней, и на самом деле ему так же сильно, как и мне, не нравилось подчиняться глупым инструкциям, издаваемым Департаментом, имеющим большой опыт в отмывании денег. И он чувствовал, что нашу дилемму можно было бы разрешить, позволив упрямому индейцу повеситься на ее рогах.

“Пусть у нас будет ин Екеома, - сказал он, - и вы предлагаете зачитать ему телеграмму, в которой прямо говорится, что это приказ из Вашингтона. Если он сразу не примет [\[170\]](#)условия, будете ли вы готовы незамедлительно забрать детей с отрядом солдат и вашей полицией?”

“Я не думаю, что мне понадобится полиция, и я не хочу, чтобы солдаты были в деревне. Если вы оставите пикет в том виде, в каком он есть, и подготовите отряд на случай неприятностей, я войду в дома с двумя служащими, которые знают людей. Я отведу детей на медицинское обследование. Но я, конечно, не собираюсь вступать в дебаты с каждым дикарем по поводу школ, постельных принадлежностей и продовольственных товаров ”.

- Вы хотите взять нас в плен?”

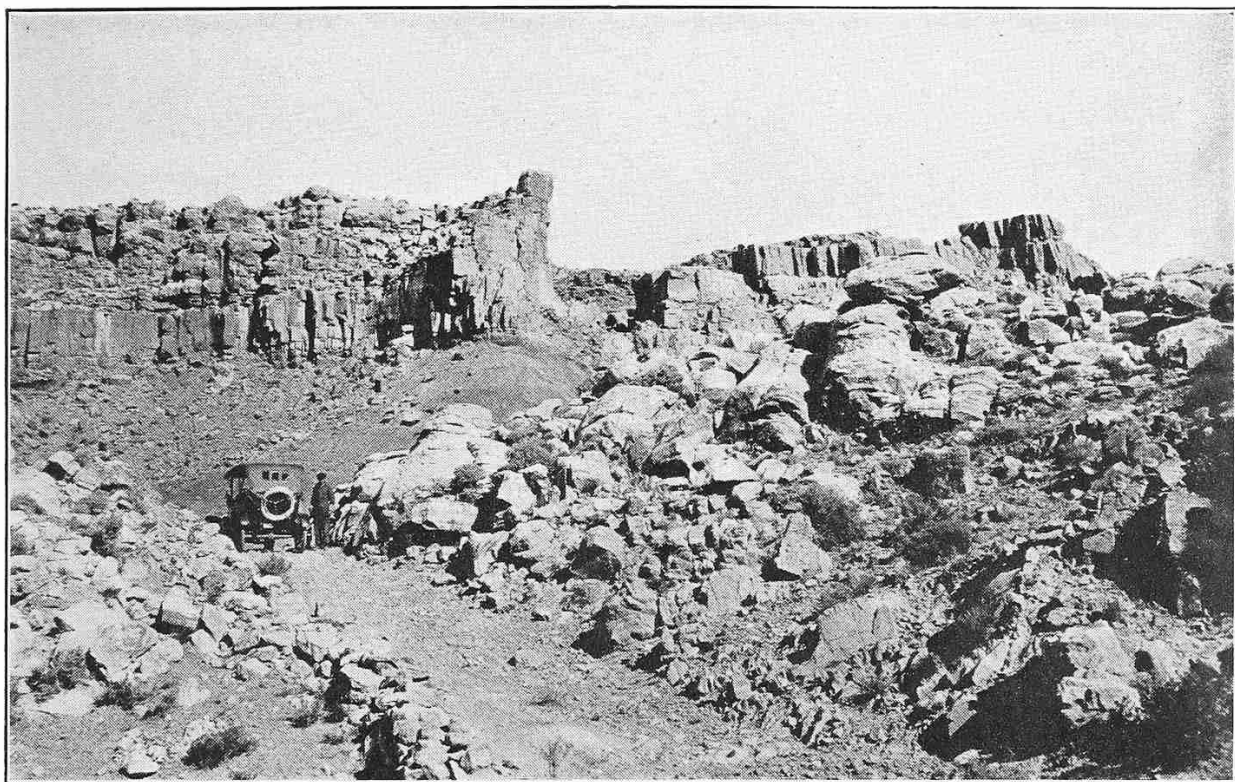
“ Нет, если только не будет позитивного сопротивления. Это делалось раньше, и я не вижу, чтобы это привело к чему-то хорошему. Это просто потакало главарям в их идее преследования ”.

“ Очень хорошо. Пригласите старика.

Екеома в гневе ворвался в зал заседаний совета. Его гнев был подобен гневу пойманного животного; его глаза горели ненавистью, и он буквально дрожал от ярости. Все утро он кипел от злости, понимая, что впустую потратил десять дней безупречного ораторского искусства и традиций. Он присел на корточки на полу.

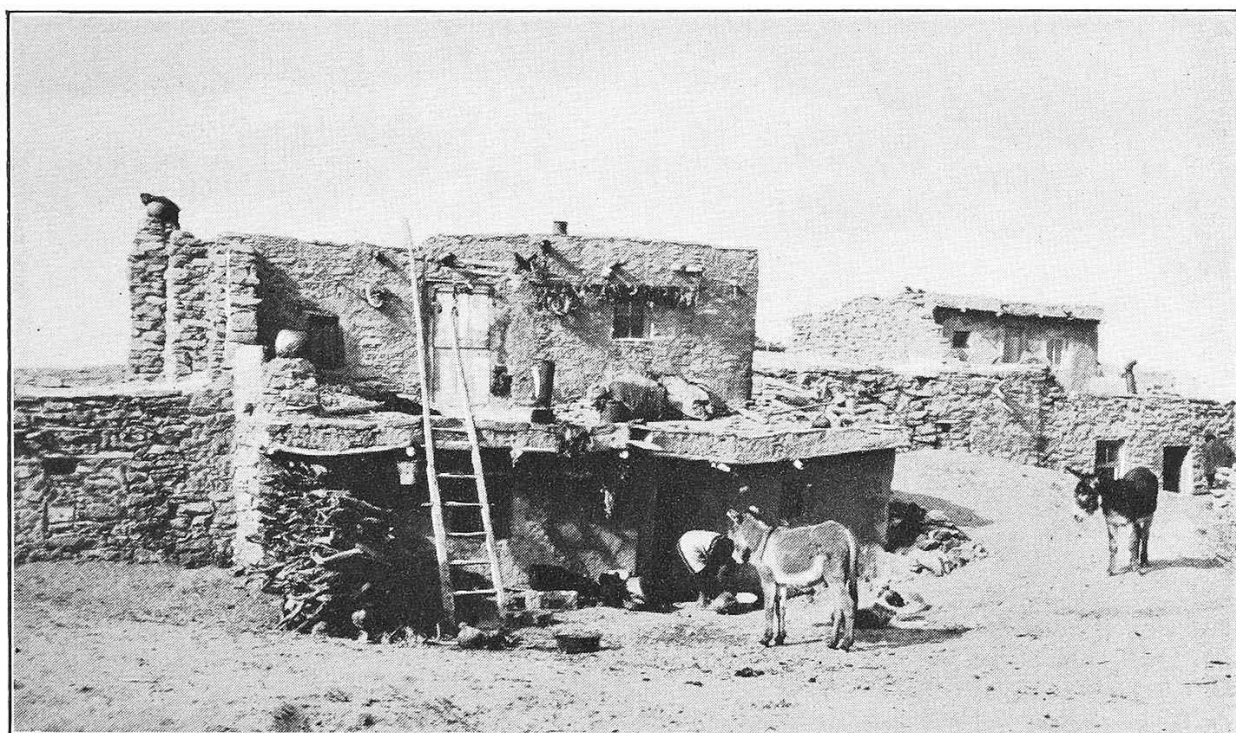
“ Это ваш агент, ” сказал полковник Скотт. - Он хочет пожать вам руку.

Я протянул ему руку.

ДОРОГА в МЕСА—РОУД-СТАРЫЙ СТИЛЬ

Путь в Хотевиллу

ПРЕТЕНЦИОЗНЫЙ ДОМ в ХОТЕВИЛЛЕ

Екеома внимательно оглядел меня и натянул одеяло на плечи, как будто его оскорбили.

“Я покончил с белыми людьми”, - сказал он. “Я не буду пожимать руку ни вам, ни любому другому белому человеку”.

“Вот телеграмма из Вашингтона. Ее нужно вам прочесть”.

Переводчик объяснил.

“Я не желаю ничего слышать из Вашингтона”. [\[171\]](#)

“Но я должен прочитать это вам”. И я сразу же начал. Переводчик перевел первое предложение, второе — когда старик встал. Он махнул рукой в сторону солдат снаружи и сердито крикнул: —

“ У тебя здесь есть свои люди; почему бы тебе не пойти дальше и не сделать то, что ты хочешь? Ты можешь отрубить мне голову. Почему ты этого не сделаешь? Мне больше нечего вам сказать. Я покончил с белыми людьми”.

Он гордо вышел из зала заседаний совета, самый сумасшедший человек в Аризоне; и это было последнее его появление за много месяцев.

- А теперь, полковник, если вы не возражаете, я обыщу пуэбло. Вы не одолжите мне свой фонарик?

“ Что тебе от этого нужно? Сейчас разгар дня.

- Мне придется залезть во все зернохранилища и погреба в этом месте, и ни в одном из них нет окон.

Он приказал солдатам сопровождать меня по деревне, но у первого дома я попросил их не заходить внутрь. Они остались на улице. Этому следовали на протяжении всего обыска. Двое сотрудников, которые были немного знакомы с этой группой населения, вошли вместе со мной.

“В этом доме должно быть трое детей”, - сказал бы кто-нибудь.

Детей нигде не было видно. Казалось, что в длинной, узкой главной комнате нет дверей, ведущих из нее. Вдоль стен тянулись стеллажи с кукурузой, аккуратно сложенные стопками, одеяла и свернутые шкуры. Служащие, которые уже помогали в подобных делах раньше, начали снимать эти одеяла и сваленную в кучу мебель, чтобы обычно обнаружить маленькую дверцу, а за этой дверью маячила чернота кукурузного погреба. При свете фонарика было видно еще собранную кукурузу, груды дынь и наполненные мешки, но детей не было. Я бы выбрался из этой маленькой ловушки, чтобы провести более тщательное расследование, [\[172\]](#)вспоминая, как судья Хукер замуровал свой выводок много лет назад, когда хопи Первой Мезы протестовали против образования.

В первом из этих мест не было места, чтобы спрятаться между мешками, и когда я подошел к ним, то почувствовал зерно, которое в них было. Я приготовился покинуть это место и был

уже у входа, когда услышал вздох, как будто кто-то долго задерживал дыхание и больше не мог его сдерживать. Я пошел обратно. Никого ни среди дынь, ни за упакованной кукурузой. Я начал передвигать мешки. Три были наполнены кукурузными початками; на четвертом моя рука сжимала макушку головы хопи. Это было похоже на кувшины с вином и спрятавшихся воров.

Из мешков мы извлекли троих детей из этого дома.

Когда они, смеясь, появились в главной комнате, отец подхватил их на руки; а когда их забрали у него, мать повторила тот же трюк. Было легко разорвать его власть над ними, но не так-то просто обращаться с женщиной, не дав повода для жалобы на грубое обращение — обвинение, которое любят выдвигать хопи. Но эти трое детей вышли на улицу, несмотря на весь этот обман, и другие сотрудники отвели их к врачам. Присутствовали три врача, армейский хирург и два врача Индийской службы. Каждый ребенок проходил тщательное обследование, и из деревни забирали только здоровых и старше десяти лет.

Я не знаю, сколько домов в Хотевилле, но я залез во все грязные закоулки и норы этого места, большинство из которых представляют собой глухие ловушки, наполовину находящиеся под землей. И я обнаруживал детей хопи во всевозможных укрытиях, и из-за их испуга находил их в различных условиях [173](#)чистоты. Это была неприятная работа, не из тех, которые понравились бы сентиментальному человеку.

Лишь в одном случае мне угрожали настоящие неприятности. Выйдя из одного подвала, я обнаружил главу дома сидящим в центре своего замка с топором у ног. Он протестовал против того, чтобы увезти детей, и схватился за топор, как будто собирался пустить его в ход. Люди, которые были со мной, быстро убрали орудие труда и отшвырнули его в угол.

К полудню фургоны с пятьюдесятью одной девочкой и восемнадцатью мальчиками отъехали от Хотевиллы. Проведенный нами в июле осмотр этого места позволил оценить численность учащихся в сто пятьдесят человек, но за прошедшие пять месяцев город захлестнула эпидемия кори и ее ужасных последствий в виде бронхиальной пневмонии.

“Где остальные?” переводчик обратился к жителю деревни.

“ Мертв, ” торжественно ответил он.

Вот и все о целесообразности и ведомственных задержках.

Из взятых почти у всех была трахома. Стояла зима, и ни на одном из этих детей не было одежды, кроме лохмотьев; некоторые были обнажены. За сорок пять миль пути до Агентства многие лохмотья одежды разошлись в клочья; предоставленные одеяла стали очень необходимы в качестве обертывания, прежде чем дети добрались до места назначения. В тот день было слишком поздно преодолевать всю дистанцию, поэтому группа отправилась в лагерь при дневной школе Ораиби, где их накормили, и на следующий день их путешествие было завершено.

По ту сторону великой долины Ораиби находилось пуэбло Чимопови, расположенное на самом высоком из утесов mesa. И у этого места был пригород, где правил некто Сакалецтева, прямой потомок джентльмена, основавшего первоначальное поселение хопи после их

выхода из [174](#)Подземного мира. Сакалецтева был таким же ортодоксальным, как старый Екеома, и именно его последователи дали бой бывшему агенту и его полиции навахо. Я предложил полковнику Скотту посетить Чимопови.

- Завтра утром возьми отряд и закончи все сам.

Итак, на следующий день была разыграна та же сцена. Это была короткая работа, удалось найти только троих детей; но здесь произошло нечто вроде сопротивления. Все протестанты собрались в доме Сакалецтева. Когда я вошел, мужчина открыл маленький шкафчик в стене и достал пачку бумаг. Мне предложили их как документы, представляющие огромную ценность. И это были странные документы — письма от жителей страны, которые прочитали в газетах о визите Екеомы в Вашингтон и его неповиновении правительству. Я полагаю, таким людям больше нечем заняться, и они пишут письма с сочувствием членам каждой индийской делегации, которая шествует на восток в перьях и боевой раскраске, чтобы выразить воображаемую жалобу. Я вспоминаю слова из одной из этих газет, сказанные какой-то слабоумной женщиной:

Вождь Екеома: вы благородный человек. Не позволяйте правительству забирать ваших детей. Их школы - не место для ваших индейских парней, которые знают только охоту и открытые пространства. Сопровождайтесь до последнего вздоха. Лучше умрите, чем покоритесь.

Очень нравится, что она сейчас пишет сценарии. Конечно, этот корреспондент читал Фенимора Купера и был по уши пропитан идеей сборника рассказов об индейцах — гибких, чистых, не тронутых болезнями и окрашенных романтикой. На Юго-Западе таких индейцев нет; а индейцы, гибкие или нет, редко бывают чисто плотными и никогда не романтичны. Она ничего не знала о грязи, трахоме и детской проституции, [175](#) в то время как хопи довели подобные вещи до высокой степени совершенства. И она жила в Индиане.

Существует большая разница между требованием прав индейцев, прав, которые должны быть священными в соответствии с соглашениями — и, возможно, иностранными договорами, такими как договоры индейцев пуэбло в Нью-Мексико, — и подстрекательством их к войне и восстанию, когда учителя и врачи стремятся излечить их от невежества и болезней. Существует огромная разница между аргументом о том, что на титул, подтвержденный тремя суверенными правительствами, нельзя нападать ради политической наживы — как в случае с индейцами пуэбло в Нью-Мексико, — и осуждением системы образования Соединенных Штатов и советом группе невежественных дикарей убивать в далекой и безлюдной пустыне. Этой писательнице из Индианы следовало бы хоть немного побыть полевой матроной!

Я не испытываю симпатии к этому типу сентименталистов. Я депортировал некоторых из них из пустыни хопи, когда они появились со своим набором теоретических трюков.

Я вернул документы и спросил, где дети. В сопровождении моего полицейского из Тева я вошел в маленькую комнату рядом с главным домом и обнаружил упомянутых троих в окружении родственников. Зал заполнился до отказа, и началась разглагольствование. В Хотевилле мы не прислушивались к спорам, но здесь я подумал, что лучше всего успокоить их, объяснить все в соответствии с программой морального убеждения, изложенной из Вашингтона. Все разговоры сводились к одному определенному ответу, который становился все угрюмее и громче: “Вы не можете забрать детей”.

Мы должны были положить этому конец. Когда я начал поднимать одного из них с пола, в мгновение ока два крепких индейца оказались у моего [176](#) горла. Тева (индийская полиция) пришел мне на помощь, его лицо расплылось в веселой улыбке, когда он осознал возможность сражения, и трое или четверо других окружили его. Звуки борьбы не сразу донеслись снаружи. Тева начал молотить руками и позволил своему голосу быть услышанным. Служащий заглянул внутрь и поднял крик. Затем внутрь ворвались несколько очень серьезных парней в форме, и протестанты вышли, карабкаясь, волочась и ударяясь о дверные косяки. Тева последовал за ним, чтобы проследить за тем, чтобы все было сделано должным образом, поскольку он был местным и высокопоставленным офицером в таких делах. Я остался, чтобы предостеречь от такого отношения, но пробыл там недостаточно долго, потому что, выйдя из дома, я испортил небольшую комедию.

Сакалецтева, главный, жилистый парень лет пятидесяти, бесцеремонно вышвырнутый вперед, вызвал полицейского из Тева на смертельный бой. Он заявил, что ни один индийский полицейский не смог бы выпороть его. Солдаты приветствовали это как первый достойный инцидент в очень скучной кампании.

“На вас вашингтонская форма и вы носите оружие, - сказал Сакалецтева, -но без них вы мне не ровня. Если бы у тебя не было этих вещей, я бы показал тебе, как дерутся настоящие хопи”.

Теперь этот Тева всегда радовался возможности сразиться. Тот факт, что в Хотевилле никто не был арестован, наполнил его унынием. Расстегнув ремень и пистолеты, он передал их ближайшему солдату; затем быстро сбросил с себя форму. Двадцать или тридцать солдат образовали кольцо, их винтовки переходили из рук в руки, и на эту арену Нельсон выводил Сакалецтеву для лучшего избиения в его жизни. Было жаль выносить судебный запрет. Если бы я задержался в доме всего на пять минут [177](#) подольше, эти терпеливые солдаты получили бы что-нибудь за свои страдания, и недовольство индийской полиции, которая заслуженно пострадала в Чимопови пятью годами ранее, было бы стерто с лица земли.

Сакалецтева был хорошим человеком физически; у него было мужество; но он был хопи и ничего не знал о нанесении ударов кулаками. Он бы положился на древний метод боя грейфером и искусное срывание скальпов. Возможно, он попытался бы оторвать Нельсону уши, потянув за его бирюзовые серьги. Он бы царапался и кололся, и, если бы посчастливилось развязать шейный платок, задушил бы своего противника до смерти. Все это разрешено правилами игры индейцев пустыни. Но если бы Нельсон не был привязан к столбу, он не добился бы ничего из этого; потому что первый же рывок привел бы его к потрясающему удару справа, сопровождаемому сильным левым хуком. За этими двумя ударами последовали бы сто шестьдесят фунтов чистых мышц. И очень сбитый с толку хопи

провел бы остаток дня, держась за поврежденную голову и гадая, как бы он справился с диетой из кремневой кукурузы без зубов.

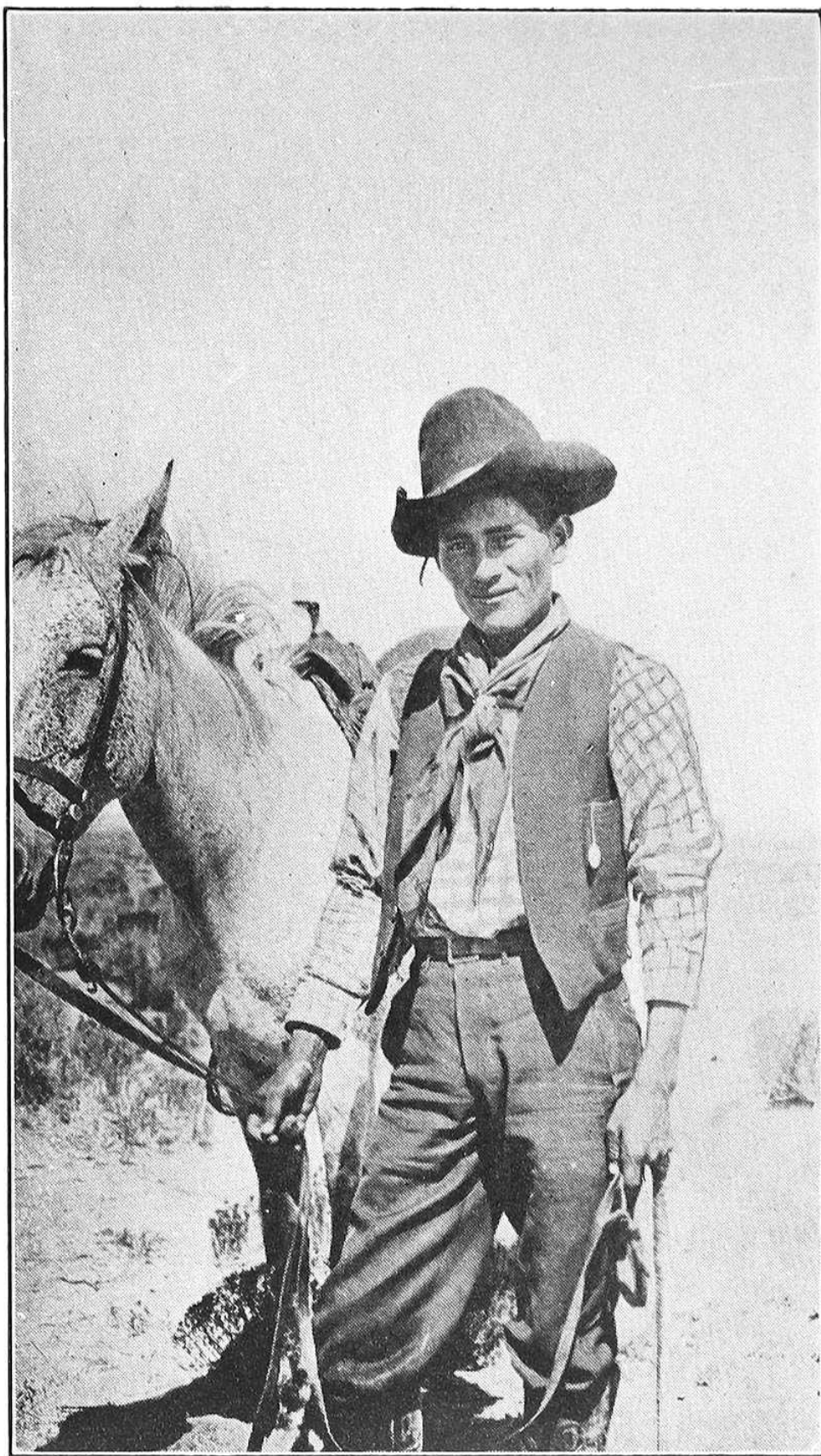
В тот вечер, виня себя за необходимое вмешательство, я присоединился к полковнику Скотту в Агентстве.

Теперь, пожалуйста, не пытайтесь вызвать в воображении душераздирающую сцену с перепуганными детьми, оторванными от своих родителей, одинокими и безутешными. Они не были младенцами. Они были обнажены, голодны и покрыты паразитами, и большинство из них страдали трахомой, очень неприятным и грязным заболеванием. Некоторые из них посещали эту школу в Каньоне в прошлом, еще до последнего неповиновения их родителей, и они знали, что их ждет — ванны, хорошая еда, теплая одежда, чистые кровати и [178] одеяла, развлечения и музыка, забота добрых людей. Больше не придется таскать дрова и воду по крутым горным тропам и неделями питаться черствой кукурузой, бобами и гниющими дынями. Там будет мясо, не вырезанное из несчастных осликов, и превосходный хлеб из пшеничной муки, даже имбирные пряники; а также игрушки и конфеты в то чудесное время, которое жители Боханны называют Рождеством. Там будут игры как для мальчиков, так и для девочек, и никто в этой школе не будет мешать их невинным индийским забавам. Родители навещали их и приносили хлеб пики - и родители очень быстро воспользовались этой привилегией.

ШКОЛЬНИЦА - хопи

Эта же девушка изображена в местной одежде напротив страницы [358](#)

ЮНОША ХОПИ, КОТОРЫЙ ГОТОВИТСЯ К ПОСТУПЛЕНИЮ В КОЛЛЕДЖ

Таким образом, в этом вопросе не было ничего от изгнания или наказания; и если у вас есть хоть капля истинного уважения к детству и беззащитным детям, вы увидите в этом много защиты и счастья. Я полагаю, что многие девушки — особенно те, кто достиг того возраста, когда дяди по материнской линии, людоеды семьи, выдают их замуж по желанию стариков, — считали дни с момента первого известия о прибытии отряда.

Это было напряженное время для корпуса школьных служащих, когда прибыли фургоны. Семьдесят два ребенка должны были быть очищены от грязи и паразитов, скопившихся за время их долгих каникул. Чем меньше об этом будет сказано, тем лучше; но мне было бы забавно увидеть критиков за работой по стрижке волос!

Эти дети провели четыре года в школе Каньон, причем без каникул. Когда в 1915 году были закрыты школьные отделения, потому что в некоторых зданиях обнаружились слабые места, и я опасался их обрушения, дети Хотевиллы, достигнув восемнадцати лет, могли сами решить, хотят ли они продолжать образование. За редким исключением, они решили посещать индийскую школу Феникс [\[179\]](#). У них не было желания посещать Хотевиллу, и они очень откровенно сказали мне об этом. Чтобы проиллюстрировать их точку зрения, внучка Екеомы, сирота, была не в том возрасте, чтобы выбирать. Она боялась, что я посоветуюсь по этому поводу со стариком, и знала, что он будет настаивать на ее возвращении к жизни в пуэбло. Поэтому она спряталась в одном из вагонов, которые должны были отвезти старших учеников на железную дорогу, и уехала без моего ведома.

Я не советовал немедленно отзывать отряд солдат и ожидал, что отделение сержанта останется на несколько месяцев для возвращения беглецов и поддержания дисциплины среди тех, кто рискнет силой моей армии из трех полицейских. Не было ничего невероятного в том, что банда хотевильцев придет в Каньон требовать своих детей, как только солдаты будут выведены. Они ставили эту пьесу и раньше, и в 1913 году некий навахо, не колеблясь, сбежал с учениками. Но на границе начались неприятности. Именно тогда я обратился за советом к полковнику. Какое-то время он уклонялся от прямого изложения своих взглядов, но я был настойчив, и он сказал: —

“Я бы никогда не позволил индийцу забрать своего ребенка из школы вопреки моему приказу. Они бы нашли меня сидящим на ступеньках общежития. Другие методы профилактики вы должны придумать для себя сами”.

В заключение он произнес слова, которые я цитировал ранее: “Молодой человек! вам нужно управлять империей. Либо правь, либо собирай свой багаж.

Очень рано на следующее утро отряд выступил в путь. Выпал небольшой снежок, за которым следовало все больше и больше, пока голые скалы Каньона не замерзли и не побелели в сугробах. Маленькая кампания в горах завершилась как раз вовремя.

Дважды после этого полковник Скотт в сопровождении [\[180\]](#)кавалерии отправлялся в Пустыню; один раз, чтобы усмирить свирепых навахо у Красивой горы, после того как они

угрожали агентству Сан-Хуан в Шипроке, штат Нью-Мексико, и один раз, чтобы утихомирить ют на наших северных границах. Но резервация Моки была полностью оставлена на мое усмотрение. Департамент прочитал отчет полковника через уменьшающее стекло и выделил мне восемь полицейских вместо двадцати, которые он рекомендовал. С помощью этих людей и нескольких решительных сотрудников мне удалось установить мир и порядок в стране хопи-навахо - не всегда легко или приятно, но без настоящей войны. И я не упаковывал пресловутый сундук до конца 1919 года, восемь лет спустя, когда мне приказали взять на себя заботу об индейцах пуэбло в Нью-Мексико. [\[181\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ЭХО РАССВЕТА-ЛЮДИ

“По закону мидян и персов”. — *Даниил*, vi, 12

Отправки небольшой армии к себе домой и введения жестких правительственных правил, казалось бы, было бы достаточно, чтобы заставить любого мятежника приостановиться. Но не так, Екеома. Он свято следовал традициям; и, к несчастью для него, традиции препятствовали или переплетались со всем, что предлагал белый чиновник в наилучших интересах своего сообщества. Без сомнения, старик был поражен и, я думаю, несколько разочарован, когда его не отправили в качестве заключенного. Он мог бы сделать заглавную запись в и без того длинном послужном списке политического мученика. Но он не собирался смягчаться в связи с этой амнистией. Весьма вероятно, что он счел это проявлением слабости белого человека и отдал должное своим древним оракулам.

О нем ничего не было слышно до следующего начала лета, когда пришло время купания овец на пастбище. Стада хотевиллы были самыми бедными из всех племен хопи, что говорит о многом, поскольку хопи - позорный пастух в любом пуэбло. Но каким бы ни было их состояние, глава Хотевиллы не собирался признавать санитарные правила содержания скота, изданные своеобразными боханнами. Они не обратили никакого внимания на индийского глашатая, объявившего приказ, и не погнали своих овец к чанам. Пришлось послать полицию, нанять пастухов, отогнать животных к водопаду примерно в двадцати пяти [\[182\]](#)милях от их деревни и вернуть их угрюмым владельцам. Естественно, при таком движении возникают убытки. Екеома пришел в Агентство во главе делегации, чтобы выразить протест против этого действия и предъявить требования о возмещении ущерба. Он пришел скромно одетый в одну одежду, костюм профсоюза, и без каких-либо других указаний на его ранг.

Во время слушания несколько детей из Хотевиллы пришли поприветствовать своих родственников. Это была довольная маленькая группа чистых и упитанных подростков, ничем не похожих на грязных, страдающих трахоматозом сорванцов, которых мы собрали в пуэбло.

“Дети вашего народа счастливы здесь”, - сказал клерк.

Екеома посмотрела на девушек в их свежих платьях и заметила их хорошо уложенные волосы, которые не были прополоты метлой хопи.

“Они должны быть грязными, как овцы, - ответил он, - такими же грязными, как я. Это старый способ хопи”.

Его требования о возмещении ущерба были отклонены, и из-за ожесточенных споров он провел несколько дней в тюрьме; затем, к моему большому удивлению, он пообещал, что в будущем не будет выступать за сопротивление правительственным приказам.

“Я займусь своими делами после этого”, - согласился он. “Что касается меня, я не обещаю подчиняться Вашингтону; но люди могут сами выбирать, каким путем идти — со мной или с Вашингтоном”.

Это было все, о чем его попросили, и он удалился.

Год прошел без происшествий. Когда учеников не возвращали на каникулы, родители регулярно подавали жалобы. Они очень правдиво признали, что, если бы их просьбы были удовлетворены, они не собирались разрешать детям возвращаться, поэтому сочли за лучшее отказать им.

А теперь подрастали и другие деревенские дети. Во время первого сбора были взяты только те, кто старше [183](#) десятилетнего возраста; и если провести несколько лет среди хопи без эпидемий, дети вырастают и разрастаются, как сорняки. Была проведена перепись населения, не обошедшаяся без острых споров и нескольких потасовок, которая показала, что в пуэбло проживало около ста детей того возраста, когда они посещали начальные классы. Поэтому я предложил построить полноценный школьный завод рядом с их домами. Это был еще один ужасный удар по традициям.

При выборе участка особое внимание уделялось тому, чтобы не использовать пахотные земли и не вторгаться в поля. Школа стоит на выступе скалы. Для водоснабжения было необходимо добыть старый источник, который хопи давным-давно забросили и потеряли. Это единственная школа хопи на вершине горной горы, и детям не приходится ходить по опасным тропам.

Жители деревни очень подозрительно наблюдали за нами, когда мы осматривали линии семи зданий, и они уважали флажки, обозначающие границы участка. Но когда прибыли материалы и рабочие, и здания начали возводиться, они выразили бурный протест.

“Мы не желаем видеть крышу над головой белого человека из нашего пуэбло!”

Они заявили, что все подобные здания будут сожжены. Охрана была необходима всякий раз, когда рабочие покидали лагерь. Однако школу построили, и детей поменьше согнали в нее. Две дюжины человек справились с тем, что потребовало отряда кавалерии; но не думайте, что мы подошли к этому с безразличием. В городе находилось около сотни крепких мужчин, и никто не знал, что может случиться. Мне снова пришлось ползти по здешним кукурузным погребам.

Старого Вождя не было на передовой, и отсутствие его телохранителей из старейшин бросалось в глаза. Им была оказана большая честь [184](#) за то, что они сдержали свое слово. Я льстил себя надеждой, что непокорный дух хопи и хребет восстания сломались вместе. Но он просто ждал более благоприятной даты, возможно, в точном соответствии с пророчеством. Огонь в киве не горел многообещающим пламенем; кукурузная мука не посыпалась в определенном знаке; предзнаменования не были благоприятными. Немного позже все это, должно быть, придало ему сил, потому что однажды ночью он появился у дверей каюты полевой надзирательницы в сопровождении своей когорты, и весь отряд был явно в гневном настроении.

“Пора”, - сказал он гневно. “Ты пробыл здесь достаточно долго. Мы не выгоним тебя сегодня ночью, но утром не дай нам найти тебя здесь. Будут неприятности, и нам, возможно, придется отрубить тебе голову.

Дежурная сестра была встревожена, но не ушла, как было приказано. Она подождала, пока они уйдут, а затем проскользнула по наполовину расчищенному пустынному пространству к дому директора школы. Он быстро оседлал лошадь и тем же вечером приехал в Агентство. Тогда в пустыне не было телефонов. На следующий день он вернулся с четкими инструкциями.

Неразумно позволять индейцам из изолированного места предаваться подобному нраву. Один блеф следует за другим, пока, наконец, ошибка в обращении не вызывает вспышку, которую нелегко контролировать, и в Вашингтоне не благодарят за фиаско. Я уже указывал на то, как быстро Вашингтон приходит на помощь, когда происходит восстание.

Способная полевая матрона или фельдшерица - добрый ангел среди таких людей. Она ежедневно дополняет работу приходящего врача, выдавая простые лекарства в соответствии с его указаниями; она является приемной матерью для маленьких детей в лагерях и для девочек, которые возвращаются из [\[185\]](#) школ. Все социальные проблемы привлекают ее внимание. Она содержит баню и прачечную для деревенских жителей, а также швейную мастерскую для женщин. Во времена эпидемий эти полевые надзирательницы выполняют экстраординарную работу и ведут себя как солдаты, столкнувшиеся с заразной болезнью. Вместе с еще одной мисс Мэри И. Роджер из Первой Мезы мисс Эббот из Хотевиллы была признана лучшей на Службе; и, приказав ей оставаться на этом посту, я решил, что она должна жить в пуэбло Хотевилла в мире, если все десять тысяч священных традиций, восходящих прямо к Подземному миру, будут соблюдены советом.

Сначала необходимо поймать вашего кролика.

Всякий раз, когда Екеома был нужен и его усердно искали, он оказывался где-то в другом месте, причем в неизвестном месте. Хотя говорили, что он и другие старики проводили свое время в кивах, мне не удалось найти их там. Подобно койоту, который чует оружейное масло, он чуял дело издалека; и на этот раз это был бизнес, и я хотел его.

Вызвав индийскую полицию, я отправил их под руководством двух белых офицеров посетить танцы индейцев навахо в отдаленном каньоне, в сорока милях к востоку от Агентства. Хотевилла находилась прямо к западу от Агентства и примерно на таком же расстоянии. Поскольку между моей полицией и местом действия было восемьдесят миль, я сообщил сотрудникам своего офиса, что намереваюсь посетить железнодорожный городок по делам. Это привело бы меня на восемьдесят миль южнее. Других белых людей послали работать в разные точки полигона. Никто не подозревал о миссии Хотевиллы. Мы пошли разными путями.

Но я не поехал в железнодорожный городок. Гонец, присланный из Пустыни, отозвал двух офицеров и индийскую полицию из лагеря навахо, и, пройдя окольными тропами, они присоединились ко мне в Индиан-Уэллсе [\[186\]](#) на фактории на южной границе Заповедника. После наступления темноты на вторую ночь мы двинулись пешком через южную пустыню, избегая всех индейских лагерей и поселений, чтобы около полуночи достичь Второй Горной горы. Там мы остановились, чтобы выпить кофе, и отдохнули час или два. Затем снова, пересекая Вторую горную гору в предрассветные часы, мы избежали встревоженного Ораиби, этого всегда подозрительного пуэбло. Рейнджеров собрали с их разных постов. В

сумерках, еще до того, как звезды начали бледнеть, мы прибыли в Хотевиллу и, не потревожив ни души, разбрелись по городу.

С первой красной полосой на востоке хопи осознали присутствие чужаков. Поднялся настоящий шумовой хаос. Казалось, тысячи собак вступили в крикливое действо и огласили утренний звон своими вызовами. Но ни один человек не покинул это место.

Мы нашли нашего скользкого друга Екеому и его сторонников. Их доставили в школу и опознали как тех, кто угрожал старшей сестре. И снова повозки тронулись к гауптвахте Агентства. На этот раз друг Екеома присоединился к нашему сообществу Саһон на постоянной основе, поскольку у меня и в мыслях не было отпускать его, пока он занимал этот пост. Это произошло летом 1916 года, и он оставался в Агентстве до осени 1919 года.

Он не жаловался. На самом деле он казался вполне довольным в своей каюте. Он не был заключен в тюрьму в том смысле, что его держали взаперти, но ему поручили готовить столовую для других заключенных. Это никоим образом не оскорбляло его достоинства. Более способным мужчинам приходилось выполнять случайную работу — выпалывать сорняки, пасти овец, обрабатывать небольшие поля и время от времени чинить дороги.

Жизнь заключенных была не очень утомительной для этих старых [\[187\]](#) мужчин. Караульное помещение было очень похоже на их родную киву. Вместо холодных каменных скамеек они спали на хороших кроватях; вместо одеял из кроличьих и овечьих шкур у них были хорошие одеяла; а вместо центрального дымящего очага стояла превосходная печь яйцевидной формы. Помимо того, что здесь было чисто, со свежеевыкрашенными стенами и вымытыми полами, это действительно было очень похоже на их киву. Никто им в ней не мешал. Я полагаю, что их обсуждения были такими же, а церемонии проводились в соответствии с календарем. Несомненно, они занимались плетением поясов и других талисманных изделий.

И в качестве заключенных у них полностью развились некоторые очень своеобразные вкусы. Им приходилось регулярно мыться, поэтому они очень полюбили мыло и воду. Я вспоминаю, как Екеома впервые оказался под душем. У него были мыло и полотенца, вещи, которые дома считались совершенно необязательными, и он поискал ванну и воду. Внезапно потолок открылся, и из Лодора полилась вода. Сначала он был напуган до потери дара речи, а затем начал болтать, как будто это была какая-то редкая форма магии белого человека. И ему это понравилось!

Они получали новую одежду, достаточную для разных сезонов, но отказывались надевать ее, пока Мунгви не прикажет им сделать это. Клерк оформлял номер в комиссариате и добивался, чтобы они отнесли товары в караульное помещение. На следующее утро они появлялись в своих старых лохмотьях. Когда в их адрес раздавалось торжественное правительственное пронунсиаменто, что-то пахнущее отлучением от церкви, традиции соблюдались, и они немедленно приводили себя в порядок.

Они очень старательно подготовили и засеяли определенные поля - небольшие участки кукурузой, фасолью и дынями, такими, какие они выращивали дома. Они пропалывали, культивировали и следили за растениями, пока им не сказали, что урожай будет их, чтобы [\[188\]](#) дополнить рацион основных продуктов на гауптвахте. Они сразу отказались работать. Это противоречило традициям. Они не стали бы добровольно собирать урожай, чтобы

принять его в качестве награды от Вашингтона. Их работа должна носить исключительно характер наказания.

“Да будет так”, - сказал я, умывая руки; и они продолжали добросовестно обрабатывать эти поля, как только узнали, что их плоды достанутся другим.

Одного за другим мужчин отпускали за хорошее поведение, пока не осталась только Екеома. Я прямо сказал ему, что он не вернется, чтобы сеять смуту, пока я не буду отстранен от власти. Часто долгими, сонными летними вечерами я разговаривал с ним. Он сидел на полу моего крыльца, обхватив колени тощими руками, и поражал меня своими наблюдениями.

“Видите ли, ” говорил он, -я делаю это не только для своего народа, но и для вас. Предположим, я не стал бы оспаривать ваши приказы — предположим, я бы добровольно принял обычаи Боханны. Тотчас же Великий Змей перевернулся, и Море хлынуло бы, и мы все утонули. Ты тоже. Поэтому я защищаю *тебя*.

Он утверждал такие вещи как непогрешимый пророк. В старике не было злобы, и я не держал на него зла за его уместные рассуждения.

“ Да, когда-нибудь я вернусь домой. Я не чувствую себя здесь несчастным, потому что я старый человек, от меня мало пользы, и моя главная работа - церемонии. Но когда-нибудь я вернусь. Вашингтон может прислать другого агента, чтобы заменить вас, или вы можете вернуться к своему народу, как это делают все люди. Или правительство может уволить вас. Такие вещи случались и раньше. Белые люди приходят в Пустыню, и белые люди покидают Пустыню; но хопи, вышедшие из Подземного мира, остаются. Вы здесь уже давно [\[189\]](#) - семь зим — гораздо дольше, чем остальные. И еще — ты можешь умереть.

У него было много вероятных струн к его луку будущего. Я должен был признать обоснованность его замечаний, но мне не понравилась его последняя фраза. В этом было слишком много надежды.

И так случилось, что меня отправили на другую должность. Моим последним официальным действием в качестве Мунгви было увольнение Екеомы. Наши разногласия не повлияли бы на успех новичка. На этот раз мы обменялись приятным рукопожатием, и он улыбнулся. Я не просил у него никаких обещаний и не читал ему проповедей. Он отправился пешком вниз по Каньону, чтобы пройти сорок с лишним миль. Вполне вероятно, что в ту ночь он остановится со своей замужней дочерью в поселении Пяти домов, христианской семье, а на следующую ночь - у Сакалецтевы на скалах Чимопови. Он был слишком стар, чтобы совершить путешествие в истинно индейской манере, без усталости бегая трусцой. Рискну предположить, что он не навестил своего наследственного соперника, Тевакваттеву, в первоначальной цитадели своего народа — ораиби слишком далеко отошел от традиций. Но я хотел бы быть свидетелем его вступления в Хотевиллу на закате, усталого старика, но стойкого духом и непокоренного, и услышать выступление на той первой ночной конференции древних в киве.

В 1921 году я посетил Агентство; и вот! он снова был на гауптвахте. Он сидел на корточках на полу, просеивая муку для тюремной каши, своего старого ремесла. Он поднял глаза и, узнав меня, улыбнулся странной, но не неприветливой улыбкой.

- Привет! - сказал он. - Ты вернулся?

Когда я видел его в последний раз, он разговаривал с генерал-майором Хью Л. Скоттом, который десять лет назад провел десять дней, слушая его. Екеома снова пересказывал легенду [\[190\]](#) о народе хопи. Многое произошло за эти дикие и неразумные десять лет. Мир пережил раздор и потрясения; за границей шла беспощадная война, а дома свирепствовала эпидемия. Нации полностью утратили самобытность, а отдельные люди стали подобны мякине, которую разносит в клочья ужасный ветер. Скотт слышал грохот мощных орудий по всей Фландрии. Изменилось почти все, кроме Пустыни — и Екеомы.

Он был все тем же непоколебимым фанатиком, “чем-то почти законченным”, существом, похожим на гнома, которое лучше подошло бы для сумеречных времен пещерных городов на границе Юты, где его живущие в скалах предки построили и защищали Бетатакин, и Эшафот-хаус, и Ласточкино гнездо. В те дикие дни Рассвета он был бы злой силой; но теперь он был просто запоздалым пророком, лишенным чести в своей собственной стране, человеком, который выступил против прогресса и чья медицина потерпела неудачу. К тому же довольно одинокий, поскольку большинство его последователей отделились от него.

Но каким бы жалким и бессильным он ни казался и каким бы извращенным ни оказался, мы почему-то восхищаемся непоколебимостью цели и движущей волей, которая не дрогнет перед лицом невзгод. Этот Екеома из Хотевиллы не был злонамеренным. Он был просто обманутым старым дикарем, одержимым ведьмами и катчинами своего клана, живущим в затерянном сказочном мире. Вождь Призраков и Птиц. Последний из касиков хопи. Слабый отголосок Людей Рассвета в пустыне. [\[191\]](#)

[\[Содержание\]](#)

СКРИПКИ И БАРАБАНЫ

Для нас с тобой дни танцев прошли.—*Ромео и Джульетта*.

Поскольку я руководил хопи дольше, чем любой другой чиновник правительства Соединенных Штатов, — восемь лет и два месяца, если быть точным, — я осмеливаюсь представить их самих и их империю. Навещать их и советоваться с ними, пререкаться с ними, преодолевать большие расстояния в любую погоду из-за их детских фракционных ссор; арестовывать, судить и дисциплинировать их; даже женить их, — если это можно выделить отдельно, — ухаживать за ними во время тяжелых болезней и давать советы в стрессовые моменты; выкупать их у врагов; поддерживать их неинтересное дело перед лицом ведомственной оппозиции; и когда их скудный образ жизни подошел к концу, похоронить их — что ж, это должно охватывать определенный угол зрения. .

И все же я колеблюсь. Размышления предупреждают меня, что это может быть самонадеянностью; ведь, в конце концов, что я знаю об индейцах хопи?

За эти восемь долгих лет я познакомился в резервации с тысячами посетителей — студентами и их наставниками; выдающимися художниками, офортистами и скульпторами и теми, кто таковыми себя считал; фотографами и объективистами; этнологами, филологами и социологами; шумными продавцами из восточных универмагов и полоумными, отправляющимися на прогулку; журналистами, писателями и издателями; геологами и [\[192\]](#)обычными “водяными ведьмами”; киношниками и другими людьми в маскировочных костюмах; актерами и лекторами; композиторами, музыкантами. , и вокалисты; музейные скауты и “скрэтчеры”; священнослужители и солдаты; оксфордцы, гарвардцы, люди из Бонна; государственные деятели на пенсии и неутомимые политики; представители иностранных правительств; лица из знаменитого города Нью-Йорка; туристы, пижоны в костюмах и простые гиды; простые джентльмены и еще более простые хулиганы.

Некоторые из них вежливо искали меня, чтобы объяснить свою миссию, некоторые просто случайно увидели меня *мимоходом*, а некоторые искренне избегали меня. Разрешительная система была очень утомительной для тех, у кого не было веского оправдания. И я выслушал множество теорий, касающихся хопи и их любопытных обычаев, и я предпринял смелую попытку ответить в какой-нибудь приятной манере на десять тысяч вопросов. Наконец, я подготовил заявление во избежание: —

“ Не спрашивай меня. Я живу здесь всего шесть лет. Спроси парня, который сейчас стоит лагерем на посту торговца — он приезжал на прошлой неделе.

Я позаимствовал этот метод у брата-суперинтенданта, который много знал о навахо и их редких ткацких узорах.

“Итак, мой дорогой мистер Шелтон, - с надеждой спрашивал турист, - разве этот знак не указывает на кроличью лапку, следующую за молнией?”

“Придумай свою собственную историю, - серьезно отвечал он, - и тогда ты ее не забудешь”.

То же самое и с секретами хопи. То небольшое из их истории, что известно, я уже рассказал. Остальное - предположения. Предполагаемые факты их этнологии можно найти в отчетах Смитсоновского института, защищенных от влаги, высушенных. Основы их церемоний были нанесены на схемы и раскрашены, [193] их песнопения записаны в масштабированные блокноты, их странные церемониальные предметы разграблены и занесены в каталог. Сентиментальные словесные картинки можно получить от тех журналистов, которые быстро появлялись и исчезали в поисках впечатлений и которые никогда не упускали случая их заполучить.

Но я ничуть не более невежественен, чем любой другой белый человек. Несмотря на множество теорий, никто не узнал из преданий хопи ничего такого, чего хопи не хотели, чтобы он знал. "Придумай свою собственную историю, и ты ее не забудешь". Когда некоторые обращенные в христианство достойные представители племени делали вид, что раскрывают свои знания, я не обращал на это особого внимания, поскольку знал уровень ума таких парней до обращения, а глубина их серого вещества никогда не впечатляла. Последний, давший показания, хорошо продвигался в своем рассказе, пока с чужеродным пылом не начал лгать о событиях у ораиби в мое время, и поскольку я принимал его показания под присягой на процессах над хопи, я точно знал, скольким Библиям ему можно доверять.

Более того, будучи признанным мунгви, или Вождем хопи, и имея некоторое инстинктивное представление о том, как следует управлять чужим и подозрительным народом, я уважал их частную жизнь и скрытность, чтобы завоевать и удерживать их собственное уважение. Нельзя играть с индейцем утром и ожидать, что после полудня его призовут к суду. Самый бедный индийский агент, которого я когда-либо видел, - это тот, к кому индейцы обращаются по имени или фамильярно, без титула. Когда человек опускает себя до социального уровня инопланетянина, он редко достигает большего, чем привилегии макать свою еду из того же блюда. Моей работой было управлять всем в их интересах, вопреки их напряженным усилиям в противном случае, если это было необходимо — как это часто бывало; и я надеялся вернуть им доверие к белым людям, тогда как они пришли к убеждению, что все [194] белые люди представляют собой смесь ненормального любопытства и вероломства в сочетании с поразительной грубостью.

Что касается их психологии, то ни один странствующий никогда не поймет тонкости этих людей. Это нечто элементарное и потому неопишное. Те, кто жил среди азиатов, поймут, что я имею в виду. Фаталисты, они такие же терпеливые и неизменные, как Плеяды. Многие из этого исчезают вместе со старейшинами, когда они идут своим путем от ступеней горной горы к Великому Месту Церемоний, о котором мне рассказывала Екеома. Пасторальный покой и торжественность пустынных святилищ отступают перед ревом моторов и разглагольствованиями "пижонских спорщиков".

Теперь я вспоминаю любопытного рыжеволосого посетителя, который пришел в Агентство однажды сонным днем, ведя за собой упряжку ослов. Он был похож на персонаж из романа Конрада и украсил бы любого из них. Его животные были упакованы в корзины с циновками в восточном стиле. Его пылающая голова была обнажена навстречу летнему солнцу, его поношенные и ржавые кордовские ботинки напоминали о моде военного времени и говорили о долгих путешествиях. На брюках отсутствовало сиденье. Удивительный человек.

Его первый вопрос ко мне был: “Кто новый французский премьер?”

Так получилось, что я мог сказать ему. Он вручил мне свои верительные грамоты, и я обнаружил, что этот обветшалый бродяга представлял французское правительство в своих странствиях за диковинными кактусами и другими растениями. Он разбросал содержимое своих корзин по моей квартире и на неделю забыл разобрать обломки. Тем временем — в моей ванной — он анализировал кукурузу хопи и редкие индийские красители.

И он рассказал мне странные вещи. Он был в Лхасе с экспедицией Янгхасбанда. Он сказал, что хопи были двойниками тибетцев, и что он [\[195\]](#) считает, что в этих языках есть сходство. Этот парень знал, как достучаться до сердца скрытного народа. Он раздобыл семнадцать различных сортов кукурузы хопи и другие семена, а также старые формулы красителей и образцы церемониального хлопка.

“Зей зови меня, зей человек с осликами”, - наивно сказал он.

Видите ли, он шел на их уровне, подгоняя своих терпеливых животных, покрытый пылью пустыни, с удивительной простотой на лице. Он тронул сердце хопи. *Он мог бы кое-что рассказать о народе хопи, но первые выстрелы Великой войны унесли его умирать под Верденом.*

Знаешь ли ты тропу, по которой идут Соляные полосы?

Рядом со Скалой, на которой они вырезали свои имена?

Знаете ли вы холмы племени навахо

А бесплодные пески, на которые претендуют хопи?

Тускло в пещерах мертвых,

Где города превратились в пыль и высохли последние скальпы,

Их мечи заржавели, а пустынный ворон

Вряд ли можно сказать, где умер испанец.

Убит при Зуни и Каньон-де-Челли,^{[1](#)}

У Черной горы и в Санта-Фе;

Одного из них убил клоун Пекос,

Один из них заехал в город Уолпи.

—*Песня испанского колокола*

Хопи живут в северной Аризоне, в окружении резерваций навахо. Они говорят на диалекте шошонцев, и их часто ошибочно называют моки. Департамент в течение сорока лет клеветал на них под этим неправильным названием. Мокви - термин хопи, и навахо

использовали его против них для обозначения чего-либо инертного, неприятного, трусливого, мертвого. У "достойного навахо" есть другое отличное название для [196](#)хопи, и он использует его из вежливости. Мокви, вероятно, изначально является кересанским словом, поскольку оно встречается как "моци" в Кочити и Сан-Фелипе пуэбло на Рио-Гранде, воины и повстанцы которых бежали в страну хопи в поисках убежища после восстания 1680 года.

Недалеко от центра этого огромного пространства, отмеченного на карте Аризоны как "Заповедник Мокви", находятся города хопи. Испанским конкистадорам они были известны как Семь городов Тусаян. Сейчас здесь девять пуэбло.

В тот ранний час геологического времени, когда отступающие воды прорезали огромные ущелья на поверхности северной Аризоны, более устойчивые песчаники, глины и угли превратились в обломки утесов, и от них тянется множество костлявых мысов — длинных пальцев, на осыпающихся концах которых, подобно деревьям, прилепившимся к скалистому побережью, расположены орлиные гнезда хопи. Под ними, как морское дно, раскинулись песчаные долины и дрейфующие дюны Нарисованной пустыни.

МЫС УОЛПИ, ВИДИМЫЙ ИЗ САДОВ ПУСТЫНИ

Эти девять маленьких городков странным образом расположены группами по три человека, и поэтому хопи разделены как бы на три отдельные провинции. Три из них балансируют на узком хребте Первой горной горы, похожем на нож выступе, который возвышается на сотни футов над долиной и имеет в одном месте ширину не более двадцати футов. Это старый Валпи, любимый граверами, и Тева из "воинов", и Ситчумнови. Три из них построены на широких насыпях Второй горной горы, известных как Мачонгови, Чепаулови и Чимопови. И, возможно, самая старая и уж точно самая молодая из деревень находится на Третьей Месе — Ораиби, престарелая; и крошечная Бакаби; и благоухающая, угрюмая Хотевилла.

Их первый контакт с белыми людьми произошел темной осенней ночью 1540 года, но только на следующем рассвете они осознали вторжение нового и странного врага. Большая часть истории хопи пропитана атмосферой рассвета. Их [\[197\]](#) следы ведут обратно к пещерам Людей Рассвета. Их дома обращены к восходящему солнцу с самой высокой точки ландшафта; их церемонии и охота начинаются с восходом солнца. Они любят рассвет.

Контакты с испанцами были прерваны восстанием 1680 года и полностью прекратились с 1700 года; но дары врага остались в виде фруктов, шерсти, выючных животных и, возможно, какой-то добычи в виде мечей и церковных сосудов, спрятанных по сей день. Упрямые хопи не стоили усилий по отвоеванию, и позже мексиканское правительство не беспокоило их. Более ста пятидесяти лет хопи знали своими врагами только навахо, апачей и ют. С окончанием Мексиканской войны и подписанием мирного договора 1848 года это почти забытое племя перешло под номинальную опеку Соединенных Штатов. Я говорю номинально, потому что их первый Агент находился в далеком Санта-Фе, и, в отличие от испанцев, у него не было миссионеров, которые рисковали бы принять мученическую смерть ради распространения его учения. В 1849 году он сопровождал экспедицию против навахо и достиг Каньон-де-Челли, примерно в шестидесяти милях от Первой горной горы. Год спустя делегация хопи посетила этого вождя, чтобы ходатайствовать о защите от навахо. Я представляю, как они бредут пешком, позади своих ослов, робко пересекая страну навахо, чтобы пройти через провинции своих сородичей, пуэбло, в Город Святой Веры. В том же 1850 году их Агенту не разрешили посетить их, как он того желал, *из-за отсутствия военного эскорта*.

Многие оценки численности хопи были сделаны в первые годы. Испанец был экспертом по переоценке в пользу далеких королей. Его тысячи всегда исчислялись десятками тысяч, и когда ему нужны были деньги и помощь в строительстве новых колоний, он подчеркивал [\[198\]](#) спасение душ и легко мог представить миллионы крещений. Но в 1780 году записано, что из-за оспы число хопи сократилось менее чем до 800. В 1899 году их первый агент-резидент перестал гадать и произвел подсчет. Он нашел и перечислил 1832 хопи. За сто девятнадцать лет численность населения увеличилась немногим более чем вдвое. В 1912 году в Заповеднике насчитывалось 2068 человек, а в последующие семь лет их прибавлялось 217, или 31 в год — по 15 на тысячу ежегодно. Они потеряли почти шестьдесят процентов этого семилетнего прироста в 1918 году, в год испанки. В 1919 году в Заповеднике насчитывалось 2158 хопи, а если добавить отсутствующих, которые увеличились и размножились на западе, в Менкопи, то в живых осталось менее 2500 этих индейцев. Но эта горстка заинтересовала больше выдающихся мужчин и женщин, чем многие великие нации.

Хотя в индейцах навахо есть много сходства с древнееврейским — их пасторальная жизнь и религиозные обычаи, — что поражает каждого мыслящего посетителя и студента, в истории хопи этого больше. Их отступление на юг от пещерных деревень, от пещеры Бетатакин, от Ласточкиного гнезда и Дома на Эшафотах — остановки, чтобы построить здесь деревушку и собрать урожай там, всегда оставляя свидетельства в виде черепков и кукурузных отбросов, — к их нынешним скалам было во многом таким же, как переселение евреев. Возможно, потеряв одну цитадель, они переместились на следующую лучшую позицию для обороны; или, возможно, остатки некогда могущественного племени бежали; поскольку мы точно не знаем, мигрировали ли эти обитатели скал по собственному выбору, или чтобы спастись от эпидемии, или чтобы избежать плена. На относительно узкой территории своей хиджры навахо и апачи — некогда объединенные “апачи наваху” - и, возможно, юты сражались и изматывали, хопи были столь же беспомощны, как Иудея между Египтом и [\[199\]](#) Вавилония. Когда они, наконец, отступили в такое место, как старый Уолпи, чтобы забаррикадировать узкую дамбу в конце плато и защитить лестницу Уолпи, достаточно широкую для одного врага за раз, несомненно, это были отчаявшиеся люди, оказывающие последнее отчаянное сопротивление. Я не сомневаюсь, что хопи, какими бы миролюбивыми они ни были и как бы ни назывались, вели достойные бои еще до того, как белый человек был известен на этом континенте. Решимость, которая изматывала испанца, должно быть, имела свои боевые качества при столкновении с врагами, вооруженными не лучше, чем они сами. Требовался храбрый военный отряд, чтобы попытаться штурмовать эти крепости на плато. И их враги, должно быть, тоже испытывали некоторый трепет перед заклинаниями хопи, которые производили такое впечатление благодаря легендам о Змеях и торжественному костюму. По словам их жрецов, Змеиные боги не раз защищали их, и их поминают на церемониях.

И сходство заключается не только в причудливых предположениях. Повседневная жизнь людей во многом повторяет обычаи иудеев. Народ легенд и предзнаменований. Тихими ночами они наблюдали за теми горящими небесными сигналами, которые знаменуют войны и рождение королей. Возможно, их пастухи тоже были призваны такими знаменами, вдохновляя их на миссии и паломничества, принося дары, связанные с той мифической Боганной, которая однажды придет, чтобы искупить и возродить народ. Из великой небесной карты они черпают свой календарь. И, конечно, в закатах этой тихой и вечно окрашенной земли их пуэбло отражают Древний Восток с его ослами и козьими колокольчиками, простыми садами у источников и размытой пылью овец в полутонах сумерек пустыни.

В сегодняшних правительственных отчетах приводится неоспоримый факт (?), что у хопи есть резервация площадью 3863 квадратных мили, [\[200\]](#) достаточно большая, во всех смыслах, для двух с половиной тысяч человек! Но хопи существуют и используют менее пятой части этой полузасушливой земли, а остальная часть удерживается и находится под властью их старой чумы, навахо. Агент индейцев хопи обладает абсолютной юрисдикцией — на бумаге — над всеми навахо, живущими в границах Заповедника хопи; но это не означает, что он способен или когда-либо был способен контролировать ту недисциплинированную часть навахо, которая грабит мирных хопи, когда у нее есть настроение. По этому поводу в Вашингтон было направлено множество горьких и уничтожающих сообщений. Агенты не стеснялись в выражениях и не всегда щадили себя в попытках добиться справедливости — ну, скажем, “уважения” к хопи. Когда сообщения не привлекли внимания, один или двое начали крестовые походы против навахо, не всегда

успешные, которые заканчивались побоями и ушибами, не говоря уже о возможности получения более серьезных ранений. Найти преступника было непростой задачей; если его находили, его неизменно поддерживала банда - его банда. Я вспоминаю одного исследователя, который мягко заявил, что это было похоже на условия, часто встречающиеся в городах: условия банды на углу. Совершенно верно. Но следователь не просил показать угол и не выказывал никакого беспокойства по поводу встречи с бандой.

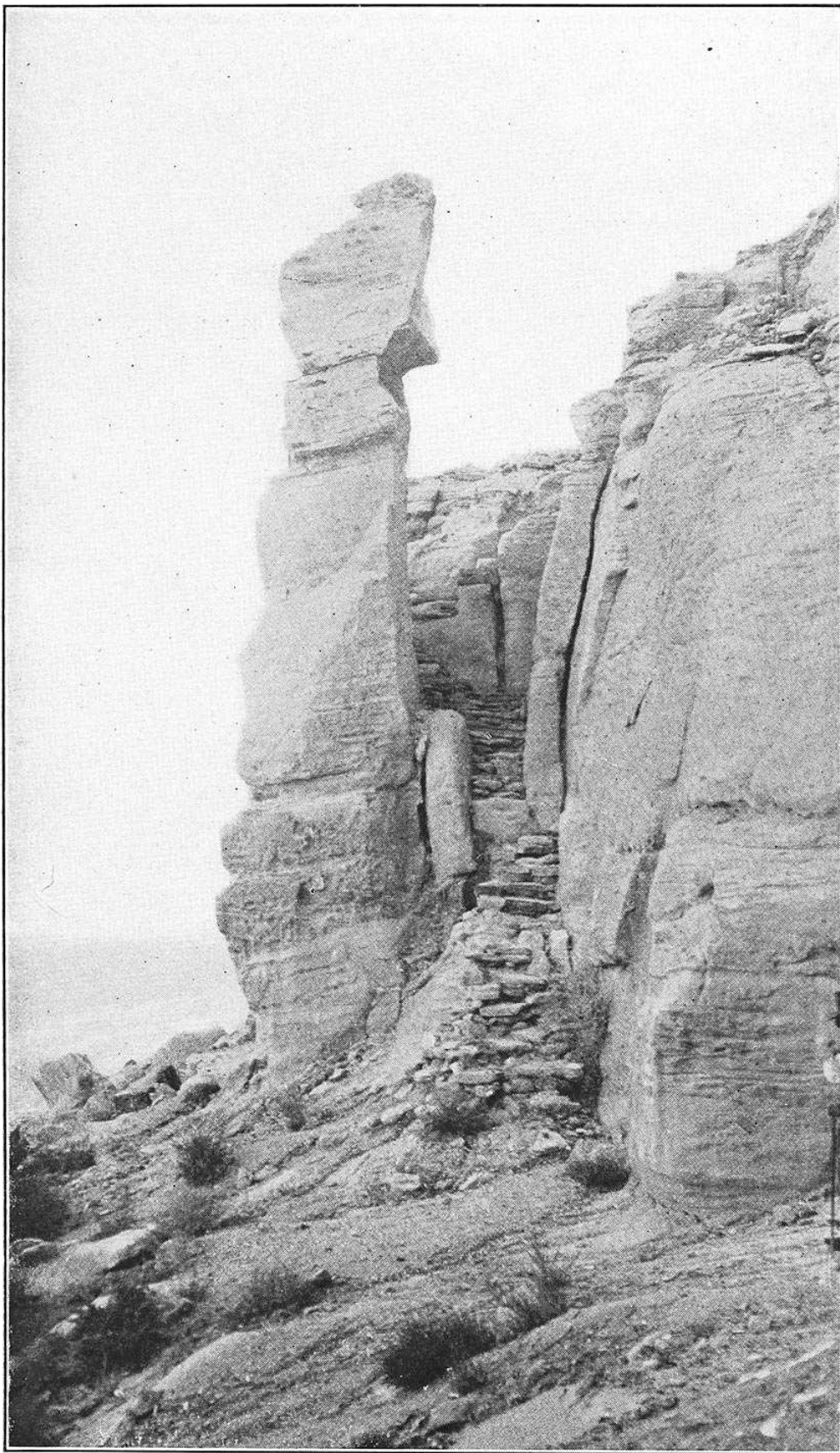
У кочевых племен навахо огромная страна, на которой им приходится скрываться, почти 30 000 квадратных миль дикой природы, большая часть которой не отслеживается; нет быстрой связи между шестью агентствами, созданными для управления этим народом. Было возможно координировать методы ведения бизнеса, чтобы, например, установить единые правила ведения запасов; но не было организовано ничего, что гарантировало бы мир. В стране навахо произошли многочисленные убийства. Представители Совета уполномоченных по делам Индии, в частности генерал-майор Хью Л. Скотт, и инспекторы [\[201\]](#) индийского департамента выпустили словесные выпады в поддержку агентов хопи. Навахо были доставлены на гауптвахту Агентства, а другие навахо предстали перед федеральными судами, когда Агент мог организовать на месте все детали вылова. Бывший маршал Соединенных Штатов, которому было поручено оказывать помощь, по-прежнему бросался в глаза своим отсутствием на месте происшествия. Этот вопрос, наконец, привлек внимание подкомитета Конгресса и привел к полевому исследованию условий жизни хопи, описанному в печатном отчете. Я знаю, что отчет был полным, потому что я написал его; фактически, я подготовил этот отчет в 1918 году и представил его Конгрессу за два года до появления подкомитета. Джентльмены любезно вставили это в качестве дополнения к своим в остальном безобидным комментариям.

Но стена политического безразличия ко всему, что не дает права голоса, не была пробита. Это всего лишь спор между малоизвестными племенами, ссора в горах, которая иногда ставит в неловкое положение индейского Агента и постоянно раздражает беспомощный народ, у которого нет другого апелляционного суда. Ни племя, ни Агент не могут угрожать политике. И племя, и агент хранят молчание из-за безразличного Бюро.

Объявите, однако, что те же самые индейцы хопи имеют обыкновение танцевать с живыми гремучими змеями! Ах! это другая история, и ее воспринимают с другими эмоциями. Политик вбегает, чтобы посмотреть на это зрелище. Бюро проливает по этому поводу крокодиловы слезы. Запрашиваются и пишутся кипы отчетов. В течение последних двенадцати лет Танец змей хопи беспокоил солонов из Министерства внутренних дел гораздо больше, чем любой сигнал бедствия хопи. Этот примитивный языческий обряд вызвал гнев христиан в трех администрациях. Результат: Танец змей хопи рекламируется так же хорошо, как Гранд-Каньон в Колорадо! [\[202\]](#)

Самый живописный из городов хопи - Уолпи. Вы можете по достоинству оценить это, эффект от того, что стоите на крыше последнего дома Уолпи и с нее видите всю Первую горную гору, узкую скалистую вершину и глубокие долины по обе стороны, тропу, ведущую к Полакке, всю обширность этого далекого и прекрасного пейзажа — просто посетив Нью-Йоркский музей естественной истории. Художники создали замечательную репродукцию этой Заколдованной цитадели Империи. Мой друг по разным диким местам Индии, мистер

Говард Маккормик, волшебным образом перенес очарование орлиного гнезда хопи на окраину Центрального парка.

ЛЕСТНИЦА УОЛПИ, КАМЕННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Я вспоминаю особенно унылый день в Нью-Йорке, один из тех зимних дней, которые бывают только в больших водах, когда я забрел в музей в поисках этого экспоната. Я ожидал чего—нибудь в обычном порядке -папье-маше, гипс, пыль и билет; но вот! Я оказался дома, на вершине горы, подо мной была Первая Гора и Долины Вепо; а справа от меня должна была быть Хух-кват-ве, Терраса Ветров, и в туманном отдалении Мойтс-о-ве, или Юкка-Пойнт. Я чувствовал, что через мгновение обязательно увижу Гарри Шупулу, главного Змеиноного жреца, вылезающего из своей кивы; и вполголоса я обратился к одному из группы как “Куат-че” (друг). А у подножия извилистой тропы, немного дальше от источника, будет лагерь водяной ведьмы и радушный прием в пустыне — такой прием, какой получают “Мак” и бродячие индейские агенты. Меня охватило огромное чувство *уважения* кХеймве. Я мечтал о ковре-самолете, на котором я мог бы мгновенно перенестись из пустынного Нью-Йорка в многолюдную страну, где говорят на языке хопи.

Я помню разговор со священнослужителем из Канады, когда мы стояли с внутренней стороны толпы на [\[203\]](#) уступе для Танца змей Вальпи, минуя зловещее ожидание перед входом жрецов Антилопы на ежегодную церемонию. Это время, когда агент индейцев Хопи знакомится с большинством знаменитостей и наживает большинство своих врагов. Было сказано несколько слов о живописности старого Уолпи и великолепном виде с нашей позиции. Равнина внизу была залита лимонным светом.

“Да, - сказал я небрежно, - людям в долине было бы лучше, если бы мы смогли заставить их уехать”.

“Что?!” - вскрикнул он от боли и величайшего изумления. “Неужели вы хотите, чтобы они покинули это прекрасное место — эту прекрасную жизнь!”

Я совершил святотатство. Ни один хопи старой школы не смог бы смягчить крайний ужас священника при этой мысли. Но джентльмен, я уверен, уделял мало внимания многим вещам, которые Агент видит некрасивыми, вещам, представляющим явную угрозу, отвратительным вещам. Уолпи - живописное место, по очертаниям напоминающее разрушенный замок, и всегда насыщенное цветовыми эффектами; но есть опасная дорога-уступ, по которой нужно поднимать все припасы, дрова и воду, дорога, на которой погиб не один хопи, когда не выдерживали тормоза. И не забыл ли он, что женщины в основном тащили вещи на себе? А старики и слепые, которые прыгали с отвесного утеса? И, прежде всего, постоянная опасность зараженных грязью домов, где обитают трахома и туберкулез? Это вещи, которые турист не замечает, и когда он находится вдали от цветовых эффектов и звуков барабанной дроби, они не затрагивают его свободный от отдыха разум.

Уничтожить Уолпи как картинку? Нет. Но как человеческое жилье - Да! [\[204\]](#)

Я вспоминаю визит в Отделение по делам Индии в Вашингтоне вскоре после одного из моих характерных докладов на эту тему.

“Что?!” - воскликнул начальник Бюро, который, поскольку ежедневно подписывал огромное количество писем, не читая их, считал себя умным. — Вы рекомендовали взорвать динамитом Первую Плато — разрушить этот оазис красоты и мира, и... и...

“ И трахома, и туберкулез, и детская проституция, ” закончила я за него, когда он задохнулся и у него не хватило слов, как я и предполагала. Шефа Бюро всегда подводят слова. Подобно дальнобойному оружию немцев, он привык стрелять по всему континенту, будучи уверенным в том, что собеседник не сможет немедленно выдать из себя свои слова обратно.

Я этого не рекомендовал. Я просто выступал за разрушение дороги, ведущей в Валпи, поскольку правительство и глава его Бюро не выделили достаточных средств, чтобы сделать дорогу безопасной для передвижения.

Это точка зрения туриста и бюрократа, — художнику свойственна чистая сентиментальность, — всех тех, кто видел хопи, кто был очарован колоритом его жизни, но кто был совершенно слеп к его страданиям и кто ничего не внес в его благополучие.

Никто так остро, как я, не ценит художественную ценность пуэбло хопи — этих старых каменных улиц, по которым ходили бородатые испанцы; причудливых арок и неправильной формы маленьких балконов, с которых дети смотрят друг на друга; призрачных колокольчиков Миссии в персиковых садах. Но я был не настолько глуп, чтобы не заметить, что на этих же улицах были отбросы, что дома не проветривались и что в воздухе витали различные [\[205\]](#) неприличные запахи. Турист должен оставить свои органы обоняния дома. И я, будучи ответственной, знала, что всего труда трудолюбивых и добросовестных полевых матрон было недостаточно, чтобы содержать в чистоте эти причудливые улицы и дворы.

Я помню другого посетителя другого Танца Змей, мужчину, сидящего на парапете кивы хопи и смотрящего вниз через входную лестницу. Я увидел, что внизу несколько танцоров готовят костюмы. У них было множество шкур, масок и перьев, а также множество банок с яркими красками.

“ Полагаю, ты и об этом неплохо знаешь? - Спросил я.

“Ну, я узнаю некоторые признаки, общие для индейцев”.

“ Не спуститься ли нам? Ты можешь помочь им, - предложил я.

— Мне бы очень хотелось, но... они не будут возражать?

“ Возможно, я смогу это устроить, ” и я начал спускаться по лестнице. Несколько индейцев подняли головы, но, увидев, что это всего лишь Мунгви, ничего не сказали.

“Сюда!” Я позвал их. “Вот ваш настоящий друг. Возможно, ты его не знаешь, но он понимает многие племена, их обычаи и знаки. Найми его на работу. Он может помочь с этими костюмами ”.

Один оторвал взгляд от одежды, которую он раскрашивал, и протянул вперед кисть и краски, как бы говоря: “Добро пожаловать, брат, принимай!”

Белый гость проявил редкую ловкость. Индейцы заметили это.

“Вы его знаете?” - спросил один из них, указывая на рисунок.

“Да”, - сказал он, называя это. [\[206\]](#)

Они радостно рассмеялись, и вскоре он стал другом им всем. Я оставил его в киве, где он деловито работал с ними и как можно больше болтал, используя ограниченный словарный запас и множество описательных жестов. Это был Эрнест Томпсон Сетон. С тех пор я его не видел, но позже он переслал мне письмо, в котором благодарил меня за то, что я пригласил его в гардеробную Первой горы, и дал несколько отличных советов относительно вещей, которые мы обсуждали до того, как он нанялся художником по костюмам для племени хопи. Среди всех посетителей, которых я встречал в стране хопи, он был одним из очень немногих, кто чувствовал, что следует делать, а что нет, для их блага. Вкратце, его идея заключалась в том, что общинная жизнь не должна быть насильственно нарушена из-за страха перед последствиями, от которых пострадало наше собственное изолированное сельское население; и что следует приложить усилия, чтобы сохранить все лучшее в социальном плане и плане жизни на равнине, не позволяя индийскому народу ограничивать себя этим. Это, конечно, включает в себя безобидные танцы или шоу, социальные особенности, которые многие путают с церемониями. Я мог бы вспомнить серьезные усилия, предпринятые бывшими Агентами, чтобы побудить людей покинуть меса-хайтс, особенно те, которые начались в 1891 году, когда для них были построены многоквартирные дома, а позже полностью меблированы. К 1900 году в распоряжение хопи было предоставлено по меньшей мере сто таких домов. И я знал, что в 1911 году не более половины этих домов использовались даже временно. Люди возвращались в общество себе подобных, влекомые также сильным религиозным чувством к древнему дому на месе.

Я мог бы вспомнить две безуспешные попытки разделить этих людей по отдельности: схему, по которой они получали участки земли, многие из которых находились в милях от воды, и на которых было бы невозможно [\[207\]](#) семьям прокормиться самим, не говоря уже о содержании своих овец и другого скота. Первый из этих планов распределения был взорван в 1894 году; но Бюро, приверженное теории распределения, это не остановило. Вторая и самая дорогостоящая попытка провалилась в 1911 году, после того как “друзья индейца” ясно показали фарс происходящего, хотя они ничего не сказали о бесчеловечной стороне этого. Это не понравилось распределяющему средства агенту, жаждущему своей зарплаты и работы, ни его сыну, ни его помощникам, ни лагерному повару и другим прихлебателям из распределяющей команды. Но слава Богу! тем не менее, он умер.

Средний бюрократ, восхищаясь Актами о выделении земель, думает, что голову индейца можно втиснуть в токарный станок и несколькими поворотами превратить в полноценного агронома со Среднего запада — именно такому человеку, как Томпсон Сетон, по его словам, нужны общественные центры, построенные для него, чтобы он не стал обитателем сумасшедшего дома. Именно так. Но это невозможно сделать, мои учителя, со скоростью мимеографа, который отшлифовывает ваши тирады и увещевания. Ваши акты о выделении земельных участков были хорошими друзьями для жителей Южной Дакоты и других, кто

хотел спекулировать землями; но они принесли невыразимые страдания индейским народам и полностью разрушили невинную и простую фазу американской жизни.

Так вот, я никогда не соглашался с тем духовным джентльменом, который считал, что система мяса хопи была полностью воплощением красоты и идеализма. Но пишущий человек действительно заставил меня осознать полезность и здравомыслие той жизни, которую хопи бессознательно приняли. Начатый как защита от врагов, результат в мирное время был положительным, если сопровождался санитарией и защитой молодого поколения. И я принял новый взгляд на индийские церемонии и танцы. [\[208\]](#)

Пока мы не представим что-то столь же хорошее вместо индийского социального танца, зачем радоваться этому? Если бы не эти радостные события, у нас на руках легко могло бы оказаться большое количество подавленных, угрюмых и даже опасных индейцев. Пока танцы чисты, может ли кто-нибудь поссориться с Я-бе-чаем навахо, Танцем кукурузы хопи или одним из зрелищ пуэбло, наполовину языческим, наполовину католическим? Я видел множество таких танцев, не как турист, а как ответственный человек на земле, и я не смог понять, что они хоть на йоту хуже загородных пикников среди нашего собственного буколического населения Техаса или Южной Дакоты, например. Я видел, как Ротари-клуб Южной Дакоты выкидывал столько же дурацких выходок, сколько и клан юго-западных индейцев.

Я вспоминаю пример из моего очень короткого пребывания среди сиу в 1922 году. Было четвертое июля, и я разрешил старым индейцам устроить свои танцы на холмах. Издавна существовал обычай прекращать веселье на закате, и это тоже было очень хорошее правило. Но в этот четвертый раз было необычно тихо, разносчики выпивки не появились по расписанию. Индейцы обратились ко мне с просьбой разрешить им немного потанцевать после наступления темноты. Было очень тихо, а мои специальные полицейские силы были достаточно многочисленны и казались достаточно лояльными, чтобы обеспечивать порядок.

“Хорошо”, - сказал я. “Но, пожалуйста, помните, что у меня там будет отряд полиции, и я буду там сам; так что не устраивайте никаких скандалов”.

У них была очень приятная вечеринка, и мир не был нарушен. Позже я посетил развлекательный зал Агентства, где несколько белых, приезжих из сельской местности и не одна пара смешанных кровей с образованием, наслаждались новейшим джазом. Я не специалист по танцам, и, прожив среди индейцев, [\[209\]](#) Меня нелегко шокировать; но позы и поза этих белых из Южной Дакоты были — ну, немного экстремальными, если не сказать больше.

“Мы осмотрели их обоих”, - с тревогой сказал мне старый сиу. “О-тай-а-пе (отец), может быть, что—то не так с танцем индейца на барабане, но...*Мне не нравится танец белого человека со скрипкой.*”

Я сказал ему очень откровенно, что, по моему мнению, было еще хуже. Бесплезно пытаться обмануть старого индейца. Он видит лицемера насквозь быстрее, чем любой другой человек, которого я знаю.

Это не сентиментальная защита старинного индийского танца. Я яростно критиковал “тайные” танцы индейцев пуэбло в Нью-Мексико, но так и не смог заручиться достаточной поддержкой Министерства, чтобы положить им конец. Подобные непристойности можно встретить у всех примитивных народов, и те из пуэбло, кто предается им, самые примитивные - варвары Сан-Фелипе, Санто-Доминго и других пришедших в упадок отсталых пуэбло. Но я попытался представить социальную сторону чужого народа, у которого нет другого развлечения, кроме зрелища танца. Если бы правительство подключило их к сети кинотеатров - но мы обсуждали приличия.

И, повторяю: когда мы установим среди них развлечение столь же привлекательное, простое и безобидное, настанет время для осуждения тех черт, которые являются безобидными и чуждыми. И пройдет много времени, прежде чем я забуду сравнение индейцем танца сиу с барабанами и колокольчиками для саней, шумного, будоражащего душу хулиганства и соблазнительного, наводящего на размышления “танца белого человека со скрипкой”. [\[210\]](#)

¹ Произносится *Шэй*. [↑](#)

[\[Содержание\]](#)

ТРАДИЦИЯ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Когда я впервые, как правительственный служащий, ответил на торжественное приветствие краснокожего человека, буйволы свободно бродили по великим равнинам страны сиу; железный конь еще не пересек границу Миннесоты; унылый, бестолковый бык был курьером и вестником культуры, зародышем которой была шхуна в прериях; Чикаго только начинал сбрасывать с себя пеленки под покровом дыма; Сент-Пол был границей на северо—западе ... и это было всего поколение назад. -Маклафлин: *Мой друг, индеец*

Работа этой резервации была пограничной. До конца девяностых армейские офицеры, действуя в качестве агентов, вели дела из форта Дефианс, расположенного примерно в восьмидесяти пяти милях от Первой горной горы хопи. Местность между этими пунктами пересеченная, а зимой часто непроходимая. Командир нечасто совершал двухдневное путешествие, а когда совершал, развлечения на торговых постах занимали большую часть его времени. Других местных станций не было. До 1887 года ни один чиновник этого правительства постоянно не проживал на территории хопи; так что со времен Испании и до этой даты этим индейцам уделялось мало внимания.

В 1886 году двадцать вождей хопи подписали петицию с просьбой к Вашингтону предоставить им школу, чтобы их дети могли “вырасти с добрым сердцем и чистым дыханием”. Но один из этих людей, Хонани из Чимопови, всегда дружелюбный вождь, сейчас жив. Шупула, подписавшийся [\[211\]](#) в качестве второго вождя Моки, умер добродушным стариком в 1917 году.

Итак, в 1887 году в Кимс-Каньоне, на месте одного из старых лагерей Карсона, была открыта школа - живописная ниша в стене с группой источников, где долгое время работал Том Кимс, англичанин-торговец. Двенадцать лет спустя был назначен агент-резидент, имеющий полномочия действовать в качестве полностью ответственного лица.

В период с 1890 по 1916 год субагенты и более поздние Агенты выполняли большую постоянную работу для людей. На смену первой школе пришло современное учебное заведение в нижнем Каньоне. Агентство распространяло приказы и инструменты цивилизации. В полевых условиях в пуэбло было шесть дневных школ для ухода за детьми младшего возраста. Пятьсот учеников регулярно посещали их. Индийская молодежь прошла путь от детского сада и начальных дневных школ до профессиональной школы, где они получили некоторые знания о профессиях, а оттуда - в более крупные школы без резерваций, созданные по образцу Карлайла, такие как Альбукерке, Нью-Мексико; Феникс, Аризона; Риверсайд, Калифорния.

Но прогресс был достигнут не только в области образования. Тропинки в заповеднике превратились в дороги, поскольку индейцам поставляли повозки и орудия труда; а поднимающиеся вверх по скалистым холмам, соединяющие разные деревни, были шоссейными дорогами, которые были вырублены в цельной скале и которые, учитывая средства и стоимость, были изрядным произведением инженерного искусства. Агенты построили и расширили школы и открыли шахты для поставок топлива на зиму. Живность обоих племен — поскольку навахо пришли в это Агентство — улучшилась. Важнейший прогресс был достигнут в области медикаментозного лечения. Три врача посетили

несколько округов. Количество случаев трахомы значительно уменьшилось [\[212\]](#). Больше не было страха перед неконтролируемыми эпидемиями, такими как та, что вызвана оспой, которая почти уничтожила хопи в 1780 году. А после 1913 года в хорошо оборудованную больницу поступали серьезные пациенты, особенно те, которые требовали хирургического лечения. Между 1911 и 1919 годами вакцины свободно использовались для борьбы с оспой, брюшным тифом, столбняком, пневмонией и гриппом. Было проведено пастеровское лечение. Хирургические вмешательства, как мелкие, так и серьезные, были обычным делом с низкой смертностью.

Если в 1900 году у первого Агента был всего двадцать один сотрудник, то в 1915 году их было более ста, обслуживавших различные сферы деятельности Империи. Отряд специалистов по освоению водных ресурсов, местных известных как “ведьмы”, значительно увеличил водоснабжение пуэбло и их скота за счет расширения горных массивов и бурения неглубоких скважин в поймах. Верховный знаток воды Империи, мистер А. Х. Вомак, в последующие годы открыл артезианские потоки. И, безусловно, большая часть этой работы была выполнена после 1910 года.

Но неприятностям не было конца. Необходимо было не только преодолеть препятствия на границе — удаленность от источников снабжения, суровые зимы, затруднявшие транспортировку, и частые смены беспокойных и недовольных работников, — но также необходимо было бороться с суевериями и не всегда негативным сопротивлением фанатичных и неразумных людей. Пять раз в период с 1899 по 1911 год в этот заповедник направлялись войска для подавления беспорядков или обеспечения соблюдения правительственных постановлений.

Одной из главных причин волнений в Индии было то, что лишь немногие агенты оставались у руля достаточно долго, чтобы влиять на народ. Требуется по меньшей мере четыре года терпеливой работы, чтобы узнать хопи, завоевать его доверие, если оно вообще когда-нибудь у кого-нибудь появится. И за тридцать два года после 1887 года [\[213\]](#) у руля стояли одиннадцать разных офицеров. До 1911 года самый длительный срок службы составлял немногим более четырех лет. Мужчины увольнялись или переводились, не успев начать работу. Двадцать лет того времени были разделены между девятью чиновниками, чуть больше двух лет на каждого, едва ли достаточно для того, чтобы изучить страну и ее деление. Я вспоминаю несколько одиноких лет в пустыне, когда стены Каньона казались тюрьмой, но сейчас я рад написать, что руководил его населением хопи-навахо более восьми лет, что вдвое больше времени, чем у любого другого правительственного чиновника.

Из тех, кто работал на ранних этапах, двое оказали сильное личное влияние: мистер Ральф Коллинз, которого дважды назначали субагентом, и мистер Чарльз Э. Бертон, который был первым агентом в Индии. Коллинз не обладал полным авторитетом, и его усилия не всегда находили поддержку, но многих подозрений среди хопи можно было бы избежать, если бы к нему прислушивались. Бертон, выполнивший несколько дурацких приказов, подвергался преследованиям со стороны сентименталистов на протяжении большей части своей службы. Но оба этих человека многое сделали для народа хопи, и старейшины их хорошо помнят. Их усовершенствования не исчезли полностью, и где бы вы ни встретили англоговорящего хопи среднего возраста, заслугу можно отдать одному из этих мужчин.

Но в 1911 году два дела не были закончены, а одно важное было лишь смутно намечено. Не существовало четкой политики развития заповедника, и никому не удалось сломить власть Екеомы, этого враждебного колдуна, который создавал проблемы с 1887 года. Нельзя было надеяться на успех без первого, а успех первого во многом зависел от второго. Медицинская помощь была эпизодической и неэффективной [\[214\]](#) без больницы. Мой предшественник выделил восемь тысяч долларов на строительство одного из них, тогда как тридцать тысяч — с учетом методов обслуживания — были бы не слишком большой суммой.

Я чувствовал, что последовательная политика контроля жизненно необходима; что страна и люди в ней, как белые, так и индейцы, должны быть поставлены под строгое регулирование; что влияние Екеомы должно быть сломлено; и я предложил использовать восемь тысяч долларов плюс любую дополнительную сумму, которую я смогу выторговать из Вашингтона, плюс ресурсы резерва в виде дешевой рабочей силы, камня, песка и оборудования, смешанного с чем-то, напоминающим мозги, чтобы построить больницу, которая принесла бы пользу индейцам и сделала честь Службе, которая слишком часто строила здания, которые не были ни тем, ни другим.

Регулирование и контроль требовали только лошадиного чутья и небольшого видения. Решимость и серьезность, сопровождаемые справедливостью и честными поступками, составляют комбинацию, перед которой мало кто из индейцев может устоять. Человек, который терпит неудачу в стране на Юго-западе Индии, - это тот, кто игнорирует представления своего народа о честной игре и забывает держать свое слово. Среди хопи-навахо были белые люди, которые, не обращая внимания на свое собственное двухтысячелетнее прошлое, предлагали все исправить за один день. Обнаруженный в 1540 году, взятый под наблюдение в последние восьмидесятые, он был и остается слишком большой работой для одного дня.

И почему бы не отнестись с сочувствием к проблемам индийца, который, не имея образования и права голоса, будучи практически таким же невнятным, как глухонемой, инфантильным и некомпетентным, должен кому-то доверять и склонен доверять единственному известному ему чиновнику?

Почему бы не стать порядочным индийским агентом из уважения к самому себе? [\[215\]](#)

Относительно мало людей знают, что Служба в армии Соединенных Штатов имеет историю, так сказать, традицию, которую следует чтить и которой следует следовать. Мало кто на службе проявляет живое любопытство и интерес к своим подопечным, что необходимо для успеха среди примитивных народов, мало кто поднимается над личными предрассудками, кто может противостоять слабой вражде. Были первые Маклафлины, Шелтоны и Кэрроллы, каждый из которых заработал себе Служебное имя тем или иным эффективным способом; но эти люди были в меньшинстве.

Теперь у армейского офицера есть традиция, и у морского офицера она есть. Почему другие правительственные чиновники не должны рассматривать свои должности с такой же точки зрения? Если читатель вмешается и упомянет о "скандалах" — что ж, конечно; их было много; но они не уничтожили индейцев и не испортили Службу. Во всех правительственных ведомствах были скандалы большей или меньшей степени. Был некий Арнольд, армейский офицер очень высокого ранга; но нам нет необходимости возвращаться так далеко. В год

благодати, тысяча девятьсот двадцать четвертый, было сделано достаточно, а "Достаточно" - это иногда чересчур. Были скандалы с древесиной, земельными скандалами и нефтяными скандалами, поскольку богатство индийской страны эксплуатировалось. И есть скандал — или должен быть — о манипулировании отдельными индийскими деньгами. И скандал с удержанием неэффективных сотрудников на посту. И некоторые индийские агенты отправились в тюрьму, а некоторые должны быть там в сопровождении тех, кто их защищал. Все это правда и само собой разумеющееся. Тем не менее, у большинства из них есть почетная традиция, столь же древняя, как и сами Соединенные Штаты.

В 1786 году в Статьях Конфедерации было уделено внимание делам индейцев. Были предусмотрены два суперинтенданта [\[216\]](#), которые обладали "пониманием" всех индейских народов к югу от реки Огайо и ко всему западу от Гудзона. Их точное "понимание", без сомнения, было намного меньше их очерченных территорий.

Федеральная конституция 1788 года считала важным, чтобы центральное правительство обладало исключительной властью в отношениях с индейскими племенами. Позже Верховный суд Соединенных Штатов расширил это правило, включив в него все, что может возникнуть в результате наших отношений с индейцами.

Конгресс в 1789 году выделил первые денежные средства для покрытия расходов на переговоры и лечение с индейцами. Хотя уполномоченных называли "агентами", их полномочия не простирались дальше общения с туземцами.

Джордж Вашингтон в письме от 29 августа 1789 года дал указание господам Дж. Бенджамина Линкольна, Сайруса Гриффина и Дэвида Хамфри в качестве "уполномоченных по ведению переговоров и заключению мирных договоров с независимыми племенами или нациями индейцев в пределах Соединенных Штатов к югу от реки Огайо". Эта комиссия представила доклад военному министру, и из ее предложений выросла система лицензированных торговцев, хотя первые торговцы действовали как факторы и в некоторой степени как агенты племен, с которыми они были связаны.

Конгресс в 1790 году предоставил метод для торговли с индейскими племенами по лицензии, но, по-видимому, никакие индийские агенты не были уполномочены законом как таковые до 1796 года, когда были созданы торговые дома на западных и южных границах или в самой Индии и назначены люди для управления ими под руководством президента.

The factors были первыми настоящими агентами в рутинном индийском бизнесе. Это был первый эксперимент. Закон ограничивал [\[217\]](#) его действие двумя годами, но время от времени срок его действия продлевался до 1822 года, когда система государственных торговых домов была упразднена.

Законы 1800, 1802 и 1806 годов предусматривали другие эксперименты; а после 1806 года фактически существовало четыре типа индийских чиновников:

1. Губернаторы различных территорий, которые по должности были управляющими делами Индии в пределах своей юрисдикции.

2. Определенные агенты, которые в основном находились под руководством этих губернаторов.
3. Управляющий индийской торговлей.
4. Факторы, находящиеся под его руководством.

Когда в 1819 и 1820 годах Конгресс разрешил нанимать людей для обучения индейцев, началось назначение агентов в конкретные племена.

Когда в 1822 году истек срок действия системы торговых домов, факторы исчезли. Сегодня индийская торговля ведется лицензированными торговцами, которые находятся под залогом и, как ожидается, будут жить на территории Индии.

В 1824 году военный министр, не имея полномочий, организовал Бюро по делам индейцев, вероятно, чтобы облегчить работу своего главного управления; а восемь лет спустя Конгресс уполномочил президента назначить комиссара по делам индейцев.

Закон 1834 года наделил должностных лиц страны индейцев полномочиями, на которые они ссылаются сегодня в отношении контроля над туземцами и теми, кто может стремиться их угнетать. Этот Закон не распространялся на территории Орегона, Юты и Нью-Мексико. Агенты индейцев пуэбло в Нью-Мексико были ограничены в своей работе до 1913 года, когда Верховный суд Соединенных Штатов прояснил эту ситуацию решением Сандовала.

В первые дни армейские офицеры были назначены для [\[218\]](#) выполнения обязанностей индийских агентов, и индейцы были подчинены строгому военному правлению; и это, взятое в связи с императивными формулировками принятых законов, имело тенденцию к дальнейшему увеличению полномочий Агента.

Законом 1847 года, регулирующим распределение аннуитетов и договорных благ, большинство индейцев были поставлены в состояние полной зависимости от центрального правительства. Если до этого они пользовались какой-либо гражданской свободой, фрагмент был у них изъят. Многие обращались к guardian даже за едой, и когда guardian узнавала о нем - большинство групп Юго—Запада находились за пределами этой зоны бесплатных столовых - она была обеспечена. И тогда представилась возможность тем, кто устроил скандал из “пайковых” дней и облил Роберта Льюиса Стивенсона и других блестящих сентименталистов грязью, от которой пострадал честный индийский агент. Везде, где правительству было известно об индейце, он был ребенком без каких-либо прав, кроме тех, которыми разрешал ему пользоваться его Агент. Еще в 1922 году, действуя в качестве агента племени сиу и ежедневно тысячу раз поражаясь выхолощенному званию майора, я подписал множество разрешений, позволяющих старым воинам покидать так называемую Резервацию — на самом деле это было убежище для белых - для торговых поездок и посещений, давно устаревшая бюрократическая волокита, которую побежденные все еще признавали. Я не мог бы помешать ему ездить без разрешения, но поскольку он считал нужным верить в старую систему, я с радостью подписал бумаги. По крайней мере,

эти пожилые армейские майоры внушили старшим сиу уважение и послушание, не разрушив их гордости или уверенности в себе.

В 1849 году было организовано Министерство внутренних дел, и ему было разрешено осуществлять надзор и обжалование в делах Индии, которые до этого осуществлял военный министр [219]. Министр внутренних дел стал главой Министерства по делам Индии, а комиссар по делам Индии действовал под его началом.

Местный контроль за резервациями остался практически таким же. Местная полиция была санкционирована в 1878 году, но Агент продолжал единолично судить о виновности или невинности индейцев, обвиняемых в правонарушениях. В 1883 году были созданы Суды по уголовным делам индейцев - идеалистический эксперимент, несомненно, зародившийся на Дальнем Востоке. Надеялись каким-то образом побудить индейцев к самоконтролю. Но это оказалось фарсом, и когда оно вообще используется, то является всего лишь инструментом в руках Агента. В течение последних четырнадцати лет я руководил четырьмя индейскими резервациями: “мокви”, — теперь правильно называемыми хопи, — где проживает много навахо; пуэбло; сиу Кроу-Крик; и река Колорадо Мохаве; они простирались на пять штатов, объединяя в общей сложности 14 000 индейцев шести различных племен и множества местных подразделений; и среди всех этих туземцев я нашел только одного индейца, обладающего необходимым интеллектом и непредвзятой точкой зрения, чтобы оправдать его председательство в качестве судьи Индейского суда. Было бы несправедливо не назвать этого человека. Это Пабло Абейта из племени ислета индейцев тихуа—Пуэбло в Нью-Мексико. И после многих лет верности своим заслуженным Агентам (не все из них были удостоены этой чести) он пожинал в качестве награды врагов племени, политических и гражданских. Единственный человек, который доказал ценность эксперимента, был превращен в козла. Таковы плоды идеализма, сохраняемые новыми лидерами, которые, пошатываясь, прибегают ко многим изобретениям на благо бедной Ло.

Эти исторические факты были кратко изложены в статье под названием “Эволюция индийского агента”, написанной покойным Кеннетом Ф. Мерчисоном, бывшим главным юристом [220] Клерком Управления по делам индейцев, и напечатанной в Годовом отчете Комиссара за 1892 год. Автор завершил свое выступление таким знаменательным заявлением:

Индийский агент теперь обладает почти абсолютной властью в индийской стране, и что касается людей, которыми он правит, у него нет никого, кто мог бы оспорить его власть. Назначенный сначала в качестве коммерческого агента или консула Соединенных Штатов в стране иностранного народа, индийский агент в соответствии с принятыми законами и обнародованными постановлениями превратился в должностное лицо, наделенное полномочиями направлять дела индейцев и вести их бизнес во всех деталях и во всех отношениях.

Это очень любопытная глава в нашей истории. Существует разительный контраст между “полномочными министрами”, назначенными Соединенными Штатами для ведения переговоров с могущественными индейскими народами, и армейским офицером, имеющим в своем распоряжении войска, поставленные над племенем индейцев для поддержания среди них абсолютного военного деспотизма. И все же наша политика в отношении индейцев странно колеблется от одной из этих крайностей к другой. Действительно, в настоящее время (1892 г.) Представитель Пяти Цивилизованных племен выполняет скорее функции консула в иностранном государстве, чем агента.... С другой стороны, абсолютное военное правление

находит свою иллюстрацию в нынешнем положении вещей в Сан-Карлосе (Аризона) и в несколько измененном виде в Пайн-Ридже (Южная Дакота).

Теперь поверхностно информированный человек встанет и заявит, что это древняя история. Это правда, что это было написано относительно условий 1892 года и до него. Но только недавно войска были выведены из форта Апачи в местности, прилегающей к Сан-Карлосу; и совсем недавно у нас были основания сожалеть о том, что полномочия Представителя пяти цивилизованных племен были когда-либо отозваны. Индейский агент индейцев пуэбло в Нью-Мексико, [\[221\]](#)учитывая признанные формы правления племен, которые были поддержаны судами Соединенных Штатов, должен выполнять функции консула, плюс все обязанности Агента. Обычному назначенцу трудно уловить это тонкое различие.

И если поверхностно информированный человек посетит Юго-Запад и закрытую индейскую резервацию, например, чтобы стать свидетелем Танца змей хопи; посмотреть на одно из зрелищ индейцев пуэбло в Нью-Мексико; или поохотиться на землях апачей, — и всегда при условии, что у таких индейцев есть Агент, не боящийся своей политической тени, он обнаружит, что надзор и подконтрольность индейцев и поверхностно информированного человека основаны на соответствующих полномочиях, которые не были отменены и на которые любой индейский агент может ссылаться в любое время, когда сочтет необходимым. В Аризоне Законодательное собрание штата предоставило дополнительные полномочия индейским агентам, поскольку жители этого колоссального штата не имеют ложных представлений о его индейских жителях и желают, чтобы с ними управляли наиболее эффективным способом, соответствующим справедливости.

Например, в Аризоне действуют следующие законы:

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС.

РАЗДЕЛ 3837: “Все браки лиц кавказской крови или их потомков с неграми, монголами или индийцами, *и их потомками*, являются недействительными”.

РАЗДЕЛ 3839: “Все браки, действительные в соответствии с законами места заключения, должны быть действительны в этом штате; ПРИ УСЛОВИИ, что все браки, заключенные в любом другом штате или стране *сторонами, намеревающимися на данный момент* проживать в этом штате, будут иметь те же правовые последствия, как если бы они были заключены в этом штате; стороны, проживающие в этом штате, не могут обойти ни одно из положений его законов, касающихся брака, отправившись в другой [\[222\]](#)штат или страну для заключения брака церемония”.

Аризона и ее народ не желают иметь население, состоящее из полукровок; и жаль, что не все суверенные штаты Союза были преисполнены равной гордости. Есть один штат, где было сочтено необходимым законодательно запретить использование термина “мужчина-скво”.

Хотя у современных агентов нет вооруженных сил, с помощью которых можно принудить к повиновению, у них есть, как однажды написал Стивенсон о собаках, сильное чувство своей правоты и превосходства в действии. Моральный авторитет принадлежит им, и законные средства не были выхолощены.

Правила службы в Индии, датированные 1904 годом и не измененные в том, что касается контроля за закрытыми резервациями, были основаны в значительной степени на Законе 1834 года. С тех пор как были изданы эти правила, индийские агенты были охвачены 2000 дополнительными правилами, советами, предупреждениями, проповедями и увещеваниями; но никаких изменений в руководствах по обеспечению правопорядка обнаружено не было; и эти первоначальные правила неизменно поддерживались окружными судами Соединенных Штатов.

С индейцем из Зачарованной империи его Агент может расправиться так же уверенно, как с сиу 80-х годов. У меня была возможность возродить систему пропусков как для белых, так и для индейцев, контролировать поведение белых на территории Индии, защищать местные обряды, руины и могилы, депортировать тех приезжих и большевиков, которые, по моему мнению, не приносили непосредственной пользы спокойному индийскому населению, арестовывать и привлекать к ответственности как индейцев, так и белых за правонарушения, выносить им приговоры и следить за тем, чтобы приговор соблюдался.

Теперь запомни! Это не означает, что каждый индийский [\[223\]](#) Агент является действующим Агентом. С таким же успехом можно сказать откровенно, пока это выходит за рамки семейного круга, что лишь немногие индийские агенты выполняют свои обязанности в полном объеме, когда их можно запугать: процесс, который часто признают дрожащие начальники в Вашингтоне, надеющиеся пережить умирающую администрацию.

Но прежде чем приступить к работе в 1910 году, я видел, как три министра внутренних дел неуклонно соблюдали эти Правила; и как индийского агента на местах меня решительно поддерживали три других министра внутренних дел, в результате чего мои индийские подопечные *до 1922 года* были самыми защищенными людьми на земле. [\[224\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ПУГОВИЦЫ И СКРЕПКИ

И он сел против сокровищницы и увидел, как народ бросал деньги в сокровищницу; и многие богатые бросали много. И вот пришла бедная вдова, и она бросила две лепты, которые составили фартинг. — *Марк, xii. 41, 42*

Я слышал, как старожилы говорили, и они могли бы почти подтвердить свои подозрения, сравнивая обычаи и приводя Библию, что навахо - это евреи Пустыни, потерянное колено Израиля. И достаточно сказать, что истинный сын Давида никогда не мог процветать в своей стране. Самым близким сближением этих кочевников с навахо было вторжение путем заключения брака в определенную часть индейской территории пуэбло в Нью-Мексико. Те, кто когда-то предпринимал попытки проникнуть на территорию Зачарованной империи хопи-навахо, отступили, потерпев поражение и перехитрившись.

Но если это преимущество навахо как торговца перед своим белым братом, то в каком отношении хопи находятся к навахо? Я оглядываюсь в поисках сравнения и не нахожу ни одного.

Постторговец в пустыне приветствует навахо, когда тот отправляется в экспедицию за покупками, потому что навахо - транжира и добивается быстрых продаж и большой прибыли. Именно когда навахо обменивает шерсть, одеяла и серебряную рухлядь на твердые доллары, постторговец напрягает зрение до предела, а затем надеется, что с него не снимут кожу. Но хопи сводит с ума как покупатель. У хопи [\[225\]](#) на то, чтобы потратить два бита, уйдет больше времени, чем у навахо на то, чтобы растратить месячный заработок за перевозку. Один проницательный трейдер однажды описал мне метод хопи.

“Знаешь,” сказал он, словно испытывая боль, - на мое место придет ораиб, голодный. По его виду видно, что он голоден. Он еще не завтракал. И он, должно быть, пришел купить что-нибудь поесть. И тогда он встанет перед полками с консервами, если я не смотрю, и получит полноценный обед, просто взглянув на этикетки. Да, сэр! Видел это много раз — смотрит на банку груш и облизывает губы, пока не насытится, а потом уходит, не разменяв ни цента. Каждый раз дарите мне навахо”.

Тот же самый торговец в Ораиб — Чарли был убит навахо, несмотря на всю его любовь к ним как к клиентам, — восхвалял хопи как банкиров. Он находился в девяноста милях от своей штаб-квартиры и в нескольких сотнях миль от своего банка. Согласно правилам, торговец должен расплачиваться с индейцами наличными или обратными чеками, и в той резервации они должны были это делать. Не было никаких “жестяных денег”, никакие торговые жетоны не использовались. У Чарли не хватало наличных.

“Я могу подойти к двери и свистнуть, - заявил он, - и получить тысячу долларов серебром из mesa”.

Хопи любили его, доверяли ему и однажды попытались защитить.

Берег, которому покровительствует хопи, — это его песчаная отмель или ее эквивалент - искусно замаскированная дыра в стене его каменного дома, место под очагом или мешок в его погребке с зерном.

Хопи редко делают подарки. Редкости имеют потенциальную ценность для торговой публики, и хопи верят, что работник достоин того, чтобы его наняли. Когда они хорошо думают о ком-то, скорее всего, они подождут, пока он не покинет [\[226\]](#) страну, а затем принесут то, что является сравнительно бесценным подарком, что-то из плетеных изделий или керамики, отличное от тех избитых форм, которые так часто дублируются для гастролеров-захватчиков. В то время как сиу обедняют себя, устраивая пиры и одаривая своих друзей, хопи относятся к братству по-другому. Но я хочу показать, когда поток его щедрости иссяк.

Началась Великая война, в которую позже был вовлечен “Вашингтон”. Война - утраченное искусство в пустыне, но старым воинам нравится думать о битвах. Проживающие далеко индейцы были заинтересованы во многих отношениях. Их регистрация, глупая процедура, вызвала немалую панику среди несведущих. В то время как агенты, знающие закон, сообщили, что некомпетентный и не говорящий по-английски подопечный не будет и не может быть призван, это не имело никакого значения для тех, кто составлял расписание. Это вызвало больше, чем раздражение; это вызвало некоторую тревогу в пустыне. Вожди навахо сказали мне: —

“Вам нужны солдаты для этой войны Вашингтона? Очень хорошо, мы их отберем, и тогда женатых мужчин не будут забирать из их семей, а молодых людей - у беспомощных родителей. Сколько ты хочешь?

Разве их мысль не была немного мудрой?

Но так поступать было нельзя. Были напечатаны маленькие синие карточки, и индийский агент был назначен регистратором всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, белых и индейцев, включая его самого. Навахо просто уклонились; но списки хопи были подготовлены, и так много времени, бумаги и маленьких синих карточек было потрачено впустую.

Некоторые хопи придерживались столь же фантастического взгляда на кризис. В Ораибии проживали миссионеры-меннониты, серьезные люди, но многие из них немецкого происхождения. Делегация хопи встретила их, сказав: “Через [\[227\]](#)через несколько дней начнется война. Вашингтон будет в состоянии войны с Германией. Вы - немцы. Тогда вы будете нашими врагами, потому что мы поддерживаем Вашингтон. Что вы будете делать, когда Вашингтон отдаст приказ убить вас?”

Это, без сомнения, было очень обескураживающее видение, которое можно было увидеть перед собой.

Интерес хопи к методам и изобретениям военного времени всегда можно было пробудить с помощью иллюстраций в крупных ежедневных газетах. Мои графические разделы для *New York Times* пользовались большим спросом. Они размышляли над ними, отмечая огромное количество солдат, и просили многих объяснений. Люди летали, как птицы, по воздуху и несли войну под водой. Они видели локомотивы и автомобили; и они могли верить в аэроплан и подводную лодку благодаря магии белого человека. Но в wireless они воспротивились.

“Нет!” - решительно заявил один старый индеец. “Это уж слишком. Телефон — да, я понимаю, потому что там есть провод, и слова человека проходят по этому проводу, внутрь — я это вижу. Но теперь вы рассказываете мне о человеке, который разговаривал отсюда до плато, двадцать миль, без провода? Нет, извините, но это уж слишком.

Затем появились правила питания; а еда в пустыне - это в лучшем случае ограниченное блюдо. Индийское меню достаточно скудное, и большая его часть состоит из муки. Ему не нужны были заменители, которые торговец был вынужден заставить его купить, и когда его лошади отказались от кукурузной муки в качестве корма, навахо начал обижаться. Он предложил Вашингтону свою доблесть, немалый дар, и он не мог понять, как пустой желудок помогает кампаниям.

Но поступил первый призыв о помощи из Индии, который можно было принять. Была дана реклама базара, который должен был состояться в Вашингтоне, вырученные средства пойдут на финансирование больничного отделения. Индейцев [\[228\]](#) пригласили поделиться редкостями. Зная бережливость хопи, я не думал, что они откликнутся в должной мере. Я отправил запрос и стал ждать. Когда - о чудо! на какое-то время продажа керамики факториям прекратилась. Мой склад начал переполняться пожертвованиями. Керамика хопи хрупкая; ее плохо доставляют; и я почувствовал, что столь щедрый ответ должен быть хорошо упакован для путешествия в две тысячи шестьсот миль до Вашингтона. Я знаю, сколько они отдали за глиняные изделия, потому что большую их часть я лично упаковал. На отправку фрахтом не было времени, экспресс не застраховал от поломок, поэтому отправили бандеролью. Там было немного столового серебра; один-два коврика, сотканых хопи; были тростниковые дощечки, и маленькие корзиночки, и глиняная посуда — миски, подносы, тарелки самых разных форм — сотни предметов. Нежная причудливая мысль: видение какого-нибудь раненого парня, получающего облегчение от старой женщины хопи, лепящей и выпекающей глиняные фигурки, вдали от городской истерии, вдали от пушек и смрада войны, но делящегося единственным, что она знала, напевая какую-нибудь песенку, возможно, о древних битвах.

Затем начались продажи облигаций.

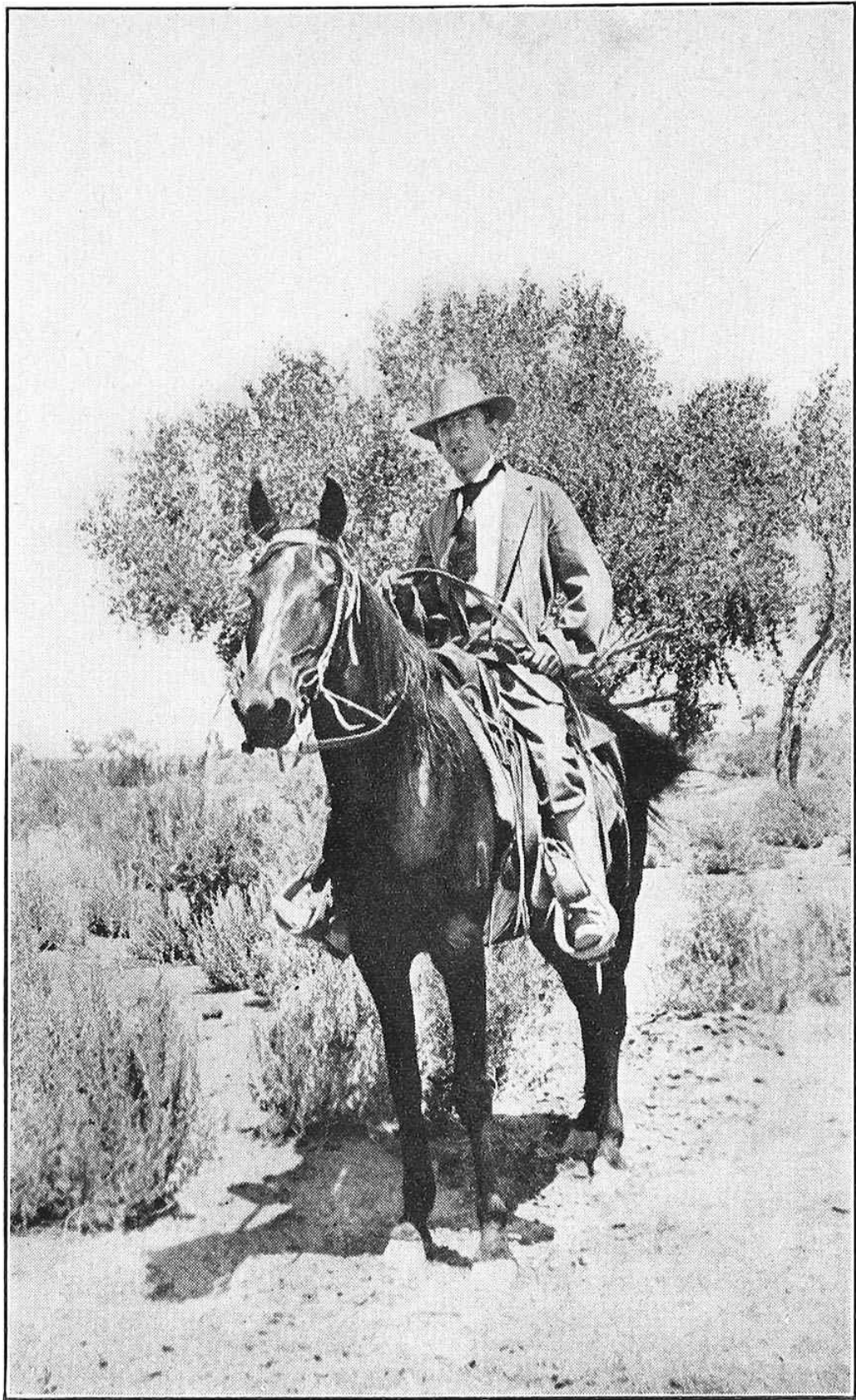
Теперь в прессе поднялся шум по поводу миллионов, вложенных индейцами в облигации Liberty; и индейцы действительно вложили миллионы в эти ценные бумаги. Но объяснение проливает свет на надувательство Бюро. Индийские агенты, имея под своим контролем индийские деньги, купили большую часть этих облигаций. Нет ничего особенного, из—за чего стоило бы кричать или, если уж на то пошло, рыдать, — как имел обыкновение делать один Комиссар, когда его захлестывали эмоции, - если Агент вызывает старого Джимми Кроуфита и говорит ему: “Джимми, на твоём счету двадцать тысяч долларов от продажи земель твоих умерших детей, [\[229\]](#)сдачи в аренду твоего собственного участка и участка твоей жены и от того, как тщательно я реализовал твой скот. Теперь вам понадобится всего две тысячи долларов, чтобы покрыть расходы на следующие несколько лет. Я предлагаю вам разместить остаток ваших денег в государственных облигациях под четыре процента. Смекалка? Вы помогаете Вашингтону. Вашингтон поможет тебе как-нибудь, меббесо.

Если Джимми и не понял всего сразу, то это все равно было сделано за него. В любом случае, это было сделано. Этим руководило Бюро. И все. Немного отличается от истории, помещенной в воскресном приложении.

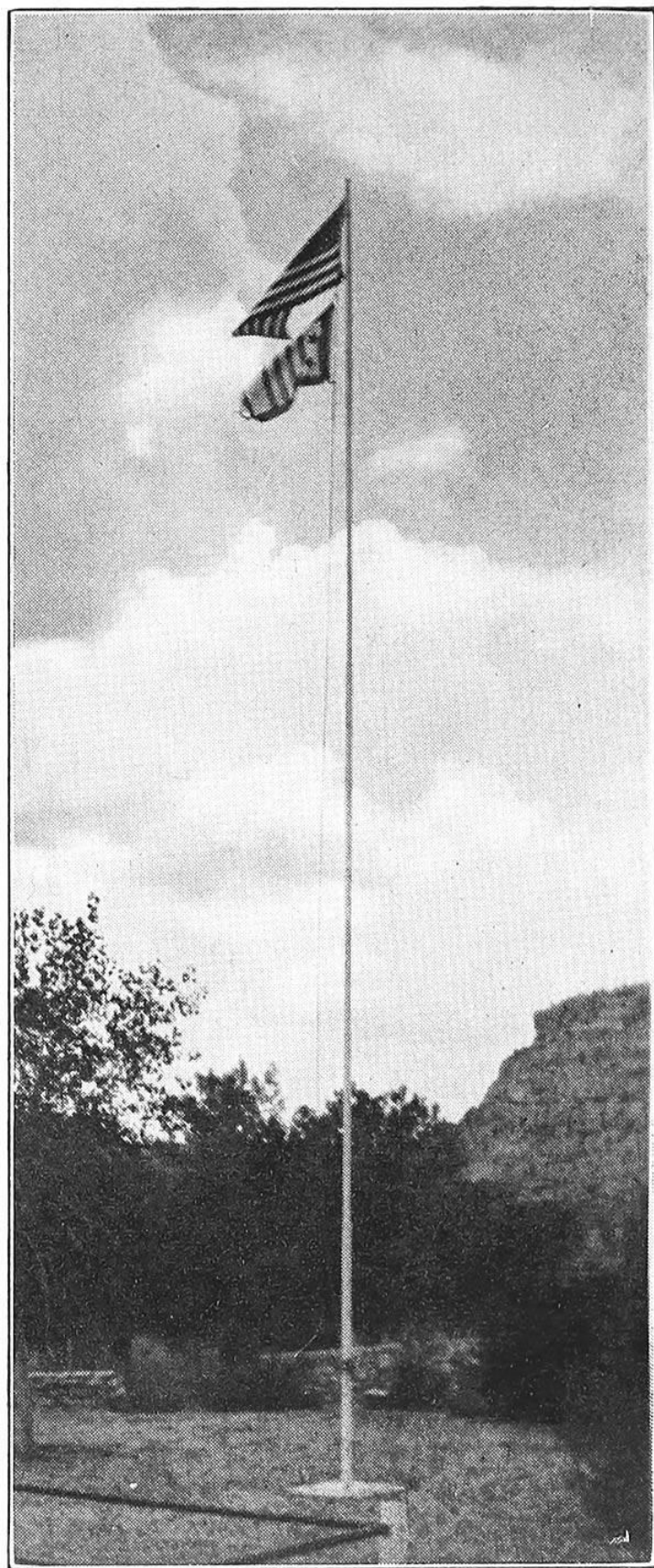
Но с хопи — у хопи не было денег в руках его Агента. У хопи не было земель для продажи — слава Богу, создавшему Пустыню! и у хопи не было земель для сдачи в аренду, слава Богу, который был скуп на воду. Он продает свой скот для себя и кладет результаты в свой карман.

Это должна была быть рекламная кампания; и сначала я должен был убедить хопи, грубых, неграмотных и всегда с подозрением относившихся к документам, особенно правительственным, что эта зеленая бумажка будет стоить столько же, сколько пятьдесят или сто долларов звонкой монетой серебром.

Он знал о нужде и опасности страны. Было легко объяснить, что солдаты, армии, должны иметь оружие, боеприпасы, одежду, одеяла, медикаменты и продовольствие. Хопи должен иметь все это сам, даже в мирных условиях. Для него было просто предложить подарить диковинки, мануфактуры, даже кукурузу, свой жизненный посох; но Агент просил денег, по пятьдесят, сотенные и другие суммы, в качестве обеспечения - лист зеленой бумаги, который хопи не умели читать, который было бы трудно уберечь от пожара или кражи, и который мог оказаться не хуже некоторых других обещаний нашего медлительного дядюшки с [\[230\]](#) Востока, который часто забывал его и по крайней мере однажды предал.

АВТОР В СЕРДЦЕ СВОЕЙ ЗАКОЛДОВАННОЙ ИМПЕРИИ

СТАРАЯ СЛАВА И ФЛАГ БОНДА В АГЕНТСТВЕ

“Что нам делать, если наступят трудные времена и нам понадобятся наличные?”

Я знал, что хопи никогда не смогут разобраться в рыночных условиях. Действительно, будучи из “захолустья”, я сам плохо представлял, что государственные облигации так быстро упадут в цене. Было необходимо убедить и продать; и я в какой-то степени пользовался доверием этих людей.

Я позабочусь о том, чтобы обязательства каждого человека были погашены по номинальной стоимости, если он придет ко мне в нужде. Тебе не придется ждать совершеннолетия. Эти облигации не будут попрошайничать”.

И в некоторых случаях мне приходилось это делать, независимо от цитаты. Но таких случаев было немного, и к чести хопи следует сказать, что после инвестирования большая часть из них осталась непоколебимой, бережно храня свои зеленые бумажки, первые банковские счета, которыми многие из них когда-либо владели.

Именно во Втором Меса я провел свою первую встречу, и целая группа скептически настроенных людей была увлечена покупками благодаря примеру самого бедного и презируемого человека в этом районе. Они собрались на совете и задавали много вопросов.

“Но мы бедны, и у нас нет денег на облигации”, - протестовали они.

“Я не прошу у вас пятьдесят долларов ни сегодня, ни завтра. Я прошу у вас один доллар и обещание выплачивать остаток частями. Когда вы выплатите все пятьдесят долларов с процентами, я передам вам залог”.

“Как Вашингтон может продавать пятидесятидолларовую бумажку за один доллар?”

“Вашингтон этого не сделает. Но я пойду в банки железной дороги и займу сорок девять долларов под проценты для [\[231\]](#)каждого человека, который согласится купить облигацию. Банк будет хранить облигацию в качестве обеспечения до тех пор, пока не будут произведены все ваши платежи, а затем передаст ее”.

Они сомневались в этом. Один молодой человек сказал: “Как вы можете занимать столько денег? Если двадцать из нас подпишутся на облигации и заплатят вам по доллару каждый, вам придется занять двадцать раз по сорок девять долларов. Банки дадут вам столько займы?”

“ С облигациями, хранящимися в качестве обеспечения, да. Попробуй.

Исходя из этого, я надеялся выполнить квоту своего округа; и, согласно зарегистрированному факту, я продал ста тридцати индейцам хопи облигаций на 11 600 долларов, а всей резервации, включая нескольких навахо и множество белых, - на 36 200 долларов в течение пяти кампаний по продаже облигаций. Я трижды поднимал почетный флаг этого округа, соревнуясь с "городами белых мужчин", и на моем последнем почетном флаге были пришиты три звезды, показывающие, что Заповедник хопи продал в три раза больше своей квоты. Оно очень гордо развевалось на ветру в агентстве "Олд Глори".

Но эти первые перспективы Второго Меса сдерживали. Если я потерплю неудачу здесь, не будет смысла отправляться на другие меса. Индейцы подобны овцам. Индивид черпает свою политику у толпы. Было некоторое напряжение.

И тогда поднялся старый хопи. Его пальто было изорвано, а шляпа помята. Он был пленником в Мексике и говорил по-испански лучше, чем на своем родном языке. Возможно, он отдалился от нас в первые дни, возможно, его взяли в плен во время Пограничного набега, возможно, он был одним из тех, с кем расстались у Корн-Рок, *кьен-сабе*? Он был задницей в деревне из-за своих величественных манер, приобретенных среди испанцев, и дважды обращался ко мне за справедливостью, когда домашние относились к нему несправедливо. [\[232\]](#)

“Суперинтендант! - воскликнул он. - Я куплю облигацию”.

Раздался взрыв смеха со стороны индейцев. Они знали, что у этого бедняги нет пятидесяти долларов, что у него нет ни одного доллара наличными. Это была шутка, а индийская насмешка жестока.

— Ладно, Вупа, выходи вперед.

“Señor Superintendente! Вы продадите мне облигацию?”

- Да, я продам вам облигацию так же быстро, как и любой другой.

“После уплаты доллара?” серьезно задумался он.

“Это верно. Вы вносите доллар вперед, и я дам вам расписку в получении; затем я одолжу вам остальное, держа облигацию в качестве обеспечения, пока вы ее не выплатите”.

Он оглядел своих мучителей, как бы говоря: “Видите, этот человек узнает испанского джентльмена, когда встречает его”. Вся его индийская гордость, плюс все, что он получил от донов, пробудились. Он подошел к столу, в то время как они продолжали обзывать его.

“Где твой доллар?” - насмешливо спросили они. *“У тебя нет никакого доллара!”*

И я очень боялся, что он этого не сделал. Случайность не годится. Это означало бы потерять лот, и я знал, что здесь было много тех, кто мог позволить себе покупать за счет платежей и кто бы хорошо заработал.

Старик мудро усмехнулся.

“Я подпишу бумагу о залоге”, - сказал он.

Ему пододвинули бланк. Он мазнул большим пальцем правой руки по чернильной подушечке, чтобы сделать отпечаток своего большого пальца - подпись, которую правительство принимает от индейцев, не умеющих писать. Он надавил на пунктирную линию.

“Ну, и где твой доллар, старина?” в толпе раздались насмешки.

Он медленно полез в карман и вытащил ржавый [\[233\]](#)складной нож. Он серьезно оглядел всех вокруг, зная, как знает испанский индеец, что он и только он один занимали центр сцены. А затем, начав сверху, он начал срезать пуговицы со своего старого пальто — серебряные пуговицы племени навахо, монеты Империи, когда возникала необходимость. Он положил их, одну за другой, на стол передо мной, считая: “*Una—dos—tres...*”

Они стоили пятнадцать, возможно, двадцать центов каждая, поскольку рынок пустыни колебался. Откладывая каждую пуговицу, он посмотрел на меня, проверяя, закончился ли доллар.

“Это не деньги”, - сказал кто-то из толпы.

“*Синко...*” — считал он, поднимая глаза.

“*Buena!* Ло-ло-ми! Выпишите квитанцию на один доллар и отметьте Wupa как купившую облигацию”.

“Спасибо тебе, Куат-че [друг]; ты первый человек, который помог Вашингтону”.

Мы пожали друг другу руки, и он был горд собой. Повернувшись, он сказал: “Видите...” — он указал на толпу и важно прошествовал обратно на свое место. Остальные теперь молчали. В некотором смысле, их блеф был раскрыт; и клянусь Вупой!

“Теперь кто покупает вторую облигацию, чтобы помочь Вашингтону?”

Те, кто смеялись и насмехались громче всех, теперь притихли. Они начали раскачиваться, колеблясь, переводя взгляд с одного на другого, а затем выступили вперед. В следующие несколько минут было продано облигаций Liberty на тысячу двести долларов, большинство из них за наличные. Старик с границы “выручил меня”, как говорят индейцы, и когда продажа закончилась, я прочитал им небольшую лекцию о том, как сделать дичь из их первого патриота. К моему удивлению, несколько из них затем предложили ему помочь с забором, который он строил в одиночку.

Когда я отъезжал от Корн-Рок, я услышал [\[234\]](#)крики позади меня. Я притормозил, гадая, что же я забыл. Это был старик, спускавшийся из своего дома на возвышенности с ведром персиков, восхитительных персиков племени хопи, которые являются благословением испанских падре. Он положил их в машину и отвесил поклон в латинском стиле, взмахнув шляпой и приложив руку к груди.

Я никогда не забуду старого Вупу из Второй Мезы, странника в чужих краях, чужака у себя дома, который купил первую Облигацию Свободы на пуговицы от своего потрепанного пальто.

На Первой горе я ожидал большего внимания, потому что они - прогрессисты хопи, хотя и продвинулись вперед благодаря тому, что их подталкивали. Первая гора и несколько ее поселений находятся всего в тринадцати милях от штаб-квартиры Агентства, по прямой дороге в любую точку области, и поэтому их жители получают больше регулярного внимания. Миссионеры добились там наибольшего прогресса, и индейцам повезло, что на эту станцию были назначены две полевые надзирательницы. Первая, мисс Сара Э. Эббот, которая позже противостояла Хотевилле, продолжила обучать их и оказывать влияние на них; а вторая, мисс Мэри И. Роджер, в течение последних четырнадцати лет не только влияла на них и помогала им, но и в значительной степени помогала направлять их. Они также воспользовались услугами главного знахаря воды Пустыни, мистера А. Х. Вомака, у которого есть свой офис в их столовой горе, и который оказал большое влияние на всех индейцев Пустыни и сделал их лучше.

АЛЬБЕРТ ЯВА: ПЕРЕВОДЧИК АГЕНТСТВА

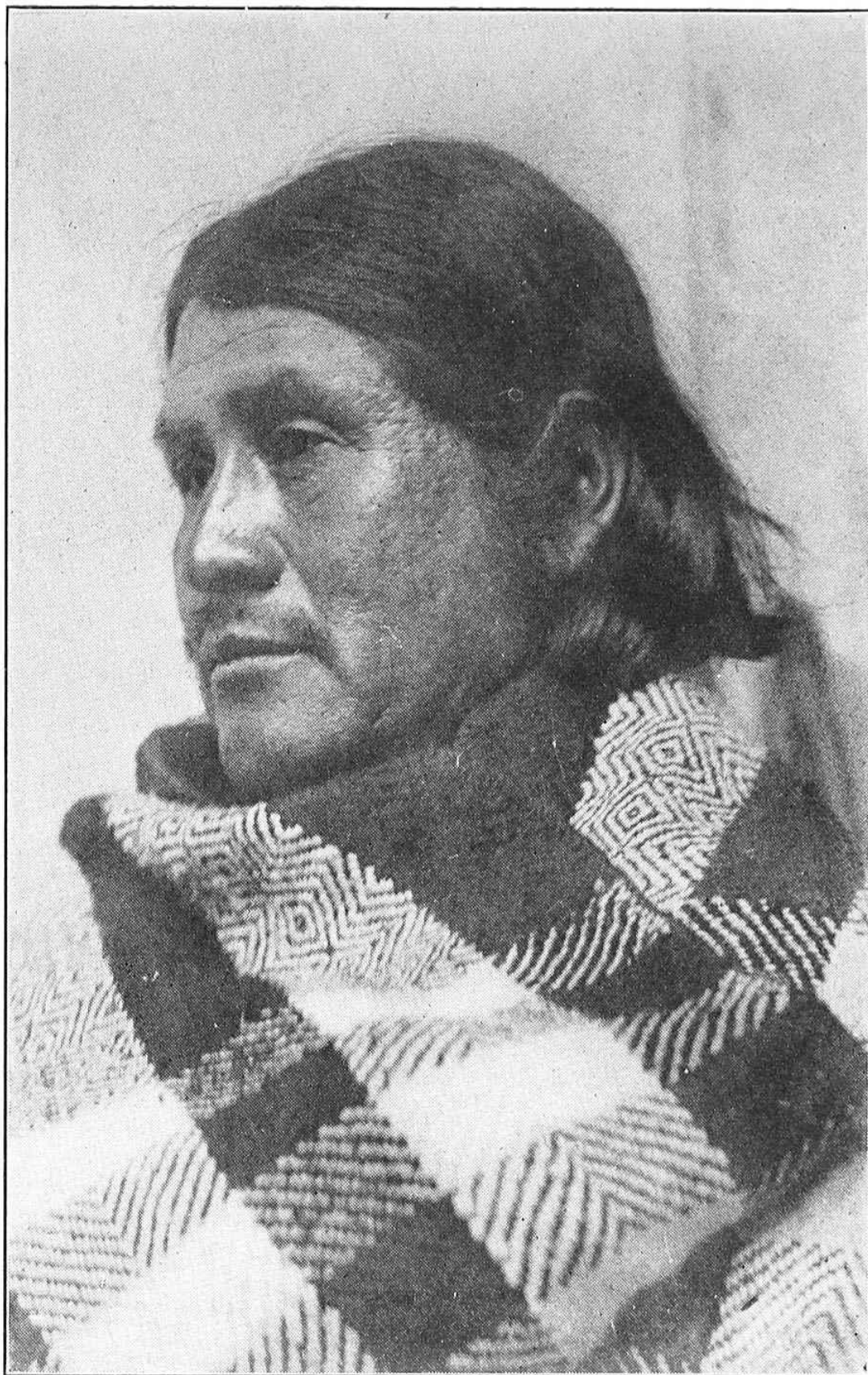

Фото. Эмри Конте

ТОМ ПАВАТЕА: ТОРГОВЕЦ-хопи И ПАТРИОТ

Но в вопросах покупки бережливые хопи, независимо от местности, склонны придерживаться метода дегустации на этикетке. Я столкнулся с такими же подробными объяснениями, хотя и знал, что на этом можно заработать сотни, возможно, тысячи долларов. И снова патриотически настроенный хопи пришел мне на помощь. Это был Том [\[235\]](#) Паватеа, чистокровный торговец хопи. Том - один из тех немногих индейцев, которые преуспели без такого препятствия, как образование. Будучи разумным человеком, он, конечно, сожалеет о том факте, что в детстве ушел из первой школы и что занятый директор забыл о нем. У Тома отличный магазин, в котором продаются товары стандартного качества, и его цены не рассчитаны по шкале высот. Возможно, три четверти торговли керамикой хопи проходит через его руки. Он довольно богат домашним скотом на пастбище и скопил свои деньги. Финансы, однако, временами беспокоят его, и я надеюсь, что последний крах западного банка не заставил его заподозрить бухгалтерию белых людей. Много лет назад он не мог постичь тайну интереса.

“Пожалуйста, объясните, ” сказал Том, совершенно сбитый с толку, “ почему этот банк должен мне что-то платить за хранение моих денег?” У них прочный стальной ящик, и я получаю услугу, и я должен платить им за сохранность моих денег ”.

Поэтому я надеюсь, что он никогда не будет обманут; потому что, когда ему это объяснили, он, казалось, был не совсем спокоен. Он скорее придерживался мнения, что его настоящие деньги всегда хранились в хранилищах, которые он видел в городах.

Что касается облигаций Liberty Bonds для победы в войне, то еще до моего приезда к Тому обратился один служащий.

“ Когда придет босс, я помогу тебе покупать облигации.

“ Под стать мне? ” переспросил Том, не понимая этой идеи.

“Да, я буду платить тебе за каждый потраченный доллар”.

- Доллар за доллар, - сказал Том, - один доллар мне, один доллар тебе?

- Такова игра.

“Что ж, - сказал Томми, который всегда играл как мог безопасно, - я не разбираюсь в этих играх; но ты приготовь свою чековую книжку”. [\[236\]](#)

Он терпеливо дождался моего выступления перед любопытной, но не слишком нетерпеливой толпой, а затем вышел вперед.

“ Этот человек, Лиминг, ” объявил он, указывая на служащего, — джентльмен, который выдвигал свою кандидатуру в ряде кампаний на пост мэра Полакки и неизменно проигрывал водяной ведьме, — этот человек хочет сравняться со мной в покупке облигаций. Я ничего об этом не знаю. У меня сегодня нет лишних денег, но ты возьмишь его? “его” было листом бумаги. “Если ты возьмешь его, я не против”.

“ Мистер Лиминг оплатит эту покупку? - Спросил я.

“ Он мне так сказал. Я покупаю — он мне подходит.

“ Таково мое предложение, ” сказал мистер Лиминг, подавляя сильное желание взглянуть на цифры на бланке.

“ Но, Томми, срок действия этого депозитного сертификата истекает только через тридцать дней. Вывод средств в настоящее время может стоить вам процентов за шесть месяцев, хотя я думаю, что смогу устроить так, что вы не потеряете проценты. И еще один момент— мне не терпится продать облигации, но по этому сертификату начисляются проценты в размере четырех с половиной процентов, а по вашим облигациям будут выплачиваться только четыре процента. Вы можете потерять проценты за шесть месяцев и, несомненно, будете терять половину процента каждый год ”.

“Я все это знаю, ло-ло-ми, - ответил он. - В Вашингтоне идет война, и ему нужны деньги. Но ты же видишь, что он это скрывает”.

- Ло-ло-ми, - сердечно согласилась я. - Мистер Лиминг, пожалуйста, выпишет чек на тысячу долларов, а Томми подтвердит этот депозитный сертификат.

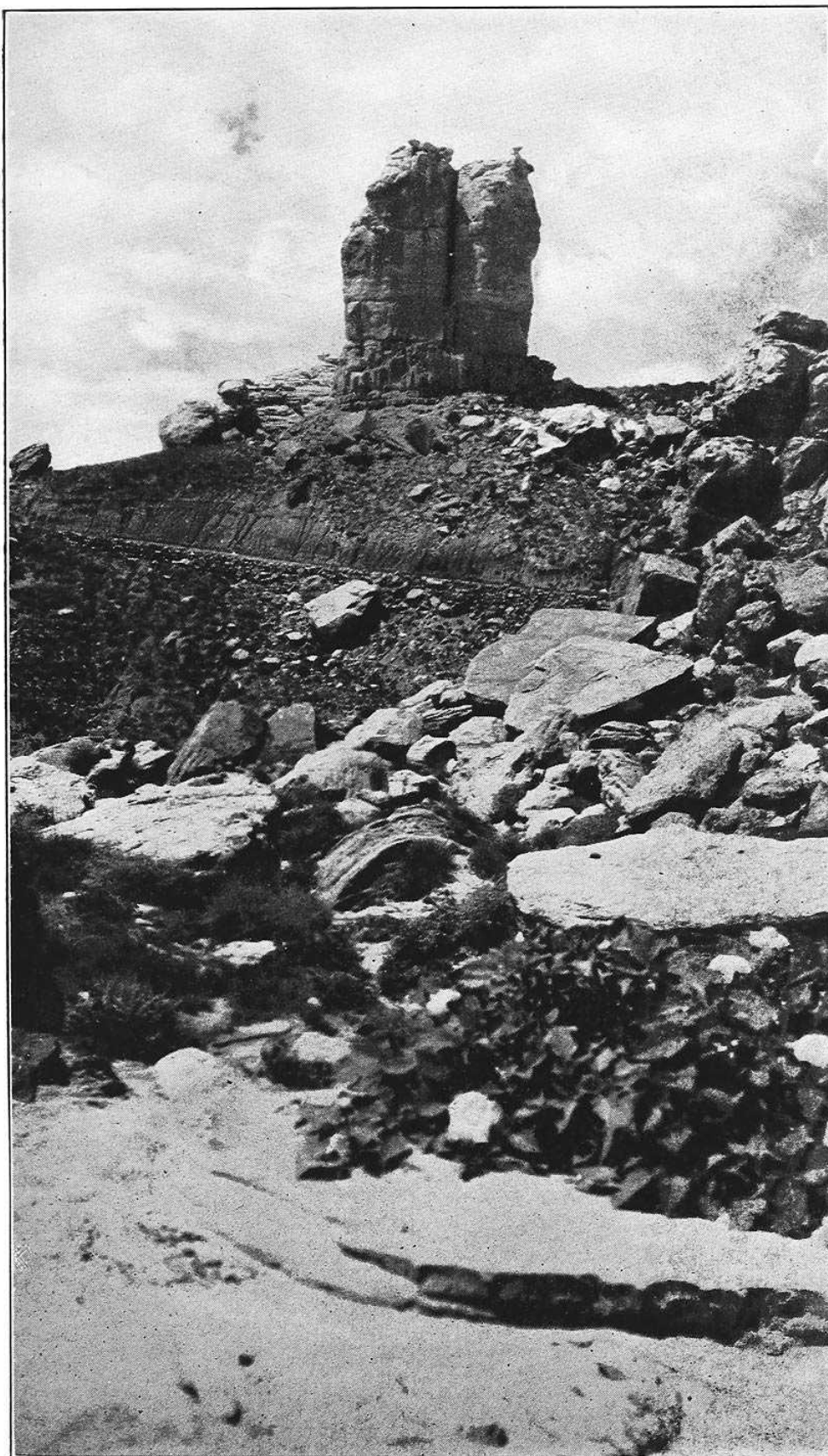
Две тысячи на первой распродаже. Это их подтолкнуло. Ближайшая финансовая акула из всех присутствующих индейцев поспешила на свою песчаную отмель и вернулась с четырьмя сотнями долларов. И Лиминг улыбнулся золотой улыбкой облегчения, когда предъявил свою тысячу, соответствующую первой продаже. [\[237\]](#)

“Томми заставил меня поволноваться”, - признался добродушный директор школы. “Я мог бы встретиться с ним за несколько тысяч, но Том мог продать свое стадо крупного рогатого скота, и я потерял бы касту во всем округе”.

Еще одно свидетельство бережливости и кредитоспособности хопи можно найти в записях о “возмещении расходов”. Примерно в 1914 году правительство разработало план предоставления индейцам денег взаймы через их Агентов для покупки скота, инвентаря, семян, строительных материалов и так далее. Этот план не произвел на меня впечатления, и сегодня Вашингтонский офис хотел бы, чтобы кто-нибудь посоветовал, как взыскать непогашенные суммы возмещения. Достойная благотворительная организация предоставила многим индейцам деньги без процентов и практически без каких-либо гарантий возврата. Например, индейцы мохаве оказались смущены этими подарками и в 1922 году задолжали более 34 000 долларов, после того как бывший суперинтендант перевел им около сорока тысяч. Они были раздавлены долгами на протяжении многих лет. По крайней мере, восемьдесят пять процентов подлежащих возмещению “мохаве” были непогашенными и просроченными, а при удачном стечении обстоятельств по крайней мере двадцать процентов из них были полной потерей.

Всегда осторожный хопи подошел к этому эксперименту осторожно. Он с подозрением относится к грекам, приносящим подарки. Когда он обещает заплатить, он ожидает, что заплатит; и кроме того, я не бросался вперед, обремененный деньгами и щедростью, чтобы влезать в долги. Между 1914 и 1915 годами, когда мои сомнения были опровергнуты командой ничего не видящих клерков, которые теперь жалеют, что у них было чуть меньше энтузиазма, я все-таки перевел индейцам хопи 10 627 долларов. Эти деньги были вложены в повозки, сбрую и домашний скот. В течение четырех лет они выплатили семьдесят пять процентов [\[238\]](#) аванса, а из оставшейся суммы, по оценкам, было потеряно не более 300 долл.

Итак, работа на границе продолжалась. Мы строили школы, жилые кварталы и больницу; боролись с грязью, болезнями и суевериями; улучшали качество скота, продавали его и стирали шерсть; экспериментировали с деревьями и растениями; торговали облигациями, ссужали деньги и вершили суд; проверяли цены торговцев и гарантировали одеяла племени навахо; контролировали Танцы змей, ловили бутлегеров и оскорбляли туристов; тем временем боролись с летними наводнениями, а затем с грязью и зыбучими песками и зимними заносами. Когда дороги были разрушены, мы каким—то образом восстановили их - а затем приготовились восстанавливать их снова.

КУКУРУЗНАЯ СКАЛА: ДРЕВНЕЕ МЕСТО ОБМЕНА ИНДЕЙЦЕВ

Вторая достопримечательность Горной горы, видимая на многие мили через пустыню

Пустыня была оживленным местом. И когда дневной свет померк, я сообщил обо всем в неблагоприятное, часто ворчливое Бюро за две тысячи шестьсот миль отсюда, которое мало что понимало и еще меньше исправляло, задавая бессмысленные вопросы, на которые требовалось отвечать, принимая глупые решения и создавая для работы столько препятствий, сколько могли создать далекое невежество и отсутствие сочувствия.

Однако были и компенсации. Поездки по уступам горной горы и широким пустым долинам давали время на планирование; и каждая экскурсия была приключением. На скорости пять миль в час крепкая команда не требует такой бдительности, как автомобиль на скорости двадцать миль в час. Движение никого не беспокоило. Лишь изредка дорогу преграждало стадо овец, заблудившийся пони или сонная грузовая бригада. Дремотные полуденные часы, наполненные гудящими звуками пустыни, благословенные солнечным светом и чудесной панорамой Империи, могли бы компенсировать многие раздражения на границе.

Иногда открывались перспективы в забытые эпохи. Далеко за нижней равниной, как на краю зеленоватого [\[239\]](#) моря, возвышались те странные очертания, холмы Моки. Я видел их застывшими в бледном небе; снова наполовину потерянными в тумане и вихрях пыльных бурь; и снова в виде дрейфующих холмов, причем один, самый дальний на западе, похожий на плоскоголового Сфинкса, касался облаков; и всегда это были сонные мысы, наполовину затемненные. Но одним ноябрьским днем солнце выжгло зимнее золото, и Пустыня погрузилась в волшебство. Вдоль их береговой линии простиралось спокойное море ярко-синего цвета, этого самого насыщенного цвета фей; и многочисленные вершины казались плоскими на фоне золотистого экрана. Какой-нибудь одинокой галеры, кренящейся под старыми парусами, - вот и все, чего ей не хватало; и я задержался на выступе скалы, чтобы послушать шум прибоя на зачарованных пляжах. Побережье Романтики! Это заманило бы в ловушку греческого странника: —

Моя цель верна

Уплыть за пределы заката и бань

Из всех западных звезд, пока я не умру;

Может статься, что нас смочит в пучину;

Может быть, мы коснемся Счастливых островов.

Вот они, мечтающие, ожидающие запоздалого спора времен: самых далеких Счастливых островов, где — кто знает? — во времена великих вод, когда дно Пустыни было покрыто, какой-нибудь коварный Улисс, возможно, высаживался и слушал песни Цирцеи. [\[240\]](#)

[\[Содержание\]](#)

НАШИ ДРУЗЬЯ, ТУРИСТЫ

Он выразил особый энтузиазм по поводу посещения Китайской стены. Я уловил это на мгновение и сказал, что действительно верю, что пошел бы посмотреть на Китайскую стену, если бы у меня не было детей, заботиться о которых было моим долгом.

“Сэр, поступив таким образом, вы сделали бы то, что имело бы большое значение для возвышения ваших детей. На них отразился бы блеск вашего духа и любознательности. На них всегда будут смотреть как на детей человека, который отправился посетить Китайскую стену”. Босуэллс *Johnson*

Большой каньон в Колорадо когда-то был в сознании белых людей индейской сказкой. Он существует и по сей день. Теперь это знакомая местность. Добраться туда - простое и довольно роскошное путешествие, если у вас есть деньги. Железнодорожная система Санта-Фе избавила вас от всех прежних невзгод и ужасов, связанных с дорогой в пустыню. Враждебные племена, солнце и жажда, которые мучили дона Педро де Товара и дона Гарсию Лопеса де Карденаса в 1540 году, когда им было позволено выяснить, насколько правдивы истории Сиболы, были покорены инженерами и паром. Поиски Коронадо городов-сокровищ и сказочных рудников, Куивирь закончились усталостью, неудачей, разочарованием, а его послужной список остался в неизвестности. Карденас осмотрел Гран-Каньон, в то время как Товар нашел то, что должно вызвать симпатию к его имени у вездесущих туристов. Он обнаружил индейцев хопи под их зубчатыми скалами. Теперь — если бы Товар увидел Танец Змей! Хотя он прибыл в августе, в этом ему было отказано. [\[241\]](#)

Таким образом, Китайская стена была построена в Америке почти четыре столетия назад, и благодаря “духу и любопытству” мужчин и женщин в брюках туристы ищут ее и сегодня. Когда все кланы вернутся в Подземный мир, оставив свою образованную молодежь джазу и евангелистам, стена отступит на север, к безмолвным пещерным городам и памятникам на границе Юты, к Бетатакину, Китсиэлу и Дому Надписей. Когда станция технического обслуживания осквернит прекрасную Лагуну Каньон - Тсеги, стена даст последний отпор Радужному мосту — Нунашоше - этой великой арке торжествующих богов пустыни.

Туристы! Возраст их не убивает. Я помню очень старую даму, путешествовавшую в одиночестве. В одиночестве она прибыла на почтовую станцию, одержимая миссией, совсем как лама Кима. Осмотрев сто миль пустынных красот из почтового вагона, она немного поспала, а затем разбудила меня в воскресенье утром, довольно рано, решительными криками. Думая, что кто-то был ранен, я чуть не поприветствовал ее в пижаме, узнав, что ее поиски должны быть продолжены и что для этого нужен автомобиль или другое средство передвижения. Я направил ее к местному торговцу, который тоже допоздна спал по воскресеньям, и он сонно передал ее Эду. Эд рассказал мне об этом позже. Он сказал, что “возил” ее примерно на шестьдесят миль дальше, туда-сюда, вокруг утесов Моки и по окрашенным долинам. Она не ответила ему ни единым хрипом интереса. И когда он окончательно выбился из сил, дав газу “почти полностью”, и час был достаточно поздний, чтобы предложить вернуться на пост, она остановила его: —

“Так вот, дружище, я видел это, и это действительно очень красиво; но ... я пришел посмотреть на Нарисованную Пустыню”.

“И мы топтали его весь день!” - сказал Эд.

И их любопытство не угасает. Я вспоминаю вечеринку, которая [242] пришла к нам однажды вечером, как раз в сумерках. Они соорудили палатки и растянули вокруг них фетиш в виде волосяной веревки, хотя ни одна змея не осмелилась бы приблизиться к этому лагерю из-за множества сусликов. Их повар стукнул сковородкой, и они пришли и “забрали это”.

Почтовый дилижанс прибыл в конце того сезона, и моя разношерстная коллекция писем, газет и книг отовсюду была свалена в личном кабинете трейдера, который одновременно являлся офисом, художественной галереей и местом отдыха агента. У открытого огня я бы разобрал эту почту и превратил ее в пепел. Но этой ночью “чуваки” заполнили комнату и спорили из-за груды одеял индейцев навахо. Один пожилой член партии приставал ко мне с назойливыми вопросами.

“Это хорошее одеяло — стоит сорок долларов?” - спросил он.

“ Неплохо. Можете положиться на цены мистера Хаббелла.

- Я бы предпочел иметь дело непосредственно с туземцами.

Могу ли я посоветовать вам не делать этого? Торговец регулируется, индеец - нет. Многие люди лишились глазных зубов из-за сделки с навахо по продаже ковров. Кроме того, у вас нет от них никаких гарантий. Это одеяло гарантировано”.

- И кем же?

- Мной, как Агентом.

“ Но хопи, — или это моки?— они другие. Один из них предложил продать мне церемониальный алтарь в Ораибии.

- Извините, сэр, но вы не смогли его купить.

- Кто бы стал возражать?

- Я бы сделал это как Агент.

— И эта доисторическая керамика, которую я видел...

“ Индейцы извлекли его из могил. Он не может быть продан или вывезен из штата”. [243]

- Кто отдал этот приказ?

“Когда Офис забыл об этом, я сделал это из-за этого Бронирования”.

“Ах, да, вы здешний агент. Итак, каковы ваши полномочия?”

- Ну, можно сказать, надзор за всем.

— Это ваша почта - ваша официальная почта?

- Да, сэр.

- У вас много обязанностей?

- Довольно много.

“Какая у вас зарплата?”

Я уронил письмо Департамента, которое пытался расшифровать между вопросами, спокойно поднялся и отвел пожилого джентльмена в сторону.

“ Это, ” сказал я шепотом, “ государственная тайна. Существует соглашение между Военным министерством и Министерством внутренних дел, заключенное сразу после Договора с навахо 1868 года и одобренное всеми президентами, начиная с Эндрю Джонсона, о том, что ни один индейский агент страны навахо никогда не должен разглашать точный размер своего вознаграждения. Он может, по своему усмотрению, уменьшить сумму, говоря об этом; но он не может под страхом сурового наказания назвать истинные цифры. Это может подтолкнуть туземца к бунту. Вы понимаете мое положение?”

“Естественно”, - сказал он. Он вытер лоб. Он был просто подавлен. И больше он меня не беспокоил.

Но господа. Знаменитый ответ Вебера и Филдса был бы более уместен. “Мне стыдно вам говорить”.

А в начале августа в Агентство приходят письма. Запросов много и они разнообразны.

“Пожалуйста, сообщите дату Танца Змей”.

“Вы пришлете мне разрешение на поездку в Оскалузу, Мичиган?” [\[244\]](#)

“Пришлите мне по почте разрешение на поездку в Эль Товар, Гран-Каньон, где я встречу со своей женой и узнаю, захочет ли она приехать”.

“Разрешены ли движущиеся изображения, и если нет, то почему?”

“Какие цены в отелях хопи?”

“Хорошо ли ходить с зонтиком по пустыне?”

“Женщина-хопи продала мне буханку хлеба в 1895 году. Я хочу немного этого хлеба в эту поездку”.

- Пожалуйста, зарезервируйте мне комнату и ванную; я приеду восемнадцатого.

На все эти вопросы следует ответить, что дата проведения танцев будет сообщена прессе, как только станет известна; что разрешения выдаются по прибытии лица, получившего

разрешение; что отелей нет; что Агент ничего не может забронировать; что туристы должны обеспечить себя походным снаряжением и прийти готовыми к дождю. Разве Танец Змеи не вызывает дождь? Гремит гром, и дождевые тучи зловеще опускаются, если дождя нет. Можно быть уверенным, что через две недели Змеиногo Танца будет обливание водой; и часто это происходит так скоро после этого, что возникает вопрос, как жрецы справляются с этим. В 1911 году гроза разразилась как раз в конце церемонии. Она разразилась прямо надо мной, когда я взгромоздился на вершину скалы Данс Плаза. Это отличное место для беспрепятственного просмотра всего шоу, но у него есть огромный — и непредвиденный мной — недостаток, заключающийся в том, что кто-то может захотеть спуститься в определенный момент, как это сделал я. И в этот момент коллекция змей племени, десятки змей, шипящих, извивающихся, запутавшихся, были брошены в круг для священной трапезы прямо под моими болтающимися ногами. Я не стал спускаться. Я сидел там под дождем и промок насквозь.

Дождевик или промасленная куртка, какие носят рыбаки, является важной частью снаряжения в пустыне. Он невелик, может оказаться полезным при закрытии капота двигателя [245] при разборке затопленных моек, и он, безусловно, защитит своего владельца после молитвы хопи о дожде. Привозите их из железнодорожных городов, потому что, пока торговцы из пустыни перевозят их, спрос часто бывает настолько велик, что запасы истощаются. Как и пистолет техасца, он может и не понадобиться, но если понадобится, он будет “чертовски нужен”.

Также Агенту приходит телеграмма от Комиссара: НАДЕЮСЬ, ВЫ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТЕ ДЛЯ ПООЩРЕНИЯ ТАНЦА ЗМЕЙ хопи— только это. Реклама или зловещие статьи в прессе уже объявили дату в Вашингтоне. Сонное Бюро, которое так часто считает нецелесообразным отправлять правосудие, пробуждается и отправляет телеграмму за три тысячи миль. Никогда не будет сказано, что радости дикаря должны вызывать сочувственное понимание. Ни в коем случае не позволяйте им быть счастливыми по-своему. Научите их быть счастливыми по-нашему. Поощряйте тот широкий дух благотворительности, к которому мы призываем жителей Канзаса, сдавая экзамены на государственную службу. Но делайте это, не задевая чувств местных жителей. Никогда не действуйте так, чтобы вызвать антагонизм или даже рисковать им. “Не делайте ничего, чтобы поощрять Танец Змей”, но помните, если у вас возникнет желание воспрепятствовать этому, что мы не предписывали вам ничего делать. Мы просто выразили надежду, что вы успешно ничего не будете делать.

А Агент, кем бы он ни был, только что закончил разбираться с последним из своих счетов за финансовый год, закрывшись тридцатого июня и потребовав на сборы весь июль. Он подписал 7863 документа разных цветов и символов, и все они объясняют его честность. Он выполнил тысячу вычислений, составляющих статистический раздел его Годового отчета, длинные ряды цифр, дающих точную стоимость каждого корыта для мытья, подтверждающих высоту и долготу всего, начиная с количества овец, которых индейцы [246] съедают за год и почему, до количества гвоздей, используемых для крепления линолеума к полу в его кухне. Он недавно освободился от бессильных фраз своего повествовательного отчета, обязательного сочинения прошлых бед и будущих горестей, которому суждено заполнить восточную ячейку. Эти вещи - фетиши, похитители времени и разрушители эффективности, которым Бюро поклоняется как документальной причине

своего существования. Как и предисловия, они, как мы надеемся, подготовлены, но редко читаются и уж точно никогда не претворяются в жизнь.

Агент задержится достаточно надолго, чтобы подписать разрешение — цветной листок бумаги, на котором напечатаны правила местного значения. Прочтите их, потому что у него не будет времени читать их вам. Он приказал напечатать их с определенной целью — чтобы избавить его от объяснений.

Если Средство покажется вам немного едким на вкус, наберитесь терпения. Возможно, он только что сделал ряд исключений из своих прошлогодних отчетов, неоднократно упрекая его в разумном ведении дел правительства, в то время как отсутствие информации было бы намного дешевле и получило одобрение. Или он, возможно, получил один из тех ведомственных вопросников, составленных на основе экономических счетов и торжественно предлагающих что-то вроде этого: -

Отмечено, что вы добываете уголь и запрашиваете 3000 долларов в год на оплату труда шахтеров. Это кажется невероятным. Управление было проинформировано из надежных источников о том, что превосходный каменный уголь можно приобрести по цене пять долларов за тонну в г. о.б. Гэллап, Нью-Мексико. Не было бы целесообразно приобретать топливо в Gallup? Вам поручено получить заявки от вашей станции и передать их в Офис для рассмотрения и сравнения с вашими затратами на майнинг.

[\[247\]](#)

“Да”, - вы поражаетесь, услышав его комментарий вслух. - “Продвинутый класс по идиотизму сейчас продекламирует. Требуется: 2000 тонн угля, который сейчас добывается в радиусе двух миль от бункеров по цене 1,50 доллара за тонну. Разве не было бы эффективным, чтобы не сказать превосходным и отвратительным, совершить покупку в Гэллапе, погрузить в вагоны сто миль до Холбрука, а оттуда проехать восемьдесят миль в фургонах по одному центу за фунт провозной платы? Общая стоимость - 27,00 долларов за доставленную тонну, плюс потери при обработке и провисание. Спросите меня?”

Но на этот бессмысленный вопрос, подписанный комиссаром, не читая, когда он говорил о ноябрьских выборах с конгрессменом Грампусом, необходимо ответить. Запись должна быть зафиксирована в хранилище файлов. Агент, в конце концов, откажется от индейцев, у которых есть реальное дело, требующее его внимания, пренебрежет другими обязанностями, в то время как он кропотливо составляет исчерпывающий ответ, подсчитывая стоимость с точностью до пяти знаков после запятой и доказывая, что 1,50 доллара за тонну под контролем дешевле, чем 27,00 доллара за тонну в дороге. Он рекомендует — конечно, с уважением, — чтобы ему разрешили продолжать добычу угля, данного Богом индейцам, до тех пор, пока месторождение не будет передано в аренду синдикату; а затем, с истинной официальной лояльностью к тем, кто организует аренду, покупать у синдиката, поддерживая таким образом идеальный паритет между белыми, которым нужны деньги, и индейцами, которым уголь не нужен.

Прежде чем сурово осудить этого пустынного пессимиста, немного подумайте. Его сочтут достаточно образованным, чтобы выдать вам разрешение. Долгими зимними ночами у него есть время для чтения и размышлений. Невежество Пустыни постепенно исчезает раньше

образования; но никто не создал грамматическую школу для помощи тем, кого *вы* размещаете в Вашингтоне.

Помогли бы занятия по простой географии и цифрам. [\[248\]](#)

С каждым сезоном все больше и больше людей приходят посмотреть на молитву о дожде. Не все незнакомы. Многие навахо приезжают сюда с горных хребтов, на время забыв о племенных различиях, точно так же, как они посещают праздники индейцев пуэбло в Нью-Мексико; и хопи не менее гостеприимны в отношении еды и фруктов в это праздничное время. Многие белые гости повторяют это из года в год. Рядом с нашими друзьями-трейдерами, Хаббеллами, отцом и сыном, которые, несомненно, являются рекордсменами по регулярному посещению, есть инженер Индийской службы, который видел больше Танцев со Змеями, чем любой другой серьезно занимающийся человек. Мой собственный послужной список не является незначительным. Но этот класс находится дома, в деревне, и это оправдывают бизнес, обязанности или дружба.

Это та прогулка, которая нравится истинным сынам Аризоны. Карл Хейден из Конгресса одним глазом следит за Танцем змей, а другим прислушивается к условиям жизни хопи. Губернаторов Ханта и Кэмпбелла неоднократно находили там, и губернатор Хант стремился сохранить этот факт в фотографиях для Капитолия штата в Финиксе и музея Аризонского университета в Тусоне. В лице этих людей хопи обрели хороших друзей, и по крайней мере один мунгви нашел в них понимание Пустыни и ее специфических условий.

В Walpi есть все необходимое для проведения театральной церемонии. Рузвельт писал об этом: "Во всей Америке нет более поразительно живописного зрелища".

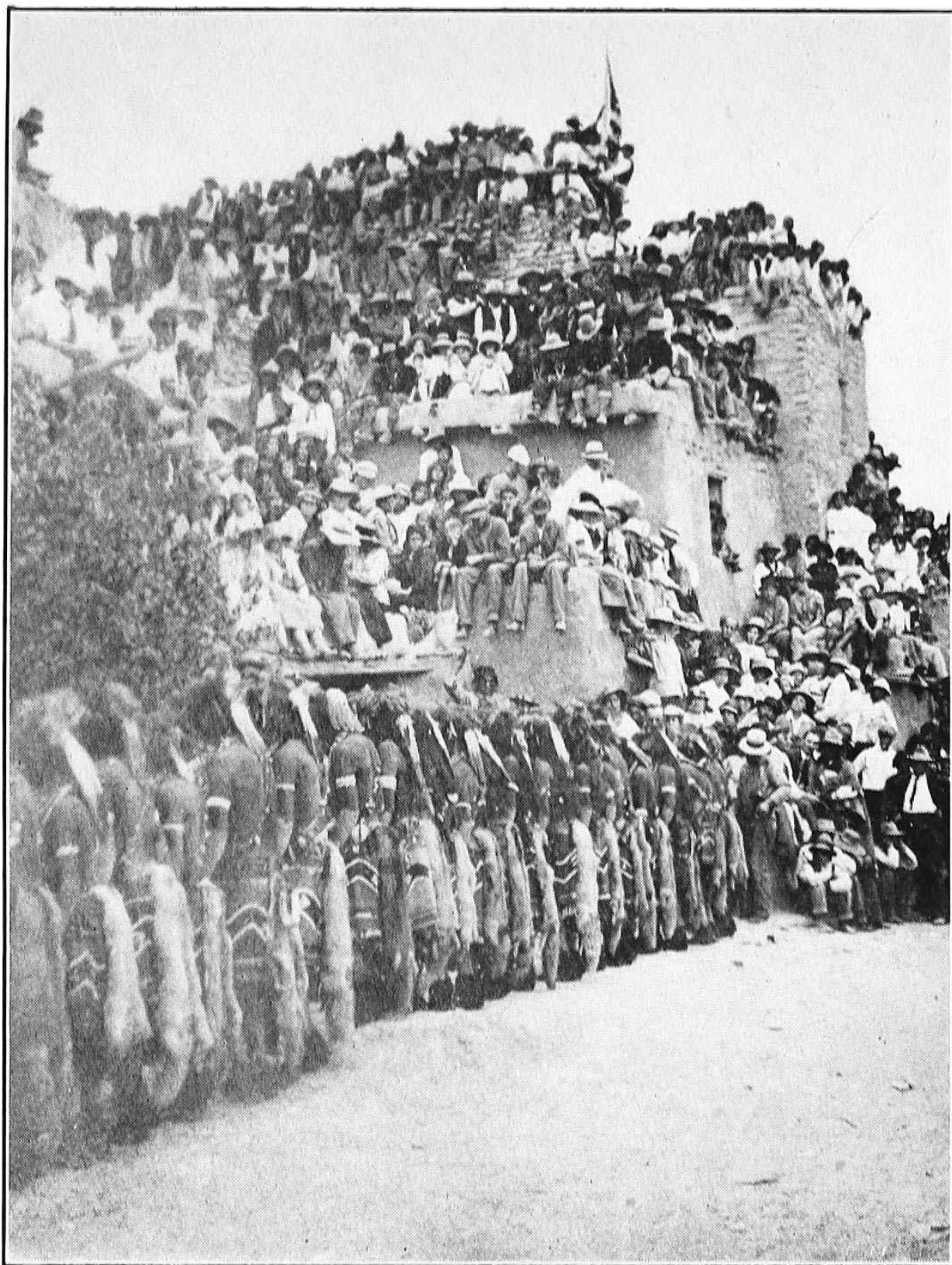
Местом проведения танцев является узкая полочка на самом краю плато. Дома местных жителей, расположенные ярус за ярусом, с террасами в виде маленьких балконов, образуют спуск. Проходящий через эти дома туннель, ведущий с уступа, выходит на другую улицу. Уступ является просто продолжением скальной дороги, которая огибает окраину деревни, [\[249\]](#) нависая над широкой Первой долиной Меса. С этого края начинается отвесный спуск, по меньшей мере на шестьдесят футов, к грудам битого камня и занесенного песка, которые поддерживают плато и уходят еще на сотни футов вглубь садов. На каждом конце этого выступа находится подземная кива, отмеченная выступающими столбами-лестницами. На одном конце маленькой площади, между домами и пропастью, кажется, балансирует причудливо разрушенная скала. Эта скала существовала до того, как Уолпи был приспособлен для целей обороны. Вероятно, именно из-за этого уродца место было выбрано для проведения обрядов племени.

Площадка, доступная зрителям и танцорам, имеет размеры около девяноста футов в длину и не более тридцати в ширину. На этой приблизительно тысяче семистах квадратных футах должно быть около сорока индийских актеров и большой процент толпы, не говоря уже о змеях, наиболее важной и активной части собрания, среди которых много гремучих змеев. Это все равно что устраивать нервный балет на карнизе Вулворт-билдинг, зная, что по сигналу пятьдесят мышей будут выпущены на свободу.

Самые мудрые из посетителей ищут места на балконах и крышах домов, но не все они могут там разместиться. Многие вынуждены, если они хотят что-нибудь увидеть, стоять на

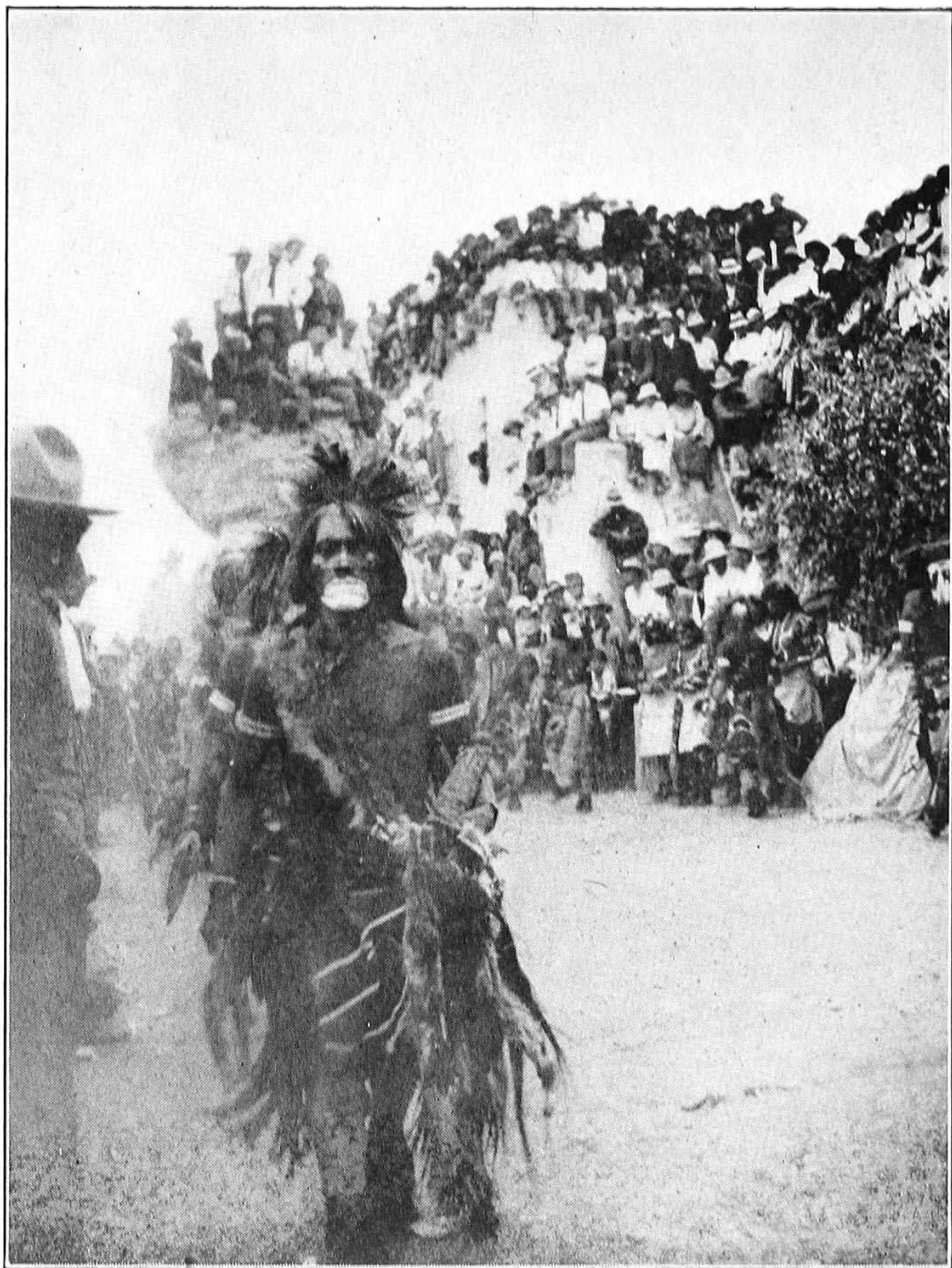
карнизе вместе с танцующими. Плотные группы толпятся на каждом конце площади и вдоль стен домов, а мужчины и мальчики, белые и красные, стоят вчетвером по внешнему краю, лицом к змеям, а за их спинами - смертельный обрыв. Турист, который колебался бы, стоит ли охотиться на гремучую змею в кустах, в это время разовьет в себе смелость, превосходящую всякое понимание.

Когда я впервые заметил возможность — вероятность — несчастного случая на этом неохраемом краю плато, я предложил протянуть вдоль него прочную веревку в качестве некоторой меры предосторожности [\[250\]](#); и я позвал старого человека-Змею, чтобы сообщить ему о ее назначении. Веревка там вполне могла противоречить традициям, а я был новичком в игре в надзор. Из кивы вышла обнаженная фигура и встала передо мной на виду у толпы. Переводчик объяснил мой план.

ОТКРЫТИЕ ТАНЦА ЗМЕЙ ВАЛЬПИ

Жрецы антилопы выстроились в очередь у киси

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПОЯВЛЕНИЕ ЗМЕИНЫХ ЖРЕЦОВ В УОЛПИ

“Я понимаю, - сказал старик, кивая. - эти люди - твои друзья, и ты не хочешь, чтобы им причинили вред”.

Теперь я не хотел ручаться за всех присутствующих и поэтому поправил его.

“Нет, они не мои друзья — не все; это люди, которые путешествуют по стране и приходят посмотреть на твой танец”.

— Разве ты не посылал им письма - не писал им, чтобы они приезжали?

“Нет”.

“Что ж, ” заключил он, “ я за ними не посылал. Они мне не друзья. И вы говорите, что они не друзья вам. Почему нас это должно волновать? Пусть они отвалятся”.

Но, несмотря на его безразличие, каждый год я натягивал там веревку и заставлял смельчаков стоять за ней. Это также мешало им теснить танцоров, что индейцы ценили; потому что, когда человек жонглирует разъяренной змеей, он не жаждет тесной компании, и я видел, как разъяренный танцор ударил туриста по лицу, используя живую змею в качестве хлыста.

Когда-нибудь разрушение стропил дома или шквал паники на краю горной горы могут стать завершающим аккордом этой церемонии. “Пусть они отвалятся” все же может звучать мрачно.

Индейцы проводят обряды торжественно и благоговейно. Это не шоу в будке жонглера, где над тобой смеются. Но когда одна из ядовитых [\[251\]](#) змей сворачивается кольцом, шипит, гремит и наносит удары, как раз в тот момент, когда, казалось бы, зрители должны напрячься сильнее, именно тогда раздаются насмешки и возникает настоящий бедлам бездумного веселья. Если бы посетителей было меньше, как на второстепенных церемониях, их бы порицали; но хопи - терпеливый народ, и они никогда не настаивали, чтобы эти незнакомцы вели себя прилично; они только ожидали, что посетитель останется на своем месте и не попытается присоединиться к танцу, что некоторые дикие белые, включая нескольких диких женщин, с готовностью делают. Теперь вы видите всю точку зрения старого священника.

Каждый турист берет с собой одно из тех устройств, которые продает мистер Истман. На многих церемониях, особенно на Танце с флейтой, хопи запрещают снимать с камер, и я добился, чтобы их ограничение соблюдалось. Но когда я предложил увеличить доходы племени, взимая налог с каждого посетителя в размере доллара за право снимать, клан счел это выгодным бизнесом и попросил меня организовать это. Я приготовил метки для камер наблюдения, а тропы, ведущие на вершину, охранялись полицией. Каждого полицейского сопровождал представитель клана, который продавал бирки и нес мешок с деньгами, чтобы обменять что-нибудь вплоть до пятидесятидолларовой банкноты. Обычно двадцатки протягивались вперед, и сразу же девятнадцать жестких, громоздких тележных колес оказывались на коленях у осторожного туриста. Это приводило в замешательство тех, кто искал такую форму уклонения. Время от времени приходил тот, кто требовал решения Верховного суда против этого безобразия, неизменно повторяя, что он налогоплательщик,

и часто добавляя, что он знал Уилсона или кого-то еще, кто занимал место главного судьи. Но сборщика поддерживал невозмутимый индийский полицейский, который не платил налогов и который не знал Уилсона. Полицейский знал Мунгви [\[252\]](#) только того, кто был готов "поддержать", как выразился офицер. Либо платите "уна песо", "шу-каше-ва", "татли ибесо" или "один железный человек" на испанском, хопи, навахо или американском, на любом языке, на котором вам удобнее, либо сдайте этот черный ящик дьявола, в котором может быть заключен дух человека.

Один доллар! И все же было много тех, кто пытался ускользнуть и натравливал на себя неприятности; были и такие, кто наотрез отказывался платить и отдавал свои кодаки; был даже один, кто пытался украсть киноплёнку, за которым охотились ночью в черной пустыне, поймали рано утром, надели наручники, поместили в гараж Агентства и конфисковали его драгоценную пластинку для дяди Сэмюэля, который по сей день хранит ее в Вашингтоне. Этот хитрый представитель известной службы новостей рассказал в журнале о своем мучительном опыте, отдавая мне должное как своему бывшему ведущему. У меня нет места для анализа его неточностей. Достаточно сказать, что он стоил ночного отдыха одному очень уставшему и измученному мунгви и двум прожженным рейнджерам. Он должен был знать, что за каждым следом, ведущим к железной дороге, следили, и его точно так же арестовали бы и конфисковали его снаряжение, если бы он сбежал в Мекку Лос-Анджелеса, этот город ветров, в котором он работал. Юрисдикция Индийского агента распространялась там, или, если уж на то пошло, где угодно, в связи с заговором, затрагивающим его подопечных.

В полночь состоялось совещание с приезжим чиновником, исполнявшим тогда обязанности комиссара, который, окруженный одиночеством и пустой стерильностью, не имея в своем распоряжении Юридической коллегии, казался сбитым с толку. На этот раз отсрочку нельзя было запросить по почте. Не было никого, кто мог бы получить деньги. Над приказом департамента смеялись. Несмотря на возможность насмешек, приезжий мандарин [\[253\]](#) опасался, что я могу нарушить нежные традиции и повлиять на несколько голосов в Южной Калифорнии.

"Я могу справиться с ним в резервации", - сказал я, стремясь поскорее уйти. "Что я хочу знать, и все, что я хочу знать, это разрешаете ли вы мне последовать за ним на Побережье?"

Исполняющий обязанности комиссара поежился в своей пижаме. На этих высотах холодно даже августовскими ночами; и когда человек стоит босиком, знаете ли, и у него требуют ордер — он, поколебавшись, сел не на ту скамью, потому что сказал: "Спросите об этом Шелтона".

Итак, Шелтон был самым решительным индийским агентом, который когда-либо пользовался властью в безлюдной пустыне. Он и дюжина других агентов были среди моих гостей. Это был тот самый человек с лицом из отколотого гранита, которого я давным-давно встретил в Офисе, и чей язык подвел, когда он попытался описать утонченную красоту своих владений. Рузвельт назвал его одним из лучших агентов на Службе, "который сделал для навахо больше, чем любой другой живой человек". Он дисциплинировал преступный элемент среди индейцев и защищал их всех, хороших и плохих, от эксплуатации. Его агентство было прекрасным садом, вырванным из бесплодной необъятности, где Пустыня

цвела, как роза. Шелтона больше нет. По нему скучают только индейцы. Его место в великой пустыне не занято. Есть нахтахни и нахтахни. И я осмелюсь сказать, что похвала Теодора Рузвельта плюс несколько написанных мною слов - это все, что свидетельствует о многих годах, проведенных Шелтоном в этой империи реки Сан-Хуан, где Корабль-Скала поднимает свои огромные каменные паруса против ветров пустыни.

Шелтон перекатился и сел на край кровати. Он прислушался.

“ Как далеко до вашей линии? - спросил он.

“ Я думаю, он прошел девять миль по дороге. Он [\[254\]](#) давным-давно пересек границу, если только Джедито не бежит и не остановил его ”.

“ Я тебе нужен? - спросил он. Он был не из тех, кто бросает слова на ветер.

“ Нет. Но есть ранний поезд на запад. Возможно, его нет в резервации. Что бы ты сделал?

“ Приведите его, ” сказал Шелтон и вернулся в постель.

Ибо было приказано, чтобы ни один кинофильм о Танце змей хопи не снимался без разрешения министра внутренних дел; и далее было постановлено, что такое разрешение должно выдаваться только представителям государственных и национальных музеев. Губернатор Аризоны уважил этот приказ. Комиссар отказался просить о каких-либо изменениях в нем. Поэтому мне не терпелось найти человека, который проскользнул тайком, обманным путем получил разрешение на бронирование, был предупрежден о том, чтобы не работать, который предложил контракт, требующий одобрения Секретаря, и который нарушил свое слово.

Всю неделю я был, так сказать, начеку. Две тысячи туристов, шестьдесят официальных гостей, включая дюжину наблюдающих индийских агентов, полковника и всех остальных, вызвали у меня легкое раздражение. Танец закончился; шум и крики стихли, капитаны и короли разошлись. И наглый чудак-оператор с ценной пленкой тоже. Слишком много значит достаточно.

Мы поймали его. Он никогда этого не забудет.

Из-за этого неприятного происшествия и диких воплей оскорбленного самолюбия, услышанных в Вашингтоне, Комиссар пришел в раздражение. Он издал сокрушительный приказ о том, что после этого не должны допускаться никакие фотографии - неподвижные, анимированные или не в фокусе. Таким образом, по сей день все невинные [\[255\]](#) ограничены, и ответственный чиновник пожинает плоды критики. Он должен найти и проверить камеры в день Танца Змей - ужасная процедура, из-за которой он спорит почти со всеми. Это необходимо сделать, потому что нескольким туристам нельзя доверять выполнение приказа. Очень глупый заказ. Почти все были счастливы, когда он смог получить рулон пленки для семейного альбома и за плату в один доллар. Турист теряет свой шанс посоревноваться с Эдвардом Кертисом, а индейцы теряют деньги на угощение.

В чем причина такого приказа против фильмов? Что ж, не годится раздувать на протяжении всей администрации, что все наши индейцы одомашнены, приручены и регулярно поют

“Вперед, христианские солдаты”, а затем каждый сентябрь в каждом кинотеатре демонстрировать захватывающее дух видение. Некоторые из самых кротких хопи являются членами Змеиного клана и мирно живут в Уолпи; но они ревностно разыгрывают свои роли в театрализованном представлении раз в два года; и видеть этих парней, жестоко раскрашенных, одетых в дикарские одежды, со змеями во рту — да, во рту; а две или три активные змеи могут соткать отвратительную маску для раскрашенного лица...

Я не могу представить себе более ужасного крупного плана, чем изображение Змеиного Жреца, приближающегося к человеку с горящими глазами, выкрашенными в черный цвет щеками и подбородком, огромным белым мазком во рту, и змеями, некоторые с погремушками, ползающими вокруг его ушей, в волосах, на лице и шее. Это никогда не годилось бы для общего потребления. Публика восприняла бы такую наглядную новость как доказательство того, что в континентальных Соединенных Штатах живут дикари, очень похожие на тех, кто бил в устрашающие барабаны в *"Сердце тьмы"* Конрада. [\[256\]](#)

Туристы! Я помню случаи Танца змей Ораиб. В Ораиб ограничено водоснабжение. Собравшаяся толпа выпила из колодца торговца досуха, и тогда перед ней встал выбор между источником на горе, антисанитарным источником, и водовозкой дневной школы. Эта повозка совершала поездку за поездкой к отдаленному колодцу, лошади тащились по тяжелому песку; и так же быстро, как она прибывала, туристы опустошали ее. Драгоценная вода! Но мне пришлось назначить охранника, чтобы они не оставляли кран включенным. Поскольку мой сотрудник возражал против того, чтобы несколько человек тратили воду впустую, о нем сообщили в Вашингтон как о негодяе, отказавшемся выпить страдающему путешественнику в горячей и негостеприимной пустыне!

Затем пришел индеец, который пожаловался, что они отбирают у него дрова. Индейцам в Ораиб приходится таскать свои дрова на расстояние от десяти до двенадцати миль. После того как человек привез свой зимний запас, он становится довольно раздраженным, видя, как другой человек разъезжает в автомобиле и спокойно сжигает его.

- Возвращайся к ним, друг мой, - сказал я, - и вежливо попроси плату.

“Я сделал это первым, но они сказали мне убираться”.

Я приказал полицейскому пойти с индейцем, и полицейский вернулся, чтобы сообщить, что его встретили — чтобы не сказать оскорбили — словами. После чего полицейский удалился во второй раз, очевидно, довольный своей миссией, и эффективно привел очень сердитого джентльмена. Заявитель тоже последовал за ним.

- Этот индеец утверждает, что вы сожгли его дрова.

- Да, мы использовали кое-что из этого.

- Ему придется проделать долгий путь за этим деревом.

- Ну и что из этого? - спросил я.

“Я понимаю, что он потребовал оплаты. Я плачу шесть долларов за веревку за дрова, доставляемые этими индейцами”. [\[257\]](#)

— Да, он действительно потребовал плату...

“ Сколько? - Спросил я, думая, что индеец, возможно, перегнул палку.

- Сегодня рано утром он пришел и потребовал пятьдесят центов.

- Очень разумная плата, вы не находите?

“Разумно! Мы прошли семьдесят пять миль по этой бесплодной пустыне, и нам отказали в дровах! И это ты называешь гостеприимством? Вы учите индийцев так относиться к обществу, которое их поддерживает? Тонкое чувство вежливости!”

Выслушав этот ответ, джентльмен отвернулся, чтобы дать понять, что беседа окончена, но в дверях случайно оказался полицейский.

“Кто просил вас приходить в эту пустыню? Этот индеец вас не приглашал. Вы прибыли без предупреждения или повестки. Он не обязан обеспечивать ваш комфорт. И вы не поддерживаете этих индейцев. Они обеспечивают себя сами. Они платят правительству за все, что получают, кроме образования своих детей; и я готов поспорить, что ваши собственные дети посещают государственную школу. Предположим, этот индеец приехал в ваш город, без спроса разбил лагерь во дворе вашего дома и собрал у вас дрова для костра. Вы бы назвали его бродягой, и он, скорее всего, получил бы приговор мирового судьи. Заплатите ему доллар ”.

- Я ему ничего не заплачу.

“Один доллар, или я покажу вам линию”.

Доллар был уплачен.

Туристы! Они все такие? Исходя из длительного опыта пребывания в Индии, я отвечаю, что очень большой процент из них именно такие. За пределами резерваций они составляют основную массу бездумных сентименталистов, [\[258\]](#)проповедующих крестовый поход в пользу недовольных индейцев, настраивающих их против настоящих друзей и достойных соплеменников, устраивающих шумиху, а часто и адскую драку из непродуманных обвинений. Недавно группа из них обнаружила "религиозную свободу" среди опасных варваров из некоторых отсталых пуэбло в Нью-Мексико. Знания опытных людей, взгляды священников и служителей церкви, письменные показания очевидцев, свидетельства индейцев, вышедших из сумеречной зоны и принявших как образование, так и христианство, - все это ничего не дало против тех, кто хотел продемонстрировать, что касику пуэбло, отстаивающему фаллическую доктрину, было отказано в его "религиозном праве" поработать и унижать беспомощных членов своей общины. Ужасное знамя, которое должны поднять друзья пуэбло.

Чья вина?— Вашингтонская. Вашингтон знал об этом позоре и не обращал внимания на него более десяти лет.

Позвольте мне сообщить вам, что в Соединенных Штатах есть индейцы, такие же невежественные и порочные, как те, кто бьет в барабаны в *Сердце Тьмы*. Я руководил ими. Я

проводил ночи в их деревнях. На мне лежала обязанность сдерживать их. Я видел результаты их злонамеренных действий. Я доставил в больницу несчастных, с которыми они жестоко обращались. Я арестовал и привлек к ответственности некоторых виновных. Я защитил нескольких из тех, кому они угрожали, но не всех, потому что я эксгумировал их трупы.

Но ни на секунду не думайте, что мне было *поручено* обуздать эти злобные кланы Нью-Мексико. С моей индейской полицией из других, более свободных пуэбло, с решительными сотрудниками, как белыми, так и мексиканскими, и однажды при поддержке отряда маршалов Соединенных Штатов мне посчастливилось выйти сухим из воды. Соединенные Штаты [\[259\]](#) Суд, пресса и все общество одобрили мои действия и пожелали мне большей власти как Агенту. Устанавливалось уважение к закону. Устранялся один новый мексиканский позор.

Но вот! это стало позором для Востока. Даже в качестве нахтахниса те, кто находится в верховном командовании, меняются и становятся другими. Представьте, что вам скажут, что усилия по установлению контроля должны быть прекращены, поскольку правительство сочтет нецелесообразным оказывать поддержку! Какое это имело значение, если мужчина был повешен почти до смерти, или женщина подвергалась пыткам со стороны касиков, заявляющих о “свободе вероисповедания”? Что касается растленных детей — кто посмел нарушить древние индийские обычаи? [\[260\]](#)

[\[Содержание\]](#)

XX

ЦЕРЕМОНИЯ ВЕЛИКОГО ЗМЕЯ

“Продолжайте танцевать! Пусть радость будет безграничной!”

Х. Л. МЕНКЕН

Церемония Танца змей начинается за много дней до публичного завершения, которое видит турист. Дату танца объявляет глашатай пуэбло с крыш домов. Жрецы кланов Антилопы и Змеи отправляются в свои соответствующие киви, где под звуки песнопений и экзорцизма осматривают гардероб и готовят все необходимые инструменты и священное снаряжение. Каждый день исполняется определенное количество песен в соответствии со строгим ритуалом. Именно в это время проходят инициацию новые члены, с помощью отвратительных обрядов или без них - решать тем, кто знает.

Затем начинается охота на змей, занимающая четыре дня, каждый день в разных точках компаса - на севере, западе, юге и востоке. Можно было бы подумать, что у змей есть постоянные и уважаемые соседи, настолько охотно охотятся на них охотники; и одна чудовищная змея-бык, полных семи футов длиной и пропорционально толстая, должна быть обучена приверженцами Второй Месы, поскольку она всегда занимает центр сцены в Мачонгнови. Очень вероятно, что змеи живут для участия во многих танцах.

Эта легкость в добывании змей побудила меня спросить молодого хопи, где они находятся.

“По следу”, - ответил он, указывая на пыльный песок у наших ног. “Смотрите! вот змеиный след. Мы можем проследить за ним до дома и откопать его, если хочешь”. [\[261\]](#)

Ну, мы этого не сделали, потому что у меня было под рукой кое-что менее опасное; и я должен признаться, что не смог различить тонкий след змеи, о которой он говорил. Но я также следил за индейскими следопытами, когда они пытались поймать человека. Они отслеживали его движения, как будто читали по книге. Как следопыт в пустыне, я был хорошим агентом в Индии.

Вооружившись мотыгой для раскопок наиболее уединенных, мешком из оленьей кожи со священной мукой — ею нужно посыпать приверженцев, — мешком побольше, чтобы носить их, и змеиным хлыстом из перьев, охотники отправляются в путь. Они носят только мокасины и набедренную повязку. Обычного представителя семейства змеиных, такого как бычья змея, независимо от его размера, подбирают с небольшой церемониальной суетой. Но гремучая змея часто возражает. Скорее всего, она озвучит свое неудовольствие и быстро свернется кольцом для защиты. Возможно, она никогда не присутствовала на Танцах Змей. В этом случае охотник благословляет его едой и продолжает привлекать его внимание ласками змеиной плети. После нескольких взмахов длинных орлиных перьев змея разворачивается и пытается убежать, но безошибочная рука оказывается проворнее ее и кусает за затылок. Им машут в воздухе, быстро поглаживают по позвоночнику и бросают в мешок к остальным. И когда несешь мешок обратно в киву, обращаешь на него внимания не больше, чем если бы в нем было столько-то кукурузы.

В то время как в пустыне хопи водятся крупные бычьи змеи и королевские змеи, а также длинные тонкие боковые змеи, гремучая змея - невысокий экземпляр, редко превышающий два фута в длину. Однако он достаточно активен для любых целей и может вызвать необычайную подвижность со стороны тех, кто не посвящен в клан Змеи. Однажды на пустынной [\[262\]](#) дороге я вышел из машины, чтобы кое о чем договориться. Я услышал свистящий звук, жужжащий суховатый свист или шипение, которые, как ни странно, не являются ни тем, ни другим. В английском языке нет слова, которое точно описало бы предупреждение гремучей змеи, но оно обязательно и требует немедленного внимания. В тысячную долю секунды я обнаружил джентльмена, быстро пробирающегося между моими ногами. Он хотел избежать встречи со мной, и я разделял его эмоции. Конечно, невозможно точно сказать, на сколько футов я продвинулся прямо вверх и в стороны. Был промежуток времени, в течение которого я забывал обо всем, кроме побития рекордов прыжков. Я очнулся в месте, совершенно свободном от дороги, когда мой знакомый исчез в редкой траве на противоположной стороне. Затем, зная, где он находится, и что он в безопасности и невредим, я не стал проводить никаких экспериментов со Змеиным танцем. Быстрый захват шеи сразу за головой, победоносный взмах в воздухе, давление вдоль позвоночника и хладнокровие собирателя змей — все это в сочетании может сделать указанную змею безвредной или безразличной; но - попробуйте вы!

Публичная часть церемонии со Змеей занимает около двадцати минут времени. Киси, беседка из ветвей тополя, что-то вроде миниатюрного вигвама, возведена посередине площади и сбоку от нее. Киси закрывает отверстие в каменном полу, и непосредственно перед началом танца выносят таинственный мешок и кладут в него. В нем змеи. Отверстие закрыто толстым куском доски.

Рано утром на вершине холма собирается толпа туристов, а ближе к вечеру она начинает собираться на площади Уолпи. Происходят обычные споры из-за видных мест и неизбежные пререкания относительно того, кто [\[263\]](#) занялся ими первым. Вскоре крыши, террасы и балконы скрываются за людьми. Причудливые лестницы и другие точки обзора заставляют толпу группироваться, как будто их организовал режиссер. Дюжина или больше венчают саму Змеиную скалу. Они терпеливо ждут, как маленькие мальчики ждут руководителя циркового шествия. Прибывает старый судья Хукер, одетый соответственно случаю, и обращается к ним с речью, сопровождаемой криками хопи, объявляя всем и нескольким, что эта великая церемония, безусловно, будет проведена в этот день один раз и только один раз в этом сезоне, и умоляя их оказать ей уважение, которого она заслуживает. Присутствующие индейцы обращают внимание на его речь, поскольку по крайней мере в этом случае судья вызвал полицию Агентства; но белые не знают, что он сказал, и поэтому это их мало волнует. Ожидание в слишком людном месте - монотонная и утомительная процедура. Вокруг много суеты, когда покидаешь хорошее место, а потом жалеешь, что этого не сделал.

И вдруг раздается отдаленный звон гремучих тыков, слабый, но настойчивый звук, похожий на стук сушеного гороха о стекло.

“А вот и они!” - кричит вездесущий маленький мальчик, который опасно забирается на выступающий из дома столб.

Тихо, церемонно жрецы Антилопы гуськом выходят на площадь. Их тыквы звучат ровно, и медленными размеренными шагами они четыре раза обходят сцену. Проходя мимо кисы, каждый мужчина наступает правой ногой на доску, за которой прячутся змеи. Ими посыпают муку. За ними следует страж быка-ревуна, высокий мужчина, который несет огромный индийский лук, украшенный перьями, и который останавливается посреди сцены, чтобы сыграть на своем устрашающем инструменте. Из всей силы своей руки он раскручивает деревянный отвес на натянутой струне. Он стонет голосом ветра Пустыни. Затем [\[264\]](#)Люди-антилопы выстраиваются в прямую линию с кисы, спиной к домам и лицом к площади.

Теперь раздается торопливый шум, много топота и потасовки, когда приближаются Змеиные жрецы. Они врываются на площадь, словно решительно откликаясь на призыв к битве. Их возглавляют самые крепкие в клане, крупные, сильные мужчины. С застывшими лицами, пристально глядя, расставив локти, как бегуны, они шагают по площади. Толпа, скопившаяся в дальнем конце, всегда мешает. Змеиные жрецы должны пройти в самый дальний конец этой полки в своем первом круге, после чего они сокращают каждый круг, пока не завершат четыре. Толпа должна отступить. У нее вообще нет права находиться там, и в этикетке Змеиного клана нет ничего, что означало бы перемены, потому что любопытство пришло с Востока. Их стремительная цепочка людей проецируется прямо на узкий конец полки. Обнаружив, что удержать такую толпу на месте невозможно, я бы поставил в этот момент двух охранников, чтобы предупредить и разнять зрителей. Проблематично, что произойдет, если белые не уступят. Я вспоминаю, что однажды главный танцор толкнул меня локтем в бок. Он не остановился, чтобы извиниться. Это были двести фунтов, которые я быстро перемещал, встретившись с гораздо меньшим весом. Я не мог полностью оправиться от удара, пока танец не закончился. Такой лобовой удар мог сбросить человека с обрыва.

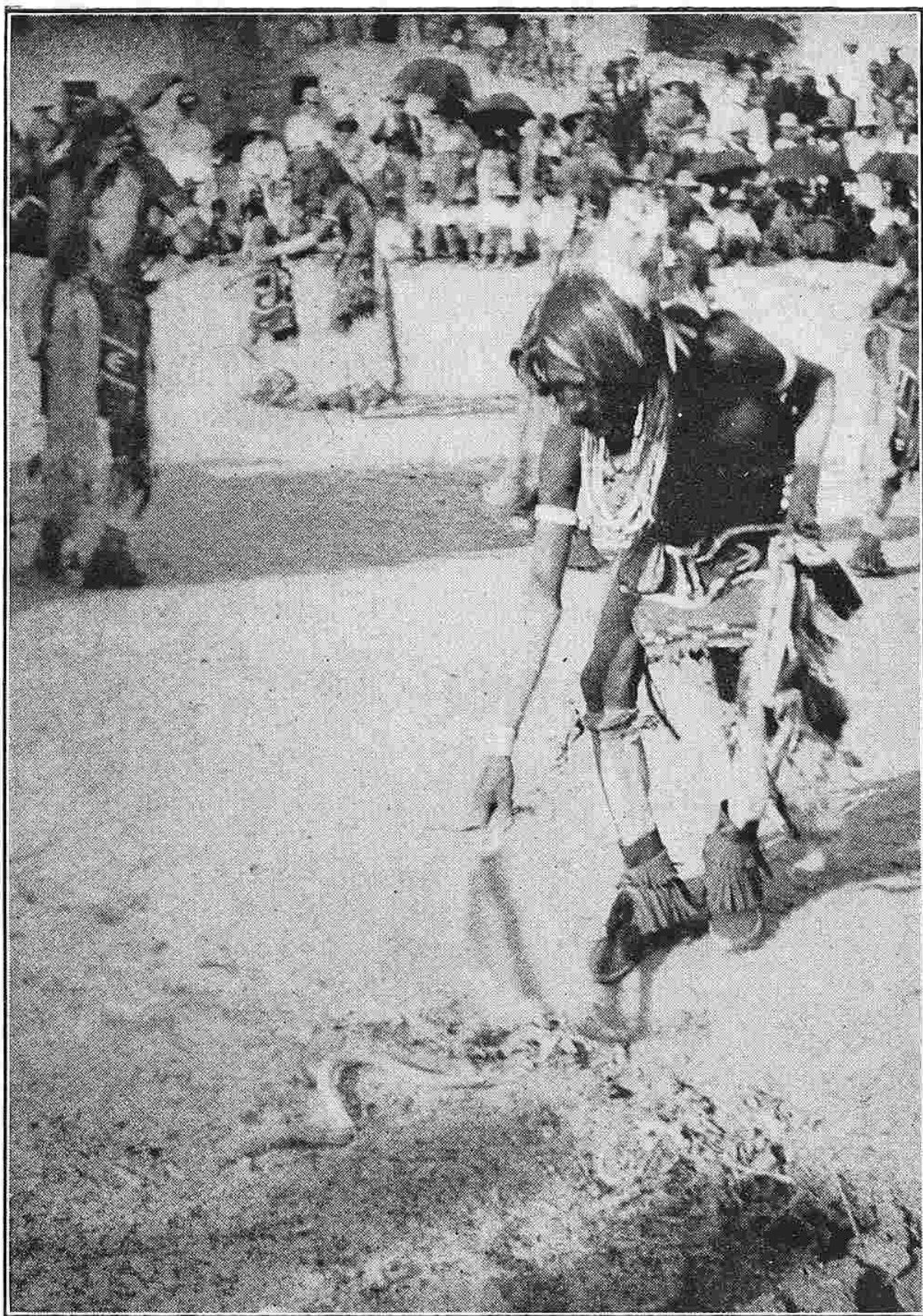
Эти Змеиные жрецы обнажены по пояс, верхняя часть их тела выкрашена в черный цвет, а знак молнии нанесен белым. Их волосы растрепаны и струятся, их венчают красные перья. Вокруг глаз красноватые мазки, а вокруг каждого рта густо нарисован белый круг. Они носят украшенные килты длиной до колен и мокасины; и с некоторой демонстрацией единообразия каждый мужчина носит все то, что принято кланом как часть [\[265\]](#) его регалий. У них нарукавники и браслеты из серебра и ожерелья из множества нитей — бусин, кости и бирюзы. Сзади с каждого пояса свисает одна или несколько красивых лисьих шкурок. Чуть ниже колена правой ноги прикреплены любопытные защелки, сделанные из панциря черепахи. Таким образом, когда они шумно расхаживают по комнате, за сухим постукиванием тыкв антилопы слышится торопливый перестук этой движущейся упряжи.

Каждый раз, когда они передают кисы, они яростно топают по доске. В ответ раздается глухой звук. И, возможно, змеи из бывших очкариков знают, что скоро им понадобятся на палубе. “Всем подняться!”

Затем Змеиные жрецы немного успокаиваются и выстраиваются в длинный ряд лицом к людям-антилопам. Начинается пение. Он низкий по тону и довольно церемониальный по духу. Их тела раскачиваются. Руками совершаются любопытные взмахивающие движения, запястья одного танцора касаются запястий его партнерши. Тыквы издают певучие звуки. И старый индеец, немощный старик, проходит вдоль очереди с чашей воды. Этой водой он

брызгает на киси. Возраст этого участника и его очевидный пыл всегда привлекают внимание. Он появляется и исчезает. И как раз в этот момент, когда действие становится наиболее впечатляющим, когда у всех присутствующих выпучиваются глаза, неизбежная собака забредает в заповедник и начинает расследование. Я никогда не встречал Змеинового Танца, который в это время не производил бы на свет свою незваную дворнягу. Его никогда не прогоняют и не пинают ногами. Он всегда пользовался самой дурной репутацией в народе, известном своими бедными клыками. Худощавый, с выражением собачьей покорности на лице, он умудряется испортить сцену.

Наступает заметная пауза. Шеренга Змеиных жрецов разбивается на пары и, с любопытством притопывая, [\[266\]](#)они проходят к киси. Мужчина справа наклоняется, засовывает руку в змеиную нору и вытаскивает змею. Танцор теперь горбится, его тело наклонено вперед, голова выступает вперед. Тот, что рядом с ним, кладет руку ему на плечи и хлыстом из перьев притягивает к себе извивающуюся голову рептилии. Первый танцор на мгновение держит змею за середину, а затем кладет ее в рот, позволяя двум концам свободно свисать.

СОБИРАТЕЛЬ

обращение с гремучей змеей

ПАТРИАРХ ЗМЕЙ

Священник с одной из извивающихся рептилий

За этими двумя ступенями бдительно следит "собиратель" и повсюду следует за ними. Неровными горбатыми движениями пара танцует по площади, и, наконец, змея падает на землю. Собиратель быстро извлекает ее, если это терпеливая, хорошо воспитанная змея; но если это гремучая змея и она действует неразумно, продолжая сворачиваться кольцом и озвучивать свое предупреждение, собиратель действует быстро, с ловкостью жонглера. Его глаза не отрываются от дерзкой змеи. Он отщипывает немного муки из своего мешочка и посыпает ею невольный символ богов. Затем он взмахивает над змеей кнутом. Если она нападет, он ненадолго оставит ее в покое. Там, на маленькой площади, находится дерущаяся гремучая змея, злобная свернувшаяся пружина, с острыми клыками, беспокойная, сердитая. Танцоры избегают этого. Толпа визжит, одобряя сцену.

Но собиратель наблюдает. Вскоре змея быстро извивается и срывается с места, устремляясь к краю плато, а те, кто там собирается, начинают тревожно переступать с ноги на ногу. Еще секунда, и индеец набрасывается на нее, выбивая змею из-под самых пальцев зрителей. Он машет им в воздухе в жесте захвата, гладит до тех пор, пока оно не становится безвольным, наблюдая за своей парой танцующих. Затем оно свисает с его левой руки, и он переходит к следующему приключению.

Тем временем другие пары подошли к киси и [\[267\]](#) извлекли своих змей. Различия у рептилий теперь привлекают внимание. Есть длинные, тонкие, нервные змеи и короткие, толстые, вялые. Раздается крик изумления, когда видят очень крупный экземпляр бычьей змеи, хвост которой почти волочится по земле. Но разные змеи не влияют на священников. Люди-антилопы продолжают жужжать в своих тыквах, а с людьми-змеями действие ускоряется. Теперь вокруг топчутся семь или восемь пар, и собиратели проводят за этим занятое время.

И затем приходит сигнал, что мешок с киси пуст. Всех змей извлекли на свет, с ними потанцевали, бросили и собрали. Теперь два священника описывают трапезой большой круг на земле перед Танцевальным камнем. Танцоры подходят и бросают всех змей в этот круг. Они толпятся вокруг него, пока посыпают еду и, возможно, бормочут какой-нибудь обряд изгнания нечистой силы. Секунду они стоят неподвижно, словно околдованные; а затем некие назначенные люди засовывают руки в извивающуюся массу, ловят как можно больше змей и бросаются с площади освобождать приверженцев в далекой Пустыне.

Теперь становится понятной причина появления туннеля, ведущего через дома на запад. На Первой горе они могут отправиться на север, юг и запад от маленькой площади; но ни один танцор не прыгнет с нее на восток; строгий ритуал претерпевает изменения, чтобы приспособиться к этому естественному недостатку. Он хватается отведенную ему долю змей и направляется вдоль края к какой-нибудь удобной тропинке, поворачивающей на восток в нижней части долины. Неосведомленные зрители обладают счастливой способностью забиваться в этот туннель. Индийский бегун намеревается пройти через это, не останавливаясь и не извиняясь, неся охапку активных змей. "Пусть они упадут" - вот его девиз.

Этим распределением змеиных посланцев заканчивается то, что [\[268\]](#) можно назвать интригующими особенностями церемонии. Вскоре запыхавшиеся бегуны возвращаются,

чтобы совершить так называемый обряд “очищения”, принять рвотное средство; и несколько любопытных следуют за ними, чтобы присутствовать при смерти. Не важно, что кто-то должен присутствовать на этой части программы; это просто дело вкуса. Врачи могут пожелать определить время приготовления десертного напитка. Затем женщины клана омывают жрецов с головы до ног. Их поливают водой из больших чаш. Истекая, жрецы исчезают в своей киве. Вскоре туда спешат и женщины, разнося на подносах всевозможные яства. Танцовщицы, которые постились, не отказались бы немного подкрепиться. Видит Бог, они это заслужили!

Доктор Джесси Уолтер Фукс, знаменитый этнолог, пишет, что после Танца змей в 1883 году две освобожденные змеи были пойманы и доставлены в Национальный музей в Вашингтоне для изучения. Он утверждает, что их клыки и ядовитые мешочки были обнаружены неповрежденными. Он не принимает веру в то, что у этих индейцев хопи есть противоядие от яда гремучих змей. По его мнению, пустынная гремучая змея может нанести смертельный укус только после того, как свернется кольцом и яростно набросится на свою жертву. И нет ничего общего с теорией о том, что змей накачали наркотиками или погрузили в летаргический сон, поскольку я много раз видел, как гремучие змеи извиваются и яростно дерутся. Несколько человек, в частности мистер Герберт Ф. Робинсон, государственный инженер страны навахо и хопи, утверждают, что видели, как змеиные жрецы кусали их во время танца. Я не мог сделать такого заявления. Но вполне возможно, что краска, которой обильно намазаны священники, имеет для змей отвратительный запах; и, помазав этой мазью их руки и особенно рты, лица и шеи, они приобретают определенный иммунитет. И поглаживание [269](#) змей, когда их берут в руки, может объяснить безопасность собирателя. Это действие, без сомнения, вызывает частичный паралич мышечной системы змеи. Но это не оправдывает тех, кто засовывает голые руки в мешок для змей на кисе.

Если кому-то обязательно нужно увидеть Танец Змей, то лучшее шоу - в Уолпи в нечетные годы. Церемония проводится также в Мачонгнови, Чимопови и Хотевилле. С 1918 года в Ораибии не было танцев, возможно, из-за разногласий между фракциями, хотя последователь христианства претендовал на часть заслуг. В Хотевилле, среди реакционеров, соблюдается торжественность с участием пророка Екеомы, второго человека в линии жрецов Антилопы; но мужчины Уолпи сохраняют больше индейского колорита и остроты действия в своем исполнении. Возможно, они осознали преимущество хорошего шоу, хорошо поставленного, костюмированного и энергично разыгранного. Хотя они и не приглашают туристов, они заставляют их приходить, и бизнес на неделе змеиных танцев оживлен по всем направлениям.

Не все хопи являются членами Змеиного клана. Непосвященные так же неуверенно относятся к гремучим змеям, как и все мы. Эта ложа испытывает трудности с поддержанием своего членства. Иногда хопи приглашают вступить в нее или приказывают явиться на службу в Змеиную киву, но он отказывается от этой чести. После этого ему лучше держаться подальше от танцев, иначе, возможно, ему придется взять в качестве наказания штрафную змею.

Благодаря любезности мистера Джона Лоренцо Хаббелла, первого первопроходца и баронского торговца в пустыне навахо, мне довелось увидеть самый секретный из ритуалов Змеиного танца - крещение или омовение змей в киве. Это происходит утром в день

публичной церемонии. Возможно, кто-то мог бы назвать это посвящением [\[270\]](#) посланников; ибо, как я понял, змеи - это посланцы племени к богам, несущие его просьбу о дожде и благодарность за урожай.

Возможно, как мунгви, я мог бы добиться этого успеха раньше, но это был мой метод общения с хопи, всегда подозрительным народом, не проявлять интереса к их тайнам. По необходимости — или, возможно, мне следовало бы сказать по здравому смыслу — я должен был следить за их танцами, чтобы предотвратить возможные столкновения между непонимающим индейцем и почти всегда неразумными и чрезмерно любопытными туристами; но я никогда и нигде не просил индейца рассказать мне “изнутри” о его первобытных верованиях. Поскольку мне приходилось руководить одним и тем же индейцем и часто судить его, было бы несправедливым воспользоваться моим положением и сразу же причислило бы меня, назначенного наставника, к диковинке, ничем не отличающейся от белых людей, с которыми он так часто спорил. Более того, у меня были и другие способы получения информации. Торговцы рассказывали мне все, что им удалось добыть за долгие годы торговли с индейцами, и каждый приезжий — турист, художник или странствующий чиновник - представлял мне разнообразную солому, собранную им очень быстро и доверчиво.

Всегда услужливый мистер Хаббелл разрешил эту дилемму, пригласив меня в качестве гостя, и я смог принять приглашение, не теряя кастового статуса. Хаббелл был принят в киву много лет назад. Затем доктор Фьюкс в 1899 году, как он рассказывает, и с тех пор индийцы принимали мистера Рузвельта, генерала Хью Л. Скотта и нескольких других. Возможно, не более двух десятков белых мужчин были свидетелями этой церемонии.

В нашем маленьком отряде были приезжий суперинтендант, инженер Службы охраны пустыни, и мистер Форд Харви, сын бессмертного Фреда, который спас стольких голодных [\[271\]](#) путешественников вдоль Санта-Фе в давние времена, и которому следовало бы воздвигнуть памятник из бронзы.

Со столбов лестницы кива свисали перья, обозначающие ход тайных ритуалов. Наверху нас встретил индеец, и мы последовали за ним вниз по лестнице, в прохладную, полутемную атмосферу этого подземного хранилища с каменными стенами. У него был странный запах — возможно, землистый, возможно, змеиный.

Кивы обычно представляют собой пустые места. Голые и холодные, если только они не заполнены едким для глаз дымом от тлеющих головешек, они не показались мне привлекательными во время моих обходов горных гор. Я проводил в них советы, когда делал первые шаги против фракционных религиозных преследований. И снова я сидел в них, болтая с создателями костюмов и барабанов, куря их горький и крепкий табак — впоследствии искренне сожалея, что сделал это. Чаще всего кива - это клуб для вышедших на пенсию стариков племени, одиноких, немощных парней, где они сворачиваются калачиком, чтобы задремать, или где они плетут какой-нибудь церемониальный шарф. Нехорошо бездельничать в окрестностях киваса, когда выставлены перья, и один очень выдающийся джентльмен, которого называют “великим кавказским чудом”, был самым основательным образом отчитан главным змеиным жрецом за попытку представиться, не попросив предварительно разрешения.

Лестница заканчивалась на каменной платформе, приподнятой над основным полом кивы. По углам этой платформы стояли большие глиняные кувшины, и из углов и около кувшинов нас приветствовали, хотя и молча, змеи. Не просто несколько змей, которые выползли из своих глиняных сосудов, а скопища змей, небрежно сложенные по углам кивы, и ничто не могло помешать им уйти, когда дух переместил их. Однако теперь они были тихими, [\[272\]](#) сонными, за исключением глаз-бусинок и случайных скользящих движений, которые заставляли смотреть под ноги.

Фото. Эмри Конте

ГЛАВНЫЙ ЗМЕИНЫЙ ЖРЕЦ, РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕРЕМОНИЙ ВАЛЬПИ

В верхней части кивы была искусно нарисована песком по моде навахо, без сомнения, еще одно заимствование иностранного происхождения. Рисование песком - это мозаичное изображение индийских символов и фетишей, выполненное цветным песком. Это было окружено или огорожено очищенными палочками, расположенными близко друг к другу концами. И у этого церемониального алтаря стояли, практически обнаженные, двое моих школьников, загорелые парни лет шестнадцати, которые в то утро участвовали в забеге на рассвете.

Под лестницей и на первом этаже сгруппировалось несколько пожилых индейцев, державших рядом с собой большие глиняные чаши с водой или другими жидкостями. И эти жрецы были одеты для церемонии. Мешочки со священной едой были на виду. Вскоре зазвучало песнопение. Песнопения хопи примитивны, но в них есть отголосок католических литаний. Я видел, как священник хопи помазывал и перемешивал священную трапезу точно так же, как его предки видели, как падре благословляли людей. Хопи - усердные адаптеры. И, слушая пение, я часто ожидал услышать в ответ: *"Ora pro nobis"*. Падре были принесены в жертву богам пустыни во время восстания красных в 1680 году, но их персики каждый сезон сохнут на крышах домов пуэбло, а церемонии хопи несут в себе бессознательный отголосок черных одежд, которые учили торжественности ритуала.

По стенам кивы, на высоте человеческого роста, были вделаны в камень деревянные колышки, а поверх них были накинута маски и костюмы. Когда мое положение в конце платформы приблизило меня к одному из этих свертков, я прислонился к нему и стене, полуобернувшись, чтобы посмотреть на ближайших змей в моем углу, а другим глазом - на действия старейшин. Из кучи выползла змея [\[273\]](#) и подошла ближе; но встретивший нас индеец отмахнулся от нее хлыстом из перьев. Кто-то наблюдал за этим сектором, и я почувствовал себя увереннее.

Некоторое время мы стояли молча. Сверху доносился шум толпы, бредущей по деревенским улицам. Можно было посмотреть вверх через квадратное отверстие входа и увидеть голубое небо Аризоны. Лестница была очень удобной. Несколько гостей сели на край платформы, но я этого не сделал. Я удобно прислонился к своей куче регалий и обзирал весь интерьер под широким углом.

Затем один из индейцев пересек платформу, собрал несколько змей и быстро передал их старикам у чаш. Они произносили заклинания, растягивали змей и намазывали их мукой, все время тихо напевая. Несколько человек выстроились у стены, держа в руках погремушки и знаки отличия. Они тоже начали скандировать. И тут внезапно старики погрузили змей в воду чаш — быстро, бесцеремонно нырнув; хор возвысил свое пение до дикого крещендо. Он больше не был ритмичным и торжественным. Это было похоже на предсмертный крик, дикий, беспричинный вызов, который закончился леденящим кровь воплем; и с этим последним криком змей подбросило вверх по киве, чтобы они упали на картину из песка. Очищенные палочки были сбиты с ног их вращающимися телами. Прежде сонные, змеи теперь проснулись и извивались, ища спасения, их головы были подняты, языки метались туда-сюда. Раздалось шипение и жужжание. Их движения в песке привели к тому, что рисунок был стерт.

Теперь появилась еще одна горстка змей, быстро прошедшая крещение, и снова низкое пение, но теперь быстрее, быстрее, и всегда это дикое окончание песнопения, и [\[274\]](#)метание рептилий. Все больше и больше змей извивалось на разрушенной песочной картине. Теперь все палочки были опущены. И среди змей, со спокойствием, от которого леденела кровь, шли два моих школьника, обнаженные, как Адам, загоняя обратно на песок тех, кто бросался к стенам. Дважды змеи добирались до каменной скамьи в конце кивы и, взбираясь по ней, искали щели в верхней стене. Каждый раз мальчик тянулся к исчезающему прогульщику и беспечно тащил его обратно на его место в этом самом диком из языческих обрядов.

Наконец все змеи были убраны из наших углов, и несколько дюймов из них образовали движущийся ковер там, где раньше была мозаика. Наступила пауза, значительное прекращение действия, как будто священники достигли неожиданной, непредвиденной части службы. Между старостами произошло быстрое совещание. Один из мальчиков, Эдвард, начал осматриваться. Он подошел к ближайшему колышку и снял несколько костюмов, бросив маску на пол. Он осмотрел маску. Затем он подошел к другому колышку и выполнил тот же поиск. И затем он направился прямо ко мне, в конец платформы.

“В чем дело, Эдвард?” Я спросил его.

“ У нас было шестьдесят пять гремучих змей, мистер Крейн, ” невозмутимо ответил он, “ а теперь мы насчитали всего шестьдесят четыре. Позвольте мне просмотреть платья, к которым вы прислонились. Тот, другой, может быть...

“ Извините, ” поспешно сказал я, поднимаясь по лестнице. [\[275\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ПУСТЫННЫЙ БЕЛАСКОС

Конечно, всех индийцев не следует принуждать к одному образцу. Давайте попробуем дать каждому шанс развить то, что в нем есть лучшего. Более того, *давайте остерегаться чрезмерного вмешательства в его работу или пьесу*. Например, запрещать все индийские танцы - это просто тирания. Некоторые из них непристойны или опасны и должны быть запрещены. Другие следует разрешать, а многие из них поощрять. *Ни к чему, что говорит о радости жизни в любом сообществе, не следует прикасаться легкомысленно*. РУЗВЕЛЬТ: Каникулы любителя книг.

Когда я впервые прочитал это, я подумал и начал сравнивать различные виды индейских танцев и церемоний, свидетелем которых я был: танцы бабочек, корзинок и кукурузы, танцы змей и флейт хопи; песни знахарей, танцы скво и Йе-би-чай навахо; красочные представления пуэбло после католической мессы в дни именин их святых покровителей и начало фиесты; поминальная церемония мохаве и кремация умерших. И эти хлопающие, вихревые танцы индейцев сиу.

Некоторые из них были памятными; некоторые представляли собой фиксированные церемонии; некоторые не имели особого значения; некоторые казались не более чем маскарадами; некоторые были наполнены суевериями и имели лишь оттенок тлеющего фанатизма под маской краски и перьев. Некоторые из них были светскими мероприятиями, перерывом в монотонности существования, несущими в себе "радость жизни". И хотя все местные танцы должны были окружать себя тонкой [\[276\]](#) линией надзора и сдержанности, многие из них ни в коем случае нельзя было "слегка трогать".

Танец змей может быть опасным, и он, безусловно, вызывает отвращение на первый взгляд. И, возможно, его следует запретить. Это точка зрения. Я не совсем уверен в его опасности для индейцев, поскольку никогда не слышал о смерти хопи от укуса змеи. Я видел так много змеиных танцев, что мое первоначальное возбуждение притупилось. Если бы туристам было отказано в удовольствии увидеть это, я полагаю, что церемония вскоре затихла бы и полностью сошла на нет вместе с уходом старейшин со сцены месы. Конечно, я пытался предотвратить его увековечение посредством инициации детей, но безрезультатно, поскольку меня в этом никто не поддерживал, и в одиночку я опасался своей неспособности подавить языческую войну.

Но из тех вещей, к которым следует относиться осторожно, из крошечных представлений, которые отдыхающие видят редко, а Бюро никогда не слышит, я вспоминаю Танец кукол.

Однажды днем, на Первой горе, я шел по тропе к лагерю ведьм, намереваясь отправиться домой, как только упряжка будет запряжена. Я встретил местного индейца, прогуливавшегося с моим переводчиком, и уже собирался дать указания относительно лошадей, когда последний сказал:

- Он хочет, чтобы ты осталась и посмотрела Танец Кукол.

Теперь у меня была целая коллекция кукол хопи, этих причудливых статуэток, искусно вырезанных из кусков тополя и одетых в регалии из веток, перьев и меха, чтобы

представлять различные катчина кланов. Но я никогда не слышал о танце, посвященном этим маленьким манекенам.

“Что это за танец?” Я спросил.

“Это называется ”танец кукол-Перемалывающих кукурузу”, - ответил он.

“Когда—завтра?”, думая об этих монотонных [\[277\]](#) учениях под открытым небом, имеющих разные названия, но едва отличимых одно от другого.

- Нет, сегодня вечером, в киве.

Это заинтересовало меня. Я видел, что переводчику очень хотелось остаться на ночь среди своего народа и полюбоваться этим зрелищем.

“Ну, - сказал я, - стоит ли взбираться на эту гору в темноте?”

“Я думаю, тебе бы понравилось, - ответил он. - Это забавный маленький танец, и дети ходят на него посмотреть”.

Поэтому я не стал командовать командой.

После ужина, когда сумерки превратились в непроглядную черноту перед тем, как появятся звезды, я вскарабкался вслед за своим проводником по тропе на плато. Когда мы, тяжело дыша, добрались до конца этого подъема, дома местных жителей были тускло освещены масляными лампами, но большинство домовладельцев были за пределами дома, направляясь к различным кивам. Мы подошли к центральному и спустились по лестнице.

Помещение было освещено большими качающимися лампами, позаимствованными по этому случаю у торговца, лампами с широкими жестяными абажурами, которые можно быстро включить, чтобы они светились или затемнялись маленьким колесиком сбоку. Я ожидал найти это мрачное место, тогда как они устроили что-то очень похожее на театральное освещение. Было немного трудно найти место в этом переполненном хранилище. Дальний конец был свободен, но две длинные стороны и конец лестницы были забиты женщинами хопи и их малышами. Точно так же, как я видел в наших театрах, дети с трудом подавляли свой нервный интерес, то садясь, то вставая на цыпочки, поворачиваясь и наблюдая, как будто это могло ускорить дело.

Я сел на нижнюю ступеньку лестницы, полагая, что это место было бы наиболее желанным с моей точки зрения [\[278\]](#), потому что оттуда мне был виден центр кивы, и я мог легче всего выбраться наверх, когда обстановка становилась слишком плотной. Переполненная кива довольно необычна по атмосфере, когда она заполнена до отказа и горят лампы. Но вскоре я обнаружил, что мне будут мешать. Сверху донесся шум трещоток и лязг оборудования, крики и шарканье ног. Ко мне спустилась вереница танцоров. Я посторонился, пропуская их в освещенный центр зала. Они были одеты во все цвета и узоры, какие только могли вообразить хопи, и носили гротескные маски. Они выстроились в ряд, и я почувствовал, что их миссия заключалась в веселом времяпрепровождении. Два клоуна возглавляли оркестр, и вскоре публика содрогнулась. Они прыгали, принимали позы и вели быстрый диалог. Было много смеха.

У меня был обычный опыт попыток узнать о выставке через переводчика, точно такой же, как у той дамы, которая сопровождала атташе на выступление Бисмарка в Рейхстаге. Вы помните, что посетитель продолжал требовать перевода, в то время как атташе хранил молчание, внимательно слушая, как Железный канцлер монотонно бубнил.

“Что он говорит?” - спросил посетитель в пятый раз.

“Мадам, - ответил атташе, - я жду ответа!”

И это примерно все, чего я когда-либо достиг в точном знании о клоунах в любом танце. Я пробовал это много раз. Переводчик всегда наслаждался представлением в первую очередь сам, а меня оставлял во внешней темноте. Время от времени он пытался объяснить какую-то часть происходящей игры с лошадьми, вероятно, такие простые части, до которых, по его мнению, мог дотянуть мой слабый интеллект. [279]

“Вы видите, - начинал он, указывая пальцем, - это один из наших дядюшек!”

И, по-видимому, их всегда двое, по отцовской и материнской линии, я полагаю. Дядя - великий человек в семье хопи. Отец не имеет большого значения — с ним можно развестись в два счета, и, хотя мать является хозяйкой в доме, над ней всегда доминирует бабушка, если она жива, и *the* дядя диктует ей свои условия в вопросах, касающихся союзов с другими семьями. Возможно, его следует называть социальным арбитром. Ему есть что сказать о свадьбах, брачных долях и тому подобном. Всякий раз, когда я наблюдал за клоунами на этих маленьких танцах и спрашивал их о ролях в спектакле, неизменно это были дяди. Возможно, хопи таким образом оправдывают себя за счет семейного солдафона.

Я не мог видеть, чтобы в этой маленькой сцене было что-то, вызывающее подозрение о зле. В старых танцах навахо клоуны часто вступали в диалог, который переводчики боялись переводить. Это обвинение также выдвигается против клоунов, исполнявших некоторые танцы пуэбло и зуни; а известно, что клоуны хопи позволяли себе выходки, которые не были возвышающими. Однако я не могу заставить себя поверить, что клоуны из "Танца кукол" рассказывали что-то иное, кроме грубых острот, потому что маленькие дети смеялись так же громко, как и остальные, и это казалось сущим дурачеством. Если бы речь шла о фарсе, я был бы уверен в характере происходящего; но у индейцев не развита именно такая форма юмора.

Затем танцоры вышли, поднялись по лестнице и ушли.

“Они идут в другую киву”, - сказал мой спутник.

И почти сразу же появилась еще одна группа любителей повеселиться. Они заняли центр кивы и [280] вскоре все смеялись над подобными шутками и гримасами. Итак, подумал я, старая утомительная перемотка начинается снова и будет продолжаться всю ночь. Ибо я видел, как эти танцы в эстафетах длились целый день, останавливаясь только для того, чтобы наскоро перекусить и сменить костюмы или грим, и для того, кто не понимает различий в сценах, это становится невыносимой скукой. Как однажды я услышал замечание одного мужчины: “Они три дня готовятся к одному дню танцев, а остальную часть недели справляются с этим”. Этот критик был не слишком суров, поскольку можно много сказать о

времени, потерянном на зрелища хопи, когда кто-то серьезно занят продвижением их по пути прогресса. Я встал и собрался уходить, но мой переводчик остановил меня.

“Подождите!” - настаивал он. “Они погасят свет”.

На этот раз танцоры не покинули киву. Один из них подошел к лампе прямо надо мной, и по сигналу все огни погасли. Кива погрузилась в густую темноту. Слышались детские вздохи ожидания. Возможно, свет был выключен секунд на тридцать, хотя это не казалось таким уж долгим. Затем они вспыхнули, открывая любопытную маленькую сценку, созданную в темноте. Я не заметил, чтобы танцоры взяли с собой что-нибудь. Возможно, обстановка все время находилась в этой переполненной киве, но где она была спрятана?

Во всяком случае, это было странное маленькое представление, совсем как у нашего старого друга Панча. Там была раскрашенная ширма из нескольких панелей, а в центре стояли две куклы, изображавшие девушек хопи. Перед каждой была метата для измельчения кукурузы. А еще дальше на полу перед ними и их каменными кадками простиралось миниатюрное кукурузное поле — песок, борозды и холмики крошечных растений.

Едва успел затихнуть первый вздох радостного удивления со стороны детей, как, даже к моему изумлению, [\[281\]](#) куклы оживились и странными живыми движениями начали молотить кукурузу, точно так же, как женщины ежедневно молотят зерно в деревенских домах, размалывая твердые зерна между каменными поверхностями метате и mano. Эти манекены работали усердно, и движения их были совсем не механическими. Затем маленькая птичка запорхала по верхней части экрана, издавая писк и посвистывание. Восторженные крики молодежи, за которыми последовали громкие вздохи, потому что из боковой панели появилась извивающаяся длинная змея, которая метнулась среди кукурузных холмов живописного поля, а затем отступила назад через дыру, из которой она появилась. Эти действия быстро следовали одно за другим. Парень за ширмой был довольно искусен в управлении своими марионетками на радость этим детям племени.

Возможно, во всем этом был какой-то глубоко заложенный символизм, жестко соотносимый с Полярной звездой и урожаями кукурузы прошлого и будущего. Возможно, это был примитивный наглядный урок, призванный поощрить бережливость и трудолюбие как оплот в борьбе с голодом. Но если вы спросите меня, я увидел в нем точное повторение здания районной школы или сельской часовни во время каникул, когда кузен Элмер устраивает забавную выставку бакенбард, колокольчиков для саней и хлопковых снежинок. Иногда хопи на этих детских фестивалях тоже дарят им подарки, и горсть хлеба пики, преподнесенная клоуном, каким бы причудливым ни было его лицо, обладает всеми чудесами Санта-Клауса нашего детства и его сокровищницы.

Трогай осторожно! Они—все дети - скоро уйдут. Еще немного, и ты сможешь отдохнуть от анемичной политики и проповедей софистов. Пустыня будет одинокой без своих простых пастухов и их простых обычаев. Те, кто стремится унаследовать это с помощью законодательства, не будут [\[282\]](#) нести с собой никакой поэзии и не привлекать никакой культуры. Огромные стойбища крупного рогатого скота и овец, монополии, грязные нефтяные вышки и зияющие угольные шахты омрачат Пустыню. Несколько старых книг, несколько картин — их создатели тоже ушли — расскажут о том, чем вы когда-то владели, с чем экспериментировали и что было продано с аукциона. Ради некоего Шелтона,

дискредитированного, возможно, криком ханжеской посредственности, вы доверили этих людей и их империю двадцати Неуклюжим людям. Дважды вы пытались разделить их общественную жизнь, ускорить конец, ускорить приход спекулянта, который следит за поместьями и претендует на имущество мертвых. В конце концов, — потому что в конце концов вам удастся продать наследие пустыни, — останется только музейная витрина, пыль и билет.

Дни приближения к главному празднику в Пустыне, такому как Танец Змей, прошли в суете приготовлений и волнениях. Все сотрудники были бы так или иначе ущемлены. Некоторых привлекли бы в качестве стюардов, другие сдали бы свои помещения для размещения неблагодарных бездельников. И, конечно же, мужчинам пришлось бы вытаскивать машины из грязных топей, переправлять их через опасные переливы, ремонтировать, если они сломались, и, возможно, основными силами загонять некоторые из них в места отдыха. Нужно было организовать определенные лагеря и снабдить некоторые из них. Нет! мы не приветствовали эти дополнительные обязанности, за которые часто получали скудную благодарность.

Но нам было приятно познакомиться с сердечными людьми, как соседями, так и гостями, которые, наслаждаясь праздничной свободой момента, взбодренные тонизирующим действием свежего воздуха пустыни, устроили нам своего рода развлечение, избавившее нас от долгого однообразия.

Фото. Эмри Конте

ЗАЧАРОВАННАЯ ПУСТЫНЯ И ХОЛМЫ МОКИ, ВИДИМЫЕ ИЗ ПУЭБЛО ВАЛЬПИ

Танец Змей заканчивается очень близко к закату. [\[283\]](#) Толпы людей покидают вершину горы, спускаются по тропам пешком или на мулах, спускаются по каменистым дорогам в грубых повозках, карабкающаяся толпа. Солнце золочет западные стены Ферст-Меса, отбрасывая тень на дороги и тропы на восточной стороне, а над ними черным ореолом вырисовывается разрушенный гребень мыса. Дальняя восточная долина залита странным лимонным светом. Далекие северные мысы ярко мерцают алым и золотым, а затем внезапно исчезают. Хух-кват-ве, Терраса Ветров, бледнеет в лавандовых и серовато-зеленых тонах. Сумерки с их таинственной тишиной в пустыне опускаются на землю хопи. Что-то исполнилось в соответствии с древним пророчеством. Боги пустыни были умиротворены.

Вскоре становится темно, и звезды появляются, как вечерние свечи. А затем по всему подножию огромной, похожей на крепость горной горы, освещающая песчаные дюны, тепло поблескивая сквозь персиковые деревья, разводятся походные костры. Там, где обычно по вечерам царит тяжелая тишина, нарушаемая только звоном овечьих колокольчиков, теперь слышен смех, множество голосов, звук работы повара за работой; и поднимается запах готовящейся пищи. Кофе и бекон, десертная еда, распространяют свой аромат, и человека охватывает зверский голод. Вот крошечная группа около автомобиля-палатки, там, среди

лошадей, сбруи и лагерного инвентаря, тридцать человек вокруг одной доски. "Подойди и возьми это!"

Я вспоминаю эпизоды моего знакомства с этими сценами. Армихо, родственник торговца, привез свою драгоценную скрипку. Я услышал его звуки с тропы, и когда я пришел в лагерь Хаббелла, там группа из них, музыкантов с постов, готовилась сопоставить свое мастерство с мелодией, которую приносят туристы. Ужин был убран, концерт начался.

"Как вам это нравится?" - спросил мастер игры на смычке, и, пока он перебирал струны, зазвучала самая печальная из песен памяти [\[284\]](#) пронзительно, песня, подходящая для ночи в пустыне и лагеря в пустыне: La Golondrina! Я редко слышал такую гармонию двойной остановки. Мне показалось — или это была магия пустыни? — что Крейслер больше ничего не мог сделать. Тишина. А затем аплодисменты пятидесяти лагереЙ.

И гитара Эда. Вскоре среди чахлах деревьев запоют мелодичные мелодии старых фанданго, и можно будет представить, что давно умершие дети падре устроили фиесту.

"Итак, доктор," сказал кто-то.

"Во что вы играете, доктор? - Спросил я.

"Я играю на банджо", - ответил он, как мне показалось, с оттенком насмешки в голосе. Теперь я только что услышал, как скрипка испанца исполняет песню, которая покорила нацию, а беззаботные мексиканские напевы Эда были неплохой музыкой для летнего лагеря. Ночь под старыми деревьями и в тени холма богов дарит романтику серенад, особенно успокаивающих после долгого, tiresome вчерашнего дня.

Но — банджо! Эта глухая, планкетная, планкетная штука! Я пожалел, что заговорил. Он одолжит что-нибудь подходящее для сабо и дамбы, и вся атмосфера того вечера исчезнет, чтобы никогда не вернуться! Доктор открыл чемоданчик.

- Что бы ты хотел услышать?

Это ужасный вопрос от банджоиста, не правда ли?

"Ну, а во что ты играешь?"

"О! что—нибудь из популярной классики. Теперь мелодия из "Весенней песни" Ф. Мендельсона, "Серенады" Шуберта, Пятого ноктюрна...

"Великий Боже! - воскликнул я. - На банджо!

Я думаю, он разыгрывал эту маленькую шутку над всеми незнакомцами, потому что, дав ей хорошенько впитаться, он поднес этот чудо-инструмент поближе к огню и начал перебирать [\[285\]](#) его струны до тех пор, пока их звучные ритмы не заглушили все звуки лагеря. Затем, мягко разносясь по роще, зазвучала Мелодия в стиле Фа, в органнх тонах.

Конечно, вы поймете, что я не музыкант и не критик. У меня нет ни слуха одного, ни языка другого. Я просто один из тех, кому нравится слышать то, что нравится мне, —

безнадежность. Анданте из Патетической сонаты преследовало меня и ускользало от меня в течение многих лет, и, если бы не странствующий пианист, замаскированный под исследователя, я мог бы причислить его к сновидению. Грязные обязанности отупляют человека воспринимать более грубые вещи на фонографе.

“Да, ” сказал доктор, “ я играл на Востоке и в Канаде, но мне не нравится сцена. Я занялся концертной работой, путешествовал с хоровыми коллективами и оркестрами, но это было ненамного лучше. Торопливая жизнь. Мне нравятся тихие места ”.

И он был врачом на индийской службе!

Кто-то крикнул: “Сыграй это снова!” И он сыграл это снова — на банджо!

Внизу, под холмом, разбила лагерь группа трубадуров, которые когда-то выступали со второй труппой, выдавая себя за Оригинальную нью-йоркскую труппу. При свете фонаря они сыграли аккомпанемент к старому мелодеону, притащенному из здания школы. Зажигательный припев, а затем тенор: ирландская песня о любви. Последовал гром аплодисментов, собравший сонных индейцев на краю плато. Странные американцы! Странные боханны, которые издеваются над барабанами и пением, а потом издают такую странную музыку и много криков.

А к полуночи костры погаснут один за другим, превратившись в простые отблески. Огни пуэбло, расположенные высоко на карнизе плато, погаснут. За пределами лагерей слышно только ржание лошадей, рев в пустыне [\[286\]](#) соловей из верхних загонов или легкий галоп конного полицейского по песку, когда он в последний раз оглядывается вокруг, прежде чем завернуться в одеяло. Затем наступила тишина под темным, усыпанным звездами небом, безмятежная тишина пустыни, которую, возможно, нарушат — кто знает? - призрачные сандалии, когда падре шел посмотреть на эту любопытную компанию, спящую в его бывшем саду, гостей языческого пира. [\[287\]](#)

[\[Содержание\]](#)

ПО ПЯТАМ ЗА ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

Я жил и в Хоуз, и в Берфорде в постоянном трепете, в ожидании, как мне кажется, какого-нибудь приключения, которое оправдывало бы это место; но хотя это чувство укладывало меня ночью в постель и снова пробуждало утром в непрерывном круговороте удовольствий и неизвестности, ни в том, ни в другом случае со мной не случилось ничего заслуживающего внимания. Человек или час еще не настал; но когда—нибудь, я думаю, от Королевского парома отчалит лодка с ценным грузом, и однажды морозной ночью всадник, выполняющий трагическое поручение, застучит кнутом по зеленым ставням гостиницы в Берфорде. -Стивенсон: *Романтические сплетни*

Приключение! *Стандартный словарь* делит его, как и галлию, на три части, своеобразно взаимосвязанные, но мало отличимые друг от друга: — (1) Замечательный или опасный опыт; неожиданное или волнующее происшествие. (2) Опасное или неопределенное предприятие; смелый подвиг. (3) Столкновение с рисками; смелое и опасное предприятие.

И написание этого стало означать стремительное драматическое действие с энергичным и триумфальным финалом.

Но жизнь в Пустыне — да и вообще где бы то ни было — не приводит к трагическому завершению. Нельзя увольнять нежелательных персонажей просто потому, что удобство или суровая справедливость требуют *Finis*. Несмотря на напряженные эмоции и сомнительные возможности, они продолжают жить и запутывают ход событий; и вот встает солнце, и завтра наступает другой день. Мой личный опыт общения с индейцами в уединенных местах не был, с моей точки зрения, [288](#) в точности опасным или отчаянно дерзким, да и вполнину не таким рискованным, как ночи, проведенные мной в Нью-Йорке. Придется принять эти воспоминания просто как необычные и, я надеюсь, небезынтересные события, какие бы острые ощущения они ни вызывали. Вы бы настаивали, чтобы я привлек призраков или бандитов? Должен ли я устроить резню? Возможно, я смог бы заставить Екеому похитить дочь торговца и организовать срочное спасение кавалерией. Но Екеома, как он сказал мне, интересовался только церемониями, а у торговца не было дочери. Поэтому я должен оклеветать искреннего язычника и холостого бизнесмена.

Теперь мне кажется, что в том, как полковник Скотт в одиночку отправляется во враждебный лагерь, сталкивается лицом к лицу с бандой угрюмых парней и выходит оттуда, повинувшись своим решениям, больше нервной драмы. Меня также поражает, что в этих пустынных лагерях, которые так мало знали о дисциплине, когда поблизости нет никакой силы и нет надежды на нее, происходит настоящая драма в жизни Агента. Я могу рассказать о своем типе волнения, но драматических выводов будет мало. Ничего о диких скачках, погонях и засадах; ничего о поверженных злодеях и уж точно ничего о прекрасных девушках, попавших в беду. Это последнее индийская служба не приглашает, а в случае случайного приобретения надолго не сохраняет.

Ближе всего к такого рода приключениям я когда-либо был, встретившись с почтовым хакером однажды холодным закатом вдали от Агентства. За рулем был полузамерзший мексиканец, который по-английски говорил только: “Буэнас диас, сеньор. Mucho frio. Никакой смекалки”.

С ним была приятная молодая женщина, которая сказала, что она учительница, и ей было приказано явиться к агенту в Кимс Каньон. Место нашей встречи находилось примерно в тридцати милях от последней почтовой станции и почти в девяноста милях от [\[289\]](#)железной дороги. Я могу себе представить, насколько странно и робко чувствуешь себя в таких условиях. День был пасмурный, и надвигалась морозная ночь. Моя машина прибудет в Агентство за несколько часов до того, как эти два усталых бронкса доберутся туда; поэтому я представился и сказал, что со мной она быстрее доберется до Агентства. Она оглядела меня: потрепанная шляпа, ржавые замазки, красный нос, все такое — и решила остаться с говорливой мексиканкой.

Я помню, как однажды зимней ночью покинул Чин Ли, черные тени на заснеженной пустыне и острый, как бритва, ветер, дующий прямо из огромной воронки, Каньон-де-Челли, и проехал семьдесят пять миль до Кайенты, самого изолированного почтового и факториального поста в Соединенных Штатах. Меня втянула в это моя подруга, Водяная Ведьма, которая хотела сохранить дневной свет завтрашнего дня.

“ Ты выдержишь ночной переход? - заботливо спросил он. “ Пой, если не можешь. Здесь хорошая кровать, и...

“Я готов к этому, если ты готов”, - сказал я, но без энтузиазма.

Двигатель его потрепанного "Форда" кудахтал, и снег хрустел под колесами. В течение первого часа оживленная беседа поддерживала в нас свет и довольно теплое настроение. Затем стало смертельно холодно, с тем безжалостным, пронизывающим холодом, который можно испытать только ночью в этих безжалостно унылых, продуваемых всеми ветрами пустынных просторах. Я прикусил трубку, чтобы зубы не стучали. Я ощупал свое лицо, чтобы убедиться, что оно не треснуло. А мы ехали все дальше и дальше, параллельно тусклой Черной Горной баррикаде. Наконец, с горьким раздражением, Ведьма крикнула: “Черт бы все побрал! тебе не холодно?”

“ Застыла, ” выдохнула я.

- Ну, в этом боковом каньоне скрывается фактория, [\[290\]](#)если я смогу найти к ней дорогу. Ты никогда не будешь петь. Я сдаюсь. Давай отправимся в лагерь, пока мы оба не погибли.

Я издавал сдавленные звуки благодарения. И на какое-то время мне показалось, что он не сможет найти тропу. Снег на холмах лежал нетронутым. Затем мы уловили отблеск в черноте, окликнули друг друга и нашли радушный прием у кедрового костра.

Это приключения в Аризоне.

С ними можно столкнуться на заболоченных равнинах или в слепящие снежные бури; при попытке пересечь реку весной, не слишком хорошо зная брод; при столкновении с ударами горячего песка, которые колют, как толченное стекло; на измученных лошадях, вдали от города, услышав скрип ведущей шестерни в двадцати милях не с той стороны от дома; с наступлением темноты; в полночь, полдень или на рассвете. Румянец утра на покрытых снегом утесах, задумчивые тайны летних сумерек, ослепительное великолепие осеннего заката - все это тогда не имеет никакого значения. Простая борьба со стихиями и

расстояниями одинокой пустыни, когда устал, замерз, проголодался. Это дневная работа, тяжелая, изматывающая работа. И никто не фиксирует такие вещи в годовых отчетах.

Но, поскольку приключения пользуются спросом, возможно, я смогу воскресить пару острых ощущений из записной книжки. Давным-давно я перечислил их как декорации для историй, имея в виду привлечь несколько интересных и даже красивых типов в качестве персонажей, поскольку, честное слово, местные люди упорно отказывались становиться героями. Относительно легкие дела, всего два человека убиты, двое немного покалечены, пролито немного крови и много нервного воображения. Моим людям в то время было не по себе, а я боялся больше всего.

Если бы я навязал эти эпизоды нью-йоркскому редактору, нарушив их порядок и истинную атмосферу, приукрасив их [\[291\]](#) плутовским нарядом, он, возможно, похвалил бы их; но меня не было среди погибших, и размышление подсказывает, что для него это, вероятно, имело бы значение. Если не считать того, что я вывихнул большой палец, когда разъяренный индеец попытался вырвать его у меня из руки, физически я не пострадал; но моя нервная система каждый раз слегка деформировалась, и обо мне отзывались как о способном, но очень нечестивом человеке. Совершенно верно. Я признаю, что никогда не брал с собой в эти поездки святых.

И в каждом из этих случаев враг одерживал победу. “Человек или час еще не настал”; и хотя ко мне и морозными, и прохладными ночами приезжали верховые гонцы обоего пола, их поручения, после должного изучения и какими бы раздражающими они ни были, нельзя было отнести к разряду трагических; но были моменты, когда “чувство этого укладывало меня в постель и снова поднимало” в круговороте ожидания и некоторой неизвестности, определенно не столь приятных, какими находил их романтик Стивенсон.

Одно предприятие началось с того, что Хромой Джо обратил внимание на жену До-хахс-тахе. Это не понравилось ни одной из них, и муж сначала предупредил, а затем и вовсе вышвырнул Хромого Джо из своего района. Это разозлило потенциального разорителя дома, и он вернулся с легкой винтовкой. До-хахс-тахе убирал кукурузу в мешки на своем поле рядом со своим хоганом. Он увидел приближающегося Хромающего Джо, и хотя 22-й калибр - это ружья-кролики, иногда они стреляют, когда этого меньше всего ожидаешь, и ранят людей. До-хахс-тахе снова бросился на Хромающего Джо; он вырвал у него винтовку, выбросил единственный патрон и разбил приклад о камень. Заметив тогда, что держит только ствол, он покрутил им над головой и отпустил. Тот взлетел, переворачиваясь через край, и упал в воду. [\[292\]](#)

Прихрамывающий Джо спустился в мойку и нашел пистолет. Он осмотрел замок и увидел, что в него может попасть пуля. Направив его в воздух, он нажал на спусковой крючок. Бах! все было в порядке, хотя у него и не было приклада для плеча. Затем Хромой Джо вставил еще один патрон, подошел к берегу и прострелил Ду-хахс-тахе легкие.

Поэтому Индийскому агенту пришлось срочно направить одного врача, одну стенографистку, одного нотариуса и нескольких полицейских, чтобы они взяли у умирающего показания: врач сказал ему, что он умирает, стенографистка сообщила о нем, а нотариус привел их всех к присяге. Полиция тем временем схватила Хромающего Джо. До-хахс-тахе умер через несколько часов, и Хромой Джо сидел в караульном помещении с извилинами на запястьях, кандалами на лодыжках и бревенчатой цепью, соединяющей оба устройства. Я не хотел, чтобы он уходил - и он этого не сделал.

Это было в территориальные дни, и уголовное дело по оговорке, как ни странно, попало в юрисдикцию территориальных судов. Я послал за окружным шерифом, и он прибыл с одним здоровенным помощником шерифа, оба они были хорошо вооружены.

“Почему арсенал?” Я спросил офицера, который слыл бесстрашным.

“Ну, у меня и раньше отбирали пленных индейцев”, - сказал он.

Теперь среди родственников и друзей Хромого Джо прошел небольшой слух о недовольстве. Они считали, что Агент должен судить его как человека, укравшего овцу, и ожидали, что он понесет мягкое наказание. Ходили слухи, что они будут возражать против того, чтобы его вывезли из Пустыни.

“Я пойду с вами в резервацию, - сказал я [293](#) шерифу, - и по эту сторону им придется забрать его у меня”.

“Очень хорошо, - ответил офицер, - потому что я бы не стал сражаться за него”.

И я решил, что я тоже этого не сделаю.

Мы отправились в путь при все еще ярких звездах на небе, в три часа ночи, чтобы преодолеть тридцать пять миль до линии. Шериф и помощник шерифа ехали в повозке, заключенный был с ними. Моим багги управлял мальчик-индеец, а я сидел с пистолетом на сиденье. Ничего не произошло. Во время поездки мы не встретили ни одного навахо. Пообедав на линейке, мы расстались с офицерами и приготовились вернуться в тот же день. Семьдесят миль для команды были бы тяжелым испытанием, и мы приехали бы поздно ночью; но это тоже входит в дневную работу.

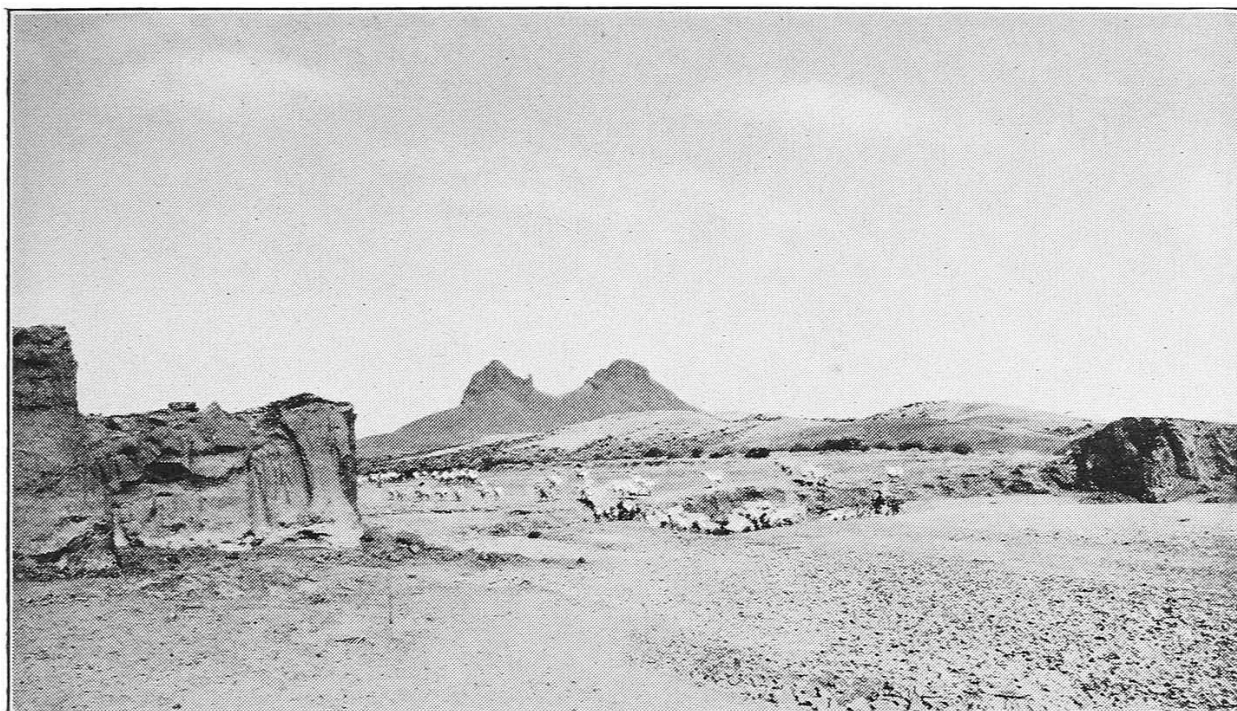
Весь тот день лошади трусили трусцой домой. Освободив пленника из моих рук, я бросил пистолет в сумку под сиденьем. Уже темнело, когда команда начала устало взбираться на последний длинный подъем, отделявший нас от спуска в Кимс-Каньон. На вершине виднелась бахрома кедров, черных, как призраки, на фоне тускло-красного неба. Лошади подбирались все ближе и ближе к гребню хребта. Теперь можно было разглядеть ветви старых деревьев, словно выгравированные на небесной пластине.

Затем раздался зов, клич индейцев навахо. Мой мальчик внезапным рывком подтянул упряжку. Он наблюдал за краем холма. И из-за деревьев на дорогу быстро вышли четверо или пятеро мужчин. Я быстро схватился за сиденье в поисках пистолета, а потом понял, что его там быть не могло. Сумка скользнула обратно в багажник и валялась вперемешку с поводьями, носовыми сумками и прочим хламом пустынного багги. Был момент — казалось, целую неделю — напряженной прохлады, пока они медлили в сумерках, как будто

[294] поджидая нас. Нельзя водить багги по пустынной дороге. Оставалось либо остановиться, либо ехать дальше. Потом они свернули в кедры, и мы услышали, как они удаляются, разговаривая на языке навахо. Один из них начал петь. Мой мальчик-индеец рассмеялся, словно почувствовав облегчение.

“Шахтеры”, - сказал он.

И действительно, это была моя собственная бригада угольщиков, которая покинула штрек в пять часов и добралась до этого места по пути домой. Но я думал, как и мой водитель, что друзья Хромого Джо вот-вот поприветствуют нас. Это было как раз подходящее время для вечера и как раз подходящий цвет для мрачного пейзажа; и они вышли из-за деревьев, наполовину выжидая, именно таким образом.

В СТРАНЕ ТВИН-БАТТ

МАСТЕР ПО СЕРЕБРУ ДЖИМ: ТИПИЧНЫЙ навахо

Хромой Джо? Суд обошелся с ним с обычной строгостью. За это преднамеренное, хладнокровное убийство он был приговорен к трем годам тюремного заключения и получил целых шесть месяцев отпуска за хорошее поведение. Во время его затянувшегося отсутствия я выдавал пайки его престарелым родителям и после довольно короткой переписки, часть которой была едкой по тону, убедил моих вашингтонских критиков в том, что я не преследовал беднягу.

На Востоке очень мало чиновников, обладающих мужеством Рузвельта, который писал, в частности, в отношении навахо:

В целом это хорошие индейцы ... хотя некоторые из них очень плохие, и с ними следует обращаться строго

За последнюю четверть века незаконные личности среди них причинили белым гораздо больше зла (включая убийства), чем было причинено им незаконными белыми. Незаконные индейцы являются наихудшей угрозой для других племен навахо и юта; и очень серьезный вред был нанесен благонамеренными восточными филантропами, которые поощряли и защищали этих преступников.

[295]

И Фрэнсис Э. Леупп, бывший комиссар по делам индейцев, придерживался такой точки зрения:-

Агенты и другие правительственные чиновники, когда они были лучшего типа, приносили больше всего добра; а когда не были подходящего типа, приносили больше всего зла; и они вообще никогда не приносили никакой пользы, когда боялись индейцев или безжалостно колебались наказывать индийских правонарушителей.

Если не считать периода правления этих двух человек, мало кто из индийских агентов ожидал получить поддержку в каких-либо усилиях по тщательному наказанию индийских преступников в Пустыне. Тон Индийского бюро в последнее десятилетие был в основном компромиссным и извиняющимся: перед начальством по должности; перед сентименталистами; с недовольными, глупыми или злыми индейцами, которые препятствовали прогрессу, и перед ними. Ежегодно, запрашивая ассигнования, оно приносило извинения Конгрессу за свою просьбу, а затем смиреннейшим образом извинялось, когда ему отказывали. Занимаясь защитой и благополучием некомпетентных людей, можно было бы подумать, что она имеет дело с деревянными куклами. Непоследовательная и недалекая, расточительно скупая, игнорирующая мудрые советы, готовая к компромиссам, она была плохим источником справедливости и жалким судьей людей. Своевременной разведки он продемонстрировал мало, а искренности - еще меньше. Маневрировать под ветром целесообразности, убирать паруса для поддержания на посту, с надеждой плыть по течению - таков был его курс и политика. Дальняя область рассматривала такие изменчивые графики с подозрением и тревогой.

Возможно, притча может оказаться забавной.

“Полковник” Олдхаус, почти достигший пенсионного возраста, подозревал все новомодные методы. За его столом стоял старый армейский сундук ручной работы, пристегнутый ремнями и запертый на замок, чтобы выдержать напряжение и ушибы пограничных [\[296\]](#) путешествий. Полковник был знаком с тех дней, когда дилижанс ходил “в Штаты”, а Санта-Фе был форпостом прогресса. В этом сундуке покоились его ордера и счета, аккуратно разложенные, заверенные в пиджак и проинструктированные. Он мог подойти к нему в темноте и мгновенно найти Талон №137 за второй квартал 1889 года.

— Полковник, - сказал очень молодой человек, - почему бы вам не заказать несколько папок для ваших бумаг с выдвижными ящиками, стержнями и...

Полковник фыркнул.

“Они никуда не годятся, - отрезал он. - эти проклятые штуки сделаны машинами!”

Совершенно верно, полковник; вы точно описали неэффективность подачи документов. [\[297\]](#)

[\[Содержание\]](#)

КРАСНЫЕ БУТЛЕГЕРЫ

И я объявляю уголовным преступлением употребление слабого пива. — *Король Генрих VI*

Сердце Зачарованной пустыни, состоящее из заповедника хопи и широкой полосы земель навахо, окружающих его как каркас, не было обеспокоено проблемой употребления алкоголя среди местных жителей, пока штат Аризона оставался щедро увлажненным. Индейцы хопи не употребляют спиртных напитков и не потерпят их. Однажды жители горных гор, у которых не было полномочий действовать в качестве полицейских, арестовали и доставили навахо, который просто показал подозрительную бутылку; очень странный поступок для хопи, поскольку они не проявляют смелости, даже когда им приказывают. В течение многих лет грузовые компании хопи и навахо упаковывали правительственные припасы из железнодорожного городка Холбрук, расположенного в восьмидесяти милях от Агентства и почти в пятидесяти из них за пределами резервации, не занимаясь кутежами или бутлегерством. Навахо скорее любит свои напитки, и они не улучшают его отношения к соседям; но пьянство было редкостью даже среди навахо в те дни.

Когда государство опустело, приобретение спиртного стало чем-то вроде приключения для тех, кто от природы был вне закона. И вскоре в страну навахо из Нью-Мексико начали прибывать грузы с бодрящими жидкостями. Город Гэллап стал достопримечательностью для индейцев, которые никогда раньше его не посещали. Гэллап находится в ста пяти милях от Агентства хопи, и, конечно, контрабанда не перевозится по большим дорогам. [298] Когда "специальные офицеры" Индийской службы по борьбе с алкоголем нагрянули в Гэллап, навахо организовали ретрансляцию, чтобы обслуживать заднюю часть страны; и специальные офицеры не последовали за ними в безлюдные места. Можно было быть уверенным, что на каждом собрании навахо будет пьянка, причем в точках за сто-сто пятьдесят миль от источника и на таком же расстоянии от специальных офицеров. Контрабандисты прятали спиртное за большим кругом отдыхающих, в темноте какой-нибудь чащи, и ранним утром, когда случайные посетители расходились и наблюдатели уставали, бибулусы появлялись в различных стадиях опьянения. Тогда они были опасны.

Моя полиция состояла из восьми индейцев, половина из которых были навахо. Это была "армия", предоставленная мне в 1911 году с должным учетом рекомендации полковника Скотта о том, что у меня должно быть двадцать пять человек во главе с белым офицером. И в 1921 году, через десять лет после этой первой рекомендации, генерал-майор в отставке Скотт из Совета уполномоченных по делам индейцев проанализировал ситуацию между хопи и навахо и снова сообщил: -

В 1882 году Исполнительным указом было выделено 2 472 320 акров (3863 квадратных мили) земли для резервации мокви, для использования хопи *и такими другими* индейцами, которых может назначить министр внутренних дел.

В то время кто-то с линейкой нарисовал на карте параллелограмм, который обозначал территорию примерно 75 на 55 миль для резервации, без малейшего учета топографических и этнологических условий, и ошибочно назвал ее "Резервацией Мокви".

Совершенно очевидно, что в 1882 году власти Вашингтона либо были в полном неведении о ситуации в этой стране в то время, либо были совершенно безразличны к ней; и, обозначив резервацию канцелярской линейкой и полностью проигнорировав [\[299\]](#) благополучие хопи, они заложили основы для проблем и страданий, которые привели к ситуации, требующей принятия мер по исправлению положения Министерством по делам индейцев.

Вся эта земля полужасушливая, и большая ее часть - абсолютная пустыня. Навахо агрессивны и независимы. Нет никаких сомнений в том, что большинство обитателей заповедника Моки пришли со всех сторон с намеренной целью захватить пастбища, которые по праву принадлежат хопи. *Когда навахо видит, что у хопи есть все, что он хочет, он берет это, и выхода нет.*

Годами сохранялась эта предотвратимая ситуация. В 1911 году президент Тафт отправил меня с войсками в Кимс-Каньон для обеспечения соблюдения некоторых постановлений Министерства по делам Индии. Затем я обнаружил, что навахо вторглись на землю хопи и жестоко обращаются с индейцами хопи. Агенту в то время выделяли всего трех полицейских, которым слишком плохо платили, чтобы привлечь нужных людей для поддержания порядка в резервации, имеющей площадь империи. Затем я порекомендовал, чтобы ему выделили двадцать пять хорошо оплачиваемых полицейских с белым начальником. Их число было увеличено до восьми без изменения размера компенсации, а недавно это число сократилось до шести.

Этого утверждения достаточно, чтобы показать абсурдность любых ожиданий, что суперинтендант сможет поддерживать порядок. Суперинтендант бессилен поддерживать достоинство своей должности, в результате чего авторитет и достоинство Министерства по делам Индии и Соединенных Штатов выставлены на посмешище на значительной части территории Аризоны.

Видите ли, у моего преемника тоже были проблемы с добрыми феодалами, а хопи, как обычно, подавали петиции. Поэтому Управление изменило название Резервации.

В дополнение к восьми мужчинам, которые были предоставлены мне, несколько сотрудников полигона были назначены специальными офицерами Индийской службы по борьбе с алкоголем. Возможно, мне [\[300\]](#) следует сказать: "Заместителям офицеров по особым поручениям Службы по пресечению торговли спиртными напитками среди индийцев". Но что такое титул среди друзей? И это поручение было великолепным вознаграждением, не влекущим за собой никакой дополнительной компенсации, в то время как сотрудник, действуя таким образом в истинно миссионерском духе, просто рисковал своей жизнью.

Мало кому нравится эта работа, и еще меньше тех, кто усердствует в ней. Тем, кто поступил на обычную службу в качестве фермеров или скотоводов, не понравилось, что их призвали в полицию. Это опасная работа среди таких индейцев, как навахо, и человек, белый или индеец, который принимает на себя эту обязанность, ожидает гарантированного внимания и поддержки, если произойдет что-нибудь неприятное. И со временем все они слышали о деле Уолтера Рунке, а также об очаровательном опыте преданных подчиненных этого Агента.

Несколько раз мои белые помощники при содействии индийской полиции производили аресты в лагерях в преддверные часы и забирали у них заключенных. Несколько раз им удавалось доставлять заключенных в Агентство, и извинения гауптвахты не помогали их удержать. После того, как я заново укрепил оконные решетки и поставил двойную решетку на двери, а также приковал нескольких достойных к стене, эффект наказания немного улучшился. Но я мог сделать это только после того, как добыл виновных, а охота на них становилась все более и более опасной. Однажды ночью, между десятью и двумя часами, я обыскал несколько лагерей навахо на севере в поисках сбежавшего заключенного. Вероятно, это было опасное мероприятие, поскольку невинные индейцы чувствовали себя оскорбленными вторжением в их частную жизнь, а виновный имел удовольствие перехитрить меня — очень легкое представление.

Когда в следующий раз было объявлено о танцах, я собрал индийскую полицию, судей и дюжину влиятельных вождей племени. Я посоветовал им всем [\[301\]](#) помочь в этой кампании против пьянства, которое губило их молодежь; и они пообещали это сделать. Особенно серьезно относились к этому старшие вожди. Они не хотели, чтобы племя подверглось дискредитации, с высокой вероятностью нескольких убийств в придачу. Около двадцати мужчин направились к месту проведения танцев, и все поклялись проявить все свои лучшие моральные качества, отеческие советы и мирное проникновение.

Два дня спустя группа возмущенных руководителей собралась в моем кабинете. Очевидно, они были чем-то разгневаны; и представитель говорил прямо.

“Мы потерпели неудачу”, - сказал он. “После полуночи начали появляться пьяницы, которые танцевали, кричали и раздражали порядочных людей. Несколько арестовала полиция, но их поддерживали другие, и полиция ничего не могла сделать, не опасаясь причинить кому-нибудь вред. Тогда мы, старики, взяли их пристыдить. Они восстали против всех нас и погнали нас сломя голову из лагеря - полицию, судей, вождей. Это дело ставит нас в позорное положение перед нашим народом. Мы хотим, чтобы вы написали в Вашингтон, призывая солдат. Они посылали сюда солдат раньше и могут сделать это снова. Они нужны нам. Скажите это Вашингтону”.

Но как раз в то время руки Вашингтона были заняты пишущими машинками, требующими от немцев строгой отчетности на бумаге; а одна Вилла вела разведку вдоль границы.

Моей последней надеждой было поймать контрабандистов в ловушку до того, как они доберутся до места утилизации. И, следуя этому методу, получилось так, что Одноглазый Дэн и его напарник, родом из района Форт Дефианс, были арестованы, когда ехали на север в мою резервацию. У них был багажник, набитый самой дьявольской выпивкой. Оно было в [\[302\]](#) стандартных бутылках со всеми неповрежденными уплотнителями; но донышки были

закупорены электрическим способом, и вкусное пойло заменено смесью, напоминающей табак "Боевой топор", разведенный в растворе азотной кислоты. Два глотка этого напитка заставили бы кролика напасть на рысь. И за этот энтузиазм индейцы навахо охотно платили бы тридцать пять долларов за квартиру.

Мы не потеряли много времени, допрашивая этих парней. В Прескотте, Аризона, заседал Федеральный суд. Одноглазый Дэн и др., арестованные в полдень, были доставлены в Агентство к двум часам, а к трем автомобили с этими джентри, свидетелями и вещественными доказательствами покатали к железной дороге. Мы садились на ночной поезд и быстро справлялись с этим: один день торговали вразнос в империи, на следующий - в суде, готовые к вынесению приговора. Дэна и его товарища удобно устроили на заднем сиденье, сковав наручниками. Навахо, не колеблясь, выпрыгнет из машины, если будет свободен, и тогда его либо отпустят, либо пристрелят. Пристреливать его не стоит.

Но мы задержались. По этой местности нельзя развивать скорость в среднем двадцать миль в час, и было около шести часов, когда мы добрались до фактории Индиан-Уэллс, расположенной сразу за границей резервации. По всему этому району навахо расселены на альтернативных участках земли, находящихся в ведении Агентства по делам индейцев Леупп, и это не "резервация" сплошного квартала. Промежуточные участки - это "железнодорожные земли", бонусные гранты на строительство того, что сейчас является системой Санта-Фе. Таким образом, правительство отдало первой железной дороге очень большую часть Юго-Запада, в то время казавшуюся неважной и непроизводительной страной, и названия Санта-Фе можно было найти в сорока милях по обе стороны от ее путей. Индейцы ничего не знали об этих бумажных отчетах и кочевали без разбора [\[303\]](#) со своими лагерями и овцами, пререкаясь из—за воды со скотоводами, арендовавшими ее у железной дороги, с подозрением относясь к тем немногим, кто покупал напрямую; и Вашингтон счел это - и до сих пор считает — "очень запутанным вопросом".

Фактория была закрыта, ее владелец ужинал. Но на каменном пороге сидел удрученный навахо, который, казалось, проиграл отчаянную битву. Его голова, лицо и рубашка были покрыты кровью, часть которой засохла, а часть свежей он все еще пытался остановить. Как раз в этот момент появился торговец.

"Рад, что вы приехали", - сказал он с явным облегчением. "Я думал, что с этим делать. Я видел все это дело. Этот человек подрался с двумя навахо там, в квартире. Они проходили здесь несколько дней назад, направлялись на железную дорогу за выпивкой. Похоже, они отомстили за это, но не отдали этому парню его долю. В любом случае, они подрались, ударив его по голове своими сорокапятизарядными пистолетами. Последние полчаса я мыл ему голову.

Он мог бы назвать имена этих двоих и расположение их домашнего лагеря.

"Сразу за холмами", - сказал он, махнув рукой. "Самое большее, не больше двух миль. Их нужно затянуть."

"Это не в моей юрисдикции", - сказал я. "Их агент в пятидесяти милях отсюда, и в ста милях в обход железной дороги".

“Когда он доберется сюда, - сказал торговец, - выпивка и все остальное исчезнут, и, возможно, возникнет еще пара ссор; нравится это кому-то или нет, но убийство совершено”.

“Они собрались, чтобы попеть? - Спросил я.

“Нет, ничего подобного не запланировано. Они направляются на север, в вашу страну, по пути немного торгуя вразнос”. [\[304\]](#)

Теперь казалось, что кто-то должен что-то предпринять, не дожидаясь телеграмм и горстки печатных брошюр. У меня уже был Одноглазый Дэн и трое “специальных помощников”, которые должны были помочь в поимке тех, кто зарезал парня на пороге. Пострадавший мужчина согласился опознать себя и предстать перед ними. Мы собирались упаковать все снаряжение и предстать вчетвером перед судом на следующий день. След был теплым, и агент Леурр не мог надеяться прибыть раньше следующего дня. И это было всего в двух милях от холма.

- Мы поужинаем, а потом позовем этих парней, если ты, - он имел в виду торговца, - покажешь дорогу.

“Конечно, сделаю,” согласился он.

После еды он поехал впереди на своей машине, а мы последовали за ним. Через две мили через холм! Это правда, что мы нашли один заброшенный лагерь. А потом мы шли все дальше и дальше. Был отдан приказ: тишина и выключить свет. Дорога в страну Касл-Батт извилиста, она проходит по небольшим крутым холмам и спускается по узким перелескам. Когда мы проехали пять миль, наступила глубокая ночь, освещаемая только туманной луной, которая несколько затемняла все в этих извилистых маленьких долинах и ущельях. Внезапно торговец остановил свою машину.

- По-моему, это один из них, - крикнул он.

Впереди нас показался пони. Двое помощников шерифа выскочили из машины и побежали вперед, чтобы увидеть мужчину и мальчика на одной лошади. Мужчина и мальчик тоже вышли. В машине его опознали как одного из нападавших. Пони отпустили пастись. Мужчина присоединился к Одноглазому Дэну *и др.* на заднем сиденье еще одна пара наручников обеспечивала безопасность троих в одном отделении.

Но мы не учли мальчика. Ему было около десяти лет, и все происходящее казалось ему загадочным, если не сказать тревожным. Когда он понял, что странные [\[305\]](#) люди заковали в цепи его родственника, он поднял душераздирающий вопль к Небесам. Сейчас было не время и не место для объяснений, поэтому мы заткнули ему рот носовым платком и приготовились идти дальше.

“Сколько еще? - Спросил я проводника.

- Сразу за следующим холмом.

“Ну, этот спидометр показывает, что мы проехали семь миль.

“Со следующего поля мы увидим лагерь”, - уверенно заверил он меня.

-Сколько человек там живет?

“Две семьи”.

А со следующего подъема мы увидели свет костра.

“Похоже, лагерь побольше этого”, - сказал я ему. “Ты уверен, что там не поют?”

“ За последние несколько дней никаких признаков пожара. Огонь в загоне, сразу за их хоганами.

“ Тогда подгоните все три машины как можно ближе к воротам. Держите пленников в последней, в тени, и не показывайте оружие. Я зайду и разберусь. Если вы, ребята, услышите шум, можете подниматься ”.

Свет костра становился ярче по мере того, как мы ползли дальше, ведя машины как можно бесшумнее, а в пустыне этому учатся. Загон был большой, бревна стояли торчком, и свет от костра струился сквозь щели. Заглянуть внутрь можно было только очень близко. Примерно в двадцати ярдах от ворот или въезда мы выстроили машины в линию, направив фары на этот проем. Это попытка столкнуться с ярким автоматическим фонарем, и у тех, кто за ним, есть преимущество. Я спрыгнул со ступеньки и быстро пошел вперед, держа в руках хлыст.

В незнакомой стране и среди незнакомых индейцев ружье может оказаться опасным оружием, но это не мешает носить хлыст с заряженной рукоятью. [\[306\]](#)

Если кто-то и услышал крики мальчика или наше приближение, то виду не подал. Очевидно, слышать было некому. Место казалось пустынным. За пределами загона можно было увидеть только безмолвный лагерь, необитаемый, бесшумный, освещенный огромной волной яркого света. Ни одна собака не поднялась на ноги. Это было очень странно и решительно не походило на большинство лагерей навахо.

Быстрым шагом я прошел через ворота загона и столкнулся лицом к лицу с пятьюдесятью или более рослыми индейцами навахо, все мужчины, столпившиеся вместе в ожидании. И каждый из них смотрел на меня так, словно спрашивал, зачем я пришел. Они знали, что я не их Нахтани.

Пути назад не было. Мне пришлось бы рискнуть их трезвым или пьяным состоянием. Я подошел к костру и спросил, стараясь выглядеть как можно более беззаботным: “Где Битани Бега?”

Молчание — это угрюмое, презрительное молчание подозрительного навахо, который не вышел вперед, чтобы поприветствовать кого-либо, и который скроет все, что ему известно, за маской равнодушного и флегматичного невежества. Я оглядел их, гадая, все ли они мне незнакомы. Колония моих навахо жила на южной границе и торговала на посту в Индиан-Уэллсе; но я не видел ни одного человека из них. Затем во всей этой толпе я заметил образованное лицо. Человек учится отличать навахо, который ходил в школу, от того, кто никогда не стригся. У первого более острое выражение, более яркие черты лица, хотя его

волосы, возможно, снова неухожены. Я подошел к нему и спросил: “В какую школу ты ходил?”

Он на мгновение заколебался, словно отрицая свое знание английского, а затем ответил: “В Леуппе”.

“Почему ты раньше ничего не сказал? Ты меня знаешь?” [\[307\]](#)

“Да”, - сказал он. “Я помню тебя в Леуппе. Я тогда был маленьким мальчиком, и ты уехал. Ты где-то здесь, наверно, суперинтендант.

Теперь мне стало легче. Но мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из них вышел на улицу, узнав, что у меня в машине трое навахо в наручниках, а один из них - их собственный, не говоря уже о мальчике, которому заткнули рот кляпом. Как раз в этот момент в воротах появились торговец и один из моих помощников, которые ждали достаточно долго и гадали, что со мной случилось. Я велел им остановиться там; и, как я и ожидал, пока они были там, никто из толпы не пытался выйти.

“Вы можете перевести для меня”, - сказал я вернувшемуся студенту. “Я ищу человека по имени Битани Бега, который живет в этом районе и продает выпивку. Сегодня днем он избил другого навахо в Индиан-Уэллсе. Я хочу знать, где он.”

Молодой навахо проговорил это толпе.

“Ер-тен”, - начали восклицать они разными тонами, качая головами, подразумевая, что это было совершенно за пределами их знаний.

“Вы видите здесь этого парня?” Я окликнул торговца, размышляя, что мне делать, если он его узнает. Но торговец покачал головой.

В одном конце загона находилось укрытие из тростника или навес. Под ним было разбросано походное снаряжение: сбруя, ящики, бочки для переноски воды и укрытые одеялами свертки.

“Скажи им, что я собираюсь обыскать лагерь”, - сказал я.

“Искать что?” - спросили несколько человек.

“За выпивкой”, и без всякой уверенности, что мне позволят продолжать долго, я пошел на это. Это была просто демонстрация, для соблюдения приличий. Любое количество спиртного было бы припрятано снаружи, и [\[308\]](#) поскольку все присутствующие были трезвы, маловероятно, что его принесли внутрь. Моей единственной идеей было немного поблефовать с ними, а потом уйти. Я искренне хотел уйти без суеты. Несомненно, они собрались для попойки, и у меня был один из них, а второй бутлегер, вероятно, в этот момент наблюдал за происходящим из кустов на склоне холма. Позже ночью они приветствовали его и его ассортимент бутылочных напитков trouble. Они ушли со своими вещами, и я не смог найти никакой контрабанды в различных тюках и бочонках, разбросанных под навесом.

“ Скажи этим людям, что я отправляюсь в Леупп. Если здесь происходит какая-то пьянка, вы можете ожидать, что Нахтани услышит об этом”.

Они восприняли это молча, но это было молчание, которое, казалось, не сулило мне большого благословения. Мужчины у ворот развернули машины, чтобы уехать оттуда, и тогда я вышел из загона, неся с собой уверенность, что я что-то едва не упустил. И если вы не понимаете моих эмоций, если вы думаете, что я был напрасно встревожен, я не могу надеяться убедить вас или объяснить, как можно испытывать враждебность и негодование среди этих людей из пустыни. Мне не были рады в том лагере, и, скорее всего, для меня было хорошо, что я не нашел Битани Бега.

Дорога, ведущая прочь от лагеря, теперь была нам лучше известна, и мы не теряли времени даром. В первом лагере мы высадили мальчика, и он юркнул в тень, после чего последовала лекция на языке навахо.

“Как дела с переправой через Коттонвуд?” - спросил кто-то торговца.

“Все в порядке, если ты знаешь, куда бить”, - ответил он. “Иди вниз и жди меня. Я возьму в магазине пальто и пару лопат, а потом провожу вас [\[309\]](#) через реку. Не пытайся делать это без меня. Ты, конечно, увязнешь.

Он оставил нас за следующим поворотом, и мы направились к перекрестку. В те дни моста еще не было, а Тополиный лес был отвратительным местом. Иногда можно было перейти прямо через реку, а в другое время ему не мешало бы пройти несколько миль вверх по уошу, чтобы переправиться и вернуться. Мы осторожно поехали дальше и добрались до края кочковатого места, и нам ничего не оставалось, как ждать возвращения торговца. Ночь уже прояснилась, воздух был свежим, а звезды яркими.

“Я посмотрю, не нужна ли двигателю вода”, - сказал один из мужчин.

Трое заключенных задремали на заднем сиденье. Мы оба вышли и прислонили винтовки к переднему крылу. Водитель другой машины сделал то же самое. Напоив железных коней, мы отошли на несколько ярдов и стояли, разговаривая, как вдруг один из мужчин вскинул руку и крикнул: “Слушайте!”

На открытых пространствах шум слышен издали, а мы покинули холмы и теперь находились на большой равнине. В тихом воздухе послышался стук множества копыт, барабанная дробь, несущихся прямо на нас. Быстрое бегство обратно к машинам и винтовкам. Через уош без проводника было невозможно переправиться. Мы развернули машины на обочине и выключили фары.

Конечно, мы подумали, что мальчик вернулся, и теперь они собирались спасти своего захваченного соседа. Естественно, они будут искать нас на перекрестке. Я передернул ружейный рычаг и вставил патрон в казенник и перегнулся через двигатель. Между нами была бы машина.

Стук копыт приближался, приближалась дюжина или больше пони.

“Аптохуллоа!” - взревел здоровяк-скотовод, и это слово, которое он [\[310\]](#) мог выпустить как бортовой залп. Они натянули поводья, группа призрачных всадников.

“Куда ты идешь?” было взято из нашего небольшого знания языка навахо. Затем один из них выехал вперед, и мы узнали человека из лагеря под ушем.

“ Еду домой, ” просто сказал он.

Мы не могли найти в этом никакой вины и сказали об этом. Их пони медленно и осторожно начали пересекать болото, следуя окольной тропинке. Еще одно волнение оборвалось. Это страна, где никогда ничего не происходит до тех пор, пока из-за несчастья или недоразумения не произойдет совершенно неожиданное.

Когда подошел наш проводник, мы тоже перешли реку и через три часа добрались до тюрьмы Холбрук. Ответственный заместитель шерифа сказал, что все отели заполнены, а мы слишком устали, чтобы искать жилье в другом месте. Отряд с благодарностью примет все, что можно сделать для заключенных. Так что в ту ночь мы все проспали за решеткой.

Очень рано я нашел врача, который осмотрел и перевязал раны нашего избитого свидетеля, и я телеграфировал индийскому агенту Leurr за инструкциями относительно одного заключенного из его провинции Бидахоче. Он ответил, что придет за этим человеком. Мы обратились в суд с делами о спиртном.¹ Там одноглазый Дэн и его напарник признали себя виновными и были приговорены к оставшимся нескольким месяцам в [\[311\]](#) тюрьме; откуда, восстановив силы и построив новые планы, они вернулись к игре за городом с обновленным духом.

Мой коллега из агентства Leurr поступил по-другому. Заявитель и заключенный были доставлены в его штаб-квартиру, где он заслушал дело как Нахтани и приговорил виновного к длительному сроку лишения свободы в колонии строгого режима. Однако это и близко не произвело такого впечатления на индийца, как судебное разбирательство в иностранном суде, удаленном от индийской страны; но жаль, что обстоятельства поимки и возможность совершения преступления имеют столь малое значение, когда виновный индеец предстает перед теми, кто не знаком с его повседневной жизнью. [\[312\]](#)

¹ Разделы 2140 и 2141 Пересмотренного устава Соединенных Штатов вместе с более поздними законами и поправками уполномочивают индийских агентов и их уполномоченных заместителей искать, конфисковывать и уничтожать опьяняющие напитки на территории Индии, изымать транспортные средства, уничтожать перегонные кубы и преследовать в федеральных судах лиц, нарушающих эти законы. Индийские агенты и их “специальные заместители” по закону наделены полномочиями судебных приставов Соединенных Штатов и их заместителей для выполнения этой работы. Хранение одурманивающих напитков в Индии на первый взгляд является доказательством незаконного ввоза.

Хотя положения Закона о национальном запрете ограничивали эти полномочия на определенный период, Верховный суд Соединенных Штатов постановил, что более ранние законы, принятые для контроля над территорией Индии, не противоречат Закону о национальном запрете и не были отменены им. Сегодня индийский агент обладает практически всеми первоначальными полномочиями, с помощью которых можно пресекать торговлю спиртным в пределах своей юрисдикции. ¹

[\[Содержание\]](#)

УДЕРЖИВАЕМЫЙ С ЦЕЛЬЮ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫКУПА

Это всегда является искушением для богатой и ленивой нации,

Надувать губы, выглядеть важным и говорить:

“Хотя мы знаем, что должны победить тебя,

У нас нет времени встречаться с вами.

Поэтому мы заплатим вам наличными, чтобы вы уехали”.

И это называется оплатой дангельда;

Но мы доказывали это снова и снова,

Что если после того, как вы заплатите ему датчанин-гельд

Ты никогда не избавишься от датчанина.

—*Песни из английской истории*

Долгих семь лет я жил в двухпенсовом доме при Агентстве, комнаты в котором были девять на двенадцать, а полы неровными. Я решил увеличить его размеры, чтобы трое или четверо посетителей могли разместиться в одной комнате, не вынуждая хозяина выходить наружу. Это потребовало демонтажа нескольких стен, и в течение нескольких месяцев я спал на сквозняке, окруженный обломками штукатурки, грудями досок, досками для раствора и банками из-под краски. Если кто-то хотел позвонить, он вскарабкивался по длинной доске с прибитыми к ней планками, переваливался через обломки и проецировал себя в мою спальню. Это был буквально сплошной дверной проем, и он открывался в Пустыню.

Однажды утром, около трех часов ночи, меня разбудил оглушительный грохот. Кто-то настойчиво звал Мунгви. Я включил фонарик и спас индийского полицейского из ловушки из металла - токарного станка и строительных лесов. Это был один из племени тева, который въехал внутрь. [313](#)

“В чем проблема?” Я спросил его.

“В Уош—вепо застрелен человек-навахо; и за это они задержали хопи. Билла Чеззи говорит, что мы должны убить его *немедленно*. Приезжай прямо сейчас и останови это. Вот письмо”.

Записка, которую он передал мне, была поспешно написана индианкой с горной горы, и она была настолько полна необходимости моего приезда, “чтобы остановить это”, что не смогла изложить все факты. Однако оказалось, что несчастный хопи, взятый в плен северными навахо, должен был быть зарезан до захода солнца; а солнце уже зашло и вот-вот должно было взойти снова.

Я пробудил врача и крупного скотовода ото сна.

- Мы выступаем на рассвете, так что будь готов.

Скотовод вызвал переводчика с языка навахо, и они начали ремонтировать автомобиль Ford в надежде, что он выдержит нервотрепку.

Как раз на рассвете прискакал племенной навахо с еще одной запиской. Это было от грозного Эда, который сейчас торгует в стране Бакидбахоцне на центральном Севере и который держал меня в курсе событий с той далекой станции.

Билла Чеззи и его банда держат здесь мальчика-хопи, и всю прошлую ночь они спорили, чтобы убить его. Я посоветовал им послать за тобой. Они не в лучшем настроении. Кажется, этот мальчик-хопи застрелил мальчика-навахо. Приведите доктора. Навахо еще не умер.

Теперь это выглядело немного лучше, но в его последней фразе была зловещая вероятность. "Навахо не мертв — пока".

В машине нас было четверо: врач, скотовод, переводчик с индийского и я. Несколько [\[314\]](#) полицейских с грохотом пробирались по более коротким тропинкам, но я не чувствовал, что они сильно помогут делу. Достигнув Первой возвышенности, мы узнали, что парень-хопи по имени Лидж Палакуто, сын Па-ла, вдовы, которому было около четырнадцати лет, пас овец в верховьях реки Вепо. У него было ружье 22-го калибра. Когда он не вернулся с наступлением темноты, в ходе поисков выяснилось, что он попал в руки навахо из племени Блэк Маунтин. Он каким-то образом и по какой-то неизвестной причине застрелил мальчика-навахо, примерно на два года старше его самого.

Нам пришлось бы обогнуть Первую горную гору и ехать по пескам долины Вепо, но при этом изобретение Генри показало бы лучшее время, чем традиционный бронк. В романе, требующем на этой стадии захватывающего спасения, мы должны были бы броситься в загон, усмирить нескольких озябших и сопротивляющихся лошадей и потратить четыре часа на то, чтобы пробираться по песку и гальке, чтобы прибыть с грохотом, среди пыли и револьверного дыма. Мы должны были броситься на них, дать залп, мимоходом сбить парня с ног, ринуться дальше и исчезнуть в сиянии славы. Да, я написал что-то вроде тонизирующего средства для нервов. Но мы ничего подобного не делали. Мы использовали Ford. И, несмотря на все воображение и нервную энергию, в Ford нет славы.

Но более прозаичным способом мы могли бы совершить поездку за два часа, не натерев седла, имея при себе все, что считалось необходимым, инструменты на случай любой возможной чрезвычайной ситуации. У доктора был свой набор для его метода спасения жизни. Там были два карабина "Винчестер", скотник взял с собой свой кавалерийский 45-го калибра, а я носил на пружинной перевязи под левой рукой один из специальных автоматов мистера Кольта. Там это не привлекало внимания, никому не мешало и могло быть снято менее чем за час. Правительство [\[315\]](#) официальные лица в Вашингтоне считают эти дополнения совершенно ненужными и часто пишут слова на этот счет; и они не нужны в Вашингтоне, где пишущих чиновников, которые к ним относятся неодобрительно, обычно

можно найти за письменными столами, разрабатывающими планы будущих кампаний. Счет за это дело не был выставлен Вашингтону. Оно не касалось автомобильного движения. Действие должно было происходить в верхнем Уош-Вепо, и в записке Эда говорилось, что Билла Чеззи раздраженно стоит во главе своей банды. Следует иметь в виду, что навахо ходят вооруженными. В этой толпе должно было быть много сорокапятизарядных пистолетов и несколько тяжелых винтовок. Я помешал им закупать боеприпасы у лицензированных торговцев резервации, но никто не препятствовал им закупать их за пределами резервации, у нерегулируемых торговцев и в железнодорожных городах. Как федеральный закон, так и закон штата Аризона запрещают поставку индейцам оружия или боеприпасов, и, несмотря на многочисленные убийства в стране навахо, эти законы были самой мертвой из несуществующих букв.

Возможно, следуя недавним наставлениям, нам следовало бы взять с собой принадлежности для приготовления чая вместе с несколькими сборниками гимнов. Однако у меня были и другие идеи на этот счет. Я вспомнил, как этот любимый сын Пустыни, а именно Билла Чеззи, задержал торговца Хаббелла, угрожая ему винтовкой, пока его не обезоружили, не одолели и не приковали к столбу. Как он начал войну против бывшего суперинтенданта. Как другой пионер Аризоны был вынужден избить Биллу почти до смерти, защищая свою собственную жизнь. Это последнее дело произошло в форте Дефианс. И, конечно, если быть справедливым к шефу, он всегда был пьян; но мог ли я быть уверен в его трезвости в этом случае?

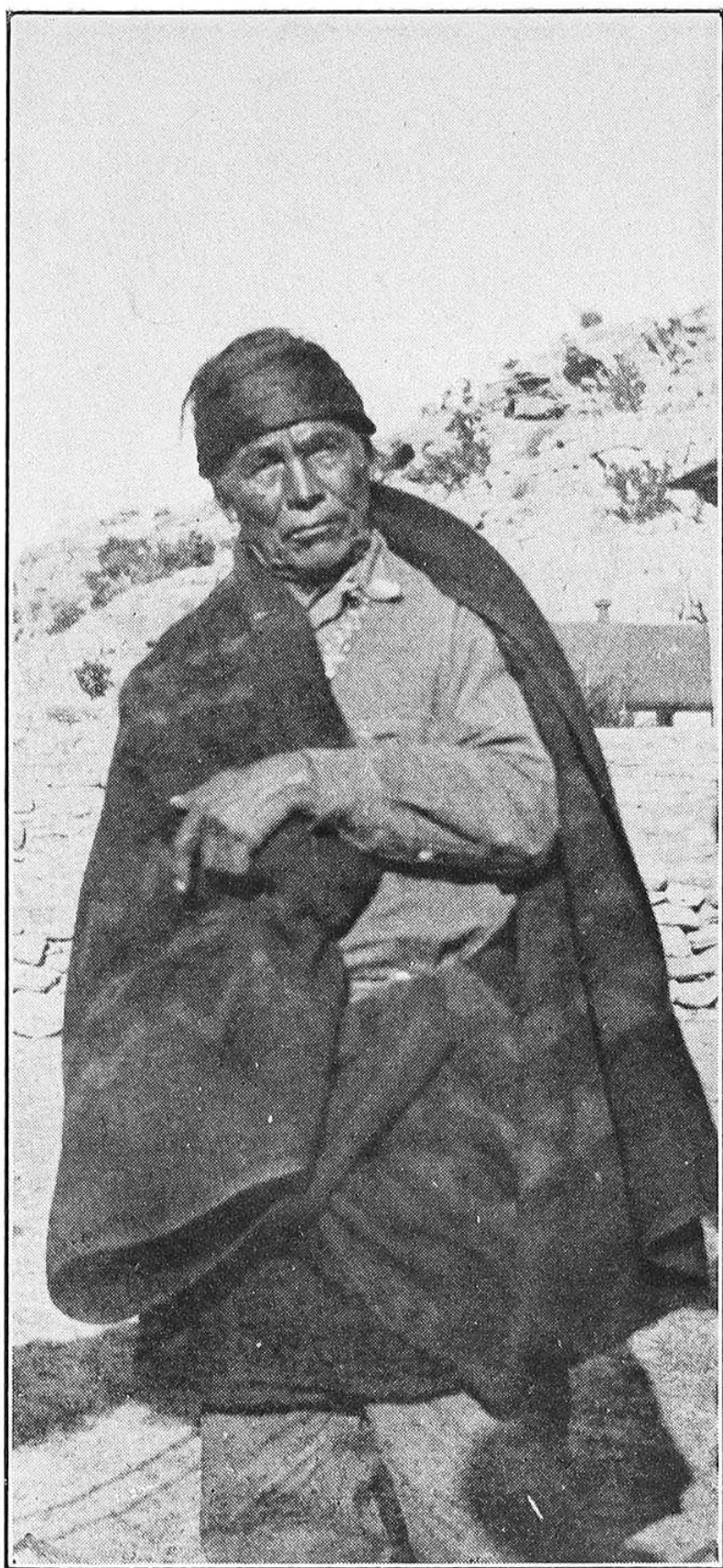
Когда машина обогнула вершину Первого холма, я посоветовал врачу следующее:— [\[316\]](#)

“Эд, кажется, думает, что этот мальчик-навахо не выживет. Будем надеяться, что он будет жив, когда мы туда доберемся. Вы осмотрите его и при первой возможности, не вызывая волнения, сообщите мне о том, как долго он протянет. У меня будет ровно столько времени, чтобы все уладить. Возможно, мне это понадобится.

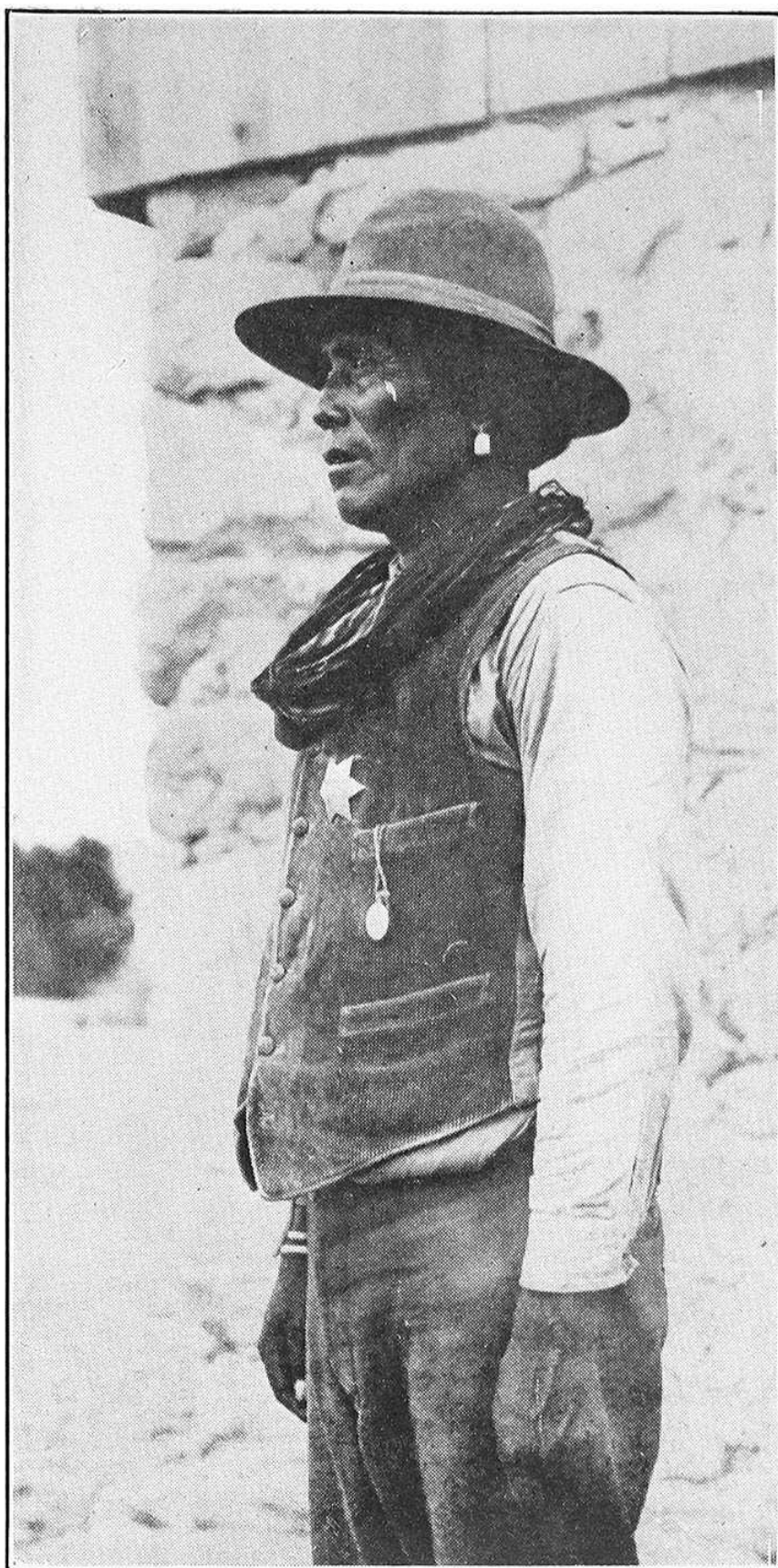
- А если он умрет? - спросил доктор.

“Я надеюсь, что он не умрет, пока я не приму меры. Если он начнет действовать до этого, я просто не знаю, что произойдет”.

И это, по-видимому, не успокоило врача.

БИЛЛА ЧЕЗЗИ: ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ СЕВЕРНЫХ НАВАХО

НЕЛЬСОН ОЯПИНГ: НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ ТЕВА

Полчаса спустя мы увидели их, большую группу индейцев на центральной равнине. Некоторые из них были верхом, но по большей части они отпустили своих пони пастись и шли пешком. Именно там, среди них, вероятно, разглагольствующих, я нашел бы старого Биллу Чеззи, по прозвищу Скрюченные Пальцы, с черным шелковым платком, обмотанным вокруг головы, - идеальный образ бандита из пустыни. Старый, морщинистый, с желтыми зубами, с затуманенными глазами, которые сужались, когда он становился угрюмым, Билла Чеззи был не самым приятным из вождей навахо.

“Когда мы доберемся туда,” сказал я скотоводу, - поищи этого мальчика-хопи. Если ты увидишь мальчика хопи и у тебя будет возможность, посади его в машину, а потом оставайся с ним”.

“Что тогда? - спросил он.

- Ну, если он им так сильно нужен, заставь их залезть в машину и вытащить его оттуда.

- Ты хочешь, чтобы я вышиб одного из этих парней, если они попытаются это сделать?

“Нет, это никому не поможет. Просто заставь их забрать его у тебя силой. Боюсь, у тебя не будет такой возможности. Держите пистолет на сиденье, но не пользуйтесь им”. [\[317\]](#)

— Ты имеешь в виду - просто позволить им увидеть, что это присутствует?

“Совершенно верно. Но не совершай ошибку, направляя пистолет на кого-нибудь из них, даже если он заберется внутрь.

Для навахо на его родной пустоши игра с оружием вхолостую - очень опасный эксперимент, который может оказаться серьезной ошибкой. Если кто-то достает пистолет, навахо ожидает, что им воспользуются. У него тоже есть пистолет за поясом, правительство слишком миролюбиво, чтобы возражать. Здесь нет деликатных предварительных замечаний, таких как обычное приглашение поднять руки и вести себя прилично. Навахо рассуждает просто, что пистолет все равно выстрелит ему в лицо, и он надеется опередить кого-нибудь. Это не демонстрация его мужества или рассудительности; не что иное, как невежественный фатализм. В то время как немногие индейцы совершают самоубийство, часто угрюмый навахо объявляет, что он вот-вот умрет, и, возможно, если джины воздействуют на него достаточно сильно, он может сделать шаг навстречу этому событию. Тем не менее, это нормально, и не вызывает никаких комментариев или оскорблений то, что пистолет "снотворный" находится на виду. Навахо привыкли к оружию, и этот жест не означает потенциальной угрозы.

Примерно в шестидесяти ярдах от группы индейцев мы нашли убежище на обочине дороги. Он был сооружен наспех — из тополевых жердей, поверх которых было натянуто одеяло, чтобы создать небольшую тень. Доктор наклонился и заполз внутрь, чтобы осмотреть своего пациента. Там были несколько старших членов семьи, помимо матери и отца мальчика, и я пожал им руки. Через несколько мгновений скотника хватились, но когда я в следующий раз посмотрел в сторону машины, он вернулся туда. Рядом с ним примостился маленький мальчик хопи.

“Я поймал его,” крикнул он мне.

Эта часть операции была закончена хорошо, но вопрос о том, оставить ли его у себя, еще не был решен. Как раз в этот момент врач выполз из укрытия без всякой радости на лице.

“Плохо,” сказал он. “Выстрел пришелся прямо в верхнюю часть [\[318\]](#) черепа. Выглядит так, словно в него стреляли сверху. Он может прожить час, не больше.

Теперь со стороны горных холмов собирались хопи. Мы встретили нескольких из них на дороге, они решительно тащились вперед. Впервые за все время моего общения с ними они упрямо направлялись в страну споров, чтобы посоветоваться со старым врагом и при необходимости оказать ему сопротивление. Все выглядело так, как будто будет драка, если только кто-нибудь не ослабеет.

“Они не собираются убивать Лиджа”, - заявил один крепкий парень, когда мы проходили мимо него.

“Помалкивай об этом”, - предостерег я его. “Дай мне поговорить с этими ребятами”.

Итак, когда я подошел к группе навахо, я понял, что хопи подходят и образуют такую же угрюмую группу позади меня. Толпа навахо расступилась, и из нее вышел старый Билла Чеззи. В руке у него было легкое ружье, а на постаревшем лице застыло горестное выражение. Он обнял меня и умолял, как своего младшего брата. А потом слезы, большие, шаровидные слезы, потекли по неровным морщинам на его щеках, когда он рассказал мне о бессмысленном преступлении, которое было совершено против них. Маленький мальчик, подло застреленный, невинный убитый, бессмысленное убийство. И поэтому они должны заплатить кровью за это дело: око за око, — хотя он ничего не знал о священных Книгах. Таков был старый закон Пустыни. И он не выпускал из рук винтовку. Пока он обильно плакал у меня на плече, я наклонился и тоже взял ружье. Затем мы поговорили в духе сочувствия, каждый крепко держался за оружие. Я понял, что это было доказательством по делу.

Когда он продолжил свой рассказ через переводчика, он дошел до упоминания детали пистолета, и [\[319\]](#) мне было необходимо внимательно изучить ее. Сначала он не хотел отдавать его. Но в конце концов уступил. Я открыл затвор и был рад обнаружить, что он пуст. Затем я взял его за ствол, воткнул приклад в песок, и после этого он так и не дотянулся до него. Почему-то мне стало немного легче, когда он был в моем распоряжении. В какой-то мере он передал часть своей проблемы в мои руки.

И мы поговорили. Наконец мы сели на землю, и несколько человек из его группы присоединились к нам, остальные столпились стоя. Теперь я ожидал, что Эд подойдет. Он был лучшим переводчиком в стране навахо и не боялся их. Было ясно, что симпатии моего индийского переводчика в этом споре были не на стороне хопи. Помимо надвигающейся смерти мальчика, здесь была еще одна реальная опасность, от которой вынуждены страдать большинство агентов. Индейцев нельзя торопить с принятием решения. Они должны выговориться, и через разговор всегда ослабляются их обиды. Но ненадежная интерпретация стала причиной смерти не одного человека. “Я исправлю это за тебя”, - молча решает невежественный рупор, возлагая таким образом свои плохие намерения на того, кому в конце концов придется взять на себя ответственность. И иногда он исправляет это слишком хорошо. Редко бывает так, что он интерпретирует всю ценность дискурса. Он

полностью избегает перевода неприятных приказов, поскольку это может вовлечь его в круг его людей; и когда наступит перелом, он наверняка окажется предателем, и его могут признать в значительной степени ответственным за этот перелом. Его симпатии проявились тогда, когда меньше всего ожидалось, и эмоции моего переводчика в этом деле начали проявлять пристрастие.

Наконец раздался долгожданный звонок, и подъехал мистер Томас Э. Тэкер, также известный как “Эд”, честный торговец и прямой собеседник. [\[320\]](#)

“Они всю прошлую ночь занимались этим в магазине”, - сказал он. “У них там был мальчик, и, независимо от того, были они за его убийство или нет. Я сказал им, что в первую очередь им придется считаться с вами, а затем с Вашингтоном, и не начинать ничего, что они, возможно, не смогут закончить. Как поживает другой мальчик?”

- Доктор дал ему жить час, и половина этого срока прошла.

“Тогда заключи сделку, пока они ее не обдумали”, - посоветовал Эд. “Скво издаст вопль, когда умрет”.

Именно этого я и боялся. Прижавшись спиной к этому маленькому убежищу, я жил в страхе перед диким воплем матери-навахо.

“ Но, Читчили, ” в тринадцатый раз сказала Билла Чецци, “ что эта бедная женщина будет делать без своего сына? У нее дома не будет мальчика. Овцы останутся без присмотра, и...

И в четырнадцатый раз я сказал ему, что вопросы такого рода должны решаться в Вашингтоне, этом далеком неопределенном месте, где так мало вопросов когда-либо решается. Вашингтон для индейца имеет силу легенды. Это один из четырех краеугольных камней, город Далай-ламы. Солдаты пришли оттуда, когда навахо согнали в Боске-Редондо в 63-м, и Билла Чеззи мог помнить это, если его сыновья и соседи - нет.

“Что ж, тогда она должна оставить мальчика хопи”, - решил он. “Он больше не может вернуться к своему народу. У нее должен быть сын.

Взглянув на машину, я заметил, что четверо или пятеро крепких индейцев, прислонившись к ней, разговаривают со скотоводом. Он взял мальчика хопи между колен. Я испугался, что может произойти какая-нибудь глупость, и вернулся. [\[321\]](#)

“Они были здесь уже четыре раза, - сказал он, - но у них так и не хватило духу что-либо начать”.

Собралось по меньшей мере пятьдесят индейцев хопи; они стояли поодаль, наблюдая и выжидая.

“ У вас, ребята, есть с собой деньги, кэш? Я спросил их.

У хопи всегда можно рассчитывать на то, что у них найдется что-нибудь на черный день, а вероятность шторма была очень велика.

“У меня есть пять долларов”, - сказал один из них.

“ Возьми у остальных, что сможешь. Сотня - это не слишком много. А затем обратился к другим скотоводам: “У вас, ребята, есть какой-нибудь скот на этой отмели?”

“ Наш скот вон там, - указываю я.

“Дело вот в чем”, - объяснил я. “Мы не можем бороться с этой бандой. Мальчик скоро умрет. Мне придется откупиться от них. Сколько бычков я могу взять из ваших нескольких стай?

Это вполне соответствовало методу хопи по борьбе с агрессивными навахо, которые так долго их угнетали. Они провели быстрое обсуждение и быстро пришли к решению.

“Все, что вам для этого нужно”, - сказал пресс-секретарь.

“Поймите: я не думаю, что Вашингтон одобрит наше задержание, и я верну вам деньги, если это возможно”.

Он кивнул.

“ Возьми кого-нибудь из мальчиков и собери этот скот. Мне, вероятно, потребуется семь или восемь двухлеток.

К этому времени они тоже собрали пачку банкнот. Я вернулся к навахо и снова заговорил.

“Давайте разберемся в этом”, - сказал я Билле Чеззи. “Эта стрельба не была похожа на драку между двумя мужчинами, врагами. Это были мальчики — дети. Возможно, они играли [\[322\]](#) вместе. Это был несчастный случай. Конечно, это беспечный мальчик, и Вашингтон не хочет, чтобы он разгуливал по этой стране. Рано или поздно он, вероятно, причинил бы вред кому-нибудь еще. И я отправлю его туда, где он больше не сможет причинить вред людям. У нас есть такие места для плохих парней ”.

“ Но что эта бедная женщина сделает ради сына? он захныкал.

“ Тебе придется найти ей сына из племени навахо. Она не хотела бы мальчика из племени хопи. Каждый раз, когда она смотрела на него, она думала об этом и грустила. Так не пойдет. Вот что я сделаю для отца и матери: я получу деньги от этих хопи, а то, чего не хватает, я оплачу скотом”.

МАЛЬЧИК - навахо , КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ХОДИЛ НИ В КАКУЮ ШКОЛУ

Они посовещались. Некоторые поворчали, но я знал, что большинство из них сочли бы скот лучшей собственностью, чем мальчика-хопи, за которым нужно присматривать. Они также увидели, что скотоводы хопи были заняты сбором стада. Затем они немного поговорили с торговцем, который был человеком, дающим хорошие советы. Эд обратился ко мне: —

— Они хотят знать, останетесь ли вы с раненым мальчиком, пока он не умрет, - вы и доктор; а потом вы распорядитесь, чтобы его похоронили?

- Да, мы позаботимся об этом.

- И они хотят знать, заплатите ли вы им сейчас, сегодня?

- Как только из связки будут вырезаны бычки.

Затем я достал деньги. Они жадно посмотрели на них. Мы договорились примерно на пятьсот долларов наличными и акциями по текущим ценам. Дюжина навахо усккала помогать разделывать животных, и я послал хопи сосчитать. Толпа начала расходиться. [323] Кое-что было решено, и они хотели убраться отсюда до того, как Смерть прокрадется по равнине. Навахо испытывают жуткий страх перед мертвыми, но они снова соберутся на траурный пир.

Как раз в этот момент женщина подняла вопль — долгий, дрожащий крик.

Я уже рассказывал в этой хронике, что навахо избегают похорон. Мы похоронили парня в песчаных дюнах неподалеку и отвезли Лиджа в Агентство, по пути предупредив его мать. Вскоре после этого я отправил его в школу, не связанную с резервированием. Было бы хорошо, если бы он покинул Пустыню на несколько лет, — пять было бы не так уж много, — иначе однажды утром его могли бы найти на тропе, когда он шел к тому другому парню, которого он так странно ранил.

От Лиджа не удалось добиться связного рассказа о стрельбе. Я считаю, что мальчик из племени навахо подъехал, увидел пистолет и захотел его заполучить. “Когда навахо видит, что у хопи есть все, что он хочет, он берет это”. Лидж шел пешком. Без сомнения, мальчик-навахо прыгнул со своего пони и, пригнувшись, поднырнул под шею лошади. Лидж, скорее от испуга и смятения, чем от гнева, дал ему по черепу.

Я подготовил отчет об этом деле для Вашингтона. Были изложены подробности, и я сослался на множество сообщений об агрессии навахо, когда хопи всегда были беспомощны и им никогда не оказывали поддержки. Теперь, по крайней мере, фактически, они заставили своего Агента выстоять и выполнить задание. Когда в последний раз они пытались сделать что-то подобное против агента Рубена Перри из Агентства навахо, который был пойман в стране Чин Ли и несколько дней находился в плену, комиссар Фрэнсис Э. Леупп предпринял быстрые, решительные действия. Я [324] не мог сослаться на точно такое же дело, поскольку

проиграли только хопи. Но мне показалось, что следует приложить усилия, чтобы прийти в себя, внушить этим наглым соплеменникам понимание закона.

Я терпеливо ждал. В 1911 году, когда войска находились в резервации, потребовалось четыре месяца, чтобы рассмотреть подобную несправедливость, и к тому времени солдаты ушли; а позже, в отношении ограниченного ареала, из-за которого спорили хопи и навахо, Управление в качестве мягкого исправления заключило, что “это очень запутанный вопрос”.

Но на этот раз было потеряно меньше времени. Ответ был кратким, четким, окончательным. Он был написан на половине листа, поскольку бумагу сэкономили для сокращения государственного долга.

УВАЖАЕМЫЙ МИСТЕР КРЕЙН:

Ваш отчет от ... дата получения, касающийся фактов по делу мальчика хопи по имени Лидж, который застрелил навахо примерно того же возраста.

Ваши действия в этом вопросе одобрены.

Сердечно ваш,

[\[Содержание\]](#)

РАЗЫСКИВАЕТСЯ В СУДЕ

Когда костер закончит прыгать на свою мать,

Он любит лежать, греясь на солнышке;

Ах! сопоставьте одно соображение с другим —

Участь полицейского не из приятных.

—Пираты Пензанса

В Кимс-Каньоне агентство мокви — ныне хопи - построено на террасах. Главная дорога куда угодно и всюду проходит через этот каньон на самом низком уровне, и весь посещающий мир и его жены должны проходить на обозрение перед офисом Агента и его домом. Когда-то на этой территории не было деревьев и кустарника, и было время, когда в сезон проливных дождей в середине лета это место затопляло несколько неглубоких протоков. Рядом с главным каньоном есть отсеки или ниши, а также довольно большой каньон сразу за зданиями завода. Русло его раз или два за лето выбрасывало на шоссе желтую пенистую реку и уносило тонны шлакобетона, который приходилось обновлять. К этому относились терпимо в течение многих лет, когда все, что было необходимо для исправления ситуации, заключалось в том, чтобы проложить прямое русло для ежегодного наводнения, поднять уровень шоссе и перекинуть мост через пункт пересечения.

Этот мост с деревянным покрытием стал для меня ориентиром дорожного движения. По ней прогрохотала бы запоздавшая грузовая бригада, сообщая о припасах; усталая поступь пары запряженных в багги возвестила бы, что доктор или скотовод добрались домой и скоро отчитаются. Редко что-либо объявлялось [\[326\]](#)после десяти часов. Тогда каньон был заколдованным местом, залитым летним лунным светом или призрачно укрытым зимним снегом, тихим, спящим. Когда всадник пересекал этот мост поздней ночью или ранним утром, это был либо индеец, возвращающийся домой, запоздалый, полусонный, либо посыльный Агента. Быстрый галоп, и я ждал, что вот-вот раздастся шуршание мокасин по цементной дорожке и стук плетенки в мою дверь; я собирался сказать, в мои ставни.

Время от времени сообщение содержало в себе трагическую возможность: срочно требовался врач; или известие о чуме среди людей. Можно было бы ожидать, что полиция распространит самые тревожные объявления; но, как ни странно, в двух случаях, граничащих с ближайшей трагедией, разносчиками были женщины.

Один из них, местный работник, пришел поздно ночью и сообщил, что индейцы предложили нарушить карантин и вывезти пациентов из временного госпиталя. Это было во время одной из эпидемий; и хопи страдают от многих болезней из-за своего перенаселенного и антисанитарного образа жизни. Деревни мяса приветствуют любую инфекцию. Это сообщение должен был передать мужчина, но женщина ускользнула, как та, кого меньше всего могли хватиться, и на протяжении двадцати пяти миль по тропам и дорогам

приходили за полицией. В то время в резервации не было телефона. Быстрый шаг пони по мосту разбудил меня. Затем я услышала быстрые шаги на дорожке, затем кто-то поднимался по ступенькам веранды. Если не считать проволочной сетки, входная дверь была открыта.

“ В чем дело? - Спросил я.

Ответа нет.

- Кто это? - спросил я.

Тишина. [\[327\]](#)

Моя рука скользнула к пистолету. Навахо угрожал мне. В 1916 году они технически убили меня, и пресса разнесла эту историю из-за индийского колорита. У меня был необычный опыт чтения своего некролога во многих газетах, и я, возможно, почувствовал бы себя раздутым из-за этого, если бы не уловил нотку сожаления, когда распространился этот слух. Теперь я знал, что на крыльце кто-то есть, и если у этого "кого-то" был веский предлог для присутствия, почему бы не объявить об этом? Как раз в тот момент, когда я приготовился выстрелить по нему, из тишины донесся слабый вздох, как будто человек пытался заговорить и не мог. Женщина страдала от бронхита и потеряла голос во время той прохладной поездки через пустыню. И, возможно, в конце она полностью потеряла дар речи.

Второй случай произошел ранее, летним вечером. На этот раз кто—то ехал быстро - быстрее, чем ездит индеец, если только не произошло чего-то важного. Я обнаружил девушку-индианку у двери. Она была вернувшейся ученицей, которая сообщила мне об этом незадолго до этого, вернувшись домой из школы, не работающей в резервации. Она вернулась в лагерь своего народа. Я не советовал этого делать, потому что ее родственники были среди тех, кто иногда доставлял неприятности. Много лет назад этого единственного члена большой семьи отправили в школу. Через три года она вернулась, и ее снова отослали. Это было единственное, что можно было для нее сделать. В одежде, обучении и мировоззрении она стала инопланетянкой. Когда она снова вернулась домой, она перестала быть дикаркой. Я предупреждал ее, чтобы она не посещала лагеря.

“Оставайся в этой школе на каникулы. Позволь своим людям приезжать сюда, чтобы увидеть тебя. Они придут”.

Но она чувствовала, что должна пойти к матери и сестрам. [\[328\]](#)

“Ну?” Я спросил ее.

“У мужчин было виски”, - сказала она мне. “И они не хотели, чтобы я была там. Они боялись, что я расскажу тебе. И я сказал, что расскажу тебе, если они не перестанут пить. Поэтому они избили меня, и мою сестру тоже”.

“Кто тебя избил?”

“Хоске Нехол Годе”.

“ И кто же это? Я не помню этого имени?

- Он мой двоюродный брат.

Я отвез ее в больницу, и врач сообщил, что у нее были сильные ушибы. Оказалось, что достойная кузина здорово поколотила ее. Имя было мне незнакомо. Возможно, подумал я, он родом из страны Форт Дефианс.

Случилось так, что незадолго до этого был ограблен торговый пункт. Человек, который руководил этим, не был в моем благоволении, поскольку он пытался обойти правила покупки скота. Я конфисковал его покупки и закрыл его бизнес. Индейцы знали, что этот джентльмен потерял официальный статус; поэтому, пока он отсутствовал, ища средства для возобновления работы — а это означает поиск политического влияния, достаточного для того, чтобы внушить благоговейный страх Агенту посредством давления в Вашингтоне, — банда местных негодяев разграбила его магазин. Моим долгом было наказать и этих воров, если я смогу их найти. Полиция забрала большую часть товара, но, конечно, продукты питания и серебряные безделушки так и не были возвращены. Индийские офицеры, проводившие расследование, полагали, что это ограбление могло быть совершено одним Парнем, его братом Джеем и, возможно, другими членами их банды. Эти люди проучились в школе достаточно долго, чтобы усвоить английские имена. Они возглавляли шайку из дюжины или более тухляков, игроков, разносчиков виски, обычных озорников, которые бросали вызов и [\[329\]](#)беспокоили порядочных навахо и беспокоили тех полицейских, которые их не защищали.

Но я не связывал ни Джея, ни Гая с Хоске Нехол Годе. Кто бы мог? Мало надежды провести точную перепись кочевников навахо; и всякий раз, когда кому-то это удастся, он будет иметь удовольствие записать от трех до пяти имен каждого взрослого. В разговорах навахо друг с другом не используют имен. Слишком многие из их титулов означают немощи. Некоторые из их имен не отличаются изяществом; и под этим я подразумеваю, что они достаточно грубы, чтобы оскорбить навахо. Разговаривая с ними через переводчиков, человек учится говорить “этот человек” или “тот мужчина” и не упоминать его имени. Многие из них устанавливают свою идентичность по родству. Вместо того чтобы говорить “я Человек со сломанным носом”, он может называть себя “Шурин Кудрявого”. И поэтому, когда чиновник отправляется на поиски малоизвестного члена племени, разыскивая его под его настоящим именем, он склонен встретиться и поговорить с Шурин Кудрявого или Виктором Гюго, если этот человек ходил в школу и у него был учитель литературы, чтобы узнать, наконец, что родственник Кудрявого по браку, блестящий французский поэт, и Человек со сломанным носом - одно и то же лицо. Эта игра в зайца и гончих часто носит юмористический характер, если только она не может быть опасной.

Теперь также случилось так, что я готовил ряд дел для передачи в Федеральный суд. Поездки из отдаленной пустыни в суд хлопотны и дороги, поэтому предпочитают собирать их по частям и таким образом очищать список дел. Я собирал свидетелей из племен хопи и навахо, и случайно мне понадобилась в качестве одного из них жена “Призрака”. Откуда мне было знать, что жена Призрака была сестрой вернувшегося студента? Эта женщина что-то знала об ограблении. [\[330\]](#) Я не связывал эти два инцидента. И я не знала, что есть еще одна сестра, практически близнец по внешности той, которую разыскивали. В то утро я узнала,

что лучшая половина призрака ткала одеяло в каньоне. Жена Призрака не хотела обращаться в суд и заверила меня, что нужного мне человека можно будет найти в лагере, где вернувшаяся студентка подверглась избиению. Отправившись туда, я мог бы убить двух зайцев одним выстрелом — заполучить жену Призрака и сестру студента, который тоже пострадал. Я действительно ранил двух зайцев, потому что в том лагере я столкнулся и с Гаем, и с Хоске Нехол Годе.

Если я ничего не перепутал, следует напомнить, что я разыскивал Гая за кражу со взломом, а Хоске Нехол Годе - за нападение на двух женщин. Теперь Гай и Хоске Нехол Годе были одним и тем же человеком. Гай не знал, что я подозреваю его в ограблении магазина трейдера, но он прекрасно понимал, что я, возможно, ищу его, чтобы ответить на обвинение в нападении.

Нас было трое — полицейский из Тева, крупный скотовод и я. Мы нашли лагерь недалеко от главной дороги в Гэллап, за деревьями. В нем находились несколько женщин, четверо или пятеро молодых людей, которые быстро удалились, и один крупный, коренастый мужчина, на вид лет двадцати пяти, а на самом деле ему было около тридцати пяти. Мужчины племени навахо не показывают свой истинный возраст, пока им не перевалит за тридцать. Трудно определить их годы, пока на их лицах не начнут прорисовываться морщины.

Среди женщин я узнал копию каньонской ткачихи. Предположив, что это был человек, который что-то знал об ограблении, я начал расспрашивать ее, используя полицейского в качестве переводчика. Индейцы тева обычно говорят на трех языках: своем собственном, хопи и навахо. [\[331\]](#)Здоровяк у костра наострил уши. Он боялся, что она расскажет о побоях, потому что она была сестрой, которую избили; и вот, ее допрашивают по поводу одеял, которые он забрал с фактории. Я не сомневаюсь, что это вызвало у него сильное беспокойство, и вскоре он начал выражать свое неодобрение моим вопросам, утверждая, что женщина ничего не знала об ограблении. Несколько раз он прерывал меня, спрашивая: “Почему вы хотите это знать?”

У меня не было намерения беспокоить этого угрюмого парня, но когда он снова перебил меня, я велел ему помалкивать. Я повернулся к пожилой женщине из отдела.

- Ты знаешь, где Хоске Нехол Годе?

Ни она, ни кто-либо из них не знали. Мужчина у костра усмехнулся и, казалось, развеселился. Я подозревал, что он что-то знает.

“Как тебя зовут?” Я спросил его.

Из двух зол он выбрал то, о котором, как ему казалось, я знаю меньше.

“ Парень, ” сказал он.

Разве я не хотел привлечь Гая за кражу со взломом, хотя и не искал его? Это была слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить.

“Ну, я искал тебя, Гай”, - сказал я ему. “Ты вернешься с нами в Агентство”.

Соппротивление индейца всегда отрицательно. Он встал и начал уходить из лагеря. Поэтому мне по необходимости пришлось покинуть лагерь вместе с ним, потому что я держал его за воротник рубашки. Этот парень, должно быть, весил двести фунтов крепких мускулов, и он был в идеальной боевой форме благодаря натягиванию веревок, езде верхом на грубых пони и вообще ведению индейской жизни на открытом воздухе. В моем лучшем весе в Аризоне, [\[332\]](#) помимо решимости и официального авторитета, я перевесил планку в сто восемнадцать фунтов. Он ушел со мной точно так же, как уходит бык с пастбища с шестнадцатифунтовым бостонским терьером, повисшим у него на морде.

Индийская полиция всегда не спешит действовать, поэтому Гай пронес меня ярдов на пятнадцать, прежде чем тева добавил себе преимущество, скрутив руки навахо сзади. Чтобы избавиться от такого противника, необходимо полностью перекинуть его через голову; и навахо отчаянно пытался это сделать; но тева цепко держался за него, и, между нами говоря, Гай — он же Хоске Нехол Годе — испытывал серьезные неудобства. Он перестал выходить из лагеря и начал кругами вспахивать землю, яростно пытаясь избавиться от полицейского, который, как Морской старик, примостился у него между лопаток. Затем на помощь прибыл скотовод, который был у машины; и как только они хорошенько пристегнули его, я достал из кармана пару наручников и накинул один из них на запястье Гая. Она защелкнулась, но он возражал против того, чтобы мы положили другую манжету на место. Однако в то же время он не стоял на месте. Мы вчетвером скользили, отступали в сторону, пыхтели и напрягались. Тева не осмеливался ослабить хватку за руки навахо, и его хватка за локоть помешала нам свести его запястья вместе. Офицеры другой службы применили бы другие методы; но мы были на индийской службе и, вероятно, и так пошли неверным курсом. Нам следовало урезонить его и рассказать сказку на ночь.

Теперь, в этой рукопашной схватке, Гай обеспечил хороший скручивающий захват моего большого пальца; и я мгновенно получил уведомление, что он намеревался оторвать этот большой палец от моей руки.

“ Разорвите его хватку, быстро! - Крикнул я. [\[333\]](#)

Тут же с пояса скотовода свисал пистолет сорок пятого калибра, и с грохотом упал на руку Гая. И так же быстро он разжал хватку.

До этого момента от него не доносилось ни звука, кроме его судорожного дыхания и шума борьбы. От удара он поднял крик о помощи и, как разъяренное животное, заметался и сбросил нас с себя. Поднялась пыль и полетели щепки, устилавшие лагерь. Тева раскачивался из стороны в сторону, но Тева не отпускал его.

В опушке невысоких кедров вокруг нас послышался шум, и появилось несколько навахо. И они двинулись вперед. И как раз в этот момент скотовод опустил ружье.

Он упал в грязь у нас под ногами, и этот дикий бык пампасов, балансируя тевой между его плечами, наклонился, чтобы дотянуться до оружия. Только что ноги Гая были на пистолете, удерживая его опущенным, а в следующий момент нога скотовода дернулась, чтобы отшвырнуть его в сторону. Когда скотовод наклонялся за ним, навахо хватал его когтями за шею или бил ногами в лицо. Это была яростная схватка, и если бы он когда-нибудь дотянулся до автоматического пистолета, тот был готов взорваться.

Вид пистолета, казалось, тоже разозлил и оправдал тех, кто подошел. Мне казалось вероятным, что кто-то из участников группы пострадает, и я предпочел, чтобы это был навахо. Поэтому я отступил в сторону от суеты, достал пистолет и предупредил новоприбывших держаться на расстоянии. Они остановились на краю лагеря.

“ Почему бы тебе не раздавить это животное? - Крикнул я.

Удар сенокоса, который Хоске Нехол Годе затем получил по лицу, ошеломил бы Демпси. Это выпрямило его, но, к моему большому удивлению, не свалило. Однако от удара он выронил ружье, и скотовод быстро подобрал его. [\[334\]](#)

- Сбей его с ног в следующий раз.

И загремел пролетел сорокапяткой над головой Гая. Но тот не упал. Навахо из глубинки укладывает волосы толстым матрасом на голове. По его лицу потекла кровь. Он издал дикий крик, что его убивают, призывая женщин помочь ему. Накануне вечером они послали гонца за защитой от этого хулигана, но теперь они откликнулись на его помощь. Они вышли вперед, готовые вцепиться в нас когтями; и что именно тогда было этичным поступком, я не готов сказать.

“ Отпустите его! Я крикнул полицейскому.

“ У него может быть ружье! ” сказал скотовод.

- Тогда нам придется пристрелить его, - сказал я. - Отпустите его.

Тева разжал хватку, и Гай, нацепив один браслет, выбежал из лагеря. Он больше не хотел драться, но было очевидно, что это место для нас вредно. Мы слышали, как он продирается сквозь кусты, пока шли к машине. Женщины последовали за ними к опушке леса и выкрикивали свои угрозы. Было вероятно, что Гай найдет оружие; поэтому мы, не теряя времени, покинули этот участок Пустыни.

Позже в тот же день ко мне пришел лидер клана.

- Я сказал Гаю, - сказал он, - чтобы он больше не создавал проблем.

“Ты можешь вернуться и сказать ему кое-что еще”, - ответил я. - Скажи ему, чтобы был очень осторожен и не входил в этот каньон, потому что я собираюсь убить его, если он это сделает.

Это был последний раз, когда я видел Гая в течение нескольких лет. После того, как его рука и голова зажили, он жил в глуши и избегал Агентства. Он снял наручник. Навахо в этом разбираются. Его не привлекали к ответственности ни за избиение женщин, ни за кражу со взломом. Видите ли, через три дня после этого дела я обратился в окружной прокурор Соединенных Штатов [\[335\]](#) за обвинительным заключением по этим обвинениям, и судебный пристав Соединенных Штатов пообещал выдать ордер на его арест. Маршал спросил меня, на какой успех он может рассчитывать в приобретении этого воюющего, и я рассказал о нашем опыте.

“ Он член банды, и, возможно, потребуется арестовать нескольких из этих парней. Я бы не пришел один. Конечно, вы можете назначить заместителями некоторых моих сотрудников, но им наплевать на эту работу. И если вы спросите меня, как проще и эффективнее всего вручить эти ордера, я бы сказал, с отрядом людей в форме из форта Апачи. Они играли в мяч в Холбруке, когда я проезжал мимо. Плохой человек из племени навахо уважает солдата, и он не уважает ничего другого. Его не приведет в трепет ваш знак отличия. Он не знает, что это значит.

Очевидно, маршал передал мое предложение своему начальству в Вашингтоне, поскольку сразу же по телеграфу мне позвонил комиссар по делам индейцев, который потребовал *объяснения моего призыва к войскам!* Маршал Соединенных Штатов так и не появился в резервации. Гай и его помощник, воры и хулиганы, все еще на свободе, и я полагаю, что они избивают женщин и грабят магазины, когда на это у них хватает духу. [\[336\]](#)

[\[Содержание\]](#)

АННАЛЫ ХОПИ

Но в основном я пишу о Жизни и Смерти, о мужчинах и женщинах, о Любви и Судьбе, в меру своих способностей.

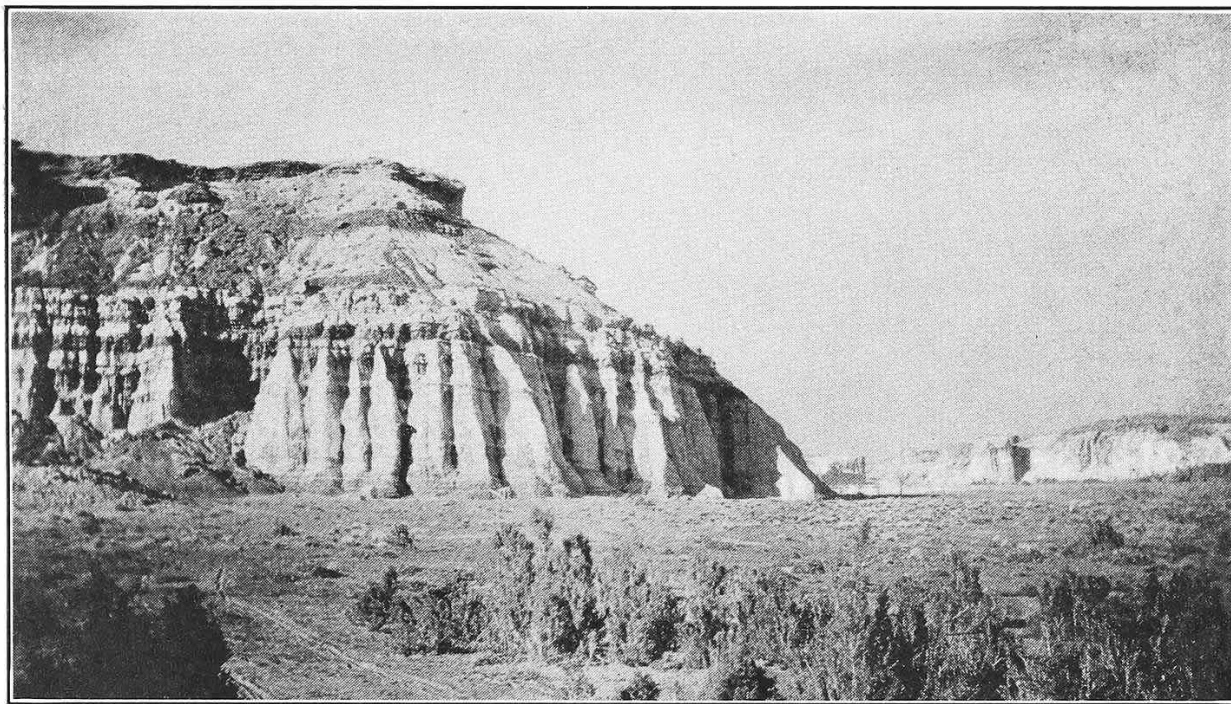
—от Киплинга к Гобинду

Народ хопи связан узами клана, ритуалами и церемониями. Герберт Э. Грегори в своем замечательном статистическом сборнике, озаглавленном *Страна навахо*, так отзывается о них:—

Эти люди сохранили себя и свою расу от вымирания в исключительно недружелюбной среде. С невероятным мастерством они практиковали искусство сохранения воды, и о том, что разум расы сосредоточен на этой единственной проблеме, свидетельствует организация кланов и сложные церемонии, разработанные для привлечения к сотрудничеству невидимых Сил, которые, как считается, контролируют количество осадков. Бесконечный труд и бесконечная молитва, направленные на увеличение и сохранение запасов драгоценной воды, составляют жизнь хопи.

РЕЙНДЖЕР-НАЕЗДНИК хопи

ГОЛУБОЙ КАНЬОН: ЭТЮД В БЕЛО-ГОЛУБЫХ ТОНАХ

Мы находим в их пустынных каменных пирамидах нечто отличное от обычного памятника, обозначающего землю или указывающего дорогу, поскольку они содержат особые дары в виде перьев или раскрашенных палочек. Чтобы некоторые кланы никогда не остались без орлиных перьев, этих птиц отлавливают молодыми и выращивают в клетках или на концах цепей на крышах домов. Любопытное зрелище: пойманный в плен орел с недобрый взглядом, угрюмый, угрюмо застывший на краю крыши, задумчивый, злобный пленник с клювом и когтями, похожими на бритвы, [\[337\]](#) к неосторожно приближающемуся существу опасно. Эти птицы должны выращиваться целыми и невредимыми, поэтому гнезда лишаются птенцов. Жертва раненого или покалеченного человека не будет принята, поскольку, помимо того, что орлы являются источником перьев, говорят, что во время определенных церемоний их душат до смерти.

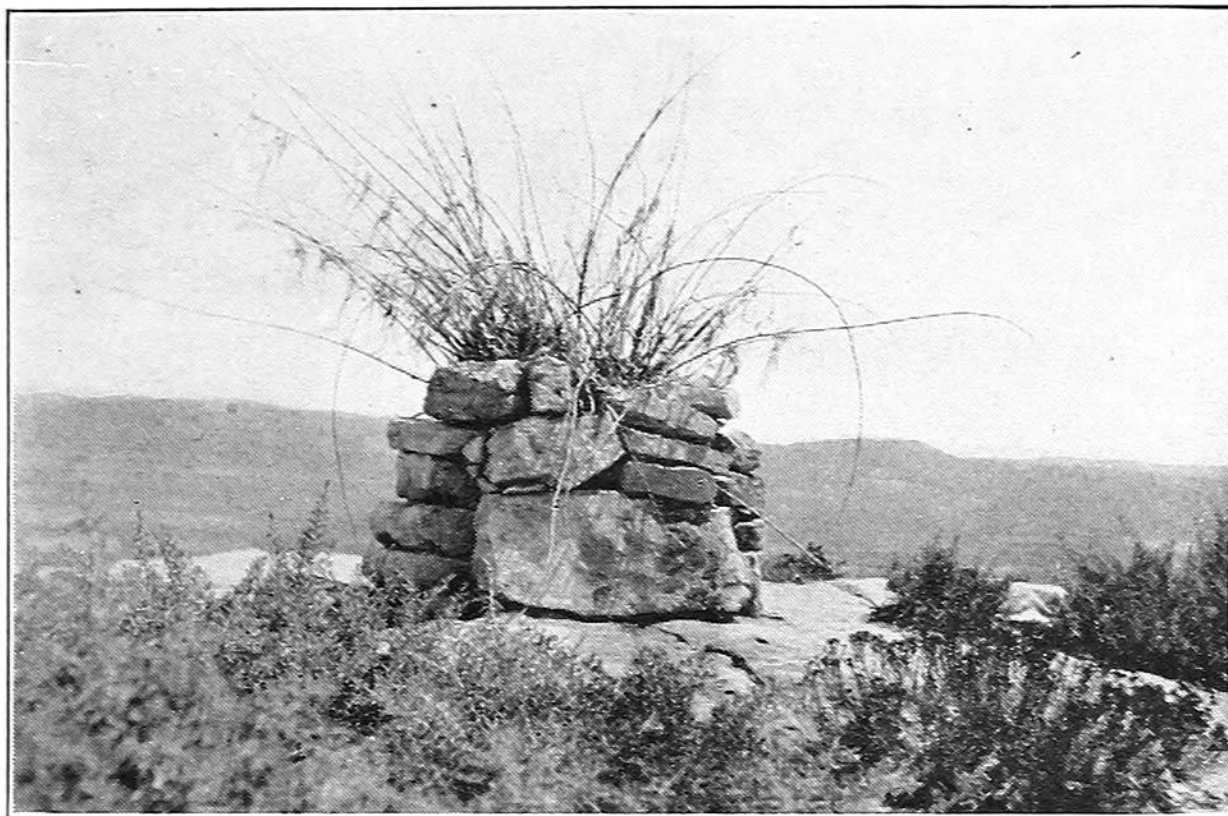
Говорят, что в отдаленных местах, на далеких мысах страны Батт и парящих в небе горах, у хопи есть алтари. Один молодой хопи сказал мне, что он есть на вершине “Сист-тер-вунг-тер-ве”, или “того, что находится дальше всего к западу”, в длинной череде вулканических нагромождений, граничащих с их южной границей. И однажды я получил пригоршню круглых раскрашенных палочек, миниатюрный хворост, из далекой резервации апачей, с вопросом от этого Агента об их значении.

“Да,” сказал хопи, - они с алтаря Дождя вон там, внизу. Хопи время от времени ходят в те места. Я не сомневаюсь, что вы могли бы найти их в горах Сан-Франциско, если бы знали, где искать.

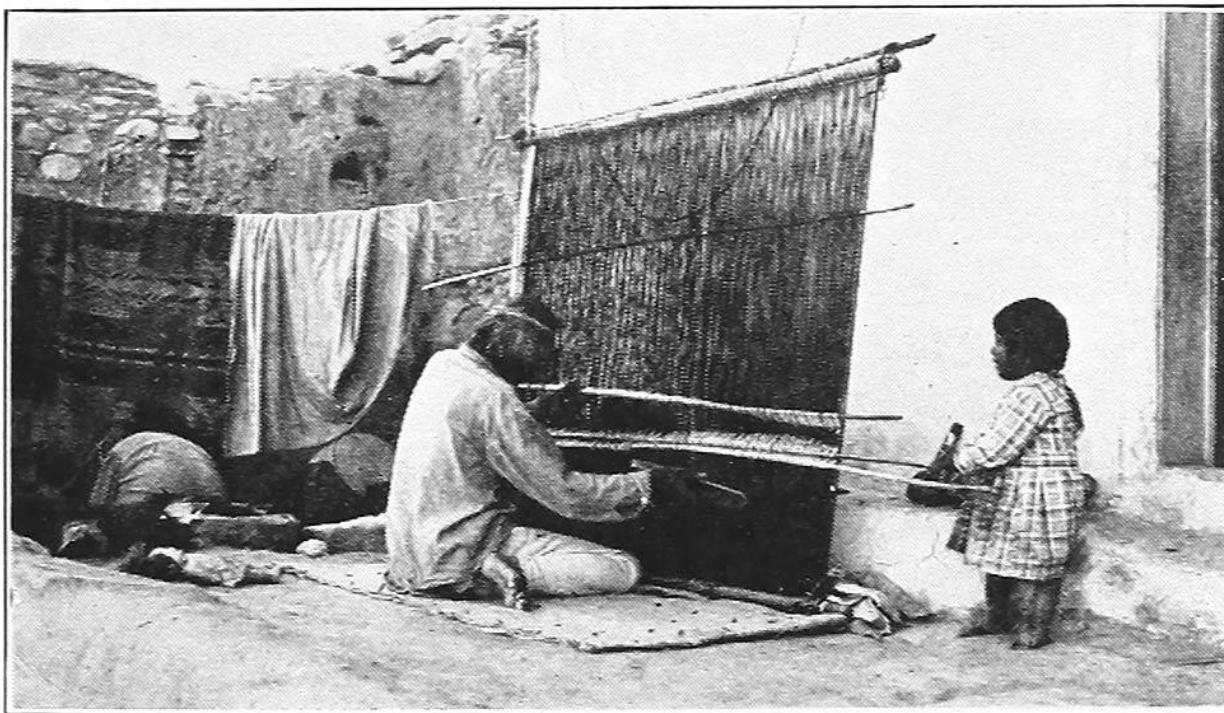
Молитвенные палочки, связанные в маленькие пучки, приносимые в жертву богам. И задумайтесь на мгновение. Апачи были врагами, самыми ожесточенными и зловещими

врагами. Самые южные и западные руины цивилизации хопи находятся вдоль Рио-дель-Лино, или реки Флакс, как называли Литтл-Колорадо испанцы. Их первые поселения находятся далеко на севере, в скрытых каньонах недалеко от границы с Ютой; и маловероятно, что их восточные пуэбло, собственно пуэбло хопи, когда-либо находились за пределами верховьев страны Джедито-Уош. Но эти молитвенные палочки встречаются далеко за пределами этих пределов. Они наводят на мысль о религиозных паломничествах во вражеские провинции. Возможно, ранние хопи принимали даже это опасное средство умиротворения своих божеств. Первобытные знания позволили бы определить местонахождение источников дождя в [338] западном хребте, где возвышаются заснеженные вершины Сан-Франциско, и в Белых горах страны апачей. Навахо связывали свои легенды с этим высочайшим возвышением пустыни, горой Навахо, и маловероятно, что хопи отважились побывать там. Но его боги Дождя, способные уменьшить засушливость его страны и защитить от голода, обитали где-то в горах, и поэтому, возможно, дрожа, бормоча заклинания, он отправился к ним.

Все странное и, возможно, могущественное было впитано в их вышитую религию. Клану любят добывать цветное стекло. Они много делают из панцирей черепах и других вещей, говорящих о море. Они обратились к президенту Рузвельту с просьбой прислать банку морской воды. У них есть — или был — клан Попугаев, фантастическим образом напоминающий какого-то одинокого монаха, у которого был сад при миссии и в нем он держал своих питомцев.

СВЯТИЛИЩЕ ХОПИ

ТКАЧИХА ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ОДЕЖД хопи

ТАНЕЦ КАТЧИНА

Показаны замысловатые маски, используемые хопи

Рядом с их домами находится множество святынь, которые возбуждают любопытство туристов и иногда доставляют посетителям неприятности. Однажды хопи из округа Чимопови избили кнутами парочку чрезмерно любопытных, за что виновные были сурово наказаны ответственным в то время Агентом. Но не один Агент приказывал назойливым людям заменить баху и подарки, взятые из таких мест. Хотя я приложил к этому руку и, наконец, остановил разграбление старых могил, а однажды предотвратил продажу и вынос целого алтаря хопи, все же я должен признать, что я ни разу не поймал туриста или “скребуна”, разграбляющего свежеврытую могилу.

Большинство кланов, должно быть, смешались при столь малом населении. У нас есть заявление Екеомы о том, что существует клан Призраков, разделенный на клан Призраков и Птиц. Более умный член племени однажды попытался [\[339\]](#) напомнить мне о многочисленных братствах своего народа. Он сказал: “Кланы Солнца, Соли, Ворона и Муравья мертвы. Тех людей больше нет. В клане Попугаев теперь только один член, женщина. Клан Медведя самый крупный, за ним следуют кланы Песка и Змеи. Есть кланы Паука и Вечнозеленых растений. Некоторые из них объединяются в группы, поэтому у нас есть кланы Медведя, Паука и Вечнозеленых растений, а также клан Кролика с кланом Табака. У нас есть клан Орла, Рога, Огня и Флейты; клан Антилопы, Ящерицы и Кукурузы. И когда эта группа прогрессивных руководителей обратилась в Вашингтон в 1886 году с петицией о школе, они подписались как лидеры клана Горных баранов, кланов Койотов и Барсуков, кланов Дождя, Тростника и Катчина. Но один из этих людей жив и по сей день — Хонани из Чимопови, который всегда участвует в товарищеских матчах. Самый интересный и впечатляющий из них, Шупула, отец главного змеинового жреца, умер 4 июля 1916 года, добродушный старик, черты лица которого сохранились на великолепном произведении г-на Эмри Копте, скульптора, много лет прожившего среди индейцев хопи.

Рядом с этими этапами его религии находятся красные страницы календаря его жизни. Хопи рождается в наследство от тяжелого труда в недружелюбной среде и, возможно, от непонимания и небольшого сочувствия; но поэзия его жизни начинается сразу. Бабушка по отцовской линии выступает в роли его няни. После купания ребенка она смазывает его древесной золой, чтобы у него было гладкое тело. Предполагается, что мать не должна позволять солнцу освещать ее в течение двадцати дней, по истечении которых ребенку дается имя. На этой церемонии присутствуют только женщины из семьи мужа. Они приносят одеяло, сотканное хопи, и чашу со священной водой, чтобы поставить ее перед матерью. Они [\[340\]](#) моют ей голову этой водой. Каждая из этих крестных матерей приносит в качестве подношения початок кукурузы. Они макают кукурузу в воду и четыре раза гладят младенца по головке, одновременно желая ему здоровья и счастья. Каждый из них предлагает имя. Ребенок будет принадлежать к клану матери, но будет назван в честь чего-то, обозначающего клан отца. Если отец окажется членом клана Песка, его дети будут названы в честь вещей, характерных для песка пустыни.

МАТЬ ХОПИ В ПРАЗДНИЧНОМ ПЛАТЬЕ Со СВОИМ РЕБЕНКОМ

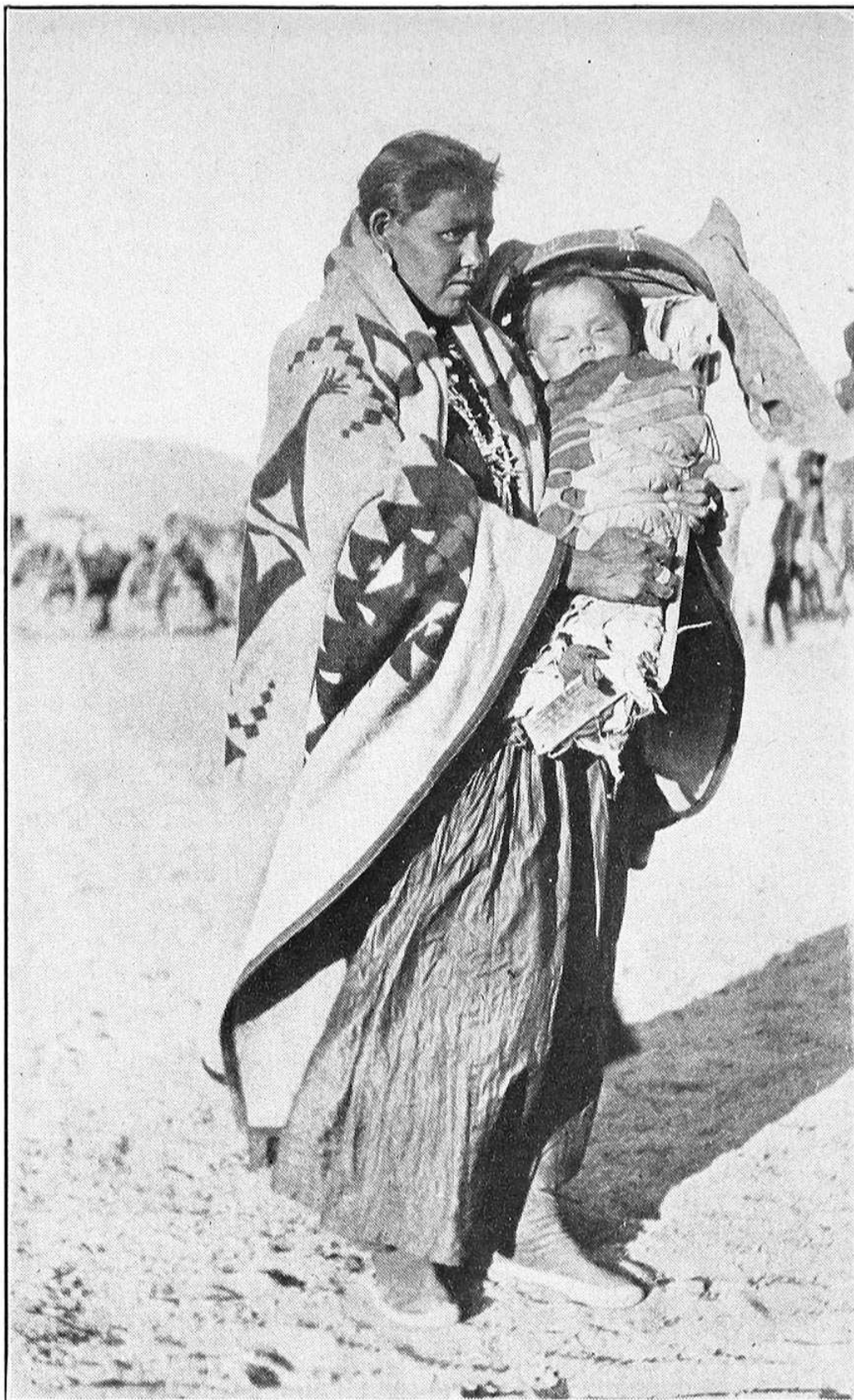

Фото. автор: Х. Р. Робинсон

МАТЬ-НАВАХО С РЕБЕНКОМ В КОЛЫБЕЛИ

На двадцать первый день после родов эти женщины собираются и моют матери волосы. Это происходит перед восходом солнца: они любят рассвет. Затем бабушка берет младенца на одну руку, а мать - за руку. Представьте себе эту маленькую церемонию на скалистой вершине в серой прохладе пустынного утра, высоко в разреженном воздухе, с видом на все тусклые спящие долины. Они выходят на край плато, чтобы полюбоваться восходящим солнцем. Священная трапеза, смешанная с кукурузной пылью, разбросана по воздуху. Затем, когда этот мягкий свет зажигается на самом дальнем востоке, исходя из сердец всех людей, золоча Мыс Юкка и Террасу Ветров, тепло окутывая холодные стены крепости мяса, бабушка произносит имя, которое она выбрала из предложенных для ребенка.

Если ребенок будет девочкой, она получит другое имя по достижении зрелости, когда ее волосы будут вымыты и уложены в символические завитки в знак женственности. Если это мальчик, то он получит другое имя на определенной церемонии, дающей ему право носить маску и танцевать. Затем эти имена сохраняются на всю жизнь.

Из этой небольшой сцены крещения можно понять, как мой друг из Второй Месы, Та-лас-ве-хума, получил свое имя. Должно быть, восход солнца был прекрасен, и малыш, должно быть, пользовался благосклонностью своих [\[341\]](#) спонсоров; поскольку его имя можно перевести как “Сияние восходящего солнца”.

Хопи не дают своим детям откровенно вульгарных имен, которые так часто встречаются среди навахо и других племен. Многие из их титулов - чистая поэзия. У нас есть Ло-май-умп-тева - нечто, Летящее Прямо и Хорошо, как стрела, — и Се-ты—ма - тот, кто Несет Цветок. Кроме того, есть много названий, которые мы обычно ассоциируем с индейцами: Сах-ми, или Зеленая Кукуруза, и Куа-ку-ку, или Орлиные когти.

Деве хопи чаще всего дают нежное имя, и она часто оказывается хорошенькой малышкой, заслуживающей этого. Мы находим Тава-ману, или Девушку Солнца, а также Поул-ману и Поул-си, что означает Девушку-Бабочку и Цветы-Бабочки (лютики).

Они одинаково со вкусом подбирают названия мест. Я уже упоминал Хух-кват-ве, Террасу Ветров. Из их более близких и интимных мест мы находим источник Та-ва-па, Источник Солнца, который когда-то был самым ценным источником воды, каким бы мутным он ни был. И Па-лотс-квабби, “место, где мы покупаем красную краску для лица”, место, представляющее особый интерес для женщин, желающих сохранить цвет своей кожи. Несмотря на их кожу медного цвета, интенсивные лучи солнечного света пустыни заставляют их принимать меры для защиты. Большая часть индийской раскраски лиц носит косметический характер, и не из-за яркой цветовой гаммы, которую турист связывает с военными действиями и потенциальным снятием скальпов.

Многие из их названий трудно перевести одним-двумя словами, поскольку чаще всего они полностью описывают вещи. Индеец пустыни не является словотворцем, и для обозначения незнакомых предметов он не создает существительных. Есть Дахв-вуф-чо-ма: это место белые люди называют Холмом Водяной Ведьмы, [\[342\]](#), потому что именно там у главы Водного хозяйства есть свой дом, магазины и офис. Он называет это “лагерем”. Лагерь это или нет, но это желанный приют для редких душ, включая странствующих художников,

поэтов и депрессивных индийских агентов. Разочарованный кандидат на столь желанный пост мэра Полакки, вероятно, движимый горечью, однажды назвал эту известность Фасгой. Хопи назвали его задолго до того, как была известна тайна колодезных вышек и палочек из персикового дерева, дахв-вуф-чо-ма: “место, где мы сушим кроличьи шкурки для одеял”. Довольно просто, не правда ли?

Когда-то хопи шили много мантий из кроличьих шкур. Шкуры необходимо было закопать в песок перед тем, как перенести на вершину холма, что было церемониальным делом; и Давупх-чо-ма был подходящим местом для этого. Затем шкуры были скручены в веревки, толстые и мягкие, и сшиты вместе. В последний раз я видел эти покрытия в Хотевилле, где сохранилось так много традиций.

И это наводит на мысль о методах охоты на кроликов. Хопи не охотятся на кроликов с ружьем 22-го калибра, или луком со стрелами, или силками. На самом деле он бросает стремительное существо кроличьей палкой хопи, или бумерангом, изогнутым куском горного дуба, которым эти индейцы умело кидают. Но любознательному туристу ответят — “Он загоняет кролика”. Хопи быстроногие, и, конечно, наш друг-турист воспринимает это объяснение буквально. Охота на кроликов хопи - это радостное общественное мероприятие, и они действительно загоняют кроликов. Они окружают очень большую территорию пустынной долины, все бегуны, все с кроличьими палками. Затем они начинают сжимать круг. Когда кролики убегают перед одной наступающей линией загонщиков, другие линии возвращают их назад. Кажется, из каждого куста выскакивают хопи с угрожающими ударами и дикими криками. Таким образом, дичь загоняют и убивают, когда она устает. Терпеливый [\[343\]](#) ослики приносят домой добычу. Я видел этих зверей, покрытых мертвыми кроликами, в то время как вдали на равнине все еще раздавались веселые крики бегущих охотников.

Язык тева состоит из более коротких терминов.

“Как вы это называете?” - Спросила я, показывая несколько местных бобов.

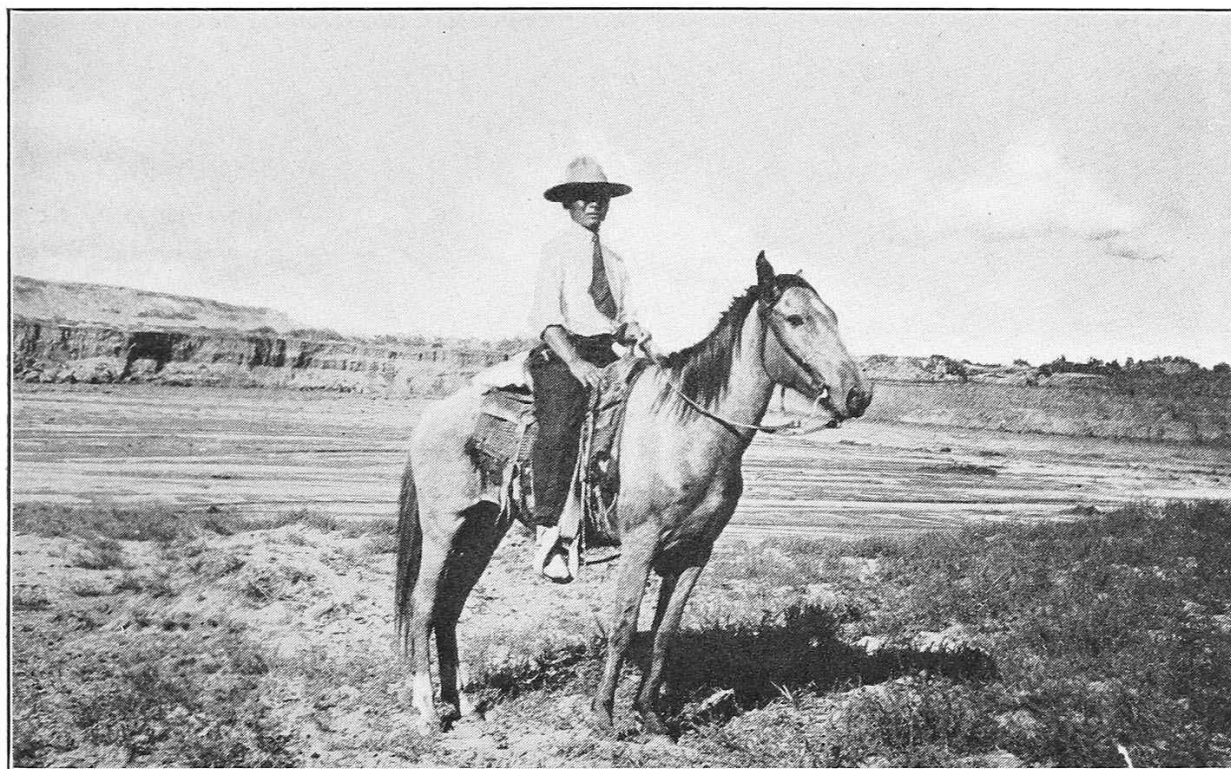
- Мы называем их “tdo”.

- Что это значит? - спросил я.

“ Это означает ‘бобы’. Когда тева имеет в виду бобы, он говорит ‘бобы’. Но когда хопи говорит о них, он говорит: “Котча-ча-чи-морзри”, “бобы, которые становятся мягкими при длительной варке”. Так он описал их первым, экспериментируя с их приготовлением, и он никогда не считал нужным сокращать свою номенклатуру.

По сравнению со стойкими сиу или столь же высокими и энергичными горными навахо, людьми лошадей, хопи на первый взгляд кажутся маленьким народом. Это вызвало к ним некоторое сочувствие со стороны тех, кто цепляется за внешность. У зрелых хопи плотная фигура, не склонная к полноте, но с бочкообразными легкими и крепкой спиной. Из него вышел бы прекрасный борец. Поскольку он воспринял блага цивилизации через торговца и так много перенял от своего соседа, навахо, его костюм и сегодня радикально не отличается. Любопытные платья старины из оленьей кожи, ткани местного плетения и перьев, такие, какие можно увидеть в коллекции Harvey в Альбукерке, исчезли с горных гор и неизвестны

молодому поколению. Рубашка из вельвета, свободные брюки из какой-нибудь легкой ткани, часто чисто белой, мокасины из оленьей кожи с красными пятнами его собственного дизайна, носовой платок, повязанный вокруг головы, составляют его костюм. Большинство его украшений покупается у индейцев навахо, за исключением того, что время от времени серебряных дел мастер-хопи [\[344\]](#) выковывает из металла узоры хопи, такие как бабочки и змеи с бирюзовыми глазами. Когда вы видите эти формы, они принадлежат хопи. Навахо ими не пользуются.

НОВЫЙ СЫН ПУСТЫНИ

Тот, кто ходил в школу и сам пас скот

Фото. Джордж Л. Лиминг

ДЕВУШКИ ХОПИ ВЫСТРОИЛИСЬ ДЛЯ ТАНЦЕВ

Но в этой одежде мужчин сходство с кочевниками исчезает. Истинный хопи отличается невысоким ростом, более широкой и радикально отличающейся физиономией, и особенно укладкой волос. Навахо обычно неряшливо относятся к своим волосам. Не подходите к нему слишком близко. Навахо туго отводит волосы со лба и собирает их в узел или косичку на затылке. И между мужчинами и их женщинами нет особой разницы. Хопи носит челку и эффект прямой стрижки, которые пришли из Египта. Когда это возможно, он тщательно ухаживает за своей гривой. Мытье волос - важная особенность всех церемоний. Он был первым американцем с короткой стрижкой.

Сегодня этот эффект можно обнаружить только у ортодоксов. Молодые мужчины, вернувшиеся домой из школы, взяли на вооружение расческу и ножницы, поскольку они отходят от многих фетишей. Но стрижка волос привела к серьезным разногласиям с хопи. Давным—давно один Агент рьяно истолковал приказ Вашингтона как означающий, что всех индейцев, а не только тех, кто учится в школах, следует заставить стричь волосы по моде белых людей - как будто это приведет к возникновению цивилизации в одночасье. Для старейшин племени это было ужасной ересью, и они сопротивлялись очень естественно. Очень плохо, что приказы не могут быть переданы в виде чертежей.

Женщины племени - оплот консерватизма. Я помню, как проводил совет представителей разных полов, на котором обсуждались некоторые формы улучшения общества в соответствии с современными принципами. И когда все закончилось, я спросил своего переводчика:— [345](#)

- Ты веришь, что они поняли?

“ Мужчины, конечно, ” ответил он с нажимом. “ Но неужели вы думаете, что это возможно вбить в голову женщине хопи? Epten. Мужчины постараются выполнить ваши пожелания; но им предстоит очень неприятное время со своими женщинами. Женщина хопи! Она похожа на кусок песчаника. Ветры уносят его прочь, но на это уйдет много лет.

Молодые женщины, прошедшие школьное обучение, носят ситцевые платья, которые они научились шить и стирать, а вахтенные матроны помогают им обновлять эту одежду. Но старики и студенты среднего возраста, скорее всего, будут одеты в древние одежды хопи. Платье может быть из плотной ткани, перехваченной на одном плече, оставляя обнаженной противоположную руку, подпоясано на талии тканым поясом, ноги носительницы большую часть времени остаются голыми, если только для какого-то особого путешествия она не надевает женскую накидку и туфли из оленьей кожи. Она становится все толще и толще, ее лицо округляется, превращаясь в широкое, самодовольное лицо, которое может приятно улыбаться или становиться флегматично-непроницаемым в зависимости от настроения. После замужества ее волосы расчесываются на прямой пробор и свисают по спине толстыми косами. Руки у нее толстые и огрубевшие от тяжелой работы, изготовления керамики и особенно от выпечки хлеба пики.

Эта выпечка готовится на раскаленном камне над огнем. Женщина хопи сидит перед ней, рядом с ней противень с тестом, иногда окрашенным в красный или синий цвет. Она опускает руку в тесто и ловко размазывает его по горячему камню. Пока тесто не подгорело и не свернулось, она наносит на него второй слой. Последние прекрасно готовятся в виде тонких пластин, похожих на папиросную бумагу, сморщенных и ломких. Их она снимает и кладет в стопку таких же листов. Она делает это весь день, [346] часто, пока ее ладонь не станет идеально прожаренной вместе с хлебом. Затем листы сворачиваются в рулон, снова напоминая пакет из салфеток, совсем как те, которые мы покупали на Рождество для украшений. Дюжина таких булочек - и человек хопи отправится в путь, полностью обеспеченный провизией.

Некоторые скорее отвергают мысль о том, чтобы есть хлеб пики, но я пробовала индийские блюда не один раз и с разными результатами. Старые индейцы племени навахо шема могут поджарить бараньи ребрышки и сварить кофе на костре хогана таким образом, что тот, у кого было тяжелое путешествие - и еще много чего впереди, — сочтет их вкусными. И хлеб пики не так уж плох, хотя и довольно пресный на вкус и зернистый, потому что в него может попасть песок; и я полагаю, что если бы кто-то принимал его в качестве постоянной диеты, его зубы со временем стерлись бы, как у старших хопи. Что касается приготовленного блюда, следует с благодарностью принять и съесть пики, не слишком интересуясь его приготовлением. Доказательство вкуса пудинга - в употреблении в пищу.

Следующим в жизненном календаре хопи значителась настоятельная необходимость вступления в брак. Счастливый мужчина имеет к этому делу очень мало отношения.

Избранная невеста — самоизбранная — и ее мать, коварная вдова, которая организовала большую часть процесса, решают большинство этих вопросов сами. Я не могу сказать, насколько рано были начаты переговоры тетями и дядями обоих подписантов, но, конечно, с ними консультировались. Как бы то ни было, в определенный день девушка и ее мать наносят визит в дом подходящего молодого человека и преподносят его родителям в подарок хлеб пики и кукурузную муку на плетеной тростниковой дощечке. Большинство юго-западных племен используют символ свадебной корзины; навахо импортируют из другого племени свадебную корзину определенного дизайна и не используют никакой другой. Если родители мальчика принимают [\[347\]](#)эти подарки и заменяют их порцией баранины на той же табличке, они выражают свое согласие на брак. Если между Монтекки и Капулетти были разногласия и, так сказать, чума на оба дома, пренебрежительные родители раздают эти пики и еду другим, демонстрируя отсутствие интереса к простым иностранцам, и эти принимающие дипломаты сообщают печальную новость о том, что совершенно хорошее предложение было отклонено.

Но если подарок принят, дяди избранной невесты собираются у нее дома, чтобы дать ей совет относительно обязанностей хорошей жены, и в назначенное время девушка в сопровождении своих родителей и близких родственников во главе с тем, кто дал ей имя, отправляется в дом родителей жениха на пир. Это собрание проводится ночью, и когда они уходят, невеста остается. Она проводит четыре ночи в доме родственников своего мужа, выполняя работу по дому для всей семьи. Очень рано утром она начинает молотить зерно, чтобы заплатить своему мужу. В течение этих четырех дней проводится церемония мытья волос, и ее волосы причесываются особым образом, чтобы отметить ее как замужнюю женщину. С тех пор она носит его так всегда. И в течение этих четырех дней дяди мальчика приносят хлопок для ее свадебного наряда. Им платят за это мукой, и они отправляются в киву ткать его. Во время этого ткачества семья девушки кормит их. По истечении четырех дней халат готов. Дяди дают жениху множество советов, прежде чем он покидает дом, в котором родился. Затем невеста надевает белое одеяние и отправляется со своим мужем в дом своих собственных родителей; иными словами, ее сопровождает муж. Если у него и были какие-то идеи о собственном доме вдали от тещи, он не озвучивал их, и, очевидно, осмотрительность — лучшая часть доблести. [\[348\]](#)

Таким образом, молодая леди пришла в дом желанного молодого человека, сделала ему предложение, вышла за него замуж, частично заплатила за него, нарядилась в одежду, изготовленную его народом, а затем с триумфом привела его к себе домой.

Нет ничего нового под солнцем. Вампирование было доведено хопи до уровня точной науки за много веков до того, как о пуэбло де Лос-Анхелес стали мечтать.

“И — слушайте! Пока я жив, снова жители деревни!”

Всего этого было недостаточно для установления сердечных отношений между семьями. Должно быть, в природе буйного шивари что-то есть. Этим людям, захватившим в плен

нашего дорогого мальчика, нельзя позволять слишком громко кукарекать. Итак, мать жениха, его влиятельные тети и другие родственницы женского пола, особенно те, чей темперамент придаст роману остроты, направляются в дом соперника. Они отправляются на задание с притворной серьезностью, которое может приобрести масштабные масштабы. Они будут говорить неприятные вещи громкими голосами, особенно в присутствии соседей, о том, что у этой невесты многочисленные и вопиющие недостатки и что, по правде говоря, возможно, их образец достался не самой красивой и грациозной из деревенских девушек.

Женщины из свиты невесты отвечают тем же, их речь не всегда отличается благопристойностью. Делаются личные рекомендации, касающиеся чистоплотности и привычек обеих сторон, и начинается дружеская перепалка. Эти дамы продолжают поливать грязью, сначала словесно, а затем фактически, настоящей грязью, дом и друг друга. После этого невесте и ее матери придется провести тщательную уборку в доме и заново оштукатурить внутренние стены. Возможно, в этом и заключается идея — заставить их украсить жилище. [\[349\]](#)

Маскулинный элемент бросается в глаза своим полным отсутствием. Мужчины знают лучше, чем казаться. Подобно белым людям в день уборки дома, они ищут самую высокую крышу или самый низкий подвал вместе со своими безутешными собаками. Горе тому рассеянному, кто забредет в поле. Обе стороны, скорее всего, обрушат на него нечто большее, чем просто слова и грязь. Маловероятно, что мужчины осмелятся вернуться домой до захода солнца, когда, без сомнения, их внимание будет отвлечено рассказами о романе, и состояние дома причинит им много горя.

Дружеский, хотя и недостойный притон, призванный показать миру, что эти две семьи, у которых теперь есть общие интересы, могут вынести самые неприятные условия и выжить.

И могли бы вы представить, что у жениха когда-нибудь будет свой собственный дом, с камином, тапочками и всем прочим? По крайней мере, если за его спиной не стоит его Агент, который храбро попирает священные традиции, рискуя подвергнуться остракизму и, по крайней мере, большим страданиям в родном городе. Я не знаю, как долго Джейкоб будет служить этой семье ради Рахили; и в отличие от Джейкоба, он служит после того, как попал в ловушку. Он черпает и перевозит воду, если у него есть повозка; он рубит дрова и ухаживает за полем; он выпрягает лошадей, пасет крупный рогатый скот и помогает чистить овец. Он принадлежит этой старой матери, которая обратила на него внимание своей дочери.

Справедливости ради, иногда девушка мечтала о нем сама, без особых настояний со стороны семьи; и я помню, как спрашивал не одного застенчивого жениха, собираясь объявить о помолвке: —

- Вы действительно сами хотите жениться на этой женщине?

— Ну, сэр, она хочет, чтобы я на ней женился.

В деликатных вопросах такого рода молодой человек-хопи приятно сговорчив и стремится понравиться. [\[350\]](#)

И мне удалось заставить очень немногих из них принять другую точку зрения. Было несколько решительных ромео, которые выбирали девушек для себя, которые ухаживали, несмотря на все неодобрение семьи, и которые в конце концов одержали победу в своих исках. Но они проявили проницательность, укрепившись на правительственных должностях: переводчиках, полицейских, чернорабочих или помощниках, иначе они, вероятно, подверглись бы остракизму и были бы близки к голодной смерти. Однако, присоединившись к официальной семье Мунгви и будучи обеспеченными ежемесячным жалованьем “свежими и невредимыми”, они могли отстаивать некоторую независимость, могли требовать неприкосновенности от самых горьких традиций; и я полагаю, они во многом подчеркивали свою близость к Большому Вождю. Большинство индейцев так и делают. “Я скажу своему белому дяде” предотвратило многие угрожающие неприятности.

И тогда те, кому повезло меньше, считали их богатыми людьми, обладающими, помимо ежемесячного поручительства, определенными привилегиями и предполагаемым тонким влиянием в иностранных делах.

- Этот Мунгви общается с Вашингтоном по бумагам и поющим проводам; и разве ты не знаешь, глупышка, что я часто с ним разговариваю?

Число посетителей и слуг их семьи увеличилось, и их стало много. Не самое завидное положение при дворе, несмотря на его очевидную важность и привилегии. И его падение, когда, по воле Судьбы, Мунгви с громкими словами отправили в отставку одного из этих предполагаемых фаворитов! Возвращение к влиянию кивы не было счастливым опытом. Санктуарий не был скопирован или поглощен теми ранними испанцами и их святыми монахами. Насмешки индейцев и преследования индейцев могут быть очень жестокими.

У немногих молодых людей есть средства построить или купить дом на горе или в долине, [\[351\]](#) поэтому они годами привязаны к этой феодальной семейной системе, ожидая наследования от старших.

Даже когда человек настолько удачлив, настолько энергичен или настолько опрометчив, что отказывается от традиций, он просто соглашается на рабство без тещи, поскольку ни на какую часть дома, ни на что, что он приносит в него, кроме своих личных вещей, он не может претендовать. Женщина владеет домом и управляет им, включая детей и сбор урожая. Дети принадлежат к клану матери. Этот человек может щеголять, ярко одетый и проворный, как пантера, на церемониях; он может быть лидером на охоте; он может декламировать в киве; но его авторитет заканчивается на пороге дома хопи.

Ибо разве эта женщина за первый год своей замужней жизни не перемолола от одной до двух тысяч фунтов кукурузной муки в уплату своему мужчине и своему свадебному платью? Действительно, она это сделала. И поскольку она купила его, у нее есть право развестись с ним. Он может работать рабом на раскаленных полях и под ударами песка, бегая туда и обратно с мотыгой на плече, чтобы собрать урожай кукурузы. Он посадил с соблюдением всех церемоний — столько-то зерен для горячего ветра, столько-то для полевой крысы, столько-то для катчины и столько-то для себя; но как только он соберет урожай и уберет долю хопи в домашний погреб, его пони могут умереть с голоду из-за отсутствия полной пригоршни зерна, если его жена не будет щедрой. Учитывая одно обстоятельство с другим, я думаю, что мужчине хопи приходится довольно нелегко. Иногда он становится немного

раздражительным и начинает помыкать своей женой, редко заходя так далеко, чтобы надавать ей пощечин, чего она очень часто вполне заслуживает. Затем, если он ей все еще нравится, она со слезами обращается к Агенту с просьбой сделать ему выговор и, если не наступит время сбора урожая, посадить в тюрьму. Но если он ей не слишком нравится, [\[352\]](#) поскольку, по словам эфиопской матроны, “она полностью потеряла вкус к этому мужчине”, она внезапно разводится с ним.

Фото. автор: А. Х. Вомак

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ хопи

Это действие не требует собрания семейного круга или вождей, никаких личных жалоб, никакого уведомления, как можно было бы себе представить. Муж-друг возвращается вечером с пастбища для овец или кукурузного поля, вероятно, напевая старый гимн кивы "В мире со всей Пустыней и ее демонами", и обнаруживает на пороге свое седло, свою коровью веревку и вторую рубашку. Таким образом, указ вынесен, запротokolирован и подтвержден. Апелляции нет. Он выходит. Он взваливает на спину свои немногочисленные пожитки и уходит оттуда.

Если это молодой человек, он, скорее всего, вернется под родительский кров; если нет, он на какое-то время становится одиноким странником, устраивающимся на ночлег там, где его застанет ночь, чтобы позже быть найденным в компании какой-нибудь разведенной женщины или вдовы, бодро трудящейся на уборке урожая кукурузы для чужих детей. Когда это повторяется несколько раз и на протяжении всего племени, работа Агента по поддержанию ясности в статистике жизнедеятельности начинает приобретать масштабные размеры. Генеалогическая летопись хопи напоминает военную карту. Ее ведение становится абстрактной наукой, имеющей как биологическую, так и антропологическую фазы.

Я знал мужчин хопи среднего возраста, которые долгое время сохраняли отеческий интерес к своим детям после такого социального катаклизма; но их было немного, большинство из них начинали беззаботно относиться к любой ответственности; и я встречал женщин в качестве глав семей, к которым — чтобы скорректировать записи — мне пришлось приставить четырех мужей, все живые и ни одного настоящего.

Но вернемся к свадьбе хопи. После четырех дней, проведенных в доме людей ее мужа, и ее триумфального возвращения с пленником в дом ее [353](#) матери, невесте полагается отказать себе в удовольствии от всех гуляний и церемоний хопи до следующего танца Неман Катчина. Это происходит примерно за две недели до Танца Змей в августе и является призывом к дождю и урожаю плодов. Затем она снова облачается в чистое белое одеяние и появляется на несколько мгновений на церемонии. Это должно стать ее последней попыткой привлечь внимание общественности и занять место невесты в центре сцены, прежде чем она, безусловно, окунется в тяжелую трудовую жизнь, вероятно, вырастит много детей и, возможно, вступит в ряд союзов. Но не имеет значения, насколько беспокойной была ее жизнь, насколько мирной, чистой, насколько беспокойной; этот первый брак - единственный, который отличается церемонией и символом. Это последний раз, когда она надевает халат — за исключением одного. Когда мы в следующий раз увидим ее в его белых складках, она, выполнив монотонные обязанности истинной хопи или испытав, подобно Эмме Бовари, все жизненные испытания, мирно и беззаботно ждет, когда ее отнесут к ее последней постели в тени великой, неизменной горной горы.

Мое знакомство с важностью свадебного наряда произошло благодаря попытке избавиться от злой силы старых женщин племени. Свадьбы были полностью организованы слишком рано и проводились в нарушение как законов штата Аризона, так и правил обслуживания. Это был хитрый метод, которого придерживались с дикой решимостью. Апелляция в Бюро привела бы лишь к безнадежному решению о том, что племенные браки были объявлены законными великими восточными солонками, стремящимися втолкнуть жителей Востока в

западные рамки. Также часто молодых людей принуждали к таким бракам. И результаты были очень приятны старейшинам хопи, причем вчетверо: мать Рахили добыла рабочую силу в виде Иакова. Семья Иакова получила тонну кукурузной муки, которую должна была смолоть Рахиль. Конечно, [\[354\]](#) Рейчел, а зачастую и обеим договаривающимся сторонам, не разрешалось посещать школы, чего искренне желали старые хопи; и традиции хопи в отношении осуществления были полностью соблюдены.

Результат был еще более серьезным. Это раннее и позднее измельчение кукурузной муки на корточках над каменной поверхностью закончилось тем, что молодая мать потеряла своего первенца. Когда-то на Первой горе не было ни одной женщины хопи, чей первенец был бы жив.

Итак, как Мунгви, я честно предупредил их, что подобные вещи должны прекратиться. Они не остановились. Индеец, какого бы племени он ни был, всегда рискнет пройти испытание. Они отлично подходят для бесстрастных экспериментов. Моей первой идеей наказания было отправить жену-подростка в школу-интернат, жениха и его отца - в тюрьму Агентства.

“Но, ” в конце концов убедили меня эти несчастные мужчины, “ вы наказываете не тех людей. Мы, мужчины, не имеем к этому никакого отношения. Возьмите старух”.

И когда это было сделано, раздались причитания и потоки слез. Одна старая мегера чуть не вымыла меня из своего дома. В мезе был сезон дождей. И вирус сработал примерно так же успешно, как местный философ хопи описал обращение другого человека в христианство через крещение.

“В первый раз, когда они его поймают, точно так же, как делают ему прививку — ничего не выйдет. Сейчас он отступает — снова танцует на все времена - старый хопи. Но в следующий раз, когда его крестят, может быть, все будет в порядке — меббесо”.

Не все мои усилия увенчались успехом.

Вы можете спросить, почему бы не отправить девочку в школу до того, как произойдет эта неприятность? Все младшие дети хопи посещают дневные школы, расположенные недалеко от их домов, и часто девочки достигают зрелости раньше, чем матроны [\[355\]](#) узнают о схеме вступления в брак. Поскольку малолетняя жена находилась в школе-интернате, пойманная в течение тех первых четырех дней, не было ни шествия к дому мамы, ни помола кукурузы, ни посещения танцев Качина, ни халата. Радость была отнята у жизни. В обоих лагерях был траур, ибо, поскольку Джейкоб сидел в тюрьме, не было ни возки воды, ни рубки леса, ни неоплачиваемого труда в поле. Это было очень печальное положение дел в племени, и, по-видимому, этот странный мунгви испытывал мало сочувствия к человеческой расе — по крайней мере, к ее подразделению хопи и к ее стремлению увековечить себя.

Однажды, примерно через два года после вынесения такого приговора, я встретил старика на отдаленной горной горе, который попросил о беседе.

“Его дочь сейчас дома, - сказал переводчик, - и он просит вашего разрешения сшить для нее платье”.

— Халат... ты имеешь в виду свадебный халат?

“Да. Ты помнишь, что у нее не было племенных церемоний; и это похоже на то: когда белые люди женятся, у них есть кольцо. Белая мантия - это наше кольцо. Если она умрет, у нас не будет халата, чтобы похоронить ее”.

Такова глупость пришельца, когда он стремится править так называемыми язычниками. Мой метод был оправдан защитой слабых и молодых, но я отбросил сантименты.

Может быть, они принесут мне больше облегчения

Чем твой холодный Христос и запутанные Троицы.

Очень много Шепетих. Я сразу же дала разрешение на пошив халата, и я надеюсь, что он ей не использовался и не будет использоваться в течение многих лет.

Моралист со Среднего Запада может вставить сюда вопрос. Разрешили ли вы им не вступать в брак без их собственной службы? В нем было мало материала по сравнению с [\[356\]](#) с эпизодом с халатом. Но как Мунгви, уполномоченный глава народа, облеченный также властью штата Аризона, я бы провел официальную церемонию, если бы события показали, что таковая необходима, и стороны достигли совершеннолетия. Я никогда не выдавал женщину замуж за негодяя. Но я обвенчал четыре пары за одно утро, выдав сначала государственную лицензию в качестве заместителя секретаря суда, проведя церемонию в качестве мирового судьи, благословив невесту и сразу после этого вызвав в открытый суд жениха и всех других виновных лиц для суда по обвинению в детской проституции. Этот метод был решительным и очень утомительным для того, у кого были другие дела, привлекавшие его внимание. И это было не очень радостное семейное мероприятие. Но в конце концов это привело к послушанию. Наступило время, когда хопи сверялись с архивами Агентства относительно возраста своих детей и интересовались школьными условиями и тем, что Мунгви думает по этому поводу, прежде чем создавать семейные союзы.

Самыми счастливыми из браков хопи были те, которые последовали за моим разрешением школьникам и девочкам самим устраивать ухаживания, иногда в школе, нарушая таким образом старые традиции. Мальчики из Первой мезы женились на девочках Хотевилла: родители с обеих сторон никогда бы этого не допустили. Как бы ни были близки мезы, населенные одним народом, они с таким же успехом могли быть отдельными провинциями. Например, Первая Меса редко выходит замуж за ораиби, и наоборот. Местной формой насмешек среди хопи является высмеивание различий в произношении и интонации их общего языка. Ораиби находится менее чем в тридцати милях от Уолпи, и все же ораиби - это существо, признающее другую цивилизацию.

Когда я в последний раз посещал Феникс, я зашел в магазин, чтобы совершить покупку. Симпатичный хопи вышел вперед и поприветствовал [\[357\]](#) меня. Мы поговорили о родных дома, о его летнем визите на горные горы, о тех, кто умер и кто женился.

“Теперь дай мне подумать”, - вступил я в переговоры, потому что трудно запомнить всех представителей племени. “Вы женаты... Как зовут вашу жену?”

- Ну, ты же ее знаешь, она была внучкой Екеомы.

— Конечно, Виола — та, что спряталась в фургоне и убежала в школу в Фениксе, опасаясь, что я отправлю ее обратно в Хотевиллу.

Рождение и крещение; брак и развод; множество танцев; жизнь, полная бесконечного труда и бесконечных молитв; много урожаев, богатых и скудных. Затем наступает время, когда он сажает свой последний урожай или она заканчивает последние домашние дела. Что-то происходит, чтобы положить конец всему и вручить повестку к Судилищу, этому одинокому выступу, возвышающемуся над Ораиб-Диннебито, омываемым запад. Неутомимые ноги больше не будут преодолевать крутые тропы к пуэбло на высотах; плоскогорье и долина больше не будут знать их. Смерть, как и для всех нас, становится неожиданностью. Раздается печальный плач, который вскоре затихает.

Женщина из семьи готовит тело к погребению и моет волосы. Затем назначается кто-то, кто посидит с умершим, чтобы выразить общее горе. Когда я впервые услышал об этом, его описали как “того, кто должен злиться на мертвых”. Но объяснение было несколько искажено. Человек, на которого возложена эта обязанность, действительно разговаривает с умершими, говоря: —

“О! почему ты оставил нас? Ты был зол на нас, что ушел, чтобы никогда не вернуться? Мы остались здесь, одинокие. Что мы такого сделали, что вы рассердились на нас — что вы нас бросили....” [\[358\]](#)

Если смерть наступает ночью, похороны проводятся рано утром следующего дня. Никакой пищи не употребляют. Тело подготавливают к погребению в сидячем положении. Палка для посадки кукурузы помещается так, чтобы она выступала над головой животного. Затем отец или ближайший родственник мужского пола относит тело к песчаным насыпям ниже плато, где хоронят взрослых, и хоронит его. У маленьких детей есть неглубокие могилы в другом месте, поскольку считается, что их души слабы, слишком слабы, чтобы пробиваться сквозь более глубокую почву.

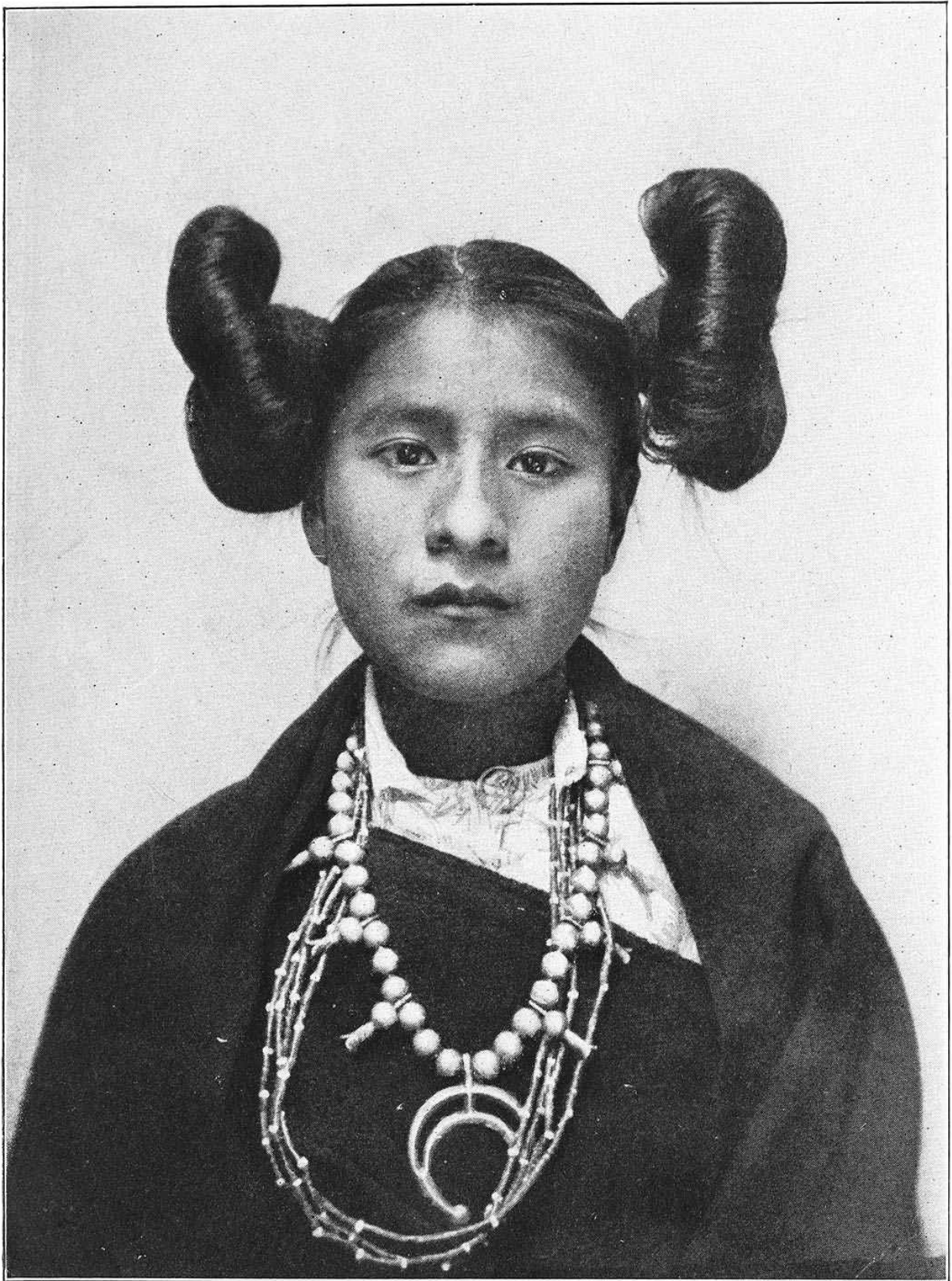

Фото. Эмри Конте

КРАСАВИЦА- хопи

Укладывание волос в эти своеобразные завитки (или соцветия тыквы) требует от матери нескольких часов времени. Это символ женственности.

Затем отец возвращается в дом, достает еду, которую несет на могилу в церемониальной чаше, и оставляет ее там. Эти чаши находят разбитыми в песке; и, конечно, ожидается, что их никто не потревожит. Над могилами детей можно найти потрепанные временем игрушки и остатки куклы.

Вернувшись в дом во второй раз, он собирает всех скорбящих вокруг общей миски с едой, и они прерывают свой пост.

Простая жизнь, просто закончившаяся.

Эти люди быстро становятся жертвами болезней. Их образ жизни способствует распространению инфекций. Периодически они страдают от эпидемий, и они подобны египетским чумам. Корь - это бич; они много раз болели оспой; испанский грипп уничтожил их. Но, хотя это быстрые и опасные враги, с ними можно энергично бороться и, наконец, положить им конец. Есть одна болезнь, такая же роковая, как и они сами, скрытная, коварная, с которой невозможно справиться. Белый человек, попавший в ее ловушку, находит в Пустыне убежище, надежду; но убежище хопи не было найдено.

Среди моих фотографий есть фотография девочки хопи, одетой в племенную одежду, с завитками волос и задумчивым выражением лица. Я не буду говорить вам, что это [\[359\]](#) индийская принцесса, потому что за пределами водевилей индийских "принцесс" не существует. Она просто Стелла из Первой Мезы. Когда ей было не больше шести лет, я нашел ее на вершине холма, очень грязную и плохо питавшуюся, сироту, беспризорницу, которую передавали из рук в руки от одной семьи к другой. Я отправил ее в каньонскую школу-интернат, а почти сразу после этого, по совету врача, в санаторий. Когда я в следующий раз увидел ее там, она была довольной маленькой девочкой, очень хорошенькой, с красным бантиком в темных волосах и вкусом шоколада во рту. А потом прошло еще несколько лет, и я снова посетил это место. На этот раз она быстро повзрослела и стала молодой женщиной. У нее случился рецидив, и она была в постели.

Главный врач проводил меня по палатам, так как там находилось несколько моих хопи, и, наконец, мы остановились, чтобы немного поболтать со Стеллой. У нее все еще был вкус к конфетам, о чем она и сообщила мне. То, что она является "дядей" для нескольких тысяч человек, имеет свои обязанности.

"Она здесь уже давно, - сказал я, когда мы уходили.

"Да, неровный случай, неустойчивая карта; а такие случаи редко приводят к полному выздоровлению. Кстати, вы заметили что-нибудь необычное в выражении ее лица?

"Ну, - ответил я, - она была очень хорошеньким маленьким ребенком, и она не совсем утратила все это. В ней есть что-то задумчиво-терпеливое - полуулыбчивая печаль...

“То самое”, - сказал доктор. “Я подумал, заметили бы вы это. “Взгляд Моны Лизы”: Фишберг упоминает об этом. Стелла - прекрасный пример”.

Но когда я в последний раз посещал гору мяса, у Стеллы был дом, в котором меня приняли. Она устала от долгих лет в санатории, а их было много; она вернулась, [\[360\]](#), как и все они, к своим людям на вершине горы; и она все еще любила кэнди, и у нее все еще было то безмятежное, меланхоличное выражение лица.¹ Я пытался спасти многих хопи от этой ужасной болезни с переменным успехом, но она - единственная Джоконда, которую я нашел среди индейцев. [\[361\]](#)

¹ Эта фация была признана мирянами, и фольклор Европы изобилует высказываниями о выражении лица чахоточного. Писатели-фантасты и художники также считали это “интересным” и широко использовали в своих произведениях. Многие классические и современные художники изображали этот тип лица, демонстрируя ложную эйфорию улыбающихся, безмятежно ярких, но в то же время меланхоличных глаз чахоточного, которые, пожалуй, лучше всего видны на картине Леонардо да Винчи “Джоконда” — изображении чахоточного лица, превосходящего любое описание, которое можно ему дать.

—Фишберг: *Туберкулез легких* [↑](#)

[\[Содержание\]](#)

L'ENVOI

По любопытной иронии судьбы места, куда нас отправляют, когда здоровье покидает нас, часто необычайно красивы.

—СТИВЕНСОН: *Приказано идти на юг*

“Кимс Каньон!” Банальное название, потому что сюда добрался торговый вездеход. Том Кимс отправился странствовать в темные земли. “Лу-ка-де-чин”, место зарослей тростника, - это название индейцев навахо. Почти триста дней в году здесь самый прекрасный климат в мире, воздух подобен вину, чистый и сладкий, отфильтрованный через десять тысяч квадратных миль незагрязненной дикой природы.

В эти несколько оставшихся дней - сплошные контрасты. Странная перемена в конце залитого солнцем зимнего дня: небо внезапно становится серым и унылым, обещая унылую ночь, а затем усиливается тишина от падающего снега. Незаметно налетала буря, кружа хрустящие сухие хлопья, ткала волшебную вуаль, окутывающую белизной все утесы. В пустыне снова воцарялась тишина. А утром - хрустальный пейзаж, сверкающий, как старая рождественская открытка.

Щебечущие птицы весной, ненадолго прервавшие свои путешествия, сплетничающие о Мексике и незнакомых южных землях. Они радуются этому оазису. Полупрозрачно-серый цвет тополей служит им ширмой; уже набухающие почки бледно-зеленые на фоне более холодных тонов стен Каньона. Последний клочок снега на северном уступе внезапно, кажется, сползает и исчезает; а там, где он был, виднеется самый новый цветок, крошечный кусочек пустынного алого.

Теперь идут дожди — небольшие ливни и яростные наводнения, — которые отмывают скалы дочиста, впитываясь, как губка. Арройо ревет и вскипает своим неожиданным течением, и [\[362\]](#) из каждой ниши высоких скал бьет свой миниатюрный серебристый водопад. Затем редкий аромат влажных кедров и измученной жаждой почвы, все иссушенные существа пьют, как ненасытные обжоры; в то время как вверху, в сумеречном небе, появляются радуги, небесные катчины.

Можете ли вы удивляться, что бродяги и художники, ковбои и поэты возвращаются в эту Волшебную Империю? Это одно из тех причудливых “других мест”, одно из последних, где есть горизонт.

Место, в котором мы находимся, всегда *здесь*,

Другое место находится *там*.

Мне хотелось бы еще кое-что сказать о моих друзьях-навахо, их обычаях и церемониях; о любопытных, застенчивых и в целом милых индейских детях и их школах; об этой странной мешанине служащих государственной службы; о карантине и войнах с болезнями; о проклятии знахарей; о торговцах-баронах и их пограничных системах; об индийском искусстве и промышленности; а также кое-что еще о самой пустыне, ее огромных каньонах и монументах-чудовищах, гигантских драгоценностях Империи; и о тех разрушающихся руинах на Севере, за ее пределами. край Черной горы, давно затерянные города мертвых, олицетворяющие тщетность людей и необъятность времени в пустыне. Но книга заканчивается. История империи не может быть сжата в один том.

В августе 1919 года я получил приказ возглавить племена индейцев пуэбло в Нью-Мексико, эти сказочные города вдоль Рио-Гранде, в стране испанских колоколов. Моя штаб-квартира должна была находиться в Альбукерке, но в нескольких милях от того места, где Коронадо разбил свой зимний лагерь в 1540 году во время того долгого похода в Квиверу. Только после того, как я сделал это заявление, я полностью узнал своих многочисленных друзей из пустыни. Персонал, конечно, устроил для меня прощальный ужин, и там [363] были произнесены речи и много добрососедского веселья, которое несколько раз срывалось с клавиш. Видите ли, я был там долгое время, и, какими бы ни были мои недостатки, они их знали. Как я писал ранее, менять царей трудно.

Жители Пустыни редко бывают экспансивными или словоохотливыми. Они прискакали парами и группами, чтобы пожелать мне удачи и попрощаться. Хопи попытался выразить свое сожаление; навахо немного неуверенно постоял рядом, а затем пожал руку, не произнеся ни слова, и ускакал прочь. Те, кто знал меня лучше всех, приносили маленькие подарки редкой ценности тому, кто знал их историю, — корзинку, расписную глиняную посуду, старинный церемониальный лук. Один из них, которому я достаточно хорошо нравился, не смог прийти; поэтому он попросил миссионера написать в точности так, как он продиктовал.

Дорогой МИСТЕР КРЕЙН, —

Поскольку я услышал, что вы собираетесь покинуть нас, я думаю о вас, и мне жаль. Вы были добры к нам. Вы хороший вождь.

Ты помог нам с нашими лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами больше, чем любой другой вождь, который у нас был. Вы очень помогли нам во время болезни, и мне жаль, что вы собираетесь покинуть нас.

Я надеюсь увидеть тебя до того, как ты уйдешь, но, возможно, у меня не будет возможности увидеть тебя. Я рад, что вы поручили мне работу, и я уладил ряд ссор, сплотил людей и уладил их проблемы.

Я уверен, что не забуду тебя. Куда бы ты ни пошел, я буду помнить тебя. Люди любят тебя.

Поскольку я думаю, что не увижу тебя до твоего отъезда, я хотел сказать тебе эти вещи. Ты всегда был добр ко мне.

Я желаю тебе, чтобы у тебя были силы и радость.

Судья ХУКЕР

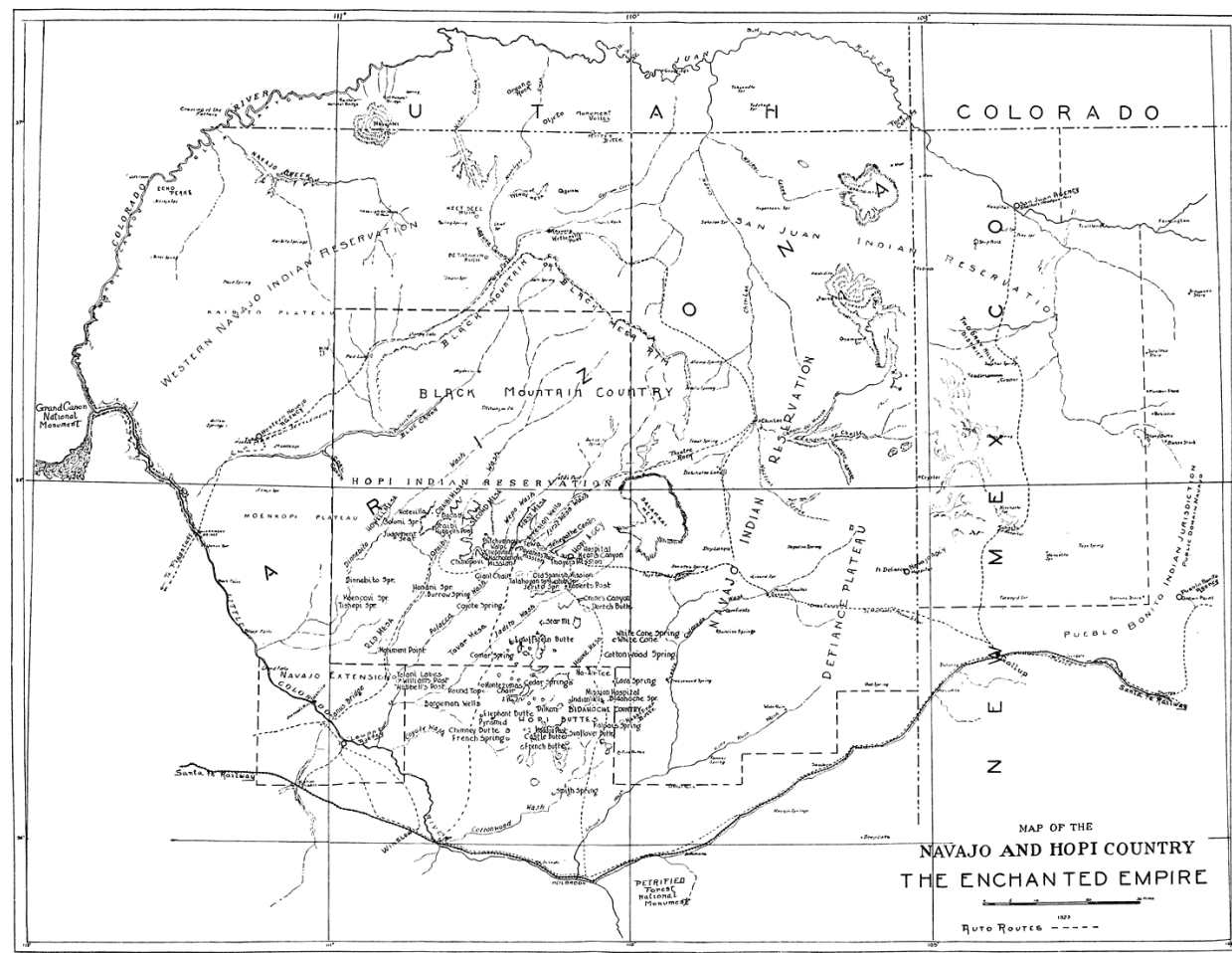
Мой сменщик, специальный сотрудник, который будет ожидать назначения моего преемника, попросил меня присмотреть за этим Августейшим Танцем Змей. Итак, за день или два до того, как покинуть свой пост, я еще раз патрулировал уступ Уолпи среди гремучих змей. Затем я покинул “провинции мохоче или мохоки” и Индийское агентство, которое я либо построил, либо реконструировал. Это было не то бесплодное, безрадостное место, о котором я мечтал. Это был мой дом в те долгие, безмолвные, пустынные годы, и я узнал каждый камень, каждый куст, каждое дерево, по крайней мере, так мне казалось; и там, где когда-то я думал совершить побег с чувством редкого облегчения, это было не совсем мое чувство. Я оглянулся назад и увидел Агентство маленьким городком, спящим в древнем, благоустроенном каньоне, грезящим под бирюзовыми небесами. Какой-то последний индеец помахал на прощание. Затем машина свернула за один из пустынных “поворотов”, и хотя я не выезжал за пределы Зачарованной Империи, — ибо мистическая страна Пуэбло - всего лишь еще одна чудесная провинция, — все же я покинул ее сердце и ее простейших, добрейших людей.

Спустя много времени после этого я услышал такую историю: один из переводчиков, который в течение многих лет был моим голосом, несколько дней хандрил в Агентстве, мрачный, наполовину угрюмый. Он был веселым парнем.

“Что с тобой, Куат-че-больной?” - спросил сотрудник.

Индеец выглядел удивленным и, казалось, не без причины задумался.

“Я несчастлив”, - сказал он, наконец. “Иногда я слушаю — и мне не хватает шагов босса”.

КАРТА СТРАНЫ НАВАХО И ХОПИ " ЗАЧАРОВАННАЯ ИМПЕРИЯ "

КОЛОФОН

Доступность

Эта электронная книга предназначена для использования кем угодно и где угодно, бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена командой онлайн-корректоров по адресу www.pgdp.net.

Метаданные

Название:	Индейцы зачарованной пустыни	
Автор:	Лео Крейн (1881-1960)	Информация https://viaf.org/viaf/267777502/
Дата создания файла:	2022-06-30 20:10:26 UTC	
Язык:	английский	
Дата оригинальной публикации:	1925	

История изменений

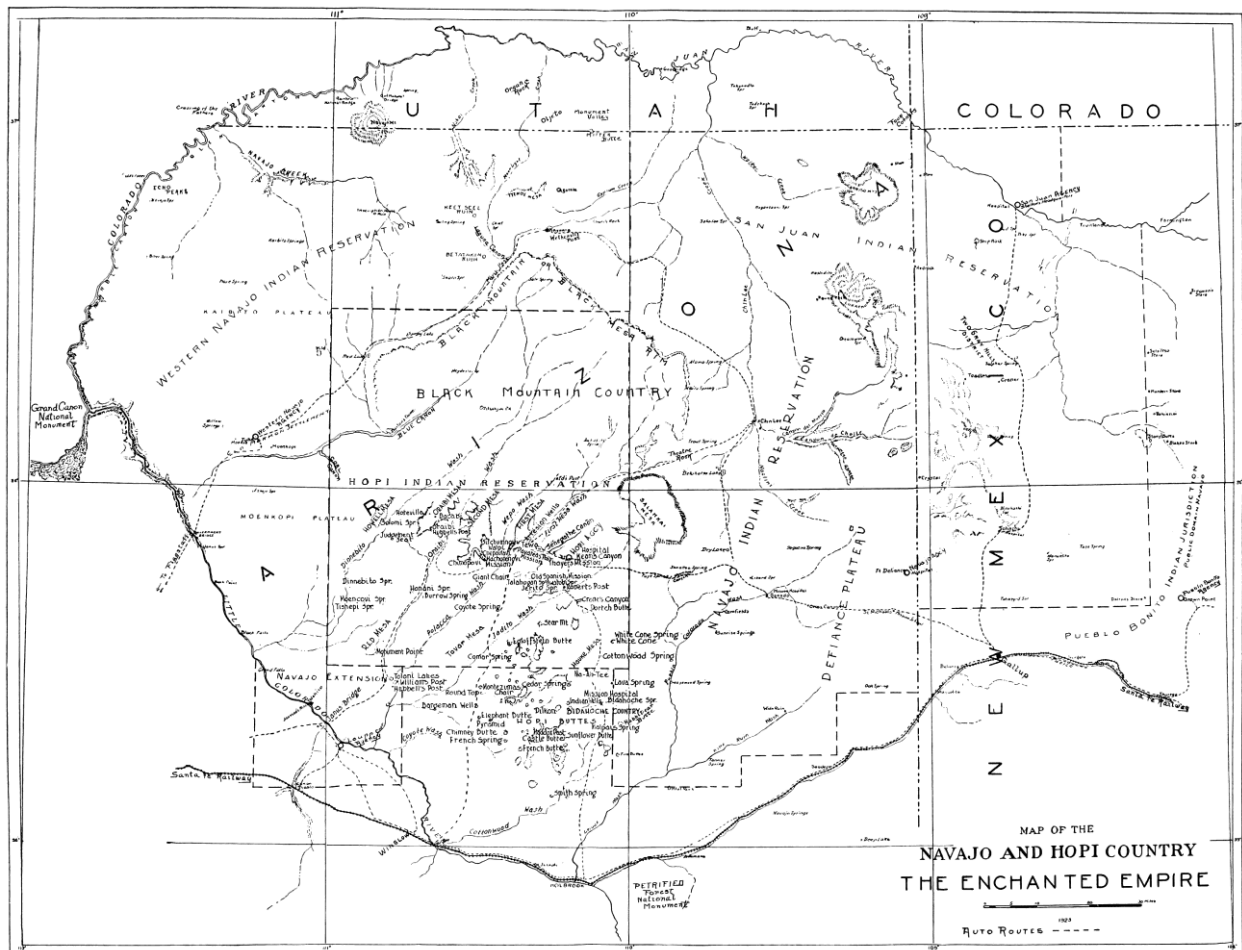
Начался 2022-05-26 год.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	источника	коррекция	редактирование расстояние
22	рядом рядом	рядом	5
54, 309	[нет в источнике]	“	1
58	С С	с	5
62	Biddahoche	Bidahoché	1
96	каждый	когда-нибудь	1
103	Голгофе	кавалерии	2
103	Хосе	Хосе	1 / 0

122	пять шестых	, пять шестых	1
145	Espelata	Espeleta	1
151	Chimpovi	Chimopovi	1
162	отместку	будет	1
170, 307	,	”	1
176	а	а	1
195, 283	[нет в источнике]	.	1
202	папье-маше	папье-маше	1 / 0
206	Hopiland	Хопи-земля	1
284	[нет в источнике]	,	1
284	,	[удалено]	1
309	узнал	наклонился	1
360	”	[удален]	1
361	канон	каноне	1 / 0

[Назад](#)